СРАВНИТЕЛЬНАЯ
ГРАММАТИКА СЛАВЯНСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ.

Выпускъ I.

Введеніе. Общеславянскій языкъ въ свѣтѣ данныхъ сравнительноисторической грамматики индоевропейскихъ языковъ.

ПОСОБІЕ КЪ ЛЕКЦІЯМЪ

проф. В. Поржезинскаго.

Изданіе 2-е, исправленное и дополненное.

МОСКВА—1916.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ

ГРАММАТИКА СЛАВЯНСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ.

Выпускъ I.

Введеніе. Общеславянскій языкъ въ свѣтѣ данныхъ сравнительноисторической грамматики индоевропейскихъ языковъ.

ПОСОБІЕ КЪ ЛЕКЦІЯМЪ

проф. В. Поржезинскаго.

Изданіе 2-е, исправленное и дополненное.

Москва — 1916.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., с. д.
Москва — 1916.

ВВЕДЕНІЕ.

1. Задачи сравнительноисторической грамматики индоевропейскихъ языковъ вообще и славянскихъ языковъ въ частности.

Терминъ «грамматика» примѣняется въ современномъ языкознаніи въ двухъ значеніяхъ: съ одной стороны, такъ называется ученіе о формахъ какъ отдѣльныхъ словъ (морфологія), такъ и цѣлыхъ словосочетаній (синтаксисъ), а, съ другой стороны, согласно съ давно уже установившейся школьной терминологіей, въ понятіе «грамматика» включается и тотъ отдѣлъ науки о языкѣ, который разсматриваетъ звуки языка въ ихъ исторіи. Этотъ послѣдній отдѣлъ въ русской лингвистической литературѣ называется фонетикой, тогда какъ нѣмецкіе ученые примѣняютъ названіе *Phonetik* къ физіологіи звуковъ рѣчи, называя фонетику русской терминологіи своимъ словомъ *Lautgeschichte*.

Слѣдуя давно и прочно установившемуся обычаю, и мы будемъ называть грамматикой въ широкомъ смыслѣ этого термина фонетику вмѣстѣ съ грамматикой въ собственномъ значеніи, т.-е. вмѣстѣ съ морфологіей и синтаксисомъ, а морфологія, какъ уже намъ извѣстно, разсматриваетъ формы отдѣльныхъ словъ, тогда какъ въ синтаксисѣ изучаются формы словосочетаній. Такимъ образомъ, подъ сравнительноисторической грамматикой индоевропейскихъ языковъ мы будемъ понимать какъ исторію звуковъ, такъ и исторію формъ въ языкахъ нашей семьи.

Общая сравнительноисторическая грамматика индоевропейскихъ языковъ должна раскрыть намъ исторію звуковъ и формъ всѣхъ отдѣльныхъ составныхъ частей индоевропейской группы языковъ, начиная съ эпохи общеиндоевропейской вплоть до послѣднихъ достижимыхъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ моментовъ въ жизни каждаго языка этой обширной семьи. Понятно, что необходимость раздѣленія труда при столь обширной и сложной задачѣ заставляетъ ввести нѣкоторое хронологическое ограниченіе. Такимъ образомъ, подъ сравнительноисторической грамматикой индоевропейскихъ языковъ понимаютъ прежде всего исторію отдѣльныхъ индоевропейскихъ вѣтвей не въ полномъ ихъ объемѣ, а въ лицѣ ихъ древнѣйшихъ представителей, преимущественно въ древнѣйшіе періоды ихъ существованія. Рядомъ съ этимъ существуютъ сравнительноисторическія грамматики отдѣльныхъ вѣтвей и отдѣльныхъ членовъ этихъ послѣднихъ. Такое дѣленіе

не заключая никакого принципіальнаго различія, является необходимымъ лишь съ точки зрѣнія разумнаго раздѣленія труда и не избавляетъ, конечно, отъ обязанности считаться при разработкѣ вопросовъ общей сравнительной грамматики въ тѣсномъ смыслѣ этого термина и съ позднѣйшими періодами въ жизни отдѣльныхъ вѣтвей, и съ ихъ составомъ въ возможной для насъ вообще полнотѣ. Съ другой стороны, историческая грамматика отдѣльныхъ вѣтвей и языковъ должна покоиться на прочной основѣ, на общей сравнительной грамматикѣ всей нашей семьи языковъ.

Для цѣлей академическаго преподаванія, которое должно сообщать въ общихъ курсахъ наиболѣе прочно установленные выводы научнаго изслѣдованія и познакомить съ его методами и пріемами прежде всего въ предѣлахъ болѣе доступнаго для учащихся матеріала, мы должны ограничить занятія сравнительноисторической грамматикой индоевропейскихъ языковъ, на этой первой ступени, изученіемъ исторіи звуковъ и формъ четырехъ важнѣйшихъ для насъ вѣтвей: индійской, греческой, италійской и славянской, въ лицѣ ихъ древнѣйшихъ представителей: языковъ древнеиндійскаго, древнегреческаго, латинскаго и старославянскаго; явленій другихъ представителей этихъ вѣтвей и представителей прочихъ вѣтвей приходится касаться лишь въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, когда это бываетъ существенно необходимо.

Однако, имѣя въ виду особыя условія, въ которыхъ находится преподаваніе на высшихъ женскихъ курсахъ, гдѣ греческій языкъ является лишь необязательнымъ предметомъ, изучаемымъ немногими, мы должны сузить эту задачу еще болѣе и ограничиться въ сущности опредѣленіемъ звукового и формальнаго состава общеславянскаго языка, указавъ на его происхожденіе изъ индоевропейскаго праязыка и на его отношеніе къ соотвѣтственнымъ родственнымъ фактамъ нѣкоторыхъ другихъ языковъ нашей семьи, прежде всего латинскаго языка.

Во второй части нашего курса мы познакомимся съ дальнѣйшей исторіей фактовъ общеславянскаго языка въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ. Такимъ образомъ предлагаемый курсъ распадается на двѣ главныхъ части.

Сравнительноисторическая грамматика славянскихъ языковъ, составляющая въ извѣстныхъ своихъ отдѣлахъ содержаніе второй части, ставитъ себѣ по отношенію къ славянскимъ языкамъ тѣ же задачи, которыя преслѣдуетъ сравнительноисторическая грамматика индоевропейскихъ языковъ по отношенію къ цѣлой семьѣ нашихъ языковъ. Отправной пунктъ ея—общеславянскій праязыкъ, послѣдовательныя измѣненія котораго дали начало отдѣльнымъ членамъ славянской вѣтви. И здѣсь, въ этой болѣе узкой области, на ряду съ общей сравнительной грамматикой славянскихъ языковъ существуютъ историческія грамматики отдѣльныхъ языковъ и нарѣчій, разсматривающія эти послѣдніе болѣе детально, тогда какъ въ общей сравнительной грамматикѣ славянскихъ языковъ опять-таки разсматриваются прежде всего искони родственные факты и въ гораздо меньшей степени новообразованія, появившіяся на почвѣ отдѣльныхъ языковъ. Опять-таки здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ принципіальнымъ различіемъ, а съ различіемъ, вытекающимъ изъ условій раціональнаго распредѣленія труда.

Такъ какъ къ занятіямъ общей сравнительноисторической грамматикой индоевропейскихъ языковъ приступаютъ послѣ прослушанія курса введенія въ языковѣдѣніе, то я предполагаю уже извѣстными тѣ вопросы, которые разсматриваются въ моемъ курсѣ введенія («Введеніе въ языковѣдѣніе», 4-ое изд., М., 1916), поэтому я и не предпосылаю настоящему курсу изложенія генеалогической классификаціи языковъ, физіологіи звуковъ рѣчи, процессовъ, происходящихъ при измѣненіи внѣшней и внутренней стороны языка и т. д.

2. Индоевропейскій праязыкъ.

Сравнительноисторическое изслѣдованіе всѣхъ отдѣльныхъ вѣтвей индоевропейской семьи языковъ открываетъ намъ ту эпоху въ ихъ жизни, когда они составляли еще одно цѣлое, одинъ индоевропейскій праязыкъ. Эта эпоха относится по времени своего существованія къ тому моменту, который не оставилъ послѣ себя никакихъ письменныхъ слѣдовъ: письменность появляется у народовъ, являющихся носителями индоевропейскихъ языковъ, въ различные хронологическіе моменты, у однихъ раньше, у другихъ позже, но и у древнѣйшихъ въ этомъ отношеніи племенъ, у древнихъ индусовъ и грековъ, она возникла уже въ тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ застаетъ ихъ исторія, и, какъ можно думать, довольно много времени спустя послѣ окончательнаго распаденія индоевропейскаго праязыка. Такимъ образомъ, этотъ послѣдній мы знаемъ не по какимъ-либо письменнымъ источникамъ, а по тѣмъ даннымъ, которыя мы получаемъ, подвергая сравнительноисторическому изученію отдѣльныя вѣтви, образовавшіяся вслѣдствіе распаденія общаго ихъ предка, т.-е., другими словами, мы возстанавливаемъ, реконструируемъ индоевропейскій праязыкъ путемъ сравнительнаго изслѣдованія его потомковъ. Результатъ, который оказывается при этомъ налицо, не есть только продуктъ игры ума, не есть безполезное, хотя и блестящее, созданіе нашей пытливости, напротивъ, онъ обладаетъ всѣми признаками, какими отличаются научныя реконструкціи вообще, даже превосходя большинство ихъ абсолютною точностью. Дѣло въ томъ, что правильное примѣненіе сравнительноисторическаго метода, при условіи правильнаго различенія тѣхъ процессовъ, которые происходятъ въ физической сторонѣ языка, и тѣхъ явленій, которыя существуютъ въ его внутренней, психической сторонѣ, позволяетъ намъ открывать прошлое языка и съ большою точностью возсоздавать тотъ путь, которымъ шло его измѣненіе. Вѣдь исторія языка и состоитъ въ томъ, что въ теченіе его существованія отдѣльные моменты связаны закономѣрно съ эпохою, непосредственно предшествующею и непосредственно слѣдующею, слѣдовательно, зная два или большее количество родственныхъ языковъ, образовавшихся изъ общаго праязыка, мы путемъ сравнительнаго ихъ изученія можемъ реконструировать этотъ послѣдній. Равнымъ образомъ, зная, напримѣръ, по письменнымъ памятникамъ нѣсколько хронологически послѣдовательныхъ моментовъ въ жизни извѣстнаго языка, мы, опять-таки при условіи правильнаго примѣненія сравнительнаго метода, раскрываемъ тотъ путь, которымъ шло измѣненіе языка въ этихъ предѣлахъ. Сущность и свойства

лингвистическихъ методовъ остаются тѣми же самыми, беремъ ли мы эпохи, оставившія послѣ себя письменные слѣды, или тѣ періоды, отъ которыхъ такихъ слѣдовъ нѣтъ, а которые узнаются путемъ сопоставленія отдѣльныхъ лингвистическихъ единицъ, потомковъ такихъ моментовъ, остается, слѣдовательно, та же самая достовѣрность выводовъ и результатовъ научной работы. Въ одномъ отношеніи изслѣдователь, работающій въ области письменной традиціи, обреченъ даже на нѣкоторую невыгоду своего положенія, именно онъ долженъ всемѣрно заботиться о томъ, чтобы за письменной передачей, нерѣдко весьма несовершенной, не проглядѣть живыхъ фактовъ самого языка.

Признавая, такимъ образомъ, за нашей реконструкціей индоевропейскаго праязыка объективное значеніе, мы тѣмъ не менѣе должны сдѣлать нѣкоторую оговорку, вытекающую опять-таки только изъ самой сущности матеріала, которымъ мы располагаемъ, а не изъ свойствъ самого лингвистическаго метода. Именно, индоевропейскій праязыкъ мы знаемъ непосредственно, на основаніи сравнительнаго изученія его потомковъ, только въ такъ называемую эпоху его распаденія, т.-е. въ послѣдніе моменты его существованія, непосредственно предшествовавшіе его распаденію на отдѣльныя вѣтви. Въ глубь исторіи самого праязыка нашей семьи языковъ, несомнѣнно имѣвшаго за собою длинное прошлое, мы проникнуть вообще не можемъ, такъ какъ пока у насъ нѣтъ матеріала для дальнѣйшаго приложенія сравнительнаго метода по той причинѣ, что мы не знаемъ никакой другой однородной величины, съ которой можно бы сопоставить индоевропейскій праязыкъ, т.-е. не знаемъ никакого другого языка, который вмѣстѣ съ нимъ образовался бы изъ общаго, болѣе древняго источника. Конечно, нѣкоторые отдѣльные факты индоевропейскаго праязыка (это мы увидимъ впослѣдствіи) представляютъ такія соотношенія, которыя могутъ наводить насъ на болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія объ ихъ связи по происхожденію, т.-е. о болѣе древнемъ и болѣе первоначальномъ ихъ видѣ, но тѣмъ не менѣе прошлое нашего праязыка во всей совокупности его фактовъ остается для насъ закрытымъ. Итакъ, съ одной стороны, мы не можемъ идти въ глубь дальше эпохи его распаденія, но, съ другой стороны, эта послѣдняя пока не можетъ быть опредѣлена нами, такъ сказать, въ чистомъ ея видѣ, т.-е. у насъ нѣтъ пока достаточныхъ матеріаловъ для сужденія о томъ, насколько въ отдѣльныхъ пунктахъ ушло впередъ діалектическое расщепленіе праязыка въ моментъ, предшествовавшій окончательному его распаденію.

Всякій живой языкъ, какъ намъ извѣстно, распадается на діалекты въ связи съ дѣленіями въ томъ или другомъ отношеніи на группы самихъ людей, которымъ принадлежитъ данный языкъ. Углубленіе границъ между отдѣльными группами сопровождается бóльшимъ съ теченіемъ времени расхожденіемъ ихъ діалектовъ. Для эпохи распаденія праязыка мы устанавливаемъ тотъ общій звуковой, морфологическій и т. д. фондъ, съ которымъ отдѣльныя вѣтви вступаютъ въ жизнь, и намѣчаемъ извѣстныя діалектическія группировки въ общемъ этомъ фондѣ, но вообще мы не въ состояніи сказать, насколько этотъ общій фондъ успѣлъ измѣниться въ діалектахъ самого праязыка, насколько быстро шло дальнѣйшее его видоизмѣненіе въ древ-

нѣйшіе періоды жизни отдѣльныхъ вѣтвей, и какъ долго отдѣльныя вѣтви сохраняли отдѣльныя черты въ старомъ ихъ видѣ. Конечно, для извѣстныхъ явленій (напр. для такъ называемаго общегерманскаго передвиженія согласныхъ) намѣчаются извѣстныя относительныя и даже абсолютныя хронологическія рамки, но въ общемъ мы здѣсь пока не знаемъ слишкомъ многаго. Такимъ образомъ, мы не въ состояніи сказать, дѣйствительно ли на всемъ протяженіи территоріи индоевропейскаго праязыка существовали всѣ опредѣляемые для эпохи распаденія факты въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ мы ихъ возстановляемъ. Наша реконструкція соединяетъ въ одну картину факты, существовавшіе въ праязыкѣ, можетъ быть, не вездѣ въ одинъ и тотъ же моментъ въ томъ самомъ видѣ, на какой мы извлекаемъ указанія изъ сравнительнаго изученія отдѣльныхъ вѣтвей. Индоевропейскій праязыкъ не есть фикція, не есть, съ другой стороны, только рабочая гипотеза, онъ—реальная величина, но величина, не уложенная еще вполнѣ въ надлежащія хронологическія и діалектическія рамки.

Равнымъ образомъ, мы не знаемъ точно, какимъ путемъ шло распаденіе индоевропейскаго праязыка, гдѣ именно была его родина, и какія этническія группы были первоначальнымъ его носителемъ. Можно даже думать, опираясь на выводы антропологіи о наличности смѣшанныхъ расъ въ Европѣ въ очень древнее время (уже въ ледниковый и послѣледниковый періоды), что и индоевропейцы эпохи распаденія своего праязыка не были въ этомъ отношеніи однороднымъ цѣлымъ. Съ распространеніемъ же ихъ за предѣлы первоначальной родины, гдѣ бы она ни лежала, они несомнѣнно передали свои языки цѣлому ряду другихъ этническихъ единицъ. Что касается вопроса объ общемъ уровнѣ матеріальной и духовной культуры, достигнутомъ до окончательнаго распаденія индоевропейскаго праязыка, то мы, несмотря на различныя затрудненія, все же можемъ составить довольно полное представленіе объ этомъ предметѣ. Не входя здѣсь въ подробности, отсылаю къ послѣдней главѣ моего «Введенія», гдѣ содержится обзоръ всѣхъ затронутыхъ теперь проблемъ.

3. Общеславянскій праязыкъ.

Общеславянскій праязыкъ, называемый для краткости общеславянскимъ языкомъ*), занимаетъ по отношенію къ славянской вѣтви то же мѣсто, какое принадлежитъ общему индоевропейскому праязыку по отношенію ко всей семьѣ индоевропейскихъ языковъ. Подобно этому послѣднему, онъ является реконструкціей, такъ какъ нѣтъ его непосредственныхъ письменныхъ слѣдовъ, но опять-таки и по отношенію къ нему мы должны сдѣлать оговорку, что за этой реконструкціей мы признаемъ объективное значеніе, т.-е. что факты общеславянскаго языка въ томъ видѣ, въ какомъ мы его возстановляемъ, дѣйствительно существовали, хотя наша рекон-

*) Съ терминомъ общеславянскій языкъ въ этомъ его значеніи нельзя смѣшивать того же термина въ другомъ его значеніи, которое онъ получаетъ, когда говорятъ о языкѣ, общемъ для всѣхъ славянъ въ позднѣйшее время. Такого общеславянскаго языка, однако, въ дѣйствительности нѣтъ, но мечты о немъ существовали и являлись въ различныхъ комбинаціяхъ.

струкція по самому свойству матеріала, которымъ мы располагаемъ, неизбѣжно соединяетъ въ одну общую картину частью то, что было разъединено въ дѣйствительности хронологически и діалектически; далѣе, нѣкоторые отдѣльные факты до сихъ поръ не опредѣлены еще съ достаточной полнотой и несомнѣнностью. Это заставляетъ насъ сказать болѣе точно, что общеславянскій языкъ вполнѣ въ томъ видѣ, въ какомъ его знаетъ наука, не существовалъ въ какой-нибудь одинъ опредѣленный моментъ какъ конкретная величина, но что опредѣляемые нами факты общеславянскаго языка дѣйствительно существовали въ отдѣльные историческіе моменты, хотя бы и въ различныхъ комбинаціяхъ другъ съ другомъ.

Однако, въ одномъ отношеніи мы находимся въ болѣе счастливомъ положеніи при реконструкціи общеславянскаго языка, чѣмъ при возсозданіи языка общеиндоевропейской эпохи. На общеславянскій языкъ свѣтъ падаетъ съ двухъ сторонъ: сравненіе славянскихъ языковъ съ другими индоевропейскими языками раскрываетъ намъ начальный моментъ въ существованіи общеславянскаго языка, а сравнительноисторическое изученіе отдѣльныхъ славянскихъ языковъ даетъ намъ знаніе того, чѣмъ былъ общеславянскій языкъ въ моментъ своего распаденія. Значитъ, наша научная работа получаетъ двѣ точки опоры, два хронологическіе момента, и это, конечно, нѣсколько улучшаетъ правильность исторической перспективы въ томъ видѣ, какъ она намъ рисуется.

Между эпохой общеиндоевропейской и эпохой общеславянской лежитъ еще одна стадія, эпоха единства балтійскій (литовской) и славянской вѣтвей, такъ называемая балтійскославянская (литовскославянская) эпоха. Правда, не всѣ ученые вѣрятъ въ существованіе балтійскославянскаго праязыка; Meillet, напримѣръ, его отрицалъ (A. Meillet, Les dialectes indoeuropéens, Paris, 1908, глава IV), нѣкоторые принимаютъ его съ извѣстными оговорками. Въ возникшемъ по этому поводу спорѣ я принялъ участіе статьей Die baltischslavische Sprachgemeinschaft въ IV т. изданія «Rocznik slawistyczny» (Kraków, 1911). По моему мнѣнію, всѣ возраженія, выдвигаемыя Meillet, не доказываютъ того, что не было принимаемаго большинствомъ ученыхъ балтійскославянскаго праязыка, и, наоборотъ, есть серьезные доводы какъ разъ въ пользу того, что онъ дѣйствительно существовалъ. Изъ литературы вопроса укажу еще книгу Эндзелина «Славянобалтійскіе этюды», Харьковъ, 1911 и статьи Розвадовскаго и Мейе въ V т. упомянутаго Rocznik slawistyczny.

Однако, опять-таки, по условіямъ преподаванія, когда нельзя опираться на достаточное знаніе слушателями хотя бы одного литовскаго языка, приходится отказаться въ элементарномъ курсѣ отъ всесторонняго освѣщенія упомянутой балтійскославянской эпохи, касаясь ея фактовъ лишь въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ.

Вопросы о путяхъ, какими шло распаденіе общеславянскаго языка, какъ двигались славяне изъ общей прародины въ тѣ мѣста, на которыхъ застаетъ ихъ исторія, объ ихъ бытѣ и вѣрованіяхъ до момента раздѣленія, выходятъ изъ рамокъ нашихъ занятій. Въ изученіе нѣкоторыхъ изъ нихъ вводитъ первая часть «Краткаго очерка славянскихъ литературъ и языковъ», переведеннаго слушательницами московскихъ высшихъ женскихъ

курсовъ подъ ред. В. Поржезинскаго и М. Сперанскаго, М., 1911 г. См. также указанную тамъ литературу.

4. Транскрипція звуковъ общеславянскаго языка.

Слова общеславянскаго языка въ томъ ихъ звуковомъ видѣ, который мы опредѣляемъ на основаніи показанія сравнительнаго изученія славянскихъ языковъ и сопоставленія ихъ съ другими индоевропейскими языками, передаются буквами латинскаго алфавита, при чемъ, кромѣ обычныхъ знаковъ этой азбуки въ обычномъ ихъ значеніи, за исключеніемъ буквы у, которой передаютъ звукъ ы, пользуются знаками ǫ, ę, į, ų для передачи соотвѣтственныхъ носовыхъ гласныхъ; общеславянскія ирраціональныя гласныя, образовавшіяся изъ краткихъ і и u, обозначаютъ или этими буквами съ знакомъ краткости, или кирилловскими буквами ъ и ь, что по многимъ соображеніямъ удобнѣе; то звуковое сочетаніе, изъ котораго получилось старославянское ѣ, мы условно будемъ обозначать соотвѣтственной кирилловской буквой. Что касается согласныхъ, то знаки č и ž обозначаютъ звуки ч и ж, а буква š — звукъ ш. Буква c всюду обозначаетъ звукъ ц. z = русск. з, а общеславянская глухая фрикативная задненебнаго класса передается написаніемъ ch. Мягкость согласныхъ, гдѣ она существовала въ общеслав. яз. обозначается условно написаніемъ буквы і у верхней правой стороны соотвѣтственной согласной, напр. r^{i}.

Примѣчаніе. Условное обозначеніе знаками латинскаго алфавита звуковъ индоевропейскаго праязыка будетъ разъясняться въ самомъ текстѣ по мѣрѣ надобности. Слова греческаго языка приводятся въ латинской транскрипціи, при чемъ дается рядомъ и оригинальное ихъ начертаніе, не требующее разъясненій для знающихъ греческій языкъ. Замѣчу, что латинскимъ h я передаю греческое придыханіе (густое придыханіе), а сочетаніемъ ch—греческую глухую фрикативную задненебнаго ряда (греческая буква χ). Буква ü передаетъ звукъ ü (ср. французское u), въ который u перешло въ аттическоіоническомъ нарѣчіи. Написаніе th обозначаетъ старое t придыхательное, ставшее съ теченіемъ времени глухой фрикативной межзубного класса (греч. буква ϑ); съ этимъ звукомъ, существующимъ въ новогреческомъ яз., ср. англійское th, напр. въ thin «тонкій».

ОБЩЕСЛАВЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ ВЪ СВѢТѢ ДАННЫХЪ СРАВНИТЕЛЬНОИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ.

---

1. Гласныя краткія и долгія.

1) *Гласныя е, о, а краткія*, существовавшія въ эпоху распаденія индоевропейскаго праязыка являются въ общеславянскомъ языкѣ въ видѣ е и о, при чемъ въ одной гласной о совпали о и а; совпали о и а въ одной гласной еще въ балтійскославянскомъ языкѣ; здѣсь это было, повидимому, a^0, т.-е. а, склонное къ о, откуда дальше балтійское а, славянское о. До половины семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка ученые думали, что въ индоевропейскомъ праязыкѣ было только одно а, а гласныя е и о отдѣльныхъ индоевропейскихъ языковъ представлялись имъ измѣненіями этого основного а. Такое мнѣніе было основано главнымъ образомъ на томъ фактѣ, что индоиранскіе языки въ ихъ древнемъ видѣ знали только одно а въ соотвѣтствіи съ е и о другихъ родственныхъ языковъ, при чемъ въ славянскихъ языкахъ нѣтъ стараго краткаго а, а въ балтійскихъ и германскихъ—стараго краткаго о. Преувеличенное значеніе, какое придавали на первыхъ порахъ всѣмъ показаніямъ древнеиндійскаго языка, который дѣйствительно во многихъ отношеніяхъ превосходитъ древностью своихъ фактовъ другихъ своихъ сородичей, было главною причиною того, что основатель сравнительноисторической грамматики Боппъ свернулъ съ правильнаго, какъ мы теперь знаемъ, пути признанія болѣе древнимъ того положенія, которое сохранилось въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ и особенно хорошо въ греческомъ языкѣ, гдѣ различаются три гласныя е, о, а въ соотвѣтствіи съ древнеиндійскимъ а. Затемняло истинное положеніе дѣла на первыхъ порахъ и то обстоятельство, что ученые не могли сразу разобраться во всѣхъ позднѣйшихъ измѣненіяхъ упомянутыхъ гласныхъ на почвѣ отдѣльныхъ языковъ (напр. въ готскомъ языкѣ старое е обратилось въ і, въ верхненѣмецкомъ оно является частью въ видѣ е, частью при извѣстныхъ условіяхъ въ видѣ і). Съ теченіемъ времени однако обратили вниманіе на отсутствіе какихъ-либо фонетическихъ причинъ, вызвавшихъ предполагаемое расщепленіе основного а на е, о въ отдѣльныхъ языкахъ, а,

съ другой стороны, стало ясно, что нельзя объяснять случайностью послѣдовательное совпаденіе въ предполагаемомъ измѣненіи a въ e въ цѣломъ рядѣ однородныхъ категорій въ европейскихъ языкахъ нашей семьи; ср. напр. лат. est, греч. estí (ἐστί), старослав. ѥсть, готское и верхненѣм. ist, гдѣ i изъ e, и древнеинд. ásti «есть» *). Затрудненіе пробовали обойти указаніемъ на то, что европейскіе языки нашей семьи по отдѣленіи отъ азіатскихъ сородичей пережили періодъ совмѣстной жизни, въ который измѣнили сообща a въ e; въ болѣе поздній періодъ италійская и греческая вѣтвь, особую близость которыхъ тогда принимали, будто бы совмѣстно измѣнили оставшееся a въ извѣстныхъ случаяхъ въ o. Однако, настойчиво требовалъ отвѣта вопросъ о причинахъ такихъ измѣненій, а между тѣмъ нельзя было найти никакихъ указаній на какія бы то ни было условія такихъ измѣненій a въ e и въ o. Наконецъ, во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ было найдено, что и въ древнеиндійскомъ и древнеиранскихъ языкахъ сохранились слѣды стараго различія въ вокализмѣ, смѣнившагося съ теченіемъ времени однообразіемъ въ видѣ одной гласной a на мѣстѣ трехъ старыхъ гласныхъ. Такъ, вмѣсто k и g древнеиндійскій языкъ имѣетъ аффрикаты «ч» и «дж» (въ латинской транскрипціи звуковъ древнеинд. яз. передаются буквамъ c и j) передъ такимъ a, которому въ родственныхъ языкахъ Европы соотвѣтствуетъ e, такъ же, какъ и передъ i. Такъ какъ аналогичное явленіе представляютъ и древнеиранскіе языки, то ясно, что еще въ индоиранскомъ языкѣ k и g смягчились въ то время, когда «e» не перешло еще вполнѣ въ a, т.-е. когда это была еще гласная передняго ряда, къ которому принадлежитъ и i. Понятно далѣе, что это чисто фонетическое явленіе было нарушено въ рядѣ случаевъ вліяніемъ аналогіи. Изъ сказаннаго объясняется напр. соотношеніе древнеиндійской соединительной частицы ca = латинск. qu «и» (лат. qu здѣсь продолжаетъ индоевроп. k лабіализованное, утратившее лабіализацію и ставшее нелабіализованнымъ въ индоиранскихъ языкахъ) и древнеинд. мѣстоим. основы ka- въ соотвѣтств. съ лат. мѣстоим. основой quo- (напр. въ quod им. вин. ед. ч. ср. р. относит. мѣстоим.).

Итакъ, индоевропейскія e, o, a, совпавшія въ индоиранскую эпоху въ одномъ a **), въ греческомъ яз. вообще сохранились, въ латинскомъ яз. сохранились съ ихъ дальнѣйшими измѣненіями (см. ниже), а на славянской почвѣ дали e (изъ e) и o (изъ o и a) съ ихъ дальнѣйшими измѣненіями.

Примѣры: 1) индоевроп. e: общеслав. jestь ***), старослав. ѥсть, лат.

---

*) Ср. еще лат. ferō, греч. férō (φέρω) „несу", стсл. берѫ, древнеинд. bhárā-mi „несу" (здѣсь различіе въ самомъ личномъ окончаніи), готское baira (ai обозначаетъ здѣсь e краткое открытое, вновь образовавшееся изъ i въ самомъ готскомъ языкѣ передъ r и h) „несу, рождаю", нововерхненѣм. ge-bäre „рождаю", гдѣ сохранилось старое e (ä пишется, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, по недоразумѣнію).

**) Вопросъ о законѣ Бругмана, по которому въ индоиранскихъ языкахъ o, чередовавшееся съ e, дало при извѣстныхъ условіяхъ не a, а ā, я здѣсь оставляю въ сторонѣ, какъ несущественный для нашей настоящей задачи. См. объ этомъ явленіи въ моемъ „Очеркѣ сравнительной фонетики", стр. 8.

***) Начальное e получило передъ собою въ общеслав. яз. i неслоговое, откуда дальше j; см. въ отдѣлѣ, посвященномъ i. О старослав. ѥстъ см. въ отдѣлѣ спряженія.

est, греч. estí (ἐστί), дринд. ásti; общеслав. berǫ, старослав. **берѫ**, лат. ferō, греч. férō (φέρω) «несу», дринд. bhárā-mi «несу»; общеслав. и старослав,—е въ окончаніи зват. формы именъ м. р. съ старыми основами на—о, напр. общеслав. orbe, старослав. **рабе** при им. orbъ, **рабъ**, ср. такое же—е въ лат. яз. въ зват. ф. именъ латинск. 2-го склоненія, напр. eque при им. equus «конь» (здѣсь—us въ им. ед. изъ стараго—os, измѣненіе котораго на славянской почвѣ дало въ результатѣ—ъ); соотвѣтственная форма и въ греческомъ яз. оканчивается на—е, ср. hippe (ἵππε) при им. ед. hippos (ἵππος) «конь»; 2) индоевроп. о: общеслав.—borъ, ср. старослав. **съ-боръ** при приведенномъ выше berǫ, **берѫ**, ср. однородное отношеніе въ греч. яз., гдѣ при приведенномъ выше férō (φέρω) мы имѣемъ fóros (φόρος) «подать» и forós (φορός) «тотъ, кто несетъ»; ср. далѣе о въ окончаніи основъ м. р. при е въ окончаніи зват. ед. тѣхъ же основъ: общеслав. orbъ, старослав. **рабъ** (гдѣ—ъ изъ—os), дат. мн. orbomъ, старослав. **рабомъ** при зват. orbe, **рабе**; сопоставьте съ этимъ соотношеніе лат. equus, древнелат. equos и зват. eque; общеславянское ovьca, старослав. **овьца**, ср. лат. ovis, гдѣ латинская основа этого слова ovi—тожественна по происхожденію съ слав. ovь—(-са—новый суффиксъ); 3) индоевроп. а: общеслав. osь, церковнослав. **ось**, тожеств. по происхожденію лат. axis «ось», родств. слово есть и въ греческ. и въ древнеинд. яз. (греч. áksōn, ἄξων); общеслав. orʲǫ, стсл. **орѭ** «пашу», ср. лат. arō, родств. и греч. aróō (ἀρόω).

Итакъ, слав. о въ приведенныхъ выше примѣрахъ получилось изъ индоевроп. о и а. Однако, въ извѣстныхъ случаяхъ старое е еще въ балтійскославянскую эпоху перешло въ гласную a⁰, откуда слав. о; это происходило передъ u̯, откуда дальше общеслав. v, если не слѣдовала мягкая гласная; ср. общеслав. novъ, старослав. **новъ** и греч. néos изъ néu̯os (νέϝος), общеслав. slovo, старослав. **слово** и греч. kléos изъ kléu̯os (κλέϝος) «слава» (слав. s, какъ мы узнаемъ впослѣдствіи, получилось изъ особаго вида индоевроп. k, k средненебнаго), но ср., съ другой стороны, старослав. **девѧть**, гдѣ е сохранилось. Въ латинскомъ яз. было аналогичное явленіе, только переходъ е въ о передъ u̯ не былъ связанъ съ качествомъ слѣдующей гласной, а происходилъ независимо отъ этого послѣдняго обстоятельства, ср. лат. novus «новый», лат. novem «девять» (въ слав. **девѧть** согласная d замѣнила собою старое n подъ вліяніемъ аналогіи со стороны слѣдующаго числительнаго 10, ср. старослав. **десѧть**).

Съ другой стороны, въ самомъ общеславянскомъ яз. о въ положеніи послѣ мягкаго неслогового звука перешло въ е; такъ объясняется соотношеніе между старослав. **рабомъ** и **конемъ**: основа и въ томъ, и другомъ случаѣ была на о, только во второмъ типѣ основъ этому о предшествовало i̯ (j), смягчившее предшествующую согласную; ср. далѣе **водоѭ** и **доушеѭ**, **несомъ** и **чьтѫемъ**.

Въ конечномъ закрытомъ слогѣ, т.-е. въ слогѣ, оканчивавшемся на согласную, о въ общеслав. яз. перешло въ u, откуда далѣе, какъ и изъ всякаго u краткаго, **ъ**; конечныя согласныя въ результатѣ отпали; ср. общеслав. и старослав. **ъ** въ им. ед. именъ м. р. типа orbъ, **рабъ**, гдѣ въ окончаніи формы было получено—os; ср. далѣе—**ъ** въ окончаніи вин. ед. тѣхъ же именъ, гдѣ было получено—um (изъ—um получилось—ǫ и

уже далѣе—**ъ**, см. въ отдѣлѣ о носовыхъ гласныхъ); ср. латинскія имена второго склоненія, гдѣ окончанія—us,—um изъ древнелатинскихъ—os,—om (см. ниже). Такого же происхожденія—**ъ** въ окончаніи суффикса 1-го л. мн. ч. глаголовъ (общеслв.—mъ, старослв.—**мъ**), гдѣ изъ праязыка была получена форма на —mos, ср. соотвѣтственное окончаніе въ латинск. яз., гдѣ—mus (напр. dicimus «говоримъ») изъ—mos. Въ окончаніи им. вин. ед. ч. именъ ср. р. съ основами на — o, гдѣ было получено — om, ср. латинское jugum «ярмо, иго», изъ болѣе древняго jugom, мы находимъ однако—о, ср. старослав. **иго**, тожественное по происхожденію съ лат. jugum; это окончаніе объясняется какъ результатъ вліянія со стороны соотвѣтственной формы мѣстоименій, ср. старослав. **то**; въ окончаніи этой формы было получено, въ отличіе отъ именъ, d, отпавшее, повидимому, уже въ балтійскославянскую эпоху, во всякомъ случаѣ раньше эпохи измѣненія о въ конечномъ закрытомъ слогѣ; съ слав. **то** ср. по окончанію лат. quod. Равнымъ образомъ и им. вин. ср. р. существительныхъ типа старослав. **слово** имѣетъ о нефонетическаго происхожденія; основы этого типа имѣли суффиксъ индоевроп. os, чередовавшійся съ es, ср. **слово**—**словесе** и лат. genos, откуда позже genus, «родъ», род. generis; им. ед. у нихъ совпадалъ съ чистой основой на—os, слѣдовательно мы бы ждали здѣсь изъ—os также—**ъ**, какъ и въ им. ед. orb**ъ**.

Не всѣ, однако, ученые согласны съ приведеннымъ выше мнѣніемъ Ф. Ѳ. Фортунатова, раздѣляемымъ и другими учеными; нѣкоторые признаютъ, что только конечное—om дало фонетически—**ъ**, а—os давало—о; въ им. м. р. на—**ъ** приходится видѣть въ этомъ случаѣ форму винит. пад., а форму им. вин. ср. р. именъ типа **иго** тоже объяснять какъ новообразованіе подъ вліяніемъ **слово**, гдѣ—о получилось бы фонетическимъ путемъ изъ стараго—os.

Въ дополненіе къ сказанному о происхожденіи конечнаго—**ъ** въ окончаніи им. ед. м. р. замѣчу, что **ь** въ мягкихъ основахъ типа старослав. **конь** объясняется изъ—**ъ** въ положеніи послѣ мягкой согласной, а—**ъ** въ такомъ случаѣ переходило въ—**ь**; старослав. **краи** (общеслав. krajь) имѣло въ концѣ jь, обозначавшееся буквою **и**.

Гласная е въ общеславянскомъ яз. передъ j перешла въ і; въ старослав. яз. здѣсь пишется **и**, частью **ь** съ различіями по памятникамъ; ср. напр. старослав. **трию**, **трью** съ лат. trēs, которое получилось изъ стяженія двухъ е въ* trees, гдѣ исчезло i̯ между гласными; ср. далѣе старослав. **вию**, **вью** и литовское vejù.

Объ образованіи носовыхъ гласныхъ изъ сочетаній о и е съ носовой согласной безъ послѣдующей гласной см. въ отдѣлѣ носовыхъ гласныхъ.

Въ латинскомъ языкѣ (точнѣе еще въ общеиталійскомъ языкѣ) е перешло въ о въ положеніи передъ u̯, откуда позже v, (см. выше, стр. 12). Далѣе, е перешло въ о передъ l, приходившимся передъ твердыми звуками, а такое l было въ латинск. яз. велярнозубнымъ, родственнымъ по природѣ русскому твердому л; передъ мягкими гласными l не было такимъ «твердымъ», равно не было имъ и двойное (точнѣе долгое) l, т.-е. ll; ср. лат. holus «зелень», родств. старослав. **ѕелию**, но родит. ед. heleris, однако подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей, какъ heleris, и въ

именит. ед. проникло e: helus; лат. solvō «развязываю» образовалось изъ *se-luō, ср. простой глаголъ luō «плачусь, искупаю»; такой же переходъ мы имѣемъ передъ c и въ группѣ ve въ началѣ слова передъ m безъ послѣдующей мягкой гласной: jocur «печень» или нефонетич. jecur подъ вліяніемъ такихъ формъ, какъ род. ед. jecinoris (было и нефонетич. jocinoris съ o, перенесеннымъ изъ им. ед.); coquō «варю, пеку» изъ *quequō, ср. слав. **пекѫ** (qu въ лат. словѣ не старое, а вызвано вліяніемъ начала слѣдующаго слога; старое здѣсь было получено p); vomō «изрыгаю». ср. литовское vemiù (i передъ твердой гласной по способу польскаго письма обозначаетъ мягкость предшествующей согласной) съ тѣмъ же значеніемъ.

Гласная e въ латинскомъ яз. перешла въ i передъ носовой согласной, за которой слѣдовала задненебная согласная, а въ такомъ положеніи въ латинскомъ яз. само n было задненебнымъ, ср. лат. quinque «5», quintus «5-тый» (изъ *quinctos), ср. старослав. **пѧть**, гдѣ **ѧ**, общеслав. ę, получилось изъ en; въ приведенномъ лат. quinque начальное qu вм. p, какъ и въ *quequō, coquō (см. выше), подъ вліяніемъ qu слѣдующаго слога.

Гласная o дала u передъ l + согласная (но не передъ ll), ср. culmen «вершина», но collis (изъ *colnis) «холмъ», ср. лит. Kálnas «гора», гдѣ лит. a изъ стараго o. И еще въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ o переходило въ лат. яз. въ u (см. «Очеркъ сравнит. фонетики», стр. 11).

Въ слогахъ безъ ударенія гласныя e, o, a подверглись извѣстнымъ измѣненіямъ въ качествѣ звука, при чемъ нужно имѣть въ виду, что въ древнѣйшую эпоху жизни латинскаго языка сохранялось еще общеиталійское мѣсто ударенія на начальномъ слогѣ словъ, позже здѣсь установился въ литературномъ нарѣчіи законъ, по которому удареніе падало или на второй, или на третій слогъ отъ конца (послѣднее при краткости второго слога). Такимъ образомъ напр. ádigō имѣетъ удареніе на начальномъ слогѣ и по позднѣйшему закону, тогда какъ confíciō изъ *cónficiō, *cónfaciō. То, что въ древнѣйшее время въ латинскомъ языкѣ удареніе падало на начальный слогъ, видно изъ тѣхъ измѣненій въ гласныхъ, которыя происходили здѣсь въ слогахъ неначальныхъ; имъ подлежали и древнѣйшія заимствованія изъ греческаго.

Въ старомъ неударяемомъ (неконечномъ) слогѣ гласныя o и a за исключеніемъ o, сохранившагося передъ r (напр. o въ temporis, род. ед. при им. tempus «время»), обратились въ латинскомъ языкѣ сперва въ e, которое совпало со старымъ e (изъ индоевр. e), а затѣмъ e различнаго происхожденія въ такомъ положеніи въ открытомъ слогѣ, но не передъ r, не передъ губной согласной и не передъ велярнозубнымъ l, а также и не послѣ i перешло въ i, напр. obsidet «осаждаетъ», ср. sedet «сидитъ»; novitas «новизна», ср. novo-s, novu-s; adigō «пригоняю», ср. agō «гоню»; ср. далѣе i въ окончаніи основы глаголовъ 3-го спряженія въ формѣ 2-го л. мн. ч., напр. dicitis «вы говорите», гдѣ i изъ e, ср. по отношенію къ гласной окончанія основы старослв. **несете**. Передъ r и послѣ i гласная e различнаго происхожденія въ такомъ положеніи сохранялась, напр. generis (съ старымъ e), peperī 1-ое л. ед. ч. перфекта къ pariō «рождаю» (съ e изъ a), societas «общество» (здѣсь e изъ o, ср. novitas «новизна»), а передъ губными согласными она измѣнилась въ гласную, промежуточную

между u и i (звукъ ряда ü), которая передавалась буквами u и i; изъ этого ü при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ получалось i (напр. передъ i въ слѣдующемъ слогѣ) и u; ср. accipiō «получаю», optumus—optimus «самый лучшій», possumus «можемъ», volumus «хотимъ», minimus «самый малый», legimus «собираемъ, читаемъ» и т. д.; тотъ же звукъ получался и изъ u въ слогѣ безъ ударенія передъ губными, ср. lacruma, lacrima «слеза».

Передъ велярнозубнымъ l гласная e перешла въ результатѣ въ u, ср. exsulō «живу въ изгнаніи» (1-го спряженія), древнелат. exsolō; при простомъ глаголѣ saliō «прыгаю», ср. при другихъ фонетическихъ условіяхъ exsiliō «выскакиваю». Гласная o въ неконечномъ закрытомъ слогѣ безъ ударенія измѣнилась въ u, напр. euntem «идущаго». Гласная e, получившаяся изъ гласной a, въ неконечномъ закрытомъ слогѣ безъ ударенія сохранилась, напр. imberbis «безбородый» при barba «борода», fefellī при fallō «обманываю»), старое e въ такомъ положеніи, понятно, сохранилось, напр. scelestus «преступный», но передъ l + согл. изъ стараго и новаго o мы находимъ u, ср. perculsus при percellō «опрокидываю, потрясаю», exsultō «подпрыгиваю» при saltō «пляшу»; передъ n + задненебная согласная мы находимъ i, ср. attingō при tangō «трогаю, касаюсь».

Въ конечномъ слогѣ передъ s, t, d гласная e въ лат. яз. въ III в. является измѣненной въ i, напр. vehis, vehit, стсл. везетъ, везеть, везеши; Veneris род. ед., древнелат. Veneres, при Venus «Венера». Гласная o въ конечномъ закрытомъ слогѣ измѣнилась въ лат. яз. уже въ III в. до Р. Х. въ u, напр. genus изъ genos, filius изъ filios «сынъ», но послѣ u и u̯ (v) o сохранялось на письмѣ въ классическую эпоху, напр. novos, equos, suos, позже, въ I-мъ вѣкѣ по Р. Х., появились novus, suus, ecus, далѣе и equus съ qu, извлеченнымъ изъ косвенныхъ падежей (equī и т. д.).

Кромѣ разсмотрѣнныхъ выше явленій, происходившихъ въ слогѣ безъ ударенія и состоявшихъ въ общемъ въ измѣненіи качества краткой гласной, мы встрѣчаемся въ латинскомъ яз. съ полной утратой гласной слога, слѣдующаго за удареніемъ. Не всѣ условія этого явленія выяснены наукою, такъ какъ первоначальное соотношеніе фактовъ сильно затемнено цѣлымъ рядомъ новообразованій по аналогіи. Что касается наличности дублетовъ типа caldus—calidus «теплый, горячій» (съ утратой гласной и ея сохраненіемъ, то она, по весьма вѣроятному предположенію, сводится къ различіямъ въ темпѣ рѣчи. Эти различія въ связи съ различіемъ между живой разговорной рѣчью и традиціоннымъ литературнымъ языкомъ, богатымъ архаизмами, въ особенности въ формулахъ, съ своей стороны усложняютъ дѣло изслѣдованія условій, при которыхъ происходила утрата краткой гласной слога, слѣдующаго за удареніемъ. Замѣчу еще, что языкъ осковъ также имѣетъ рядъ случаевъ, гдѣ исчезла гласная въ такомъ фонетическомъ положеніи. Примѣры: ulna «локоть» изъ *olenā, suprā «вверху, выше», extrā, «внѣ» изъ *superā(d), *exterā(d), ср. superus «верхній», exterus «внѣшній», dexter «правый» изъ *dexiteros; quindecim «15» изъ *quinqdecem, *quinquedecem; surgō «поднимаюсь» изъ *surregō. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ исчезавшей гласной предшествовали i̯ и u̯ послѣ согласной, они получали слоговое свойство, а плавныя и носовыя въ такомъ поло-

женіи становились слоговыми, и въ результатѣ передъ ними развивалась новая гласная, въ связи съ чѣмъ онѣ теряли слоговое свойство. Примѣры: conicīō «сбрасываю», obiciō «бросаю навстрѣчу» изъ *conjaciō, *objaciō (conjiciō—новообразованіе подъ вліяніемъ простого глагола); concutiō «потрясаю» изъ *conquatiō; sacerdōs «жрецъ» изъ *sacrodōs; paternus «отцовскій» изъ *patrinos; sigillum «маленькая фигура, печать» изъ *signolom.

Примѣчаніе. Гласная e находилась въ индоевроп. праязыкѣ въ извѣстномъ чередованіи съ гласною o, т.-е. въ однихъ образованіяхъ отъ одного и того же корня являлось e, въ другихъ—o; такое же явленіе мы наблюдаемъ и въ суффиксахъ. Можно думать, что e и o развились въ болѣе древнюю эпоху жизни индоевроп. праязыка изъ одной гласной, которая при однихъ условіяхъ давала e, при другихъ—o. Однако, всѣ попытки опредѣлить эти условія остались вообще безрезультатными въ виду того, что уже въ самомъ праязыкѣ болѣе старое фонетическое соотношеніе въ распредѣленіи e и o было нарушено новообразованіями. Это чередованіе хорошо сохранилось въ извѣстныхъ случаяхъ и въ отдѣльныхъ языкахъ. Сюда принадлежитъ напр. чередованіе e : o въ окончаніи основъ именъ и мѣстоименій мужескаго и средняго рода, примѣры котораго мы видѣли выше (см. стр. 10); ср. далѣе чередованіе e : o въ окончаніи глагольныхъ основъ, которыя по этому признаку условно называются тематическими (этотъ терминъ возникъ въ связи съ пониманіемъ такихъ основъ какъ производныхъ, полученныхъ изъ чистаго корня путемъ присоединенія e : o, такъ называемой тематической гласной; терминъ тема = термину основа). Хорошо старое распредѣленіе сохранилось въ греческомъ языкѣ, въ латинскомъ яз. измѣненіе гласныхъ въ слогахъ безъ ударенія привело къ тому, что получилось одинаково dicimus «говоримъ» и dicitis «говорите» (въ 1-мъ случаѣ было o, во второмъ e), но ср. dicunt «говорятъ», гдѣ u изъ o. На славянской почвѣ ср. общеслав. nesǫ, старослав. **несѫ**, общеслав. nesǫtь, старослав. **несѫтъ**, гдѣ сохранилось старое o, соединявшееся съ слѣдующей носовой согласной въ одну носовую гласную; ср. въ аористѣ старослав. 1 л. ед. **могъ**, 1 л. мн. **могомъ**, 1 л. дв. **моговѣ**, 3 л. мн. **могѫ** при 2 и 3 л. ед. **може**, 2 л. мн. **можете**, 2 л. дв. **можета**, 3 л. дв. **можете**; здѣсь сохранилось старое распредѣленіе гласныхъ o и e (въ 1 л. ед. **могъ** старослав. и общеслав. **ъ** изъ—om, а въ 3 л. мн. въ составъ носовой гласной вошло тоже o), но въ настоящемъ времени оно уничтожено въ 1 л. мн. ч. и 1 л. дв. ч. вліяніемъ аналогіи глаголовъ съ мягкими основами, имѣвшими передъ окончаніемъ j, смягчившій предшествующую согласную еще въ общеслав. яз., ср. старослав. **пишемъ, пишевѣ; дѣлаемъ, дѣлаевѣ**, гдѣ e изъ o получилось фонетически въ общеслав. эпоху по извѣстному намъ уже закону (см. стр. 12). Изъ **пишѫ, дѣлаѭ; пишѫтъ, дѣлаѭтъ** слѣдуетъ, что образованіе носовыхъ гласныхъ предшествовало возникновенію e изъ o послѣ мягкаго неслогового звука. Въ аористѣ, гдѣ такого вліянія аналогіи не могло быть, сохранились старыя формы типа **могомъ, моговѣ**.

Дальнѣйшіе примѣры стараго чередованія e : o мы находимъ въ такихъ случаяхъ, какъ старослав. **берѫ—съборъ** (см. стр. 12) и въ цѣломъ рядѣ другихъ однородныхъ образованій; ср. хотя бы современныя русскія

теку—потокъ, несу—подносъ, везу—возъ, плету—плотъ и т. д. Само собою разумѣется, что не всѣ конкретные примѣры такихъ паръ одинаково древняго происхожденія: по старому типу соотносительныхъ образованій могли возникать новыя пары чередованій.

Относительно индоевроп. о нужно, впрочемъ, замѣтить, что въ извѣстныхъ случаяхъ о не находилось въ чередованіи съ е (таково о, являющееся въ старослав. **овьцꙗ**, **осмь**). Такое о при извѣстныхъ условіяхъ въ индоиранскомъ языкѣ дало ā. Впрочемъ, этотъ такъ называемый законъ Бругмана оспаривается многими учеными, и самъ его авторъ отказывается отъ него, по моему мнѣнію, безъ достаточныхъ основаній (см. «Очеркъ сравнит. фонетики», стр. 8).

2) Гласныя ē, ō, ā, т.-е. е, о, а долгія, наличность которыхъ въ индоевроп. праязыкѣ была опредѣлена въ связи съ опредѣленіемъ для эпохи его распаденія гласныхъ е, о, а краткихъ, въ индоиранскую эпоху совпали въ одномъ ā, при чемъ и здѣсь передъ ā изъ стараго ē въ древнеинд. яз. вмѣсто k и g мы найдемъ c и j. Въ европейскихъ языкахъ нашей семьи они вообще различались и въ латинскомъ яз. дали ē, ō, ā, частью уже сократившіяся; въ германскихъ языкахъ ō и ā совпали въ одномъ ō, а въ балтійскославянскую эпоху они еще различались (литовскій языкъ до сихъ поръ сохранилъ это различіе въ извѣстномъ видѣ), но далѣе въ общеславянск. яз. ō и ā совпали въ одномъ ā, откуда при извѣстныхъ условіяхъ путемъ сокращенія получилось а. Въ старослав. текстахъ количество гласныхъ остается необозначеннымъ, и на количественныя отношенія общеславянскаго яз. мы извлекаемъ указанія изъ фактовъ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ языковъ. Въ виду того, что, какъ мы вскорѣ увидимъ, само качество общеславянскихъ гласныхъ указываетъ на ихъ старое количество, и въ виду того, что условія, при которыхъ происходили сокращенія старыхъ долготъ въ общеслав. яз., не выяснены еще съ исчерпывающею полнотою, мы условно не будемъ обозначать долготы гласныхъ общеслав. яз., такъ какъ напр. а было получено всюду долгимъ, а тѣ случаи, въ которыхъ оно сократилось въ самомъ общеслав. яз., опредѣляются, какъ мы увидимъ, изъ самого положенія такой гласной въ словѣ. Старое ē на общеславянской почвѣ было нѣкогда открытымъ звукомъ и въ положеніи послѣ j или мягкой согласной перешло въ ā, въ прочихъ случаяхъ оно сохранилось, измѣнившись съ теченіемъ времени въ закрытое долгое е, откуда далѣе дифтонгическое сочетаніе ie, перешедшее и въ отдѣльные славянскіе языки. Въ старослав. яз. это сочетаніе, звучавшее различно въ различныхъ діалектахъ, въ кирилловскомъ письмѣ обозначалось буквою **ѣ**. Это написаніе мы будемъ примѣнять условно и для обозначенія общеславянскаго ie.

Долгія гласныя въ индоевроп. праязыкѣ по указаніямъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ языковъ имѣли два качества долготы: длительное и прерывистое. Въ общеславянск. яз. это различіе при положеніи гласныхъ безъ ударенія вообще исчезло, а подъ удареніемъ обратилось въ различіе двухъ видовъ общеславянскаго ударенія (восходящее и нисходящее); на этомъ фактѣ мы остановимся подробнѣе впослѣдствіи, а пока замѣтимъ, что старое ē съ прерывистой долготой въ открытомъ концѣ слова въ общеслав.

яз. дало въ результатѣ i. Замѣчу еще, что большинство ученыхъ для индоевроп. праязыка принимаетъ различіе не двухъ видовъ долготы, а двухъ видовъ самого ударенія на долгихъ гласныхъ, однако я, слѣдуя Ф. Θ. Фортунатову, держусь вышеприведеннаго мнѣнія въ виду того, что, принимая различіе двухъ видовъ ударенія для индоевроп. праязыка, мы для слоговъ безъ ударенія должны признать тоже извѣстныя различія въ «интонаціи», и въ виду того, что факты отдѣльныхъ индоевроп. языковъ, расходящихся въ качествѣ ударенія, лучше объясняются при предположеніи о наличности въ индоевроп. праязыкѣ только различія въ долготѣ, на почвѣ котораго развивались въ отдѣльныхъ языкахъ различія въ самомъ удареніи.

Примѣры: 1) индоевроп. ē: общеслав. sěmę, старослав. сѣмѧ, ср. лат. sēmen съ тѣмъ же значеніемъ; общеслав. глагольный корень dě-, ср. старослав. дѣти, о-дѣти, дѣѭ, ср. тотъ же индоевроп. корень въ лат. fēc-ī (1-е л. ед. ч. perf.), гдѣ лат. f изъ индоевроп. dh, давшаго балтійскослав. d; лат. c здѣсь элементъ, не принадлежащій по происхожденію самому корню, въ древнеинд. яз. этотъ глагольный корень является въ видѣ dhā «класть, ставить»; 2) индоевроп. ō: общеслав. darъ, глаг. корень da, ср. старослав. даръ, дати, ср. тотъ же корень въ лат. dōnum (о краткомъ a въ лат. dare, какъ и a въ лат. facere, см. ниже стр. 20), въ древнеинд. яз. ср. глагольный корень dā «давать»; 3) индоевроп. ā: общеслав. mati, старослав. мати, ср. лат. māter, древнеинд. mātá им. ед. «мать» (основа другихъ надежей на r: mātár-); общеслав. bratъ, bratrъ, старослав. братъ, братръ, ср. лат. frāter, древнеинд. bhrátā им. ед. (основа другихъ падежей м. ч.: bhrátar-).

Примѣры для стараго ē въ открытомъ концѣ слова, гдѣ, какъ мы видѣли, въ общеслав. яз. сказалось различіе въ старомъ качествѣ долготы: общеслав. vě, старослав. вѣ «мы оба» получило ē съ длительной долготой, на которую указываетъ и соотвѣтственное литовское vèdu «мы оба» (сложеніе изъ ve, сократившагося изъ vē, и du, по происхожденію числительнаго); общеслав. mati, старослав. мати было получено съ ē въ концѣ съ прерывистой долготой. Основы этого типа, имѣвшія въ концѣ суффикса основы r, въ им. ед. въ праязыкѣ имѣли двѣ формы: на r (ср. лат. māter, frāter) и безъ r, но съ прерывистой долготой гласной (ср. старослав. мати, древнеинд. mātá, bhrátā); первоначально обѣ эти формы различались по фонетическимъ условіямъ (конечное r въ однихъ случаяхъ отпало, въ другихъ сохранилось), но съ теченіемъ времени въ однихъ діалектахъ обобщились однѣ формы, въ другихъ—другія; bratъ всецѣло перешло на славянской почвѣ въ склоненіе основъ на o, и только параллельная форма съ r сохранила указаніе на бывшую здѣсь нѣкогда согласную основу на r.

Примѣры для ā изъ ē послѣ смягченной согласной и j: ср. старослав. горѣти, видѣти (основа наст. вр. на и) и слышати, бѣжати, стояти (основа наст. вр. на и); ср. далѣе жаръ при горѣти (въ общеслав. žarъ, гдѣ žā—изъ gē, былъ другой звуковой видъ корня, чѣмъ въ соотв. глаголѣ, см. ниже въ отдѣлѣ о чередованіи гласныхъ); ср. далѣе сильнѣи, но мъножаи.

О носовыхъ гласныхъ, въ составъ которыхъ вошли старыя долгія гласныя, см. въ отдѣлѣ, посвященномъ носовымъ гласнымъ.

Въ латинскомъ яз. произошло въ широкихъ размѣрахъ сокращеніе старыхъ долгихъ гласныхъ. 1) Сокращалась долгая гласная передъ гласной, если ей не предшествовала гласная, ср. flеŏ «пла́чу», но flēs, 2-е л. ед. ч., speĭ, род. ед., но spēs «надежда»; съ другой стороны, diēĭ при diēs «день»; ср. еще ūnius, род. ед., при ūnus «одинъ» у старыхъ поэтовъ, при ūnius у поэтовъ классической эпохи; позднѣйшее литературное ūnĭus вызвано вліяніемъ ūnī, дат. ед., старое же ūnius произносилось повидимому ūniius.

2) Въ односложныхъ словахъ сокращеніе долгихъ гласныхъ произошло передъ m и t, ср. rem вин. ед. къ rēs «вещь, дѣло», quam «какъ», по происхожденію вин. ед. ж. р. мѣстоим., stet 3-е л. ед. conjunct. къ stō «стою», det та же форма къ dō «даю», также sit, та же форма къ sum «есмь», но ср. 2-ыя л. ед. ч. stās, dēs, sis; pār «равный», cūr «почему» и т. п.

3) Сокращались долгія гласныя въ концѣ слова при присоединеніи энклитики, сливавшейся съ нимъ въ одно цѣлое, ср. quoque «также» изъ quō+que.

4) Въ открытомъ концѣ словъ неодносложныхъ долгія гласныя сократились въ словахъ съ краткимъ предпослѣднимъ слогомъ, напр. duo «два» изъ duō, но octō «восемь»; подъ вліяніемъ однихъ случаевъ на другіе происходило при этомъ смѣшеніе долгихъ и краткихъ гласныхъ въ употребленіи, напр. при homo «человѣкъ» могло появиться homō подъ вліяніемъ образованій, гдѣ не должно было быть фонетическаго сокращенія. Съ другой стороны, вм. фонетическаго nēmō «никто» появилось nēmo. Въ классической латыни въ этой категоріи случаевъ (им. ед. основъ на n) вообще обычно долгота. Дѣйствіе этого закона о сокращеніи долгихъ гласныхъ, который условно называютъ закономъ сокращенія долготы при ямбическомъ сочетаніи слоговъ, мы можемъ наблюдать въ цѣломъ рядѣ случаевъ въ архаической латыни (въ метрическихъ текстахъ); въ классическую эпоху остались только отдѣльные случаи, какъ duo, bene «хорошо», male «дурно», но octō (при нефонетическомъ octo въ позднемъ языкѣ), longē «далеко» и т. д., вообще же въ отдѣльныхъ категоріяхъ произошло обобщеніе, хотя колебаніе и не исчезло вполнѣ, напр. въ 1-мъ л. глаголовъ на ō мы находимъ частью краткость, но вообще являлась здѣсь долгота.

Въ им. ед. ж. р. мы всюду находимъ только a, что, можетъ быть, вызвано вліяніемъ вин. ед. на am, здѣсь же происходило сокращеніе долгой гласной въ конечномъ слогѣ предъ сонорной согласной m; въ им., вин. мн. ч. ср. р. долгота ā, вообще сократившагося, ср. juga, является еще въ trigintā «тридцать» и т. д., изолированныхъ словахъ. Здѣсь—gintā есть по происхожденію им. вин. мн. ч. ср. р. отъ индоевроп. основы, произведенной отъ числительнаго 10 (ср. лат. decem); g вм. ожидаемаго c въ лат.—gintā неяснаго происхожденія, а звуковой видъ самаго корня въ этомъ gintā объясняется изъ сказаннаго на стр. 32.

5) Думаютъ, что въ закрытыхъ конечныхъ слогахъ сокращеніе фонетически происходило также только въ ямбическомъ сочетаніи слоговъ, а затѣмъ переносилось и на другіе случаи. Такъ объяснялось бы то явленіе, что въ древнемъ языкѣ передъ конечнымъ s долгія гласныя сокращаются при ямбическомъ сочетаніи чаще тамъ, гдѣ не было вліянія дру-

гихъ образованій (напр. чаще forās «наружу», чѣмъ amās «любишь»). Въ позднѣйшемъ языкѣ передъ s всюду проведена долгота.

3) *Индоевропейская неопредѣленная гласная, условно обозначаемая буквою* ə. Въ извѣстныхъ случаяхъ гласная a европейскихъ языковъ нашей семьи (въ славянскихъ языкахъ значитъ o, такъ какъ старое a и o совпали, какъ мы видѣли, здѣсь въ одномъ o) являются въ соотвѣтствіи не съ гласною a индоиранскихъ языковъ, а съ гласною i. Изслѣдованіе этихъ случаевъ показало, что для индоевропейскаго праязыка мы должны принять особую краткую гласную, качество которой не можетъ быть нами точно опредѣлено (поэтому она и называется неопредѣленной), и которая получалась здѣсь изъ сокращенія ē, ō, ā въ слогѣ безъ ударенія обыкновенно передъ слогомъ съ удареніемъ. Общеиндоевропейскія слова, имѣвшія въ корнѣ или суффиксѣ гласную ə такого происхожденія, представляли такимъ образомъ слабый звуковой видъ корня или суффикса въ чередованіи съ сильнымъ, иначе полнымъ звуковымъ видомъ того же корня или суффикса, заключавшимъ уже гласныя ē, ō, ā. Такъ объясняются въ латинскомъ яз. faciō «дѣлаю» при fēcī, гдѣ, какъ мы видѣли, ē гласная сильнаго звукового вида; ср. еще dōnum «даръ» и dă-re «давать», гдѣ гласная a краткая (ср. reddere, e здѣсь изъ a въ слогѣ безъ ударенія, см. выше, стр. 14), datus (ср. redditus) part. perf. pass.; ср. далѣе status «состояніе, положеніе» при stāre «стоять», старослав. **стати**, тогда какъ старослав. **стоıати** имѣетъ o = лат. a изъ индоевроп. ə. Равнымъ образомъ лат. pater «отецъ», греч. patḗr (πατήρ) «отецъ» при древнеинд. pitá им. ед. «отецъ» (основа другихъ падежей на r—pitár-) имѣютъ индоевроп. неопредѣленную гласную.

Въ эпоху распаденія индоевроп. праязыка неопредѣленная гласная ə не въ первомъ слогѣ слова исчезала при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ. Такъ объясняется старослав. **дадать**, гдѣ **-ать** есть личный суффиксъ, а корень представленъ звуковымъ сочетаніемъ **дад-**, общеслав. dad-; здѣсь da-, изъ стараго dō, есть слогъ удвоенія. Другой случай удвоеннаго корня съ краткой гласной e въ слогѣ удвоенія и съ такой же утратой ə въ корневомъ слогѣ представляетъ старослав. **деждж** къ **дѣти**, гдѣ **жд** есть продуктъ измѣненія группы dj (j принадлежитъ уже основообразовательному суффиксу jo : je).

Кромѣ случаевъ разсмотрѣннаго типа, индоевроп. ə являлось въ эпоху распаденія праязыка, повидимому, діалектически, въ окончаніи извѣстныхъ основъ въ два слога, при чемъ въ случаяхъ, гдѣ этому ə предшествовала плавная или носовая, она, по указаніямъ нѣкоторыхъ, между прочимъ балтійскославянскихъ языковъ, была некраткой. Главные примѣры для такого ə даютъ языки древнеиндійскій и греческій. Въ славянскихъ языкахъ сюда можетъ принадлежать гласная o въ окончаніи основы аориста на -ochъ (въ 1-мъ л. ед. ч.), хотя, повидимому, есть достаточныя основанія считать эту форму новообразованіемъ самого общеславянскаго языка (см. ниже въ отдѣлѣ спряженія). Въ древнеинд. яз. сюда можетъ принадлежать часть основъ аориста съ примѣтою iṣ (ṣ обозначаетъ звукъ «ш» церебральное, образовавшееся при извѣстныхъ условіяхъ изъ s). О происхожденіи индоевроп. ə въ окончаніи основъ въ два слога существуютъ раз-

личныя гипотезы; я держусь мнѣнія Ф. Ѳ. Фортунатова, по которому это ə развивалось діалектически въ праязыкѣ въ окончаніи основъ послѣ предшествующей долгой согласной; по другому мнѣнію, ə и здѣсь получалось изъ сокращенія долгихъ гласныхъ, существовавшихъ нѣкогда въ окончаніи такихъ основъ (см. «Очеркъ сравнит. фонет.», стр. 19 и 41).

4) *Индоевропейскія* i, ī, u, ū. Въ общеславянскомъ яз. i и u обратились въ гласныя ирраціональныя, т.-е. болѣе краткія сравнительно съ другими краткими гласными. По качеству звука ирраціональная гласная изъ i была е закрытымъ, т.-е. близкимъ къ i, а ирраціональная гласная изъ u была о закрытымъ, т.-е. близкимъ къ u. Условно мы обозначаемъ эти общеславянскія ирраціональныя гласныя кирилловскими буквами **ь** и **ъ**, обозначавшими въ старославянскомъ яз. гласныя, получившіяся изъ упомянутыхъ общеславянскихъ гласныхъ. Въ западной литературѣ для этой цѣли пользуются обыкновенно знаками ĭ и ŭ. Въ эпоху распаденія общеславянскаго языка **ь** и **ъ** были, по указанію отдѣльныхъ славянскихъ языковъ, менѣе ирраціональными, переходившими съ теченіемъ времени въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ въ полныя краткія гласныя при томъ условіи, если въ слѣдующемъ слогѣ былъ **ь** или **ъ** болѣе ирраціональный, исчезавшій съ теченіемъ времени въ живомъ произношеніи, или если **ь** и **ъ** приходились въ начальномъ слогѣ слова подъ удареніемъ. Условно менѣе ирраціональные **ь** и **ъ** называютъ сильными, а болѣе ирраціональные **ь** и **ъ** — слабыми, хотя термины сильный и слабый сами по себѣ, понятно, не касаются количественныхъ отношеній. Сильные **ь** и **ъ** оставались слоговыми, тогда какъ слабые переходили съ теченіемъ времени въ неслоговые. На дальнѣйшей исторіи **ь** и **ъ** мы остановимся во второй части курса. Пока замѣтимъ, что начальное **ь**, подобно начальному е, получило передъ собою i̯, откуда j, а группа jь въ началѣ слова дала i. Съ другой стороны, **ъ** послѣ j и мягкаго неслогового звука вообще перешелъ въ **ь**. Передъ начальнымъ **ъ** развилось въ общеславянскомъ языкѣ u̯, откуда дальше v.

Индоевроп. ī и ū дали въ общеславянскомъ яз. i и ȳ съ ихъ позднѣйшими сокращеніями въ извѣстныхъ случаяхъ. Послѣ мягкаго неслогового звука ū дало въ общеслав. яз. ī, а въ началѣ словъ передъ нимъ развилось u̯, v.

Въ латинскомъ яз. i, ī, u, ū дали соотвѣтственно тѣ же звуки, причемъ долгія гласныя при извѣстныхъ условіяхъ (см. стр. 17) подверглись сокращенію. Старое i передъ r между гласными, которое само изъ s, и въ открытомъ концѣ слова дало е.

Примѣры: 1) индоевроп. i: общеслав. jestь, старослав. **ѥсть**, древнеинд. ásti, греч. estí (ἐστί); что касается латинскаго est, то здѣсь въ окончаніи исчезло i; общеслав. ovьca, старослав. **овьца**, ср. лат. ovis; лат. mare «море» представляетъ примѣръ для е изъ i въ открытомъ концѣ слова: это основа средн. р. на i, представлявшая въ им. вин. ед ч. образованіе безъ всякаго суффикса; основа на i этого слова видна изъ им.. вин. мн. ч. maria; ср. далѣе лат. cinis «пепелъ», род. cineris, гдѣ е изъ i; 2) индоевроп. ī: общеслав. živъ, старослав. **живъ**, тожеств. по происхожденію лат. vīvus изъ vīvos (слав. ž изъ g, и лат. v въ началѣ слова

изъ стараго g лабіализованнаго, утратившаго свою лабіализацію и ставшаго простымъ задненебнымъ g въ балтійскославянскую эпоху); окончаніе им. вин. дв. ч. основъ на i, напр. ср. старослав. **ноштн**, гдѣ **н** изъ индоевроп. ī; 3) индоевроп. ŭ: старослав. **дъштн**, ср. литовское duktė «дочь» (буква ė обозначаетъ въ литовскомъ письмѣ е долгое закрытое; удареніе, въ музыкальномъ отношеніи восходящее, падаетъ здѣсь на конечную гласную; знакъ такого ударенія ~); соотвѣтственное слово древнеинд. языка duhitá (им. ед., основа другихъ падежей на r), равно какъ и соотвѣтственное слово греч. яз. thŭgátēr, θυγάτηρ) представляютъ между согласными индоевроп. ə (см. выше); это одинъ изъ примѣровъ этой гласной въ окончаніи основы; общеслав. яз. въ соотвѣтственномъ словѣ получилъ kt, каковая группа передъ мягкой гласной подверглась здѣсь видоизмѣненію, откуда старослав. **шт**, русское ч; общеслав. synъ, старослав. **сынъ** представляетъ въ окончаніи **ъ** изъ стараго u (все окончаніе было us); основа этого слова была на u, ср. основы латинскаго 4-го склоненія, какъ senātus «сенатъ», гдѣ конечное -us старое, не изъ -os, какъ во второмъ склоненіи; старослав. **въпнтн** представляетъ примѣръ, гдѣ въ началѣ слова передъ **ъ** развилось u̯, v, ср. съ приставкою **въз-**, гдѣ не могло развиться u̯, v, **въз-ъпнтн**; примѣръ для **ь** изъ **ъ** послѣ мягкаго неслогового звука мы имѣемъ въ такихъ старослав. образованіяхъ, какъ **хвалль** при **шьдъ** (это прич. прош. вр. въ им. ед., род. ед. **хвальша, шьдъша**); суффиксъ здѣсь былъ полученъ изъ индоевроп. праязыка, какъ us; общеслав. i̯go, старослав. **нго**, ср. лат. jugum (индоевроп. i̯u дало въ общеслав. яз. ju, jъ и далѣе jь, откуда i); 4) индоевроп. ū: общеслав. dymъ, старослав. **дымъ**, тожеств. по происхожденію лат. fūmus «дымъ», гдѣ f изъ стараго dh; общеслав. synъ, старослав. **сынъ**, ср. тожеств. съ нимъ литовское sūnùs «сынъ»; общеслав. глагольный корень by-, ср. старослав. **бы-тн**; въ древнеинд. яз. соотвѣтственный корень является какъ bhū, а въ латинск. яз. въ видѣ fu—съ краткимъ u, напр. въ лат. futūrus «будущій»; общеслав. vymę, русск. вымя представляетъ примѣръ для u̯, v, развившагося въ общеслав. яз. передъ ū; родственно, но отличается по суффиксу латинское ūber «вымя», да и лат. ū здѣсь м. б. не изъ ū, а изъ дифтонга ou̯; слав. слово утратило d изъ dh передъ m суффикса, ср. такую же утрату въ damь, старослав. **дамь**, гдѣ глагольная основа была dad-; общеслав. šitъ, старослав. **шнтъ** имѣетъ старое ī изъ ū послѣ мягкаго неслогового звука, а само š здѣсь изъ si̯, ср. тожеств. древнеинд. syūtá-s «шитый», гдѣ буква y обозначаетъ въ латинской транскрипціи звуковъ древнеинд. яз. i̯.

Индоевроп. i и u были извѣстны въ праязыкѣ и въ качествѣ неслоговыхъ звуковъ, но ихъ исторію мы разсмотримъ впослѣдствіи. Передъ гласными въ индоевроп. проязыкѣ существовали i и u частью слоговыя, частью же они чередовались съ сочетаніями ii̯, uu̯, при чемъ i̯ и u̯ естественно примыкали къ слѣдующему слогу. Главныя показанія для индоевроп. i и u слоговыхъ передъ гласными даетъ древнеинд. яз. въ своемъ ведійскомъ нарѣчіи. Въ старослав. **трин** (общеслав. trijь), род. мн. числит., и старосл. **дъва** (общеслав. dъva) мы находимъ индоевроп. ii̯ и uu̯, ср. лат. trium, duo.

Индоевроп. долгія ī и ū существовали только не передъ гласною,

такъ какъ въ этомъ фонетическомъ положеніи они распались на ii̯, uu̯; ср. общеслав. prijaznь, prijati, старослав. приꙗꙁнь, приꙗти, гдѣ былъ полученъ, по указанію родственныхъ языковъ, старый корень prī; ср. далѣе старослав. любъвє при им. ед. любы, гдѣ является въ концѣ слова ы изъ индоевроп. ū, тогда какъ въ род. ед. передъ суффиксомъ е (изъ es) мы находимъ ъв изъ uu̯.

Въ словахъ, заимствованныхъ изъ германскихъ языковъ, слав. у передаетъ германское ū; ср. церковнослав. хыжа, тынъ, взятыя изъ соотвѣтственныхъ словъ германскихъ яз: ср. древневерхненѣм. hūs, нововерхненѣм. haus «домъ» и древневерхненѣм. zūn изъ болѣе древняго tūn, извѣстнаго въ этой формѣ въ древнесаксонскомъ яз., нововерхненѣм. zaun «заборъ». Краткое германское u передается въ словахъ, заимствованныхъ слав. черезъ ъ; ср. старослав. кънѧꙁь, кънѧꙃь, р. князь и древневерхненѣм. kuning, нововерхненѣм. könig «король».

2. Общеиндоевропейскіе дифтонги.

1) *Дифтонги съ краткой слоговой гласной.* Дифтонгами, какъ мы знаемъ изъ физіологіи звуковъ рѣчи, называютъ сочетаніе слоговой гласной съ послѣдующей неслоговой. Индоевроп. праязыкъ эпохи его распаденія имѣлъ дифтонги, оканчивавшіеся на i̯ и u̯, при чемъ слоговыми гласными были е, о, а краткія и долгія. Въ дифтонгахъ съ краткой слоговой гласной были извѣстны i̯ и u̯ во второй части не только краткія, но и некраткія. Первые въ балтійскослав. эпоху имѣли прерывистую, вторые— длительную долготу.

Дифтонги, оканчивавшіеся на i̯, находились въ индоевропейскомъ праязыкѣ въ чередованіи съ гласной i (ī, если дифтонгъ оканчивался на некраткую неслоговую часть), а дифтонги на u̯ чередовались съ гласной u (ū, если дифтонгъ оканчивался на некраткую неслоговую часть). Какъ мы увидимъ впослѣдствіи, эти гласныя образовались изъ сокращенія дифтонговъ въ слогѣ безъ ударенія, обыкновенно передъ слогомъ съ удареніемъ.

Замѣчу еще, что дифтонги какъ таковые существовали въ индоевроп. праязыкѣ только не передъ гласной, такъ какъ въ этомъ послѣднемъ фонетическомъ положеніи они должны были распасться на звуки двухъ слоговъ, при чемъ i̯ и u̯ отдѣлялись и примыкали въ слоговомъ отношеніи къ слѣдующей гласной, т.-е. напр. ai̯a въ слоговомъ отношеніи дѣлилось на a + i̯a.

Въ общеславянскомъ яз. дифтонгъ ei̯ обратился въ і, откуда стсл. и. Общеиндоевроп. дифтонги oi̯, ai̯ еще въ балтійскослав. эпоху должны были совпасть въ одномъ дифтонгѣ; поэтому изъ общеиндоевроп. дифтонговъ oi̯, ai̯ общеслав. яз. имѣлъ нѣкогда дифтонгъ oi̯. Этотъ общеслав. дифтонгъ oi̯ тамъ, гдѣ ему не предшествовалъ мягкій неслоговой звукъ, перешелъ съ теченіемъ времени въ общеслав. яз. въ ē. Далѣе всякое общеслав. ē давало дифтонгъ ie (ѣ): въ стсл. яз. отсюда получилось ѣ. При положеніи въ концѣ словъ общеслав. ē съ прерывистой долготой измѣнялось въ общеслав. яз. въ і, откуда стсл. и. При положеніи дифтонга oi̯ послѣ мягкаго неслогового звука онъ, вслѣдствіе измѣненія гласной о въ такомъ

положеніи въ гласную е, долженъ былъ совпасть съ дифтонгомъ eį и далѣе обратиться въ ī, стсл. и (ср. несѣте—повел. форма, гдѣ ѣ изъ oį, съ пишите *); въ формѣ 2-го л. ед. ч. неси мы имѣемъ и изъ ē съ прерывистой долготой). По происхожденію славянская повелительная форма есть старое желательное наклоненіе. Славянскому ѣ въ основѣ повелит. соотвѣтствуетъ по происхожденію греческое oi въ окончаніи основы желат. глаголовъ съ основами на о : е; ср. съ старослав. берѣте въ греч. тожеств. по происхожденію féroite (φέροιτε). Особую исторію имѣлъ въ общеслав. яз. дифтонгъ oį въ началѣ словъ. Въ эпоху распаденія общеславянскаго языка дифтонгъ oį давалъ при такомъ фонетическомъ положеніи частію jie (или ie), частію ja, въ стсл. яз. здѣсь ꙗ, въ русскомъ яз. я и діалектическое ѣ.

Изъ общеиндоевроп. дифтонговъ eu̯, ou̯, au̯ въ общеслав. яз. получились дифтонги eu̯ и ou̯. Въ ту эпоху жизни общеслав. яз., когда о послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ подверглось измѣненію въ е, общеслав. дифтонгъ ou̯ измѣнился въ eu̯, который вмѣстѣ со старымъ eu̯ перешелъ въ звуковое сочетаніе įü съ долгой гласной, гдѣ į послѣ согласныхъ имѣло ту же исторію, что и въ другихъ случаяхъ при данномъ положеніи. Въ результатѣ получилось ü послѣ смягченной согласной, которое въ части діалектовъ стсл. яз. перешло въ u и обозначалось написаніемъ оу не послѣ j, но въ другихъ діалектахъ старославянскаго языка (Саввина кн., глаголич. тексты) гласная ü сохранялась, и буква ю обозначала здѣсь какъ сочетаніе į+ü, такъ и одну гласную ü (напр. послѣ ж, ч). Общеслав. дифтонгъ ou̯, гдѣ ему не предшествовалъ мягкій неслоговой звукъ, перешелъ въ общеслав. яз. въ гласную u, передававшуюся написаніемъ оу въ подражаніе греческому письму.

Въ латинскомъ яз. изъ общеиндоевроп. дифтонговъ eį, oį, aį получились дифтонги eį, oį, aį, а изъ общеиндоевроп. eu̯, ou̯, au̯ получились дифтонги ou̯, au̯, при чемъ дифтонгъ eu̯ совпалъ съ ou̯ въ одномъ дифтонгѣ ou̯. Эти дифтонги съ теченіемъ времени стянулись въ долгія гласныя. Древнелат. дифтонгъ eį перешелъ къ концу III и началу II в. до Р. Х. въ слогѣ подъ старымъ общеиталійскимъ удареніемъ въ ē закрытое, а далѣе въ ī. Дифтонгъ oį въ положеніи подъ древнимъ удареніемъ на первомъ слогѣ далъ oe (еще у Плавта), ū (въ классическомъ періодѣ), при чемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ подъ вліяніемъ, можетъ быть, традиціи въ офиціальномъ яз. и орѳографіи сохранилось oe, ср. foedus «договоръ», poena «наказаніе», заимствованное изъ греч., но ср. pūniō «наказываю», ср. далѣе poenus и pūnicus (это oe въ живомъ народномъ произношеніи затѣмъ звучало какъ ē) «пуническій» — впрочемъ, какъ видно изъ дублетовъ poena—pūnio, poenus—pūnicus, а также изъ moenia «городскія стѣны, зданіе» (слово самого живого языка), врядъ ли мы можемъ безусловно принять указанное выше объясненіе, предложенное нѣкоторыми учеными; съ другой стороны, попытки найти фонетическія причины для сохраненія oį въ видѣ oe въ однихъ случаяхъ и для перехода его въ ū въ другихъ

*) Такимъ образомъ въ общеслав. и старослав. ѣ мы должны различать по происхожденію ѣ изъ ē и ѣ изъ дифтонга oi; первому послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ соотвѣтствуетъ а, а второму и, ср. слышати и горѣти, пишите и несѣте.

случаяхъ не дали надежныхъ выводовъ. Вопросъ остается поэтому неяснымъ. Дифтонгъ aį перешелъ въ дифт. ае, сохранявшійся въ литературномъ яз. и послѣ Р. X., а въ народномъ яз. онъ рано измѣнился дальше въ ē открытое. Дифтонгъ oų далъ ū, кажется, уже въ 3 в. до Р. X., а aų подъ удареніемъ сохранилось въ классическомъ яз., но въ народномъ дало ō. Въ положеніи безъ стараго ударенія (на первомъ слогѣ словъ) всѣ дифтонги на į перешли въ результатѣ въ ī, черезъ ступень ē закрытаго, ср. ēdīcō изъ ēdeicō «объявляю», при dīcō изъ deicō «говорю»; incīdō «надрѣзаю», ср. caedō «рублю»; всѣ дифтонги на ų въ такомъ положеніи перешли въ ū, напр. ср. inclūdō «запираю» при claudō «запираю», excūsō «оправдываю»—causa «причина» и т. д. Примѣръ дифтонга на į въ концѣ слова lupī—именит. пад. множ. ч. «волки», ср. старослав. **и** въ **рабн**, гдѣ **и** изъ oį объясняется прерывистой долготой. Вообще въ слогахъ безъ стараго ударенія измѣненіе eį, въ которомъ совпали всѣ дифтонги на į, относится ко времени болѣе раннему, чѣмъ появленіе ē изъ eį подъ удареніемъ.

Примѣры: 1) индоевроп. дифтонгъ eį: общеслав. iti, старослав. **ити** (русское идти имѣетъ d, перенесенное изъ настоящаго врем.: иду и т. д.; написаніе итти поэтому нельзя признать правильнымъ), ср. литовское eĩti «идти» (съ восходящимъ качествомъ музыкальнаго ударенія, ср. въ лат. яз. īs изъ eis (1-ое лицо eō изъ *eįō); общеслав. zima, старослав. **ꙁима**, родств. лат. hiems «ненастье, зима», но лат. hībernus «ненастный, зимній» изъ *heimrinos имѣетъ ī изъ eį (слав. z и лат. h въ началѣ этого слова изъ индоевроп. ĝh средненебнаго).

2) Индоевроп. дифтонгъ oį: общеслав. **ѣ**, старослав. **ѣ** въ окончаніи основы повелит. (стараго желательнаго наклоненія) въ форм. множ. и дв. ч. при общеслав. i, старослав. **и** въ окончаніи 2-го и 3-го л. ед. ч., напр. старослав. **берѣте, бери** (русское берите—новообразованіе), см. выше; общеслав. i, старослав. **и** въ окончаніи им. мн. ч. именъ муж. р. съ основами на о, ср. старослав. **раби** изъ стараго дифт. oį съ прерывистою долготою, ср. лат. lupī, разъясненное выше; въ окончаніи мѣстн. ед. ч. тѣхъ же именъ былъ полученъ дифтонгъ oį съ длительной долготой, поэтому мы здѣсь найдемъ общеслав., старослав. **ѣ**, а послѣ мягкаго неслогового звука общеслав. i, старослав. **и**, напр. **рабѣ, кони**, ср. латинское нарѣчіе (по происхожденію мѣстный падежъ) bellī «на войнѣ», гдѣ, однако, по указанію языка осковъ былъ полученъ въ концѣ дифтонгъ eį (а гласныя е и о, какъ мы знаемъ, находились въ старомъ чередованіи); старослав. **ѩдъ**, русск. ядъ, діалектич. ѣдъ представляетъ примѣръ дифтонга oį въ началѣ слова, ср. древневерхненѣм. eitar, нововерхненѣм. eiter «гной» (здѣсь eį изъ aį, а герм. aį изъ oį, такъ какъ о совпало здѣсь съ а; t изъ стараго d); въ виду принимаемаго нами вслѣдъ за Ф. Ѳ. Фортунатовымъ положенія объ особомъ измѣненіи дифтонга oį въ началѣ слова, слав. **инокъ**, заключающее въ себѣ основу **ино-**, распространенную новымъ суффиксомъ, не можетъ имѣть **и** изъ oį, ср. лат. ūnus «одинъ» изъ древняго oinos; латинское слово имѣетъ полный звуковой видъ корня съ oį, тогда какъ слав. яз. получилъ здѣсь слабый звуковой видъ i, откуда непосредственно ь, въ началѣ же слова ь получило передъ собою į, j, а jь дало i.

3) Индоевроп. дифтонгъ aį: общеслав. lѣvъ, старослав. **лѣвъ**, ср. тожеств. лат. laevus.

4) Индоевроп. дифтонгъ eų: общеслав. bl'udǫ, старослав. **блюдѫ**, ср. съ старымъ дифтонгомъ oų отъ того же корня старослав. **боудити** (общеслав. buditi) и съ слабымъ звуковымъ видомъ корня съ гласною u общеслав. bъdѣti, старослав. **бъдѣти**; въ общеслав. bl'udǫ было получено, слѣдовательно, въ корнѣ eų, которое дало įū (съ долготой), įū, при чемъ į послѣ губной исчезло, а послѣ губной развилось l' (см. въ отдѣлѣ į); ср. далѣе общеслав. l'ubiti, старослав. **любити** и нѣмецкое lieben, гдѣ тоже былъ полученъ дифтонгъ eų, давшій здѣсь въ результатѣ нововерхненѣм. ī; ср. съ особымъ звуковымъ видомъ корня латинское lubet, libet «угодно» (въ латинск. яз. въ извѣстныхъ случаяхъ получился звукъ ü изъ u и не въ слогѣ безъ ударенія, см. выше стр. 14 сл.).

5) Индоевроп. дифтонгъ oų: общеслав. buditi, старослав. **боудити**, см. выше; род. ед. общеслав. synu, старослав. **сыноу**, ср. лат. ūs въ окончаніи род. ед. именъ 4-го склон.: senātūs; индоевроп. окончаніе было—oųs (s отпало въ общеслав. яз.); звательная форма общеслав. synu, старослав. **сыноу** тоже восходитъ къ индоевроп. формѣ на—oų.

6) Индоевроп. дифтонгъ aų: общеслав. turъ, старослав. **тоуръ**, ср. лат. taurus «быкъ»; лат. auris «ухо» (r изъ s между гласными), общеслав. ucho, старослав. **оухо**; однако, славянское слово можетъ имѣть и oų, а соотвѣтственное слово греческаго яз. указываетъ именно на oų.

Примѣры для дифтонговъ, распавшихся на звуки двухъ слоговъ передъ гласной: ср. съ род. общеслав. synu, старослав. **сыноу** им. мн. общеслав. synove, старослав. **сынове**; при общеслав. pluti, старослав. **плоути** въ настоящемъ вр. имѣемъ общеслав. plovǫ, старослав. **пловѫ** (здѣсь гласная o изъ e передъ v, см. стр. 12); при общеслав. pѣti, старослав. **пѣти** въ наст. вр. имѣемъ общеслав. pojǫ, старослав. **поѭ** и т. д.

2) *Дифтонги съ долгой слоговой гласной.* Какъ мы уже видѣли, въ индоевроп. праязыкѣ въ эпоху его распаденія существовали дифтонги и съ долгой слоговой гласной, находившіеся, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, въ извѣстныхъ случаяхъ въ чередованіи съ соотвѣтственными дифтонгами съ краткой слоговой гласной. Въ этихъ случаяхъ они получились изъ продленія этихъ послѣднихъ. Въ другихъ случаяхъ дифтонги съ долгой слоговой гласной чередовались съ гласными ī и ū, являвшимися слабымъ звуковымъ видомъ, который получался вслѣдствіе сокращенія дифтонговъ съ долгой слоговой гласной.

Къ общеиндоевроп. дифтонгамъ этого рода принадлежатъ дифтонги: ēį, ōį, āį, ēų, ōų, āų. Во всѣхъ этихъ дифтонгахъ различались дифтонги съ краткими į и ų и съ некраткою неслоговою частью. Общеиндоевроп. дифтонги съ долгой слоговой гласной и некраткими į и ų передъ согласной утратили при извѣстныхъ условіяхъ фонетически неслоговую часть еще въ праязыкѣ и совпали съ ā различнаго качества не изъ дифтонговъ. Въ концѣ словъ дифтонги съ длительной долготой слоговой гласной представляли такія į и ų, которыя могли отпадать при извѣстныхъ условіяхъ, при чемъ одни случаи вліяли на другіе.

Въ общеслав. яз. общеиндоевр. дифтонги съ долгой слоговой гласной

получили сокращеніе слоговой гласной и совпали съ дифтонгами, имѣвшими краткую слоговую гласную. Поэтому изъ общеиндоевр. ēi̯ общесл. яз. имѣлъ ei̯ съ измѣненіемъ его въ ī, откуда старосл. **и**; изъ общеиндоевр. ōi̯ и āi̯ въ общесл. языкѣ мы ждемъ oi̯ и въ результатѣ ē, ie, откуда старосл. **ѣ**, а послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ дифтонгъ oi̯ измѣнился въ общеслав. яз. въ ei̯, откуда общесл. ī, старосл. **и**. Общеиндоевроп. ōu̯ и āu̯ совпали съ дифтонгомъ ou̯, изъ котораго въ общесл. яз. получилось ū, стсл. **оу**, а послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ въ общесл. яз. получилось eu̯, откуда общеслав. jū съ его дальнѣйшей исторіей (см. выше). Общеиндоевр. дифт. ōi̯, гдѣ ō имѣло прерывистую долготу, въ концѣ слова измѣнился въ общесл. яз. въ ū послѣ твердыхъ согласныхъ, откуда старосл. **оу** и въ ü послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ, откуда въ однихъ діалектахъ стсл. яз. **оу** въ положеніи не послѣ j и i̯, а въ другихъ—**ю**.

Въ латинскомъ яз. дифтонги съ долгой слоговой гласной передъ согласными и въ концѣ словъ сократили долгую слоговую гласную и обратились въ дифтонги съ краткими слоговыми гласными, но уже послѣ измѣненія старыхъ дифтонговъ на i̯ съ краткими слоговыми гласными въ концѣ словъ въ ē закрытое. Дифтонгъ ai̯ изъ āi̯ при положеніи въ слогѣ безъ стараго латинскаго ударенія обратился въ ae. Древнелат. дифтонгъ oi̯ изъ ōi̯ въ концѣ словъ обратился, повидимому, въ результатѣ въ ō (см. § о дат. ед.).

Примѣры: 1) Общеиндоевр. дифтонгъ ēi̯ существовалъ въ формѣ мѣстн. п. ед. ч. именъ съ основами на i, ср. стсл. **пѫти** (въ окончаніи этой формы дифтонгъ āi̯ съ длительной долготой въ индоевр. пряяз. былъ полученъ изъ протяженія дифтонга съ краткой слоговой гласной, чередовавшагося въ окончаніи основъ на i съ i краткимъ, ср. старосл. род. ед. **кости**, гдѣ въ окончаніи было получено -eis, ср. соотвѣтственную форму основъ на u, являющуюся въ старослав. **сыноу**, см. выше). Дифтонгъ ēi̯ существовалъ далѣе съ утратой i̯ передъ согласной въ томъ индоевр. словѣ, откуда лат. rēs «вещь».

2) Общеиндоевроп. дифтонгъ ōi̯ является въ окончаніи дат. п. ед. ч. именъ и мѣстоименій съ основами на o, ср. лат. equō, древнелат. populoi Romanoi; о старосл. **томоу**, **рабоу**, **коню** см. въ отд. дат. ед.

3) Общеиндоевр. дифтонгъ āi̯ съ прерывистой долготой являлся въ дат. п. ед. ч. основъ жен. р. на ā, напр., лат. equae «кобылѣ», старослав. **рыбѣ**; (о лат. формахъ на ā см. въ отд. дат. ед.).

4) Общеиндоевр. дифтонгъ ēu̯ существовалъ напр. въ томъ словѣ, откуда дринд. dyaus «день, небо», тожественное съ греч. Dzéus «Зевсъ», Ζεύς. Этотъ же дифтонгъ съ индоевр. утратой неслоговой части является въ вин. п. въ лат. diem (изъ diēm), а по аналогіи вин. въ латинскомъ яз. и им. пад. получилъ форму diēs.

5) Общеиндоевр. дифтонгъ ōu̯ является напр. въ дринд. gaus «быкъ», «корова», ср. лат. bōs, родственно по корню старосл. **говѧждь** «бычачій», русское говядина, гдѣ старый дифтонгъ съ краткой слоговой гласной, распавшійся на звуки двухъ слоговъ. Этотъ же дифтонгъ является въ мѣстн. п. ед. ч. основъ на u, напр. стсл. **сыноу**, ср. въ лат. такое образованіе, какъ noctū (нарѣчіе «ночью», по происхожденію мѣстн. ед. ч.).

3. Исторія индоевропейской гласной, получившейся изъ сокращенія е, о, а краткихъ.

1) *Индоевропейская слоговая ирраціональная* (т.-е. очень краткая) гласная, условно обозначаемая нами буквою греческаго алфавита «альфа» *α*, обозначавшей въ самомъ греческомъ яз. звукъ а, получалась въ индоевроп. праязыкѣ изъ сокращенія краткихъ гласныхъ е, о, а въ слогѣ безъ ударенія обыкновенно передъ слогомъ съ удареніемъ. Качество этой гласной для эпохи распаденія праязыка не можетъ быть нами опредѣлено въ точности, мало того, есть указанія, что это качество зависѣло здѣсь частью отъ различія въ окружающихъ такую гласную звукахъ, частью были въ этомъ отношеніи различія діалектическаго свойства. На написаніе греч. буквы *α* надо смотрѣть какъ на условный знакъ и отнюдь не видѣть въ немъ намека на самое качество звука ирраціональной гласной. Далѣе, нельзя смѣшивать этой ирраціональной гласной съ разсмотрѣнной нами уже неопредѣленной гласной (э), получавшейся изъ сокращенія долгихъ гласныхъ ē, ō, ā.

Въ сочетаніи съ шумными согласными ирраціональная слоговая гласная сохранялась въ эпоху распаденія индоевроп. праязыка далеко не во всѣхъ положеніяхъ, а только въ начальномъ слогѣ слова, если это было начало рѣчи или отдѣла рѣчи. Такимъ образомъ понятно, что могли въ одномъ и томъ же корнѣ получиться дублеты въ зависимости отъ различій въ фонетическихъ условіяхъ, но съ теченіемъ времени одинъ изъ дублетовъ могъ и обобщиться.

Такая ирраціональная гласная являлась въ балтійскославянскую эпоху въ видѣ i и въ видѣ u, въ зависимости отъ различій въ фонетическихъ условіяхъ, не вполнѣ для насъ ясныхъ, въ общеслав. яз. отсюда, понятно, получились соотвѣтственно **ь** и **ъ**. Въ латинскомъ яз. разсматриваемая гласная дала а.

Примѣры: общеслав. čьtyre при četyre (первая форма съ слабымъ звуковымъ видомъ съ старой ирраціональной гласной, получившейся изъ сокращенія е, вторая—съ полнымъ), ср. польск. cztery (cz обозначаетъ «ч», которое въ польск. яз. не мягкое, а у—звукъ «ы») съ утратою **ь** и старослав. **четыре**, русск. четыре; въ лат. яз. мы имѣемъ quattuor, гдѣ а тоже изъ индоероп. *α*; замѣчу, что и въ греч. яз., подобно общеслав. яз., это слово существовало въ двухъ звуковыхъ видахъ съ различіемъ по діалектамъ; ср. далѣе общеслав. šьdъ, старослав. **шьдъ**, гдѣ тотъ же корень, что и въ **ходити**, только въ слабомъ звуковомъ видѣ, а общеслав. š передъ **ь** изъ ch; общеслав. chъtěti при chotěti, ср. старослав. **хътѣти и хотѣти**, представляютъ опять фонетическіе варіанты съ слабымъ и сильнымъ звуковымъ видомъ; общесл. iz(ъ), старослав. **иꙁ(ъ)**, ср. лат. ех изъ ek + s; по указаніямъ родственныхъ языковъ k здѣсь было средненебнымъ, т.-е. такимъ, которое на славянской почвѣ давало s, слѣдовательно, izъ есть сложеніе изъ is + zъ, гдѣ zъ то же, что и въ другихъ предлогахъ (ср. bez(ъ), въ литовскомъ яз. извѣстно просто be, какъ и въ соотвѣтствіи съ славянскимъ izъ здѣсь просто isz, гдѣ литовское sz (звукъ «ш») получилось изъ k средненебнаго); слѣдовательно, на славянскобал-

тійской почвѣ этотъ предлогъ извѣстенъ въ слабомъ звуковомъ видѣ съ индоевроп. *a*, а въ латинскомъ яз. съ полною гласною е; старослав. **пьци, тьци** (повелит. формы глаголовъ **пекѫ, текѫ**) представляютъ опять-таки корень въ слабомъ звуковомъ видѣ; ср. далѣе 2-ое л. ед. ч. аориста **по-жьже**, 2-ое л. наст. **въжъжеши** (съ ъ вм. ь), повелит. **раждьꙁѣте** при **жегѫ**.

Долженъ замѣтить, что существуютъ попытки понять слав. **ь, ъ** указаннаго происхожденія какъ продуктъ самаго общеслав. яз., получившійся изъ е при извѣстныхъ условіяхъ, но я, слѣдуя Ф. Ѳ. Фортунатову, не нахожу возможнымъ отдѣлять этихъ фактовъ отъ соотвѣтственныхъ фактовъ родственныхъ языковъ, которымъ тоже пытаются дать истолкованіе какъ продуктамъ развитія отдѣльныхъ языковъ, и довожу эти факты до эпохи распаденія индоевроп. праязыка.

Примѣръ полной утраты индоевроп. *a* въ самомъ индоевроп. праязыкѣ: глагольный корень es, являющійся между прочимъ въ общеслав. jesmь, былъ извѣстенъ въ слабомъ звуковомъ видѣ какъ s, ср. общеслав. sǫtь, старослав. **сѫть**, лат. sunt; въ греческ. и древнеинд. яз. извѣстны образованія отъ этого корня и въ его старомъ звуковомъ видѣ *a*s. Могла исчезать ирраціональная гласная въ индоевроп. праязыкѣ и въ сочетаніи съ сонорной согласной передъ слѣдующей гласной, ср. напр., лат. mātrem, patrem (вин. ед. къ māter «мать», pater «отецъ»), гдѣ суффиксъ является безъ гласной передъ r; въ полномъ звуковомъ видѣ онъ заключалъ краткую гласную е, ср. въ греч. яз. вин. ед. patéra (πατέρα).

2) *Индоевропейская ирраціональная неслоговая гласная* (*a̯*). Въ разсмотрѣнныхъ нами выше фонетическихъ положеніяхъ индоевропейская ирраціональная гласная исчезла или, поскольку она сохранилась, въ сочетаніи съ шумными согласными была слоговой. Въ прочихъ случаяхъ, т.-е. въ сочетаніи съ сонорными согласными (за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ она исчезла передъ сонорной согласной, за которой дальше слѣдовала гласная) и съ неслоговыми i и u, эта гласная стала неслоговой, передавая свое слоговое свойство сонорной согласной или i̯ и u̯. Такимъ образомъ напр. сочетаніе er полнаго звукового вида, подвергаясь сокращенію, переходило въ *a*r и далѣе въ *a̯*r̥; гдѣ написаніемъ r̥ мы обозначаемъ r слоговое, ср. написанія l̥, m̥, n̥, передающія l, m, n слоговыя; равнымъ образомъ изъ сочетаній ei̯ или i̯e получалось при сокращеніи *a̯*i, i*a̯* и далѣе i. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ за сонорной согласной слѣдовала гласная, тамъ между слоговой плавной или носовой и слѣдующей гласной развивалась въ качествѣ переходнаго звука соотвѣтственная сонорная согласная неполнаго образованія, такъ что напр. сочетаніе *a̯*r̥i мы точнѣе должны были бы писать *a̯*r̥ʳi, сочетаніе *a̯*n̥i должны были бы передавать какъ *a̯*n̥ⁿi, но въ виду типографскихъ затрудненій и въ виду того, что не можетъ быть недоразумѣній, если мы будемъ помнить объ этомъ обстоятельствѣ, мы можемъ остаться при менѣе точной транскрипціи *a̯*r̥i, *a̯*n̥i и т. д. Въ сонорныхъ согласныхъ въ индоевропейскомъ праязыкѣ мы, по указаніямъ преимущественно балтійскихъ и славянскихъ языковъ, должны различать краткія и некраткія согласныя; точно такъ же краткими и некраткими были i̯ и u̯; при сокращеніи сочетаній съ краткими слоговыми гласными и i̯ и u̯ некраткими въ результатѣ получились ī и ū.

Въ поясненіе сказаннаго выше замѣчу, что не всѣ ученые принимаютъ изложенный генезисъ сочетаній $\underset{\circ}{a}$ съ слоговыми плавными и носовыми и і и u краткихъ и долгихъ въ ихъ чередованіи съ сочетаніями краткихъ гласныхъ е, о, а съ плавными и носовыми согласными и неслоговыми $\underset{\frown}{i}$ и $\underset{\frown}{u}$, не всѣ ученые принимаютъ для эпохи распаденія индоевропейскаго праязыка даже сочетанія $\underset{\circ}{a}$ съ слоговыми плавными и носовыми, указывая на то, что если въ чередованіи напр. съ es мы находимъ s, въ чередованіи съ e$\underset{\frown}{i}$ мы находимъ і, то и въ чередованіи съ er мы должны ждать одно $\underset{\circ}{r}$. Нѣкоторые ученые все же допускаютъ для индоевропейскаго праязыка наличность минимальной гласной при плавной и носовой. Изложенное мною выше построеніе, хотя и не можетъ быть вполнѣ доказано, такъ какъ оно касается фактовъ индоевропейскаго праязыка болѣе древнихъ эпохъ, чѣмъ эпоха его распаденія, представляется мнѣ наиболѣе вѣроятнымъ какъ по общимъ соображеніямъ, такъ между прочимъ и по той причинѣ, что напр. при индоевроп. s, какъ слабомъ звуковомъ видѣ корня es, мы должны допускать существованіе *a*s, слѣдовательно, полному исчезновенію индоевропейской гласной въ s должна была предшествовать эпоха наличности ирраціональной гласной, сохранившейся лишь при извѣстныхъ условіяхъ. Замѣчу еще, что теорія, которой я слѣдую, принадлежитъ Ф. Ѳ. Фортунатову и изложена имъ въ университетскихъ его лекціяхъ и въ статьѣ въ Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, XXXVI.

Добавлю еще, что такъ называемая индоевроп. ирраціональная неслоговая гласная въ сочетаніяхъ съ плавными и носовыми, вѣроятно, была различнаго качества въ зависимости отъ окружающихъ звуковъ. Нѣкоторые намеки въ этомъ направленіи даются отдѣльными индоевроп. языками, но вообще мы лишены возможности точно опредѣлить соотвѣтственные факты въ праязыкѣ.

Такъ какъ мы должны будемъ разсматривать сочетанія ирраціональной гласной съ плавными и носовыми, то намъ необходимо сперва сказать нѣсколько словъ о томъ, какія именно плавныя и носовыя были въ индоевропейскомъ праязыкѣ, и какова была въ общихъ чертахъ ихъ исторія въ отдѣльныхъ языкахъ.

Въ плавныхъ согласныхъ различались по Ф. Ѳ. Фортунатову: 1) согласная r, которая во всѣхъ отдѣльныхъ индоевроп. языкахъ оставалась сама по себѣ какъ r; 2) согласная l, которая и въ европейскихъ языкахъ нашей семьи, и въ древнеинд. яз. вообще является какъ l (въ древнеиранск. яз.—r); 3) согласная плавная, качество которой мы точно пока не можемъ опредѣлить, было ли это извѣстнаго вида r, или извѣстнаго вида l; условно можемъ обозначить ее греческой буквой λ «ламбда», обозначающей въ греческомъ алфавитѣ звукъ l; эта неопредѣленная плавная (такъ мы будемъ ее условно называть) въ европейскихъ языкахъ нашей семьи дала l, въ индоиранскихъ яз.—r. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ показанія отдѣльныхъ языковъ относительно качества индоевропейской плавной расходятся, и мы пока въ точности не знаемъ, какого происхожденія это различіе; можетъ быть, мы имѣемъ дѣло съ извѣстными діалектическими различіями въ самомъ праязыкѣ.

Что касается носовыхъ согласныхъ, то въ индоеврп. праязыкѣ въ эпоху его распаденія различались задненебное n, средненебное n (оба эти вида n существовали только передъ соотвѣтственными согласными), зубное n и губная носовая m. Передвиженія въ области носовыхъ согласныхъ, т.-е. переходъ ихъ изъ одной группы въ другую, въ отдѣльныхъ языкахъ зависѣли 1) отъ перехода задненебныхъ и средненебныхъ k и g въ звуки другихъ категорій и 2) отъ того, что m передъ зубной согласной переходило здѣсь, кромѣ балтійскихъ яз., въ n; частью напр. въ общеславянскомъ (м. б. еще балтійскославянскомъ) такой переходъ мы находимъ въ концѣ слова. Въ общеславянскомъ яз. носовыя гласныя получались вообще изъ сочетаній гласная + носовая согласная безъ послѣдующей гласной, значитъ передъ согласной и въ концѣ слова, при чемъ m здѣсь сперва обратилось въ n.

A) Общеиндоевропейскія сочетанія „ạ + слогов. плавная согласная“ въ положеніи передъ гласной.

Въ этихъ сочетаніяхъ общеиндоевр. ạ во всѣхъ отдѣльныхъ индоевр. языкахъ обратилось въ слоговую гласную, а слоговая плавная согласная обратилась въ неслоговую. Изъ общеиндоевроп. ạ въ такихъ сочетаніяхъ получилось въ латинск. o, u (которое частью изъ o по законамъ латинскаго яз., а частью не изъ o, представляя собою особый оттѣнокъ индоевроп. ạ), въ общеслав. яз. изъ балтійскослав. i и u получился **ь**, частью **ъ**, откуда и старосл. **ь** и **ъ**; лат. a въ такихъ сочетаніяхъ получалось, повидимому, при долготѣ плавной.

Примѣры: старосл. **жьрѫ**, родственно лат. vorāre, гдѣ лат. v изъ стараго g задненебнаго лабіализованнаго; лат. salix «ива», но соотвѣтств. греческое слово съ гласной e, съ полнымъ звуковымъ видомъ; ср. еще въ старослав. такія отношенія, какъ **бьрати** при **берѫ**, **мьрѫ** при **моръ**, а въ неопр. **мрѣти** сочетаніе **рѣ** изъ общеслав. er передъ согласной, ср. р. у-мереть съ полногласіемъ; лат. gula «глотка» отъ корня съ плавной l, родств. корню съ r въ **жьрѫ**.

B) Общеиндоевропейскія сочетанія „ạ + слогов. плавная безъ послѣдующей гласной“ въ отдѣльныхъ индоевроп. языкахъ.

Въ латинскомъ яз. такія сочетанія дали or, ur, ol, ul при краткой плавной (при чемъ лат. u частью изъ o, по законамъ латинской фонетики, а частью не изъ o), а также al, ar, rā, lā при долгой плавной.

Въ общеслав. яз. эти сочетанія дали **ьр̥**, **ър̥**, **ьл̥**, **ъл̥**, гдѣ **ь** и **ъ** изъ балтійскослав. i и u*); въ старослав. яз. эти общеслав. сочетанія получили перестановку и обратились въ **рь**, **ръ**, **ль**, **лъ** съ плавными неслоговыми; въ русск. яз. въ общеслав. сочетаніяхъ, перешедшихъ въ него безъ перестановки звуковъ, **ь** перешло въ е, а **ъ**—въ о, при чемъ въ русск. яз. **ъ** и далѣе о—частью изъ общеслав. **ь**. Общеслав. яз. получилъ **ь** и **ъ**

---

*) Въ этихъ сочетаніяхъ ь и ъ были неслоговыми, такъ что требовалось бы обозначать ихъ какъ таковые принятымъ способомъ, но, во избѣжаніе типографскихъ затрудненій, я ограничиваюсь тѣмъ, что обозначаю слоговое свойство самой плавной.

въ указанныхъ сочетаніяхъ изъ балтійскославянскихъ i и u, при чемъ ъ частью и изъ i (послѣ t и d передъ l + твердая согласная).

Примѣры: лат. cor «сердце», общеслав. sьrdьce, старослав. **срьдьце**, рус. сердце; лат. mors «смерть», общеслав. sъmьrtь, старослав. **съмрьть**, русское смерть; общеслав. dъlgъ, старослав. **длъгъ** (здѣсь ъ изъ балтійскослав. i), русскія долгій, долгъ; общеслав. zьrno, старослав. **зрьно**, русское зерно, лат. grānum «зерно»; лат. strātus «разостланный, распростертый», старослав. **простръть**; общеслав. pьlnъ, старослав. **пльнъ, плънъ**, рус. полный.

C) Общеиндоевропейскія сочетанія „ə + слоговая носовая согласная" въ положеніи передъ гласной.

Въ латинскомъ яз. въ этихъ сочетаніяхъ получилось передъ n—e и далѣе i, а передъ m — ü (см. стр. 14), въ балтійскослав. i и u, откуда общеслав. и старослав. ь и ъ, а въ началѣ словъ передъ ь въ общеслав. яз. развивалось i̯, j, а изъ jь получилось далѣе i, откуда старослав. и.

Примѣры: старослав. **въз-ьмѫ, имѫ** (старослав. и здѣсь изъ i = jь), ср. лат. emō «покупаю» съ полнымъ звуковымъ видомъ корня; старосл. **гънати**, ср. **женѫ, гонѭ**; старослав. **начьнѫ**, ср. съ полнымъ звуковымъ видомъ старослав. **искони, коньць** (основное значеніе было, вѣроятно, «край»). Для латинск. яз. примѣрами могутъ быть лат. in въ такомъ сложеніи какъ iners «бездѣятельный»; лат. decimus, decumus «десятый».

[D) Общеиндоевроп. сочетанія „ə + краткая слоговая носовая согласная" безъ послѣдующей гласной.

Въ латинскомъ яз. изъ общеиндоевроп. ə получилось e и i, а слоговая носовая согласная обратилась въ неслоговую.

Въ общеслав. яз. эти сочетанія были получены изъ балтійскослав. яз. въ видѣ сочетаній «i и u + носовая согласная», откуда «ь или ъ + носовая согласная»; въ эпоху распаденія общеслав. яз. изъ сочетанія ь + носовая согласная» въ однихъ случаяхъ существовало уже ę, откуда старослав. **ѧ**. Достовѣрные примѣры для общеслав. ǫ, откуда старослав. **ѫ**, изъ сочетанія «ъ + носовая согласная», неизвѣстны. Въ другихъ случаяхъ, именно въ слогѣ безъ ударенія передъ слогомъ съ удареніемъ, получились въ результатѣ ь и ъ, откуда старосл. ь и ъ; носовое свойство здѣсь исчезло, какъ и вообще въ i̯ и u̯, краткихъ и долгихъ; въ концѣ слова, гдѣ носовая согласная не была долгой, мы должны ждать въ результатѣ тоже ь или ъ. Такое различіе въ исторіи разсматриваемыхъ сочетаній объясняется, по мнѣнію Ф. Ѳ. Фортунатова, тѣмъ, что въ случаяхъ перваго рода ирраціональная гласная получила нѣкоторое удлиненіе, переданное ей носовой согласной, удлинившейся передъ согласной еще въ балтійскослав. языкѣ; въ случаяхъ же второго рода такого удлиненія не было.

Примѣры: лат. mens «умъ», старослав. **мѧть** въ **па-мѧть**; старослав. **десѧтый**, ср. приведенное выше лат. decimus, decumus, гдѣ за носовой слѣдовала гласная; лат. centum «сто», старослав. **съто**, ср. древнеинд.

çatám «сто» (ç обозначаетъ «ш» мягкое); старослав. **льгъкъ**, русск. легокъ, легкій, родственное лат. levis «легкій» (съ v изъ gh лабіализованнаго) не имѣетъ носовой согласной и представляетъ старую гласную е.

E) Общеиндоевропейскія сочетанія „$\underset{\smile}{\alpha}$ + долгая слоговая носовая согласная“ безъ послѣдующей гласной.

Въ латинскомъ яз. эти сочетанія дали an, am, nā, mā. Въ общеслав. яз. эти сочетанія дали, можно думать, ę и ǫ, но достовѣрные примѣры изъ старослав. яз. неизвѣстны.

Примѣры: лат. nātus изъ gnātus «рожденный», ср. cognātus, ср. тотъ же корень въ полномъ звуковомъ видѣ въ genus; общеслав. ǫtъka, русск. утка, родственныя по корню слова нѣкоторыхъ другихъ языковъ имѣютъ звуковой видъ со старой краткой гласной, ср. латинское anas «утка» и литовское ántis «утка», гдѣ нисходящее качество литовскаго ударенія указываетъ на старую долгую носовую.

F) Общеиндоевроп. „сочетанія слоговая сонорная согласная + $\underset{\smile}{\alpha}$“.

Въ латинскомъ яз. эти сочетанія дали ra, la, na, ma; въ общеславянскомъ и старослав. ь и ъ послѣ сонорной согласной; изъ балтійскослав. и здѣсь были получены i и u.

Примѣры: лат. fractus «сломанный», ср. нѣм. ge-brochen, гдѣ o изъ u и далѣе изъ $\underset{\smile}{\alpha}$; ср. старослав. **рь** въ **рьцн** при **реків**, ср. далѣе **въньзнтн** и **ножь**.

Примѣчаніе. Исторію общеслав. сочетаній, получившихся на мѣстѣ общеиндоевроп. сочетаній съ ирраціональной неслоговой гласной, мы разсмотримъ ближе въ слѣдующей части курса и тогда опредѣлимъ точнѣе тѣ измѣненія, какія въ нихъ происходили на почвѣ самого общеславянскаго языка.

Выше было замѣчено, что въ сочетаніяхъ индоевропейской ирраціональной неслоговой гласной съ слоговыми сонорными, эти послѣднія были въ однихъ случаяхъ краткими, въ другихъ—некраткими. На основаніи этого различія въ балтійскославянскомъ яз., гдѣ всякая сонорная согласная передъ согласной была уже некраткой, развились различія въ качествѣ долготы самого сочетанія, и далѣе въ общеславянскомъ яз. въ положеніи безъ ударенія это различіе въ этихъ сочетаніяхъ и въ носовыхъ гласныхъ, образовавшихся изъ сочетаній на носовую, не сохранилось, а подъ удареніемъ перешло въ различіе двухъ видовъ ударенія (восходящее качество получилось при старой долготѣ сонорной согласной, нисходящее качество—при старой ея краткости). На фактахъ, сюда относящихся, мы точно такъ же остановимся въ той части курса, гдѣ будемъ говорить о дальнѣйшей исторіи общеславянскаго языка.

4. Носовыя гласныя общеславянскаго языка.

Однимъ изъ важнѣйшихъ фонетическихъ явленій общеславянскаго языка было образованіе носовыхъ гласныхъ изъ сочетаній гласная и носовая согласная безъ послѣдующей гласной, т.-е. передъ согласной и въ концѣ слова.

Общеславянскія носовыя гласныя получились въ слѣдующихъ комбинаціяхъ:

1) краткія е и о изъ индоевроп. е и о, а съ послѣдующей носовой согласной не въ конечномъ слогѣ дали ę и ǫ: ср. общеслав. pętь, старослав. **пать** и разъясненное выше лат. quinque, гдѣ і изъ е; общеслав. pętъ, старослав. **патъ** (порядковое числительное), ср. лат. quintus «пятый» изъ *quinctos (засвидѣтельствованное quinctus—новообразованіе, гдѣ возстановлена задненебная согласная передъ t по аналогіи quinque); общеслав. svętъ, старослав. **свѧтъ**, ср. литовское szvèntas «святой» (sz обозначаетъ звукъ «ш», на сочет. en восходящее удареніе); общеслав. rǫka, старослав. **рѫка**, ср. литовское rankà «рука», гдѣ а передъ n изъ стараго о; общесл. ǫ въ суфф. 3-го л. мн. ч. наст. вр. глаголовъ, ср. старослав. **берѫтъ**, ср. по отношенію къ окончанію лат. dicunt изъ dicont «говорятъ» (въ лат. яз. здѣсь отпало конечное і); такія образованія, какъ старослав. **дѣлаѭтъ** показываютъ, что измѣненіе о въ е, послѣ мягкаго неслогового звука, происходило уже послѣ образованія носовыхъ гласныхъ.

2) Гласная е + носовая согласная дала ę и въ открытомъ концѣ слова, ср. общеслав. mę, tę, sę, старослав. **мѧ, тѧ, сѧ**. Въ этомъ примѣрѣ, по свидѣтельству родственныхъ языковъ (ср. лат. mē, tē, sē, безъ носовой согласной въ концѣ, древнеинд. mām, tvām, при mā, tvā «меня, тебя»), было получено не краткое, но долгое ē, сократившееся въ дифтонгическомъ сочетаніи (дифтонгическимъ сочетаніемъ мы называемъ сочетаніе гласной и сонорной согласной, т.-е. плавной или носовой, безъ послѣдующей гласной). Общеслав. ǫ въ открытомъ концѣ слова получилось въ результатѣ измѣненія стараго—ām; ср. окончаніе вин. ед. ч. основъ ж. р. на старое ā—общесл.—ǫ, старослав.—**ѫ** (напр. **женѫ**) съ соотвѣтств. окончаніемъ въ лат. яз., гдѣ—am (rosam) изъ сокращенія—ām. Долгая гласная въ дифтонгич. сочетаніи подлежала сокращенію, а продуктъ сокращенія ā далъ, очевидно, не о (такъ какъ о передъ конечной согласной, въ томъ числѣ и передъ носовой, давало, какъ мы знаемъ, u, см. также ниже), а a^0, такъ что эта гласная уцѣлѣла отъ измѣненія въ u, которому подверглось о.

3) Общеславянское ę получилось изъ сочетанія ạ съ слоговой носовой не въ концѣ слова. Примѣры были приведены выше (стр. 32), ср. общеслав. desętь, pamętь. Мы знаемъ уже, что ирраціональная неслоговая гласная давала въ балтійскославян. эпоху і и u, откуда сами по себѣ общеслав. ь и ъ (см. стр. 32). Слѣдовательно, сочетаніе ạn̥ дало въ общеслав. яз. въ разсматриваемомъ положеніи прежде всего ьn, ъn. Носовая гласная ę изъ сочетанія ьn могла получиться, надо думать, слѣдующемъ образомъ: ь подъ вліяніемъ некраткости слѣдующаго n, а оно было некраткимъ передъ согласной уже въ балтійскославянскую эпоху, должно было дойти до уровня полной гласной е, и сочетаніе en дало ę по общему правилу. Общеславянское ǫ изъ ъn, существованіе котораго при извѣстныхъ условіяхъ мы можемъ предполагать (какъ мы знаемъ, ирраціональная неслоговая гласная давала вообще балтійскославян. і, но при извѣстныхъ условіяхъ u) въ вполнѣ достовѣрныхъ примѣрахъ намъ неизвѣстно; общеслав. dǫti при dъmǫ (m передъ t должно было дать n), ǫtъka допускаютъ и иное объясненіе, т.-е. могутъ имѣть и сильный звуковой видъ корня.

4) Носовыя į и ų тамъ, гдѣ были краткими (а краткими они, подобно другимъ носовымъ гласнымъ, были въ открытомъ концѣ слова, тогда какъ передъ согласной они были долгими въ связи съ тѣмъ, что сама носовая въ такомъ положеніи была долгой еще въ балтійскославян. яз.) утратили носовое свойство и перешли въ результатѣ въ **ь** и **ъ**. Ср. вин. ед. основъ на u, гдѣ индоевроп. окончаніе было — um (ср. um въ окончаніи вин. ед. именъ латинскаго 4-го склоненія, senātum), напр. общеслав. synъ, старосл. **сынъ**; ср. далѣе вин. ед. основъ на i (ср. въ лат. яз. окончаніе—im, уцѣлѣвшее въ извѣстныхъ изъ элементарной грамматики «исключеніяхъ», какъ sitim «жажду» (им. ед. sitis), тогда какъ въ другихъ именахъ оно замѣнилось окончаніемъ — em, принадлежавшимъ первоначально только основамъ на согласную (напр. patrem), смѣшавшимся съ основами на i въ одномъ 3-мъ склоненіи), напр. общеслав. kostь, старослав. **кость**. Ср. еще вин. ед. основъ на—о муж. р., общеслав. orbъ, старослав. **рабъ**, гдѣ само u не старое, а образовалось изъ о въ конечномъ закрытомъ слогѣ (значитъ, этотъ процессъ былъ древнѣе образованія носовыхъ гласныхъ); индоевроп. окончаніе было—om, ср. латинское окончаніе—om, откуда позже—um въ именахъ 2-го склоненія, напр. equom, equum «коня». Въ мягкихъ основахъ на о, гдѣ этому о нѣкогда предшествовалъ j, ушедшій на смягченіе предшествующей согласной, мы находимъ общеслав. **ь**, старослав. **ь**, получившійся въ общеслав. яз. изъ **ъ** послѣ мягкаго неслогового звука, а переходъ о въ е, **ъ** въ **ь**, ū въ ī послѣ мягкаго неслогового звука былъ позже эпохи образованія носовыхъ гласныхъ. Вѣроятно, онъ происходилъ, съ другой стороны, до исчезновенія носового свойства въ гласныхъ, а потому точнѣе для даннаго случая говорить не о переходѣ **ъ** въ **ь**, а ų въ į; то, что ǫ сохранилось (ср. старослав. **дѣлаѭтъ**), тогда какъ простое о перешло въ е, не противорѣчитъ нисколько вышеизложенному положенію: ǫ именно вслѣдствіе носового свойства сохранилось, а ų, гдѣ носовое свойство было слабымъ (впослѣдствіи оно здѣсь исчезло совсѣмъ, сохранившись въ ǫ), перешло въ į. Въ окончаніи род. мн. ч. на—**ъ**, гдѣ было получено окончаніе индоевроп. ōm (ср. лат.—um изъ ōm съ сокращеніемъ долгой гласной и переходомъ о въ u), произошло сокращеніе ō съ прерывистой долготой въ дифтонгическомъ сочетаніи; эта гласная сама по себѣ давала ū (см. стр. 44), поэтому здѣсь въ результатѣ получилось u. Съ другой стороны, о съ длительной долготой, совпавшее съ а, при сокращеніи дало тотъ же результатъ, что и а, ср. ниже исторію окончанія 1-го л. ед. ч. глаголовъ. Родит. множ. мягкихъ основъ на о (ср. старослав. **коńь**) имѣетъ **ь** по извѣстному намъ уже правилу.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ i и u носовыя не были краткими, т.-е. въ положеніи передъ согласной, хотя бы и исчезнувшей впослѣдствіи, они частью дали ī и ū, откуда дальше у, т.-е. утратили носовое свойство, но сохранили долготу, частью же дали ę и ǫ. Въ опредѣленіи этихъ послѣднихъ условій я слѣдую Ф. Θ. Фортунатову, который выставилъ правило, что į и ų съ прерывистой долготой не передъ согласной того же слога дали ę и ǫ, въ прочихъ случаяхъ и тамъ, гдѣ они были съ длительной долготой, они утратили носовое свойство, давъ въ результатѣ ī и ū, т.-е. дальше у. Различіе между прерывистой и длительной долготой зависѣло

отъ стараго различія въ краткости и некраткости сонорной согласной, о чемъ уже говорилось выше. Такъ объясняется общеслав. ī и y въ вин. мн. ч. основъ на i и u, гдѣ изъ праязыка было получено окончаніе—ins и—uns съ n по указаніямъ балтійскихъ языковъ некраткимъ; ср. общеслав. kosti, syny, старослав. **кости, сыны**. Вин. мн. основъ м. р. на o, оканчивающійся на общеслав. y, старослав. **ы** (общеслав. orby, старослав. **рабы**) имѣетъ u не старое, а изъ o по извѣстному намъ закону; здѣсь было получено старое—ons. Ср. далѣе окончаніе 3-го л. мн. ч. несигматическаго аориста общеслав.—ǫ, старослав.—**ѫ** (напр. общеслав. mogǫ, старослав. **могѫ**); здѣсь изъ праязыка было получено окончаніе—ont; значитъ, n было некраткимъ въ балтійскослав. яз., въ данномъ случаѣ, однако, съ прерывистой долготой (t и d отпали въ концѣ словъ), но въ виду того, что здѣсь было положеніе не передъ согласной того же слога (t исчезло), носовое u долгое дало въ результатѣ ǫ. Ср. еще общеслав. žędati (старослав. **жѧдати, жѧжда**), гдѣ ę изъ i носового долгаго съ прерывистой долготой не передъ согласной того же слога: d относится уже къ слѣдующему слогу. Ср. далѣе общеслав. lyko, церковнослав. **лыко**, гдѣ y изъ ū, а ū изъ ų съ длительной долготой, на которую указываетъ нисходящее удареніе въ соотвѣтственномъ литовскомъ lũnkas «лыко».

Объясненія требуетъ еще судьба стараго сочетанія — ons въ концѣ слова послѣ мягкаго неслогового звука. Въ вин. мн. именъ м. р. на o съ мягкими основами старослав. яз. представляетъ **ѧ** (ср. **конѧ**), древнерусскій яз. имѣетъ здѣсь ѣ (конѣ, ключѣ), польскій яз. имѣетъ въ соотвѣтственной формѣ e неносовое, тогда какъ носовое свойство старыхъ носовыхъ гласныхъ здѣсь само по себѣ вообще сохранилось. Значитъ, въ окончаніи разсматриваемой формы была получена изъ общеслав. яз. какая-то особая гласная; нѣкоторые ученые опредѣляютъ ее какъ ę закрытое, но ближе, по моему мнѣнію, къ истинѣ опредѣленіе Ф. Ѳ. Фортунатова, принимающаго здѣсь общеслав. ię, т.-е. ѣ носовое. Получилось оно, по его мнѣнію, слѣдующимъ образомъ:—ons дало, какъ мы знаемъ, прежде всего—uns, далѣе ųs (n въ сочетаніи—ons,—uns было некраткимъ); послѣ мягкаго неслогового звука ų не раздѣлило судьбы ū неносового: послѣднее дало ī, а первое, вѣроятно, черезъ ступень ü носового дало въ результатѣ ē носовое, откуда, какъ изъ всякаго ē, получилось ѣ.

5) Требуютъ разъясненія еще тѣ (немногочисленные) случаи, гдѣ на мѣстѣ индоевроп. сочетаній ạ и слоговая носовая мы найдемъ въ общеслав. яз. ь и ъ. Этотъ результатъ получался тамъ, гдѣ ь и ъ, бывшія въ общеслав. яз. на мѣстѣ индоевроп. ирраціональной гласной, не могли удлиниться и дойти до ступени e и o, а это было 1) въ открытомъ концѣ слова и 2), по объясненію Ф. Ѳ. Фортунатова, передъ слогомъ съ удареніемъ. Такъ объясняется—ь въ вин. ед. общеслав. materь старослав. **матерь**; изъ праязыка здѣсь въ окончаніи вин. ед. было получено ạm̥ (ср. лат.—em въ mātrem); правда, эта форма могла бы быть и вин. ед. по аналогіи основъ на i, которыя вообще сильно повліяли на склоненіе старыхъ основъ на согласныя. Ср. далѣе общеслав. lьgъkъ, sъto, приведенныя выше (стр. 32).

Вопросъ, почему i и u старыя отличались въ составѣ носовыхъ гласныхъ въ ихъ исторіи отъ i и u изъ ирраціональной гласной, находитъ себѣ

отвѣтъ въ указаніи, что эти звуки были нѣкогда въ общеслав. яз. нѣсколько отличны по качеству, и і и ŭ изъ ирраціональной гласной, вѣроятно, раньше дошли до ступени ь и ъ.

Относительно словъ, заимствованныхъ изъ германскихъ язз., нужно замѣтить, что здѣсь общеслав. ǫ и ę передаютъ сочетанія un и in передъ согласными, ср. общеслав. Kъnędzь (старослав. кънязь, къназь) и древневерхненѣм. Kuning, нововерхненѣм. König; общеслав. vitędzь (церковнослав. витязь), ср. древнескандинавское vikingr «викингъ»; общеслав. ǫgrīnъ (церковнослав. жгринъ) «венгерецъ», ср. современное нѣмецкое Ungar «венгерецъ» (русское венгерецъ—новое заимствованіе изъ польскаго węgier, гдѣ w изъ общеслав. v передъ ǫ, см. ниже въ отдѣлѣ ų). Носовое ǫ передаетъ и сочетаніе an, ср. церковнослав. хждогъ и готское handugs «мудрый».

5. Чередованіе гласныхъ.

Въ эпоху распаденія индоевропейскаго языка существовали извѣстные случаи чередованія гласныхъ, т.-е. въ однихъ образованіяхъ корень или суффиксъ являлся въ одномъ звуковомъ видѣ, въ другихъ—въ другомъ (по отношенію именно къ вокализму). Такія чередованія, повторяющіяся въ однородныхъ случаяхъ, поскольку старыя отношенія не были измѣнены вліяніемъ аналогіи, имѣли въ индоевропейскомъ праязыкѣ фонетическое происхожденіе. Мы знаемъ однако индоевроп. праязыкъ непосредственно только въ эпоху его распаденія, а потому о происхожденіи чередованій гласныхъ мы можемъ судить лишь по тѣмъ скуднымъ намекамъ, какіе сохранились въ открываемомъ нами для указанной эпохи соотношеніи фактовъ. Въ виду этого многія частности ускользаютъ отъ нашего знанія, и мы можемъ по поводу нихъ выставлять только болѣе или менѣе вѣроятныя гипотезы; тѣмъ болѣе является затрудненнымъ наше изслѣдованіе, что сами ряды чередованія въ самомъ праязыкѣ были различнаго происхожденія: мы находимъ здѣсь отраженіе цѣлаго ряда эпохъ и нѣсколькихъ, можетъ быть, различныхъ факторовъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ, дѣйствовавшихъ позже другихъ, было вліяніе ударенія, въ которомъ несомнѣнно былъ, въ эпоху этого его дѣйствія, довольно сильный экспираторный (выдыхательный) элементъ. Имъ были обусловлены тѣ сокращенія, о которыхъ выше говорилось въ различной связи. Чередованіе гласныхъ по качеству (напр. е : о) является фактомъ болѣе ранняго происхожденія, и точное опредѣленіе его условій пока остается для насъ недоступнымъ.

Принимая во вниманіе оба вида чередованія гласныхъ (по количеству и по качеству), мы для эпохи распаденія праязыка можемъ опредѣлить слѣдующіе основные типы, отраженіе которыхъ въ фактахъ позднѣйшихъ индоевропейскихъ языковъ разъясняется тѣмъ, что мы уже знаемъ объ исторіи отдѣльныхъ звуковъ и звуковыхъ сочетаній.

Краткія гласныя е : о, чередуясь между собою, находились въ количественномъ чередованіи въ двухъ направленіяхъ: 1) съ ирраціональной гласной *ə*, получавшейся изъ ихъ сокращенія и частью исчезнувшей въ самомъ праязыкѣ (см. выше стр. 28), и 2) съ гласными ē : ō, являвши-

мися, какъ думаютъ, результатомъ продленія краткихъ e : o. Принимая во вниманіе различіе въ сосѣднихъ звукахъ, мы получаемъ различные варіанты этого основного чередованія (напр. въ соединеніи съ i̯ и u̯ гласныя e : o являлись въ нормальномъ звуковомъ видѣ въ сочетаніяхъ: ei̯ : oi̯, eu̯ : ou̯ и съ обратнымъ порядкомъ звуковъ i̯e : i̯o и u̯e : u̯o; въ слабомъ звуковомъ видѣ мы имѣемъ i и u (ī и ū долгія при некраткости i̯ и u̯), какъ результатъ общеиндоевроп. измѣненія *a*i̯, *a*u̯, i̯*a*, u̯*a*; въ удлиненномъ (протяженномъ) звуковомъ видѣ мы находимъ ēi̯ : ōi̯ и т. д. Не всѣ звуковые виды (ступени) одного и того же корня или суффикса можно всегда прослѣдить въ каждомъ отдѣльномъ языкѣ; обыкновенно полный рядъ чередованія получается, если брать всю совокупность индоевропейскихъ языковъ, да и то отдѣльныя звенья сплошь да рядомъ являются въ данномъ конкретномъ примѣрѣ не представленными. Такъ, общеславянскія pletǫ, plotъ, sъplětati (ср. хотя бы старослав. **плєтѫ : плотъ : съплѣтати**), какъ мы видимъ, представляютъ только три звена (e : o — ē); старослав. **пьци, пєкѫ** представляютъ старый слабый звуковой видъ (*a*) и сильный видъ съ e; общеслав. sǫtь при jesmь имѣетъ слабую ступень съ исчезновеніемъ *a* и сильную съ гласной e; церковнослав. **нєпрѣбрьдомъ** «безконечный», **брєдѫ, бродъ** представляютъ слабую ступень и сильную въ двухъ видахъ (r̥*a* — re : ro); старослав. **рьци, рєкѫ, про-рокъ, рѣхъ** (1-ое л. аор.) имѣютъ r̥*a* — re : ro — rē, т.-е. всѣ три ступени, но протяженную только въ одномъ видѣ (ē); старослав. **бодѫ, басъ** (1-ое л. аор.) имѣютъ сильную ступень (o) и протяженную (ō); старослав. **сѣдѣти, садъ** имѣютъ только сильную ступень (ē : ō), ср. лат. sedeō «сижу» и sēdēs «мѣсто сидѣнія», гдѣ старыя e — ē (ступень e въ слав. языкахъ находимъ въ церковнослав. **сєдьло** (русск. сѣдло — неправильное написаніе съ ѣ) и въ церковнослав. **въсєдлаиса**, встрѣчающемся въ пражскихъ листкахъ); ср. еще съ лат. pedis «ноги», но pēs «нога»; старослав. **мьрѫ, мрѣти** (изъ merti, ср. р. у-мереть), **моръ** имѣютъ слабую ступень (*a*r̥) и сильную въ двухъ видахъ съ гласными (e : o); старослав. **матєрє** (род. ед.) при **мати** имѣетъ старое чередованіе (e : ē), ср. латинск, mātris — māter (изъ *mātēr), гдѣ сохранился слабый звуковой видъ (конечный слогъ основы въ видѣ tr съ утратою *a*) и протяженный (ē въ tēr); старослав. **гънати, жєнѫ, гонити** имѣютъ слабую ступень (*a*n̥), сильную въ двухъ видахъ съ гласными (e : o) и протяженную съ гласной (ō), представленную церковнослав. **изганати** *); старослав. **-пьнѫ, -пѧти, о-пона, пѫто** имѣютъ (*a*n̥ — en : on), **-пѧти** общеслав. pęti могло бы само по себѣ имѣть и *a*n̥, но сербскій языкъ указываетъ здѣсь на старое удареніе на окончаніи, а передъ слогомъ съ удареніемъ мы ждали бы ь или ъ изъ *a*n̥ (см. стр. 32), слѣдовательно, въ pęti носовая ę получилась, вѣроятно, изъ en, сочетанія, существовавшаго въ сильномъ звуковомъ видѣ (ср. аналогичное merti, старослав. **мрѣти**); старослав. **бъдѣти, блюсти, боудити** указываютъ на u — eu̯ : ou̯ (слабая ступень и сильная въ двухъ видахъ); старослав. **биѭ, бьѭ (бити)**, церковнослав. **бои** имѣютъ чередованіе ei̯ : oi̯ (въ **бити**

---

*) Какъ будетъ выяснено ниже, въ кратныхъ по происхождеію основахъ намъ трудно отличить ē и ō старыя отъ такихъ ѣ и а, которыя появились по аналогіи старыхъ отношеній въ самомъ общеславянскомъ языкѣ.

былъ полученъ дифтонгъ eį передъ согласной, а потому мы находимъ общеслав. ī, въ кнѧ дифтонга уже не было, а было сочетаніе e—į, на которое распался дифтонгъ передъ гласной, а e передъ į переходило въ i; въ кон, наконецъ, было сочетаніе o—į изъ дифтонга oį передъ гласной окончанія основы o); старослав. цвьтѫ, цвѣсти, цвѣтъ указываютъ на i—eį : oį; въ старослав. слышати, слоухъ, крыти, кровъ сохранились ступени ū : oų (o—ų въ кровъ); ср. далѣе старослав. вити, вия, выѭ, гдѣ, по указанію родственныхъ языковъ, въ неопред. и не изъ eį, а изъ ī, бывшаго въ чередованіи съ дифтонгомъ; на славянской почвѣ самой по себѣ мы не можемъ различать стараго ī и совпавшаго съ нимъ въ результатѣ стараго eį; старослав. пльвати, плюѭ представляютъ старое чередованіе ū, распавшагося передъ гласной на u—ų (а это сочетаніе дало слав. ъв, послѣ мягкаго неслогового звука ьв), съ дифтонгомъ eų; старослав. слоути (словѫ), слава имѣютъ ступень сильную (oų, въ настоящемъ врем. ов изъ o—ų и далѣе e—ų) и протяженную (ō—ų передъ гласной); общеслав. sъpati, sъnъ изъ sъpnъ, старослав. съпати, сънъ представляютъ въ корнѣ сочетаніе sup, которое являлось въ праязыкѣ слабою ступенью сочетанія sųep, сохранившагося въ латинск. somnus «сонъ» изъ *sųepnos (sųe въ началѣ слова давало въ лат. яз. so-, ср. soror изъ *sųesōr, родств. общеслав. sestra, старослав. сестра съ старою утратою ų послѣ s и съ звукомъ t, развившимся между s и r).

Другой типъ индоевропейскаго чередованія мы находимъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ старыя долгія гласныя ē, ō, ā чередуются съ неопредѣленной гласной (ə), получившейся изъ ихъ сокращенія; ср. ирраціональную гласную *a* изъ e, o краткихъ. Долгія гласныя этого типа надо отличать отъ тѣхъ долгихъ гласныхъ ē, ō, которыя находились въ чередованіи съ e, o краткими и получались изъ ихъ удлиненія. Гласныя ē, ō, ā чередовавшіяся съ ə, находились въ чередованіи и между собою. Главнымъ образомъ были извѣстны чередованія ē : ā и ō : ā. Въ сочетаніи съ į и ų (типа ēį и įē, ēų и ųē) изъ стяженія į и ų съ ə получились, какъ мы знаемъ, ī и ū. Разсматриваемые типы чередованій мы находимъ напр. въ общеслав. sporъ (церковнослав. споръ, р. спорый) при общеслав. spěti, старослав. спѣти, ср. лат. spēs «надежда» (слав. o изъ ə, слав. ѣ и лат. ē изъ стараго ē); сюда же по корню, повидимому, принадлежитъ и лат. spatium (съ a изъ ə) «пространство» (изъ основного значенія, надо думать, «расширеніе»); ср. далѣе общеслав. lězǫ, lažǫ, lazъ (старослав. вълѣзѫ, възлажѫ, възлазъ), гдѣ мы имѣемъ старое чередованіе ē : ō; лат. pēgī (1-ое л. perf. къ pangō «вбиваю, утверждаю»): pāx «миръ» (какъ нѣчто утвержденное) представляютъ чередованіе ē : ā; въ лат. siēs (старая форма 2-го л. ед. ч. наст. вр. сослагат. наклоненія глагола sum «есмь», замѣненная подъ вліяніемъ множ. ч. формою sīs) мы имѣемъ старое сочетаніе įē, полный звуковой видъ суффикса желательнаго наклоненія отъ основъ, не оканчивавшихся на e : o, такъ называемыхъ нетематическихъ основъ, а въ лат. sīmus (1-ое л. мн. ч. наст. вр. сослагат. наклоненія) мы находимъ ī, слабый звуковой видъ сочетанія įē, ср. старослав. дадите (2-ое л. мн. повелит., по происхожденію желат. наклоненія, гдѣ общеслав. ī изъ индоевроп. ī; ср. далѣе старослав. хыщеніе, въс-хытити и хватати, гдѣ мы находимъ чередованіе стараго ū, какъ слабаго звукового вида, съ сочетаніемъ ųō.

Примѣчаніе. Кромѣ ряда e : o и его слабой и протяженной ступени въ индоевроп. яз. былъ и рядъ o : a съ слабою ступенью *a* съ ея обычною исторіей и съ ā : ō, какъ протяженнымъ видомъ. Этотъ рядъ представленъ лат. agō «гоню»: ambāgēs «непрямая дорога, обиняки» (слово извѣстно только въ множ. ч.); въ греч. яз. представлены въ извѣстныхъ образованіяхъ отъ того же корня ступени o и ō (см. Очеркъ сравнит. фон., стр. 40).

О нѣкоторыхъ другихъ типахъ общеиндоевроп. чередованій см. Очеркъ сравнит. фон., стр. 43.

Новообразованія въ чередованіи гласныхъ, появившіяся въ общеславянскомъ языкѣ. Въ образованіяхъ кратныхъ по происхожденію основъ глаголовъ были получены въ извѣстныхъ случаяхъ изъ праязыка долгія гласныя ē : ō въ ихъ чередованіи съ краткими гласными. Въ общеслав. яз., гдѣ эти основы получили широкое примѣненіе, типъ съ долгой гласной въ корнѣ оказалъ воздѣйствіе и на тѣ основы, которыя были образованы вновь въ другихъ условіяхъ чередованія: вмѣсто корневого **ь** всякаго происхожденія (изъ стараго i и старой ирраціональной гласной) являлось въ разсматриваемыхъ основахъ ī (ī въ чередованіи съ **ь** могло быть старымъ только тамъ, гдѣ былъ полученъ дифтонгъ ei̯), вм. **ъ** всякаго происхожденія появилось ū, y. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ одинъ и тотъ же корень имѣлъ параллельно производныя основы различнаго типа по отношенію къ гласной корня. Ср. старослав. **оу-гнести, оугнѣтати; въ-жегѫ, въ-жешти, въжагати** (а изъ ē послѣ смягченной согласной), рядомъ и **въ-жиѕати** (ср. **по-жьѕє**); **решти, рекѫ, прѣ-рѣкати**, рядомъ и **на-рицати** (ср. форму **рьци**); **иѕ-бодѫ, иѕ-бости, иѕ-бадати; ѕаколѭ, ѕаклати** (изъ—*kolti), **ѕакалати; оу-мьрѫ, оу-мрѣти** (изъ *merti), **оу-мирати; про-цвьтѫ, про-цвисти** (старое ei), ср. **цвѣтъ** (старое oi), **про-цвитати; на-дъмѫ, на-дѫти, надымати; оу-сънѫти** (ъ старое u), **оу-сыпати**.

6. Сонорныя согласныя.

1) *Плавныя согласныя.* Какъ мы уже видѣли на стр. 30, Ф. Ѳ. Фортунатовъ принимаетъ для индоевроп. праязыка три плавныхъ согласныхъ: 1) r, которое само по себѣ сохранялось въ отдѣльныхъ языкахъ; 2) l, которое само по себѣ сохранялось и въ древнеиндійскомъ языкѣ (въ древнеиранскихъ яз. здѣсь r); 3) плавную, которой качество мы точно опредѣлить не можемъ и которая называется поэтому имъ неопредѣленной плавной (обозначается условно греческой буквой λ). Не всѣ ученые согласны съ такимъ пониманіемъ фактовъ. Опредѣляя для праязыка только двѣ плавныя r и l, они вмѣстѣ съ тѣмъ принимаютъ, что на древнеинд. почвѣ старое различіе r и l было утрачено, частью же (въ извѣстныхъ діалектахъ) r вновь дало l; вмѣстѣ съ тѣмъ они отрицаютъ безъ достаточныхъ основаній и доказательную силу закона Ф. Ѳ. Фортунатова объ измѣненіи въ древнеинд. яз. группы l + зубная согласная въ согласную церебральную, считая случаи, гдѣ находится эта согласная, заимствованными изъ среднеиндійскихъ діалектовъ. Какъ бы то ни было, въ настоящее время для индоевроп. праязыка принимаютъ въ качествѣ особой со-

гласной l, въ прежнее же время, опираясь на древнеиранскіе языки, гдѣ только r, и на рѣдкіе случаи l въ древнеиндійскомъ яз., принимали только одно r, въ измѣненіи котораго въ части словъ въ l видѣли явленіе общеевропейское, происшедшее по отдѣленіи европейскихъ языковъ нашей семьи отъ азіатскихъ ихъ сородичей. Эта теорія должна была быть оставлена, какъ мы это уже видѣли въ другой связи (см. стр. 11).

Съ тѣми измѣненіями, какія произошли въ общеиндоевроп. l и r въ общеслав. яз., гдѣ они подверглись смягченію, мы познакомимся впослѣдствіи. Что касается латинскаго l, то здѣсь, какъ мы видѣли выше (стр. 13), различались два вида l; въ нашемъ условномъ произношеніи мы этого различія не воспроизводимъ.

Примѣры (см. также въ отдѣлѣ, посвященномъ исторіи сочетаній *a* съ плавной согласной): 1) индоевоп. r: общеслав. berǫ, старослав. **берѫ**, лат. ferō, соотвѣтственное древнеинд. bhárā-mi «несу» имѣетъ тоже старое r; 2) индоевроп. l: общеслав. plovǫ, старослав. **пловѫ**, сюда же принадлежитъ и лат. pluit «идетъ дождь» изъ *plevit, возникшее въ сложеніи, соотв. древнеинд. plava-tē «плыветъ, купается» имѣетъ старое l; общеслав. l'ubiti, старослав. **любити**, ср. лат. lubet, libet «угодно», древнеинд. lúbhya-ti «желаетъ»; 3) индоевр. λ: общеслав. slava, старослав. **слава**, общеслав. slovo, старослав. **слово**, соотвѣтств. слово древнеинд. яз. имѣетъ r (çrávas «слава», здѣсь ç обозначаетъ мягкое «ш»); общеслав. vlъkъ, старослав. **влькъ, влъкъ**, родств. лат. lupus «волкъ» (о лат. p см. въ отдѣлѣ о согл. k и g), соотв. древнеинд. слово vṛka-s «волкъ» (съ r слоговымъ подъ удареніемъ) имѣетъ r, какъ мы и ждемъ, изъ неопредѣленной плавной.

Въ общеславянскую эпоху сочетанія гласныхъ o и l съ плавными между согласными (т.-е. группы tort, tert, tolt, telt, гдѣ t является условнымъ символомъ всякой согласной), имѣвшія плавныя уже всюду некраткія, такъ какъ еще въ балтійскославянскомъ яз. онѣ были таковыми передъ согласными, подверглись извѣстному видоизмѣненію; именно, плавныя получили здѣсь слоговое свойство и такія сочетанія, произносившіяся уже въ два слога, въ дальнѣйшемъ измѣнились слѣдующимъ образомъ: въ части діалектовъ гласная удлинилась, и затѣмъ послѣ перестановки получились группы trāt, trѣt, tlāt, tlѣt (южнославянскіе и чешскословацкій языкъ); въ діалектахъ, давшихъ начало русскому языку, мы находимъ развитіе новой гласной послѣ плавной (т.-е. полногласныя группы torot, teret, tolot, какъ изъ tolt, такъ и изъ telt; въ послѣдней группѣ ело получилось только послѣ старыхъ смягченныхъ согласныхъ (шеломъ), еле же является весьма рѣдко, фонетически м. б. только передъ мягкимъ слогомъ, при чемъ въ однихъ случаяхъ оно было вытѣснено аналогіей, а въ «железа» распространилось, наоборотъ, дальше); въ діалектахъ, давшихъ начало польскому и лужицкому языкамъ, мы находимъ перестановку безъ удлиненія гласной, т.-е. группы trot, tret, tlot, tlet съ ихъ дальнѣйшими измѣненіями, въ полабскомъ же и кашубскомъ мы находимъ, въ отличіе отъ польскаго, группу tart. Старая группа čelt, гдѣ č служитъ символомъ общеславянской мягкой согласной, еще въ общеславянскомъ яз. имѣла не e, а извѣстный видъ ö, откуда объясняется тотъ фактъ, что она дала частью čālt, частью čēlt, ср. сербское жлијеб (ије = ѣ), чешскія žleb, žlab, р.

жолобъ изъ желобъ. Подробнѣе объ этихъ явленіяхъ, понимаемыхъ различными учеными различно, говорится во 2-ой части курса.

Старое различіе въ количествѣ плавныхъ, бывшихъ долгими передъ согласной въ общеславянскую эпоху, продолжало сохраняться въ положеніи подъ ударенiемъ, гдѣ и перешло въ различіе двухъ видовъ общеславянскаго ударенія; тамъ именно, гдѣ была старая краткая плавная, удлинившаяся въ балтійскославянскомъ яз., получалась долгота прерывистая и нисходящее качество ударенія, тамъ же, гдѣ долгота была старой, качество ея было длительное, и въ результатѣ получилось восходящее качество ударенія. Ср. р. вòронъ, сербское вра̑н (съ нисходящимъ удареніемъ на долгой гласной), чешское vran (съ сокращеніемъ долгой гласной подъ нисходящимъ удареніемъ), польское gawron и т. д., съ другой стороны, р. ворòна, сербское вра̏на (съ а подъ краткимъ рѣзкимъ удареніемъ, обозначаемымъ ̏, получившимся вслѣдствіе сокращенія гласной подъ восходящимъ удареніемъ), чешское vrána (съ долгимъ а), польское wrona, кашубское varna; р. бéрегъ, сербское бри̏јег (гдѣ иje съ рѣзкимъ удареніемъ надъ и = ѣ, сохранившему свою долготу), чешское břeh, польское brzeg; р. берéза, сербское брȅза (съ рѣзкимъ удареніемъ надъ е), чешское bříza, польск. brzoza и т. д.

Что касается начала словъ, то мы имѣемъ достовѣрные примѣры только для старыхъ or, ol передъ согласной. Тамъ, гдѣ была старая длительная долгота, значитъ, восходящее удареніе, въ этихъ сочетаніяхъ во всѣхъ діалектахъ происходило удлиненіе и перестановка, при старой прерывистой долготѣ, также тамъ, гдѣ не было ударенія на этихъ группахъ, перестановка съ удлиненіемъ гласной происходила только въ діалектахъ, давшихъ начало южнославянскимъ языкамъ, въ прочихъ же діалектахъ была перестановка безъ удлиненія гласной. Въ старослав. яз. въ случаяхъ второй категоріи, повидимому, были извѣстны и діалектическія группы безъ удлиненія гласной; ср. старослав. **ратаи, рало**, р. ратай, ч. rataj, ср. лит. árti «пахать» съ литовскимъ нисходящимъ удареніемъ, указывающимъ на старую долготу плавной, ср. стсл. **орѭ, орати**, гр. ἀρόω, лат. arō; церковнославянск. **лани** (есть и **алъни** съ **алъ** неяснаго происхожденія); Ф. Ѳ. Фортунатовъ принимаетъ, что здѣсь между **л** и **н** развилось неслоговое **ъ**, которое въ письменности частью не передавалось, такъ какъ въ эпоху возникновенія старослав. письменности **ъ** и **ь** были всюду еще слоговыми (кромѣ сочетаній съ старыми слоговыми плавными); ср. въ Остр. Ев. **алкати** безъ **ъ**, но съ надстрочнымъ знакомъ, въ Маріинск. Ев. обыкновенно безъ **ъ** и безъ знака, въ Савв. кн. вездѣ **алъкати** («Составъ Остром. Ев.», стр. 21, отд. отт. изъ «Сборника статей въ честь В. И. Ламанскаго», Спб. 1908), р. лань, п. łani, łań, ср. отъ того же корня старосл. **ѥлень**, р. олень (съ русскимъ о, ср. стр. 67 моего Краткаго пособія къ лекціямъ по историч. грамм. русск. яз.); **ср.**, съ другой стороны, старосл. **лакъть**, р. локоть п. łokieć; ср. старосл. **раз** — (діалектически въ Супрасльск. рук. **роз**), русское роз — (раз въ разумъ потому, что это слово церковнославянское, а въ разсказъ и т. п. мы имѣемъ орѳографическое недоразумѣніе подъ вліяніемъ церковнаго раз — и акающаго произношенія, ср. рóзсказни), польское roz —; слав. **ладии (алъдии)**, р. ладья, лодка.

Въ открытомъ концѣ слова еще въ индоевроп. праязыкѣ въ діалектахъ отпало конечное r послѣ долгой гласной, при чемъ длительное качество долготы гласной измѣнялось въ прерывистое, ср. дринд. mātá, старосл. мати, а, съ другой стороны, лат. māter. Это явленіе, вѣроятно, надо понимать такъ: въ извѣстную эпоху жизни индоевр. праязыка конечное r въ такомъ положеніи становилось подвижнымъ по фонетическимъ условіямъ, т.-е. частью сохранялось, а частью исчезало въ зависимости отъ этихъ послѣднихъ; съ теченіемъ времени одни діалекты обобщили случаи одного типа, а другіе діалекты обобщили случаи другого типа.

2) *Носовыя согласныя.* Въ положеніи передъ согласными и въ концѣ словъ въ индоевр. праязыкѣ существовали n зубное и m—губная носовая согласная. Въ положеніи передъ согласными существовали еще n задненебное (ṅ) передъ задненебными k и g и n средненебное (ñ) передъ средненебными k̑ и ĝ.

Въ латинскомъ яз. n задненебное, существовавшее въ языкѣ передъ задненебными согласными, гдѣ оно частью изъ индоевроп. средненебнаго n, въ связи съ переходомъ средненебныхъ k и g въ задненебныя (см. ниже), не отличалось на письмѣ отъ n зубного, а n зубное получилось, между прочимъ, и изъ m передъ зубными согласными; ср. tantus «столь большой», quantus «сколь большой» при tam «столь», quam «сколь, какъ», con-terō «растираю» и т. п.; въ такихъ случаяхъ, какъ comterō, quamdiu «какъ долго, пока» частью было возстановлено нефонетически m, частью же это м. б. просто этимологическія написанія; ср. еще hiems «зима» подъ вліяніемъ hiemis и т. д.

Изъ другихъ явленій въ области носовыхъ согласныхъ въ латинскомъ яз. отмѣтимъ измѣненіе группы mr внутри слова въ br, въ началѣ слова въ fr, ср. fremō «шумлю, реву», родств. нѣм. brummen «ворчать, бормотать», hībernus «бурный, зимній» (изъ *heimrinos). Группа ns имѣла n уже въ древнѣйшую эпоху жизни латинскаго яз. неполнаго образованія, которое исчезло съ удлиненіемъ предшествующей краткой гласной 1) въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ —ns было искони въ концѣ слова: equōs «коней», ovīs «овецъ», fructūs «плоды», pedēs «ноги» вин. мн., гдѣ было получено—ons,—ins,—uns,—ąns; 2) въ старомъ положеніи передъ l, m, n, d, v, ср. ālum «чеснокъ» изъ *anslo-m, ср. слав. жхати, hālāre съ неорганическимъ h (см. въ отдѣлѣ о придыхат. согл.), trā-mūtō, мѣняю», trā-no «переплываю», tra-dūcō «перевожу», trā-vehor «переѣзжаю», гдѣ было въ сложеніи старое trans—. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ n не исчезло вполнѣ вплоть до историческаго періода; на слабость артикуляціи такого n указываетъ его пропускъ въ надписяхъ (cosol, вм. consol «консулъ» и т. д.); съ теченіемъ времени черезъ ступень носовой гласной уже въ императорскую эпоху отсюда получилась гласная неносовая долгая; романскіе яз. получили здѣсь формы уже безъ n.

Въ общесл. яз. носовыя согласныя, какъ мы уже видѣли (см. стр. 33) въ положеніи безъ слѣдующей гласной обратили предшествующія гласныя въ носовыя и сами исчезли.

Подобно судьбѣ конечнаго -r въ индоевроп. праязыкѣ (см. начало стр.) и конечное -n исчезало послѣ долгой гласной, измѣнивъ ея долготу изъ

длительной въ прерывистую; отсюда объясняются старосл. **камы**, лат. homō, homo и, съ другой стороны, соотвѣтственныя образованія греч. яз., оканчивающіяся на—ōn въ им. ед. Старосл. **камы** ставитъ вопросъ о судьбѣ стараго ō съ прерывистой долготой въ общеславянскомъ яз. Ф. Ѳ. Фортунатовъ принимаетъ фонетическій его переходъ въ ū и далѣе въ **ы**.

7. Согласныя шумныя взрывныя.

Въ индоевропейскомъ праязыкѣ въ эпоху его распаденія существовали слѣдующія *взрывныя* согласныя: A) непридыхательныя: 1) зубныя t и d; 2) зубныя p и b; 3) задненебныя чистыя k и g; 4) задненебныя лабіализованныя k и g (обозначаемъ условно буквами q и g); 5) средненебныя k и g (обозначаемъ условно буквами k̑ и g̑); B) придыхательныя: въ качествѣ придыхательныхъ согласныхъ въ индоевропейскомъ праязыкѣ были извѣстны всѣ выше названныя согласныя, при чемъ условно мы будемъ обозначать придыхательное свойство согласныхъ написаніемъ буквы h за буквою, обозначающею соотвѣтственную согласную непридыхательную, напр. th, dh обозначаютъ t придыхательное, d придыхательное.

1) *Зубныя* t *и* d *непридыхательныя.*

Сами по себѣ зубныя взрывныя непридыхательныя сохранялись какъ зубныя взрывныя t и d въ разсматриваемыхъ нами отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ.

Примѣры: 1) индоевроп. t: лат. māter, pater, общеслав. mati, старосл. **мати**; лат. trēs, общеслав. trije, старосл. **трие, трье**; 2) индоевр. d: лат. dō въ dōnum «даръ», ср. старосл. **да-ти**; лат. decem «десять», ср. общеслав. desętь, старосл. **десѧть.**

Въ открытомъ концѣ слова старыя t и d отпали еще въ балтійско-славянскомъ яз., ср. старосл. **то**, тожеств. съ нимъ дринд. tad и по окончанію лат. quod «что»; старослав. **несе** 3-е л. аор. (**несе**, общеслав. nese, какъ 2-е л. ед. ч., изъ nese-s, съ отпаденіемъ s въ общеслав. яз.), ср. по окончанію напр. лат. dicēbat (сама форма не соотвѣтствуетъ славянской).

Въ общеславянскомъ яз. t и d исчезли передъ n, ср. **свьтѣти, свьнѫти; бѫдѣти, вѫзбьнѫти.** Передъ m исчезло d, ср. старосл. **дамь, дадѧть.** Въ группѣ sr вновь развилось t: общесл. sestra изъ sesr-a. Въ **мѫздра** и **ноздри**, (если только здѣсь суффиксъ начинался съ r, а не съ dr изъ dhr, какъ думаютъ теперь) развилось d, хотя и остается неяснымъ, почему здѣсь sr дало zr (ср. **мѧсо и носъ**). Въ группахъ tl, dl зубныя взрывныя сохранились въ результатѣ только въ западнославянскихъ языкахъ, въ южныхъ и въ русскомъ яз. мы найдемъ вообще фонетически ł (см. 2-ую часть), ср. старосл. **плетѫ, плелъ; падѫ, палъ**; русск. плету, плелъ; паду, палъ и напр. польск. plotę plótł; padnę, padł; р. шило (образованіе съ инструментальнымъ суффиксомъ къ корню, являющемуся въ шить) и польск. szydło. Въ латинскомъ яз. съ общеслав. dlo родственъ по происхожденію суффиксъ clo, образовавшійся въ общеиталійскую эпоху изъ tlo, ср. piāculum «умилостивительная жертва» изъ piāclom при глаголѣ piāre «умилостивлять жертвою»; съ слав. dlo тожественъ лат. суффиксъ—bulo-

изъ-bolo-, индоевроп. dhlo (см. стр. 48). Замѣчу, что, въ латинск. яз. развивалась гласная въ группѣ согласныхъ, въ составъ которой входила плавная или носовая; ср. еще facilis «легкій» изъ faclis.

2) *Губныя* p *и* b *непридыхательныя.*

Индоевропейскія p и b сами по себѣ сохранялись въ разсматриваемыхъ языкахъ, при чемъ b, вѣроятно, было очень рѣдкимъ звукомъ въ эпоху распаденія самого праязыка.

Примѣры. 1) индоевроп. p. лат. quinque, гдѣ начальное p замѣнено черезъ qu подъ вліяніемъ qu слѣдующаго слога, общеслав. pętь, старосл. ср. **пѧть**; лат. приставка pro-, общеслав. pro-, старосл. **про-**, 2) индоевроп. b: общеслав bykъ, церковносл. **быкъ** отъ того же корня лат. būcina «рожокъ», съ старымъ ꙋ тотъ же корень является въ церковнослав. **боучати**; церковнослав. **бѫбьнъ**, р. бубенъ изъ общесл. bǫbьnъ имѣютъ въ корнѣ b изъ стараго b, ср. гр. bómbos (βόμβος) «глухой звукъ».

Въ общеславянскую эпоху исчезли p и b передъ n, ср. старосл. **съпати**, но **сънъ** изъ supnos *); **съ-гыбати, съ-гънѫти**; въ такихъ случаяхъ, какъ старосл. **погыбнѫти**, р. погибнуть, звукъ б возстановленъ по аналогіи другихъ формъ, гдѣ онъ сохранился. Передъ s исчезли точно такъ же p и b, ср. р. оса, лит. vapsà, нѣм. wespe, дрвн. wefsa, старосл. **грѣсъ** аористъ къ **гребѫ** (b, вѣроятно, сначала перешло въ p). Такую же судьбу p и b (послѣднее черезъ ступень p) имѣли передъ t, ср. **тепѫ—тети**, **гребѫ—грети**; р. грести — новообразованіе, ср. уже церковнослав. **грести**, **грести.**

3) *Средненебныя* k̂ *и* ĝ *непридыхательныя.*

Средненебныя k̂ и ĝ перешли въ видѣ задненебныхъ k и g въ языки греческій и латинскій, гдѣ съ ними совпали и задненебныя чистыя k и g; ту же судьбу они имѣли въ кельтскихъ и германскихъ языкахъ. Въ индоиранскихъ, славянскобалтійскихъ, а также въ армянскомъ и албанскомъ они отличались въ своей исторіи отъ чистыхъ задненебныхъ, которыя въ этихъ языкахъ совпали съ задненебными лабіализованными въ чистыхъ k и g. Такимъ образомъ индоевропейскіе языки дѣлятся въ этомъ отношеніи на двѣ большія группы, условными обозначеніями которыхъ служитъ слово «сто» въ его латинской формѣ (centum) для западной группы и въ авестійской формѣ (satəm)—для восточной группы. Говорятъ такимъ образомъ о языкахъ группы centum и языкахъ группы satəm. Любопытно отмѣтить, что вновь открытые остатки уже исчезнувшаго тохарскаго языка въ китайскомъ Туркестанѣ свидѣтельствуютъ о принадлежности этого древняго индоевропейскаго языка на крайнемъ Востокѣ къ группѣ западной, къ группѣ языковъ centum.

Въ балтійскославянскую эпоху k̂ и ĝ дали фрикативныя небнозубного класса, повидимому, извѣстнаго вида š и ž, откуда общеславянскія s и z (старославянскія **с** и **ꙁ**), литовскія sz и ž (т.-е. звуки «ш» и «ж»).

Примѣры: 1) индоевроп. k̂; общеслав. sъto, старослав. **съто**, лат. centom, centum; общеслав. desętь, старосл. **десѧть**, лат. decem; старослав.

---

*) Лат. somnus „сонъ“ изъ *suepnos, а для ассимиляціи pn въ mn ср. еще omnis „весь“ изъ *opnis къ ops „могущество, богатство“.

слово, старосл. **слава**, ср. греч. kléos (κλέος) «слава»; 2) индоевроп. ĝ: общеслав. zna-ti, старослав. **зна-ти** — лат. co-gnōscō; общеслав. zьṛno, старослав. **зрьно**, лат. grānum «зерно».

4) *Задненебныя чистыя и лабіализованныя k и g непридыхательныя.*

Задненебныя k и g совпали въ языкахъ группы satəm съ индоевроп. q и g въ k и g задненебныхъ съ ихъ дальнѣйшими измѣненіями. Въ языкахъ группы centum (см. стр. 45) k и g чистыя задненебныя совпали съ k̂ и ĝ среднебными въ задненебныхъ k и g, а k и g лабіализованныя (q, g), какъ вскорѣ увидимъ, при сохраненіи лабіализаціи давали особые результаты.

Значитъ, въ общеслав. яз. k и g получились изъ индоевроп. k и g задненебныхъ, какъ чистыхъ, такъ и лабіализованныхъ. Въ дальнѣйшемъ они здѣсь подверглись измѣненіямъ. Именно, въ общеслав. яз. k и g подверглись смягченію въ č и dž, откуда еще въ общеслав. эпоху ž, въ положеніи передъ наличными въ то время мягкими гласными (e, ь, ī, ē *), ę), а въ другую, болѣе позднюю эпоху жизни общеслав. яз. они смягчились въ c и dz, откуда далѣе въ западныхъ языкахъ dz съ его дальнѣйшими измѣненіями, иначе вообще z, въ старослав. діалектически dz (буква «зѣло»); это смягченіе происходило какъ передъ новыми ē, ī изъ слав. дифтонга oį, такъ и при извѣстн. условіяхъ послѣ мягкой гласной (см. ниже.) Второе смягченіе происходило и передъ u̯, откуда v + старая мягкая гласная, а передъ u̯ + e новаго происхожденія изъ дифтонга только въ діалектахъ общеслав. яз. Не только k и g, но и группы sk и zg подверглись 1-му и 2-му смягченію, при чемъ, въ первомъ случаѣ непосредственно получилось sč и далѣе šč, zdž и далѣе ždž, откуда старослав. **шт** и **жд** (путемъ утраты второго элемента аффрикаты (šč = štš), русскія щ и жж мягкое (орѳографически обыкнов. зж). Объ исторіи этихъ сочетаній въ другихъ слав. яз. см. слѣдующій главный отдѣлъ курса.

Въ греческомъ и латинскомъ языкахъ задненебныя чистыя отличались въ ихъ исторіи отъ задненебныхъ лабіализованныхъ, которыя дали k и g только тамъ, гдѣ исчезла лабіализація. Въ латинскомъ яз. при сохраненіи лабіализаціи q дало qu̯, а g дало gu̯, сохранившееся только послѣ n, иначе же давшее одно u̯, v; въ языкѣ осковъ и умбровъ мы находимъ p и b.

Исчезла лабіализація въ латинскомъ яз. передъ u и согласными.

Прежде чѣмъ привести примѣры, укажу на то, что мы не всегда можемъ точно опредѣлить качество индоевроп. k и g; для полнаго разграниченія отдѣльныхъ ихъ видовъ требуются, какъ мы видимъ, показанія для одного и того же слова языковъ обѣихъ группъ — группы centum и группы satəm.

Примѣры: I) k и g задненебныя нелабіализованныя: 1) индоевроп. k: лат. cruor «кровь», ср. старосл. **кръвь**, им. ед., образованный по аналогіи основъ на i, старое образованіе им. ед. общеслав. kry сохранилось

*) Самое ē дало при этомъ ā, см. стр. 17.

еще въ старопольскомъ яз. (ср. старый род. и въ старослав. **кръве**); лат. cālīgō «туманъ», ср. общеслав. kalъ, старосл. **калъ**; 2) индоевроп. g: лат. tegō «покрываю», ср. слав. **о-стегъ** «одежда»; лат. grex, «стадо» родственно съ другимъ звуковымъ видомъ корня общеслав. gъrstь, слав. **грьсть**, р. горсть.

II) q и g съ утратою лабіализаціи по фонетическимъ условіямъ въ латинскомъ яз.: 1) индоевропейское q: лат. coctus, part. perf. pass., но coquō «варю, пеку»; quercus «дубъ», но querquētum «дубнякъ»; 2) индоевропейское g: лат. gravis, греч. barüs, βαρύς своимъ b указываетъ на старое g лабіализованное.

III) q и g съ сохраненіемъ лабіализаціи: 1) индоевропейское q: лат. мѣстоименная основа quo-, напр. въ quo-d, ср. старосл. **которын, котерын**; лат. quattuor, общеслав. četyre, čьtyre, старосл. **четыре**; лат. quinque (съ начальнымъ qu вм. p подъ вліяніемъ слѣдующаго qu), ср. общеслав. pętъ, старослав. **пять** «пятый» (съ утратою k передъ t, см. ниже); 2) индоевропейское g: лат. vīvos, vīvus, общеслав. živъ, старослав. **живъ**; лат. bōs, заимствованное изъ сабельскихъ діалектовъ (мы бы ждали vōs), ср. старосл. **говяждь**.

Въ нѣкоторыхъ словахъ мы находимъ въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ расхожденіе по отношенію къ указаніямъ на качество старыхъ k и g; сюда принадлежатъ напр. случаи типа: лат. socer, ср. старослав. **свекры**, р. свекоръ, свекровь, но древнеинд. çvāçura-s, çvaçrū-s «свекоръ», «свекровь» съ древнеинд. ç во второмъ слогѣ (ç = «ш» мягкому) изъ k̑, а первое ç изъ s подъ вліяніемъ ç слѣд. слога. Какъ смотрѣть на случаи этого рода, не ясно; м. б. мы имѣемъ дѣло со старыми индоевропейскими заимствованіями изъ одного діалекта въ другой.

5) *Индоевропейскія придыхательныя согласныя.* Звонкія придыхательныя согласныя индоевропейскаго праязыка еще въ балтійскославянскую эпоху утратили придыханіе и совпали съ соотвѣтственными непридыхательными, т.-е. dh дало d, bh—b, g̑h дало слав. z, а gh и gh совпали въ g съ его дальнѣйшими измѣненіями.

Въ общеиталійскую эпоху звонкія придыхательныя согласныя такъ же, какъ и въ греческомъ яз., дали глухія придыхательныя, откуда получились глухія фрикативныя. Именно, изъ g̑h и gh задненебнаго чистаго получилось въ результатѣ общеиталійское χ (этой греческой буквой условно обозначаемъ общеиталійскую задненебную глухую фрикативную согласную, ср. русское х) непосредственно изъ kh; изъ gh получилось такимъ же путемъ χ лабіализованное, которое условно обозначимъ написаніемъ χ^u (непосредственно изъ qh); изъ dh получилось t придыхательное, т.-е. th и далѣе ϑ (этой греч. буквой, изъ прописного начертанія которой взята славянская «ѳита», и которая обозначаетъ межзубную фрикативную, родств. англійскому глухому th, я обозначаю здѣсь именно этотъ звукъ), а изъ bh черезъ посредство ph получилось f. При утратѣ лабіализаціи (а она ичезала тамъ же, гдѣ ее утрачивали q, g) въ латинскомъ яз. совпали, понятно, въ дальнѣйшей исторіи χ и χ^u. Дальнѣйшая судьба общеиталійскихъ фрикативныхъ согласныхъ только что указаннаго происхожденія была слѣдующая: χ дало h, передъ u въ началѣ слова м. б. f, передъ и послѣ

согласной g; χ^u дало въ латинск. яз. въ началѣ словъ f, внутри словъ gu̯, сохранившееся послѣ n, иначе одно u̯, v; общеиталійское ϑ дало въ латинскомъ яз. f только въ началѣ слова, внутри же слова въ сосѣдствѣ съ r, передъ l и послѣ u мы находимъ b, въ прочихъ случаяхъ d; наконецъ, f дало въ лат. яз. f только въ началѣ слова, внутри же слова мы находимъ b.

Примѣры: 1) индоевропейское dh: лат. fūmus «дымъ», общеслав. dymъ, старослав. **дымъ**; лат. fēcī (1-ое л. perf. къ faciō «дѣлаю»), ср. по корню общеслав. dѣ-ti, старослав. **дѣти** (неопред.); лат. ruber «красный» изъ *rubros, ср. старослав. **ръжда**, русск. ржа съ тѣмъ же звуковымъ видомъ корня (старымъ u), тогда какъ русск. рыжій имѣетъ старое ū, а русск. руда, рудый имѣютъ старый дифтонгъ ou̯; лат. rūfus «красный, рыжій» въ этомъ его звуковомъ видѣ заимствовано изъ сабельскихъ діалектовъ, а въ яз. осковъ старое dh всюду дало f; лат. stabulum собственно «мѣсто стоянія», «стойло», образованное съ старымъ суффиксомъ dhlo изъ корня, являющагося и въ stāre «стоять», тожеств. по происхожденію съ польскимъ stadło «пара, брачный союзъ»; изъ сказаннаго выше о судьбѣ стараго dh въ латинск. яз. ясно, что такіе случаи, какъ inficiō «вдѣлываю, вкладываю»—новообразованія по аналогіи простого глагола faciō;

2) индоевропейское bh: лат. ferō «несу», общеслав. berǫ, старослав. **берѫ**; лат. frāter, старослав. **братръ, братъ**; общеслав. nebo, старослав. **небо**, лат. nebula «туманъ».

3) индоевропейское ĝh: общеслав. vezǫ, vozъ, старослав. **везѫ, возъ**, лат. vehō «везу»; общеслав. ližǫ, старослав. **лижѫ, лизати** (ž здѣсь изъ zj), ср. лат. lingō «лижу» съ слабымъ звуковымъ видомъ корня (i), тогда какъ въ слав. словѣ мы находимъ сильный звуковой видъ (ei̯); кромѣ того лат. слово имѣетъ носовую согласную, являющуюся по происхожденію носовымъ инфиксомъ; общеслав. zima, старослав. **зима**, лат. hiems «ненастье, зима».

4) индоевропейское gh: общеслав. dъl̥gъ, старослав. **дльгъ**, родств. слова древнеинд. и греч. яз. указываютъ на gh, а въ лат. яз. сюда можетъ быть принадлежитъ indulgeō «я снисходителенъ (собств. долготерпѣливъ), прощаю»; общеслав. gostь, старосл. **гость** (основное значеніе «чужой», лат. hostis «врагъ»; лат. glaber «гладкій, лысый», общеслав. gladъkъ, старослав. **гладъкъ** (лат. b здѣсь изъ dh);

5) индоевропейское gʰh: общеслав. gorѣti, žarъ (изъ gērъ), старослав. **горѣти, жаръ**, ср. лат. formus «теплый» (греч. thermós (θερμός) «теплый», ср. напр., въ новомъ сложеніи, перешедшемъ и въ русск. яз. «термометръ»); общеслав. lьgъkъ, старослав. **льгъкъ**, лат. levis «легкій» (слав. ь изъ n̥ передъ слогомъ съ удареніемъ, лат. слово имѣетъ полный звуковой видъ съ e, но безъ носовой гласной, лат. u̯, v изъ gʰh внутри слова не послѣ n); лат. anguis «змѣя»; ср. русск. ужъ, угорь изъ общеслав. ǫžь, ǫgorь (здѣсь въ лат. яз. послѣ n мы находимъ gu); общеслав. snѣgъ, старослав. **снѣгъ**, ср. лат. ninguit «идетъ снѣгъ», nix «снѣгъ», гдѣ ks изъ gs, а g утратило лабіализацію передъ согласной, а придыханіе въ gh исчезло здѣсь передъ согласной, въ род. ед. nivis мы имѣемъ u̯, v, такъ какъ не предшествовало n.

Примѣчаніе. Какъ мы видѣли выше, латинское f въ началѣ словъ получалось изъ индоевропейскихъ g̑h, dh, bh, тогда какъ g̑h и g̑h дали вообще h (f изъ g̑h только передъ u, таково f въ лат. fundō «лью»), однако, въ рядѣ словъ мы находимъ f вм. h и h вм. f, при чемъ въ большинствѣ случаевъ традиція сохранила намъ оба варіанта въ одномъ и томъ же словѣ; римскіе грамматики приписываютъ при этомъ форму, отличавшуюся отъ обычно принятой въ литературномъ яз., древнему яз. или діалектамъ. Послѣднее несомнѣнно вѣрно и подтверждается слѣдами діалектовъ въ надписяхъ, хотя мы и не можемъ сказать ничего положительнаго о самомъ характерѣ этого явленія и его распространеніи, что находится въ связи съ скудостью нашихъ свѣдѣній о діалектахъ латинскаго языка. Ср. folus вм. holus (на g̑h указываетъ старосл. **ꙁєлиѥ**), ср. helus «зелень» (гдѣ e перенесено изъ род. ед. heleris, а въ им. должно было образоваться o передъ велярнозубнымъ l); fostis—hostis (см. стр. 48); обратно, haba вм. faba «бобъ», ср. слав. **бобъ** (старое bh въ началѣ).

Что касается звука h, то онъ рано сталъ придыханіемъ съ слабой артикуляціей, приводившей къ полному исчезновенію этого звука. Примѣры полной ранней утраты h между гласными: nēmō «никто» изъ *nehemō, собственно «ни одинъ человѣкъ», nīl «ничто» изъ и при nihil; дальше dirībeō «раздѣляю» изъ *dishabeō, гдѣ h не помѣшало переходу s въ z и далѣе въ r и затѣмъ вполнѣ исчезло. При положеніи въ началѣ слова h рано стало исчезать въ живой разговорной рѣчи, тогда какъ рѣчь людей образованныхъ стремилась его сохранять; съ теченіемъ времени пришлось, однако, устанавливать, какія же именно слова надо произносить, въ отличіе отъ простонароднаго языка, съ h, и тутъ получился цѣлый рядъ недоразумѣній; напр. появилось humerus вм. umerus «плечо», гдѣ для h нѣтъ этимологическаго основанія, съ другой стороны, укрѣпилось anser «гусь», гдѣ было h, родственно и общеслав. gǫsь, р. гусь, но здѣсь мы находимъ g, хотя ждали бы z, такъ какъ литовскій яз. указываетъ здѣсь тоже на g̑h, ср. древнеинд. h въ соотвѣтственномъ словѣ hąsá-s; какъ смотрѣть на это, не ясно; можетъ быть это — одинъ изъ случаевъ расхожденія отдѣльныхъ индоевроп. языковъ по отношенію къ качеству звуковъ k и g, а можетъ быть здѣсь заимствованіе изъ германскихъ языковъ, ср. нѣм. gans (аналогичный случай представляло бы тогда лат. bōs, заимствованное изъ сабельскихъ говоровъ). Наконецъ, было высказано мнѣніе, что gǫsь появилось путемъ диссимиляціи изъ zǫsь.

Исторія индоевропейскихъ глухихъ придыхательныхъ согласныхъ, существующихъ здѣсь въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, представляетъ до сихъ поръ еще много неяснаго, такъ какъ мы располагаемъ лишь небольшимъ матеріаломъ изъ болѣе или менѣе достовѣрныхъ примѣровъ.

Что касается латинскаго яз., то здѣсь глухія придыхательныя точно такъ же совпали съ старыми звонкими придыхательными, только послѣ s, повидимому, получились глухія взрывныя; нѣкоторые ученые думаютъ, что старыя глухія придыхательныя въ латинскомъ яз. вообще давали глухія взрывныя (см. Stolz, Latein. Gramm.[4], p. 120); слѣдовательно, они принимаютъ измѣненіе глухихъ придыхательныхъ въ соотвѣтственныя глу-

хія взрывныя въ эпоху, предшествовавшую переходу старыхъ звонкихъ придыхательныхъ въ глухія придыхательныя, а это явленіе было общеиталійскимъ. Однако матеріалъ, на которомъ основано это предположеніе, не отличается большою надежностью, частью же латинскія глухія взрывныя въ соотвѣтствіи съ старыми глухими придыхательными, на которыя указываютъ другіе языки, объясняются старымъ чередованіемъ придыхательныхъ и непридыхательныхъ взрывныхъ согласныхъ (см. ниже).

Въ общеславянскомъ и еще балтійскославянскомъ яз. изъ глухихъ придыхательныхъ мы находимъ глухія взрывныя непридыхательныя, ср. исторію звонкихъ придыхательныхъ, совпавшихъ здѣсь съ звонкими непридыхательными. Нѣкоторые ученые принимаютъ, правда, что индоевроп. kh дало на славянской почвѣ ch, но матеріалъ, на который они опираются, недостаточенъ для такого вывода, такъ какъ приводимыя въ защиту этого положенія этимологіи или сомнительны, или допускаютъ иное объясненіе. Послѣднимъ по времени защитникомъ указанной теоріи является Ильинскій, ср. его статью «Звукъ ch въ славянскихъ языкахъ», Изв. Отд. р. яз. и слав., XX).

Примѣры: 1) индоевропейское k̑h: лат. scindō, ср. слав. **цѣдити**, указывающее, однако, на старое k не средненебное (что же касается отсутствія указанія на начальное s, то намъ вообще извѣстны случаи, гдѣ въ одномъ и томъ же корнѣ въ праязыкѣ были варіанты съ s и безъ s въ началѣ);

2) индоевропейское th: суффиксъ 2-го л. ед. ч. д. з. перфекта, лат. -tī въ положеніи послѣ s, которое по происхожденію принадлежало аористу (а въ латинскомъ перфектѣ совпали аористическія и перфективныя образованія); ī здѣсь въ лат. яз. не старое, а представляетъ собою измѣненіе a, на которое указываютъ древнеинд. и греческій яз. своимъ суффиксомъ tha, по аналогіи 1-го л. ед. ч., гдѣ лат. ī изъ стараго дифтонга (по аналогіи -ai, когда еще сохранялся дифтонгъ въ 1-мъ л., появилось -tai и далѣе -tei, -tī во 2-мъ л. ед. ч.); старослав. **матѫ, мастн**, по указанію родств. языковъ (древнеинд. глагольный корень manth- при math-) имѣетъ старое th; сюда же и старо-слав. **мѧтнтн**.

Примѣры для общеславянскаго измѣненія k *и* g. Первое смягченіе въ č и dž, откуда еще въ общеслав. яз. получилось ž, мы находимъ въ слѣдующихъ примѣрахъ изъ старославянскаго языка: **речешн, рѣчь** при **рекѫ**; **отроча** при **отрокъ**; **очесе** (род. ед. при **око**), **очн** (им. вин. дв. ч.); **пророче, пророчьскъ** при **пророкъ**; **течаахъ** (1-ое л. ед. ч. imperf., ср. **несѣахъ**); **пѣсъчанъ**, ср. **пѣсъкъ** (а здѣсь и въ предшеств. примѣрѣ изъ ē, см. стр. 17); **начьнѫ, начатн** при **нсконн**; **боже, божьскъ** при **богъ**; **можешн** при **могѫ**; **мъножан** (сравнит. степ. при **мъногъ**, ср. **мѫдрѣн** при **мѫдръ**); **бѣжатн** при **бѣгъ**; **можаахъ** (1-е л. ед. ч. imperf.); **жнвъ** изъ *gi̊vos съ старымъ g лабіализов. (см. стр. 47); **жаръ** (изъ *gēros съ gh лабіализ., см. стр. 48).

Второе смягченіе въ c и dz, діалект. z, передъ ē (**ѣ**) и i изъ дифтонга oi̯: **тоцѣ, тоцн** (мѣст. ед. и им. мн. при **токъ**); **рьцн, рьцѣте** при **рекѫ**; **толнцѣмь, толнцѣ, толнцѣхъ, толнцѣмъ, толнцѣмн** при **толнкъ**, ср. соотв. падежи отъ тъ: **тѣмь, тѣ, тѣхъ, тѣмъ, тѣмн; бозѣ, боꙃѣ, бозн, боꙃн; лазн, лаꙃн, лазѣте, лаꙃѣте** при **лагѫ**.

Второе смягченіе послѣ мягкой гласной: суфф. **-ъць, -ьца, -ьце**, (**юньць, мышьца, срьдьце**); суфф. **-ица** (**дѣвица**); образованія кратныхъ глагольныхъ основъ: **-тицати** при **тѣкати** къ **текѫ**, **-рицати** при **-рѣкати** къ **рекѫ**; **двиѕати, двиꙁати** при **двигнѫ**; **сяѕати, сяꙁати** при **сягнѫ**; ср. еще **мѣсяць, лице, польѕа, польꙁа, кънаѕь, кънаꙁь** (при церковносл. **кънагыни**). Такъ какъ второе смягченіе происходило послѣ перваго, то понятно, что при **отьць** зват. будетъ **отьче**, ср. **отьчьство**; при **кънаѕь, кънаꙁь** зват. **кънаже**, ср. **кънажьство**.

Вопросы, связанные со вторымъ смягченіемъ k и g въ положеніи послѣ мягкой гласной, не всѣ еще выяснены съ достаточной полнотой. Прежде всего намъ неизвѣстны еще вполнѣ опредѣленно тѣ условія, при которыхъ происходило это явленіе въ общеслав. языкѣ. Бодуэнъ-де-Куртенэ пытался объяснить то, что при случаяхъ со смягченіемъ являются въ отдѣльнымъ славянскихъ языкахъ и случаи безъ такового (ср. **-двиꙁати, -двиѕати** при **подвигъ** и русск. двигать; **польѕа, польꙁа** при малор. пільга, польск. ulga (съ другою приставкою) «облегченіе», великор. польза, польга; р. истязать при тягать, **ликъ** при **лице** и т. д.), различіемъ въ положеніи ударенія: если удареніе слѣдовало, то предшествующая мягкая гласная сильно смягчала задненебную. Эта теорія, изложенная въ статьѣ ея автора въ IV т. журнала «Indogermanische Forschungen» (стр. 45 сл.), не могла разрѣшить всѣхъ трудностей. Болѣе удовлетворительной съ этой точки зрѣнія является гипотеза Шахматова (Извѣстія Отд. русск. яз. и слов., I, стр. 703 сл.), который принимаетъ для общеслав. эпохи фонетическое смягченіе k и g подъ вліяніемъ предшествующей мягкой гласной (не е и не ѣ, ср. русск. пекарь, лѣкарь, снѣгъ и т. д.) только въ томъ случаѣ, если далѣе не слѣдовала лабіализованная гласная. Значитъ, въ склоненіи и спряженіи въ извѣстныхъ случаяхъ должны были чередоваться образованія съ k и g и съ c и dz (likъ, но род. ед. lica, polьdza, но вин. ед. polьgǫ, dvidzati но dvignǫti и т. п.). Отсюда онъ выводитъ тѣ дублеты, частью раздѣленные по славянскимъ языкамъ, о которыхъ шла рѣчь (напр. при polьdza появилось polьga, съ другой стороны, въ вин. при polьgǫ—polьdzǫ; при dvidzati подъ вліяніемъ dvignǫti появилось dvigati и т. д.). Однако, и эта теорія, съ которою согласился въ послѣднее время Леръ въ своей статьѣ въ IV т. Rocznik slawistyczny, стр. 141 сл., не разрѣшаетъ вполнѣ всѣхъ затрудненій; почему напр. сохранились при otьcь и т. п. формы зват. otьče, разъ c зашло въ им. ед. otьkъ, гдѣ его первоначально не было. Далѣе, ссылка защитниковъ разбираемаго взгляда на то, что суффиксъ -īkъ (ср. русск. снѣговикъ, ломовикъ и т. п.) сохранился какъ -ikъ вслѣдствіе вытѣсненія стараго -ikъ суффиксомъ -īkъ изъ įkъ (а литовскій языкъ указываетъ на старый суффиксъ -inko-), тогда какъ въ ж. р. одержалъ верхъ какъ разъ суффиксъ -īka, откуда -ica (dѣvīca, но ср. русск. земляника), мало помогаетъ

дѣлу, такъ какъ мы имѣемъ c изъ k и послѣ ę, значитъ носовое свойство гласной не препятствовало смягченію. Попытки отвести это противорѣчіе и признать его мнимымъ, сдѣланныя Леромъ, неудовлетворительны (именно, онъ допускаетъ фонетическое измѣненіе k въ c только послѣ ьn изъ n̥ долгаго; однако и тутъ носовая гласная получилась изъ сочетанія гласной + n, а весь процессъ второго смягченія въ разсматриваемыхъ условіяхъ происходилъ, очевидно, уже по возникновеніи носовыхъ гласныхъ).

Еще возникаетъ вопросъ о хронологіи разсматриваемаго смягченія. Изъ различныхъ взглядовъ, приведенныхъ въ статьѣ Лера, по моему мнѣнію, наиболѣе вѣроятенъ тотъ, по которому это смягченіе предшествовало случаямъ второго смягченія, гдѣ оно было вызвано новыми мягкими гласными; это видно изъ того, что при **отьць** мѣстн. ед. будетъ **отьци**, тогда какъ при **отрокъ**— **отроцѣ**. Гласная i въ первомъ случаѣ объясняется изъ ei̯, въ которое перешелъ дифтонгъ oi̯ послѣ мягкой согласной, которая здѣсь уже была по разсматриваемому закону смягченія. И другіе примѣры подтверждаютъ, что это явленіе было раньше, чѣмъ переходъ o въ e послѣ мягкаго неслогового звука (ср. **ликъ**, но **лице**).

Передъ мягкой гласной, которой предшествовала u̯, согласныя k и g подверглись тоже второму смягченію, ср. общеслав. dzu̯ękъ въ польск. dźwięk «звукъ» (dź обозначаетъ dz мягкое, а ę—носовое e), ср. церковнослав. **ѕвьнѣти**, р. звякнуть, тогда какъ р. звукъ имѣетъ з нефонетическаго происхожденія, ср. малор. гук. Передъ **ѣ** изъ дифтонга смягченіе, какъ было указано выше (стр. 46), было въ общеслав. яз. діалектическимъ: ср. старослав. **ѕвѣзда, ѕвѣзда** при р. звѣзда, польск. gwiazda; старослав. **цвѣтъ** при р. цвѣтъ, малор. квітка «цвѣтокъ», польск. kwiat.

Примѣры для группъ sk и zg привожу только въ старослав. формѣ, гдѣ изъ общеслав. šč и ždž получились **шт** и **жд** при первомъ смягченіи, ср. **дъска**, **дъштица**; **штадѣти**, ср. **скѫдъ**; **бльштитъ** при **блѣскъ**; **мождани** при **мозгъ**; **раждие** при **розга**. Для второго смягченія въ sc и zdz, откуда st и zd: **чловѣчьстѣ** (мѣстн. ед.), **чловѣчьсти** (им. мн.) при **чловѣчьскъ** (діалектически, напр. въ Савв. кн. сохранялось **сц**); **драздѣ** (дат. мѣстн. ед.) при **дрaзга** «лѣсъ».

Согласная k въ общеслав. яз. подлежала смягченію передъ старой мягкой гласной и въ составѣ группы kt, тогда какъ передъ гласной немягкой въ этой группѣ k исчезло. Ср. общеслав. pletǫ, стсл. **плетѫ** и лат. plectō «плету»; общеслав. pętь, старослав. **пѧть**, ср. лат. quintus изъ *quinctos. Въ положеніи передъ старой мягкой гласной группа kt должна была дать прежде всего k't, čt, откуда дальше въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ тѣ же результаты, что и изъ общеслав. измѣненія группы tj. См. объ этомъ ниже, а пока замѣчу, что старослав. **шт** соотвѣтствуетъ русское ч, западнославянское c. Ср. старослав. **ношть**, р. ночь, польск. noc, ср. литовское naktìs «ночь», лат. nox, noctis «ночью»; старослав. **пешти** при **пекѫ**, р. печь, польское piec «печь»; старослав. **мошти** при **могѫ** (здѣсь общеслав. группа kt непосредственно изъ gt), р. мочь,

польское móc (ó обозначаетъ звукъ u, образовавшійся изъ o долгаго) «мочь» и т. п. Вліяніемъ однихъ случаевъ на другіе объясняется рядъ новообразованій: такъ общеслав. pętь (старослав. **пѧть**) утратило k по аналогіи pętъ «пятый»; аналогіей pletǫ объясняется напр. pletešі (старослав. **плетєши**); аналогіей неопред. при mogǫ, старослав. **могѫ** объясняется супинъ **мошть** (супинъ оканчивался на -tъ, ср. nestъ, старослав. **нєстъ**, слѣдовательно, мы ждали бы не **мошть**, а ***мотъ**).

Въ группѣ skn въ общеслав. яз. k исчезло, ср. старослав. **тѣснъ** при **тѣскъ** «прессъ», **тискати**.

8. Согласныя шумныя фрикативныя.

1) *Индоевропейское* s. Въ общеславянскомъ яз. мы изъ s находимъ частью s, частью ch съ дальнѣйшимъ измѣненіемъ въ š и s при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ происходило здѣсь смягченіе звуковъ k и g (см. стр. 46). Вопросъ объ условіяхъ, вызывавшихъ переходъ s въ ch остается до сихъ поръ еще невыясненнымъ, по крайней мѣрѣ въ полной мѣрѣ. Мнѣ представляется наиболѣе вѣроятнымъ мнѣніе Ф. Ѳ. Фортунатова, который въ славянскомъ ch различаетъ по происхожденію такое ch, которому соотвѣтствуетъ литовское sz (звукъ «ш»), и такое ch, которому соотвѣтствуетъ въ литовскомъ s. Второе ch образовалось, по его мнѣнію, въ общеславянскомъ языкѣ изъ s послѣ i и u какъ самихъ по себѣ, такъ и въ окончаніи дифтонговъ, тогда какъ ch перваго рода вмѣстѣ съ литовскимъ sz восходитъ къ особой разновидности s. Затрудненіе возникаетъ здѣсь 1) въ опредѣленіи самаго происхожденія такой разновидности; нѣтъ, повидимому, достаточныхъ основаній считать это s особаго рода древнимъ, такъ какъ другіе индоевропейскіе языки не даютъ рѣшительно никакихъ указаній въ этомъ направленіи, съ другой же стороны, трудно понять происхожденіе этой разновидности на почвѣ самого балтійскославянскаго языка, такъ какъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ, которыя позволили бы объяснять это s особыми фонетическими условіями; 2) для полнаго доказательства справедливости мнѣнія Ф. Ѳ. Фортунатова не хватаетъ, какъ мы увидимъ, важныхъ указаній со стороны литовскаго языка, не имѣющаго нѣкоторыхъ образованій, соотвѣтственныхъ славянскимъ. Во всякомъ случаѣ, если не раздѣлять мнѣнія Ф. Ѳ. Фортунатова, приходится или отказаться въ сущности отъ объясненія, почему въ литовскомъ яз. мы въ части случаевъ въ соотвѣтствіи съ слав. ch находимъ sz, или принимать, что въ части случаевъ, притомъ частью однородныхъ (напр. въ положеніи послѣ r), старое sz перешло вновь въ s, а эта послѣдняя возможность представляется весьма маловѣроятной.

Обыкновенно принимаютъ, что въ общеслав. яз. s перешло въ ch въ положеніи послѣ i и u самихъ по себѣ и въ составѣ дифтонговъ, а также послѣ r и k, объясняя случаи, уклоняющіеся отъ этого правила, новообразованіями. Связывая это ch съ литовскимъ sz (см. выше), нѣкоторые ученые допускаютъ возможность еще стараго (индоевропейскаго) діалектическаго измѣненія s въ виду того, что въ индоиранскихъ языкахъ мы находимъ измѣненіе s въ š послѣ i, u, r, k. Однако, вышеука-

занныя обстоятельства врядъ ли позволяютъ соединить въ одно цѣлое оба эти явленія; какъ было указано выше, слав. ch, повидимому, двоякаго происхожденія.

Что касается латинскаго языка, то s между гласными еще въ общеиталійскую эпоху перешло въ z, сохранившееся въ языкѣ осковъ, а въ языкѣ умбровъ и въ латинскомъ яз. отсюда получилось r. Этотъ процессъ закончился, повидимому, къ послѣдней четверти IV в. до Р. Х., ко времени диктатора Л. Папирія Красса (который самъ себя называлъ уже Папиріемъ) и диктатора Аппія Клавдія, которому приписывается узаконеніе r между гласными въ офиціальномъ языкѣ. Въ нашихъ источникахъ древнелатинскія слова изъ эпохи до ротацизма представляютъ между гласными букву s, которую надо читать какъ z.

Группа sr, измѣнившись еще въ общеиталійскую эпоху, дала лат. fr въ началѣ и br внутри слова.

Группы sm, sn, sl утратили s какъ въ началѣ, такъ и внутри слова; въ послѣднемъ случаѣ предшествующая краткая гласная удлинилась; если sm или sn предшествовало n, p, k, то они исчезли, и sm, sn имѣли далѣе свою обычную исторію.

Группы rs, ls дали rr, ll; ср. ferre «нести», velle «хотѣть» и es-se «быть».

Въ группѣ nsqu исчезло s фонетически (ср. inquam «говорю» изъ *insquām, корень тотъ же въ inseque, гдѣ гласная e, ср. слав. **соүнти**).

Примѣры: случаи, гдѣ s является какъ s въ общеслав. яз.: общеслав. sedmь, старослав. **седмь**, ср. лат. septem (въ основѣ этого числительнаго было, повидимому, старое pt, которое перешло въ bd еще въ праязыкѣ въ порядковомъ числительномъ м. б. въ зависимости отъ сосѣдства съ m: количественное числит. было въ праязыкѣ какъ septm̥, порядковое septm̥-mos (ср. лат. septimus) и septm-os, откуда sebdm-os, на которое указываетъ общеслав. порядковое sedmъ съ утратою b въ такомъ фонетическомъ положеніи; значитъ на славянской почвѣ перенесено bd изъ порядковаго и въ количественное числительное); общеслав. smьr̥dѣti, старослав. **смрьдѣти**, латинск. merda «калъ»; общеслав. snubiti, церковнослав. **сноүбити** «свататься» и лат. nūbō «выхожу замужъ»; общеслав. ses(t)rinъ, церковнослав. **сестринъ**, ср. лат. con-sobrīnus изъ *con-su̯esrīnos «двоюродный братъ»; лат. frīgus «холодъ» представляетъ примѣръ fr изъ sr въ началѣ слова; съ нимъ сопоставляютъ польск. srzez «льдина», словинское srêž «иней», льдина»; лат. dī-moveō «раздвигаю» изъ dis-moveō; латинск. trā-mutō «перемѣняю» изъ trans-mutō; cō-nūbium изъ *con-snūbium «бракъ» и т. п. представляютъ примѣры удлиненія краткой гласной въ связи съ измѣненіями группы sn, sm (cōnūbium м. б. и изъ *co-snūbium съ параллельной com- формою приставки: co-); āla «крыло», ср. axilla «подмышка» изъ *aksla; общеслав. časъ, старослав. **часъ**, ср. прусское kīsman вин. ед. (изъ *kēsman) «время»; общеслав. nosъ, церковнослав. **носъ**, ср. лат. nāres «ноздри» и лит. nósis «носъ» съ старой долгой гласной подъ нисходящимъ удареніемъ.

2) Примѣры для общеслав. ch, дававшаго š и s въ тѣхъ же условіяхъ, въ которыхъ происходило смягченіе k и g (см. стр. 46): общеслав. ucho,

старослав. **оухо**, лат. auris «ухо»; лит. ausìs «ухо» указываетъ на спеціальное слав. ch; им. дв. ч. **оуши**, мѣстн. ед. **оусѣ**, ср. далѣе р. ушко съ утратою ь; общеслав. vьrchъ, старослав. **врьхъ**, ср. лат. verrūca «бородавка» (rr изъ rs); лит. virszùs «вершина» указываетъ на такое слав. ch, которое, повидимому, восходитъ къ особому виду s; общеслав. lѣcha, церковнослав. **лѣха** «грядка», лат. līra «борозда»; лит. lýsē (y въ литовскомъ письмѣ = ī) «гряда» указываетъ на спеціальное слав. ch; общеслав. suchъ, старослав. **соухъ**, ср. лит. saúsas «сухой», гдѣ опять лит. s даетъ то же указаніе; общеслав. ch въ примѣтѣ аориста (ср. старослав. **дахъ, носихъ, ведохъ** въ 3-мъ л. мн. ч. **даша, носиша, ведоша**) балтійскіе языки соотвѣтственнаго образованія не сохранили, а потому остается неизвѣстнымъ въ точности, какъ смотрѣть на слав. ch; если оно не изъ особаго вида s, то пришлось бы напр. **дахъ, рекохъ** считать новообразованіемъ, что и дѣлаютъ сторонники общепринятаго взгляда на судьбу s; аор. **рѣхъ** отъ корня rēk имѣетъ ch изъ ks (вопросъ относительно самого s); передъ t согласная k исчезла въ группѣ kst, ср. **рѣсте**; съ другой стороны, группа k̑s съ k̑ средненебнымъ дала на слав. почвѣ одно s (само k̑ давало c, см. стр. 45), ср. общеслав. osь, церковнослав. **ось**, лат. axis; въ общеслав. vьsь, старослав. **вьсь** (мѣстоим.) мы имѣемъ s изъ ch въ силу положенія послѣ мягкаго гласнаго звука.

Передъ s исчезли въ общеслав. яз. въ результатѣ, кромѣ k, еще t и p, частью старыя, частью изъ g, d, b, перешедшихъ въ соотвѣтственныя глухія передъ s; ср. старослав. **жас-те** 2-е л. мн. ч. аор. къ **жегж**; **уисъ** 1-е л. ед. ч. аор. къ **уьтж**; **оса**, ср. лит. vapsà «оса»; **вѣсъ** 1-е л. ед. ч. аор. къ **ведж**; **даси** 2-е л. ед. ч. къ **дамь, дадать**; ср. далѣе старослав. **бѣсъ**, гдѣ въ общеслав., повидимому, было ts изъ ds; ср. литовск. baisùs «отвратительный» и лат. foedus «отвратительный».

2) *Индоевропейское* z, бывшее въ большинствѣ случаевъ звонкимъ эквивалентомъ глухой согласной s въ положеніи передъ звонкой согласной въ началѣ словообразовательныхъ элементовъ или вообще окончаній, имѣло слѣдующую исторію.

Въ общеславянскомъ яз. z сохранялось само по себѣ какъ z.

Въ латинскомъ яз. z передъ d исчезло съ удлиненіемъ предшествующей краткой гласной, передъ g перешло въ r, а передъ старыми звонкими придыхательными перешло въ s въ связи съ переходомъ слѣдующей согласной въ глухую придыхательную.

Примѣры: старослав. **мьзда** (общеслав. mьzda), ср. готское mizdō «плата, мзда», нововерхненѣм. Miete «наемъ» (древневерхненѣм. mēta съ утратою z и удлиненіемъ гласной); церковнослав. **мозгъ** (общеслав. mozgъ), ср. нововерхненѣм. Mark «мозгъ» съ верхненѣмецкимъ переходомъ z въ r; общеслав. gnѣzdo (старослав. **гнѣздо**) представляетъ затрудненія для объясненія; лат. nīdus «гнѣздо», какъ и нововерхненѣм. Nest «гнѣздо», указываютъ на старое индоевроп. nizdos, славянское же слово имѣетъ въ началѣ g; далѣе, слав. ѣ врядъ ли имѣетъ происхожденіе изъ дифтонга, такъ какъ въ индоевроп. ni-zdos первая часть его есть приставка, а корень sed «сидѣть» въ слабомъ звуковомъ видѣ; высказано предположеніе, что слав. слово восходитъ къ nē-zdos, гдѣ nē—приставка, извѣстная изъ нѣ-

которыхъ образованій греч. яз. съ значеніемъ «внизу, внизъ»; начальное g объяснялось бы какъ результатъ вліянія глагола gnetǫ, gnesti подъ вліяніемъ того, что нѣкоторыя птицы лѣпятъ гнѣзда изъ глины и т. п. (Бернекеръ въ своемъ словарѣ Slavisches Etymologisches Wörterbuch, стр. 313); ср. далѣе лат. sīdō изъ *sizdō «сажусь»; лат. mergō «погружаю», mergus «нырокъ», гдѣ rg по указанію древнеинд. яз. изъ zg. О слав. **мѧздра, ноздри** см. стр. 44.

Примѣчаніе. О фрикативной согласной j см. въ отдѣлѣ, посвященномъ i̯. Замѣчу, что для эпохи распаденія индоевроп. праязыка принимаютъ въ настоящее время, на основаніи показаній греческаго и кельтскаго языковъ, еще одну пару фрикативныхъ небнозубныхъ согласныхъ, которыя въ остальныхъ языкахъ не отличаются въ ихъ исторіи отъ звуковъ класса s. Такая глухая согласная существовала напр. въ корнѣ того слова, которое мы находимъ въ старослав. **тесати** (этой фрикативной согласной предшествовало k̑), ср. лат. texō «плету, тку» и греч. téktōn (τέκτων) «плотникъ», ср. новый европейскій терминъ, взятый изъ греческаго (ἀρχιτέκτων) и перешедшій въ русскій яз. въ видѣ слова «архитекторъ».

9. Индоевропейскія аффрикаты.

Въ индоевропейскомъ праязыкѣ существовали въ извѣстныхъ случаяхъ слитныя сочетанія взрывныхъ и фрикативныхъ согласныхъ зубного класса, именно аффрикаты ts (c) и dz, получившіяся изъ t и d въ положеніи передъ взрывными зубными, т.-е. напр. группа tt давала ct. Въ отдѣльныхъ индоевропейскихъ языкахъ первый, т.-е. взрывный элементъ аффрикатъ, исчезъ, и остались s и z. Отъ аффрикаты c, т.-е. слитнаго сочетанія ts, надо отличать неслитное сочетаніе ts, которое еще на балтійскослав. почвѣ дало s, вѣроятно, черезъ посредство ss.

Въ латинскомъ яз. группа ts дала ss (еще въ общеиталійскую эпоху), упрощавшееся въ s послѣ долгихъ гласныхъ и сонорныхъ согласныхъ; тотъ же результатъ дала и группа ct, а передъ r мы найдемъ str.

Примѣры: при старослав. **дадать, -тъ, дамь** (съ общеслав. утратой d передъ m) въ 3-мъ л. ед. ч. мы имѣемъ **дасть** (общеслав. dastь), **дастъ**; при старослав. **ведѫ** ср. **вести** (общеслав. vesti); старослав, **ꙗсли**, ср. **ꙗсти** (въ корнѣ этого глагола было d, ср. лат. edō съ старой краткой гласной); въ **ꙗсли** было получено общеслав. яз. въ началѣ ēts-, гдѣ ēt—корень съ t изъ d передъ глухой согласной, а s принадлежало уже суффиксу (-s-li); въ латинск. яз. ср. concussī (1-е л. perf.), concussus прич. прош. стр. къ concutiō «потрясаю», suāsī, suāsum къ suādeō «совѣтую» (въ perf. было ts; во второмъ случаѣ само t изъ d), (въ прич. и супинѣ ct); claustrum «запоръ» при claudō «запираю» (изъ *clauctrom, гдѣ ct изъ tt, а это въ свою очередь изъ dt); messus, прич. прош. стр. къ metō «жну», ūsus, прич. къ ūtor «пользуюсь»; въ послѣднихъ двухъ примѣрахъ мы находимъ ss, упростившееся послѣ долгаго звука, изъ стараго ct, tt; долгое ū въ ūtor изъ дифтонга oi̯.

10. Индоевропейскія i̯ и j.

Исторію i̯, которое существовало въ индоевроп. праязыкѣ эпохи его распаденія, мы разсмотримъ вмѣстѣ съ исторіей согласной фрикативной j; это тѣмъ болѣе необходимо, что въ настоящее время не всѣ ученые принимаютъ для индоевроп. праязыка согласный звукъ j. Дѣйствительно, единственныя показанія даетъ греческій языкъ, да и то только по отношенію къ началу слова въ положеніи передъ гласной. Здѣсь мы находимъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ другіе родственные языки указываютъ на старое i̯, въ однихъ примѣрахъ придыханіе, въ другихъ—сочетаніе согласныхъ, произносившееся въ различныхъ діалектахъ различно и обозначавшееся буквою ζ, которую мы читаемъ какъ dz. Давно уже было высказано предположеніе, что придыханіе указываетъ на i̯, тогда какъ ζ получилось изъ j; ср. греч. мѣстоим. основу ho- (ὁ-, им. ед. ὅς) «который», тожеств. по происхожденію съ общеслав. мѣстоим. основой i̯e- изъ i̯o- (ср. старослав. **юго, юмоу**), съ другой стороны, ср. греч. dzügón (ζυγόν) «ярмо» и старослав. **иго**, гдѣ въ общеслав. яз. начальное і изъ jь, а это сочетаніе изъ i̯ъ; ср. лат. jugum.

Такъ какъ ни балтійскославянскіе, ни италійскіе языки не даютъ сами по себѣ никакихъ указаній на особый звукъ праязыка j, то, оставляя дальнѣйшее изслѣдованіе этого вопроса и ограничиваясь вышесказаннымъ, мы перейдемъ къ исторіи индоевроп. i̯ (съ оговоркою относительно j) въ общеславянскомъ яз.

Въ началѣ словъ передъ гласными i̯ сохранилось въ общеславянскомъ языкѣ, гдѣ перешло съ теченіемъ времени въ j; группа jь изъ jъ въ началѣ словъ дала і. Внутри слова между гласными i̯ сохранилось и тоже перешло въ j.

Въ латинскомъ яз. въ началѣ словъ передъ гласными i̯ сохранилось и далѣе (уже въ императорскую эпоху) перешло въ j. Внутри слова между гласными i̯ исчезло еще въ общеиталійскую эпоху.

Примѣры: старослав. **юго, юмоу, иго**, лат. jugum (см. выше); общеслав. trije, старослав. **тріе, трье**, ср. лат. trēs, гдѣ ē изъ стяженія ее, между которыми исчезло i̯.

При положеніи послѣ согласной i̯ въ общеслав. яз. дало j и дальше группы согласная + j подверглись извѣстнымъ видоизмѣненіямъ. Мы должны различать здѣсь слѣдующіе случаи: 1) kj, gj и chj дали соотвѣтственно č, ž (изъ dž) и š (ср. старославян. **плачѫ, стража, доуша** изъ общеслав. plačǫ, straža, duša; во всѣхъ этихъ образованіяхъ суффиксъ основы начинался нѣкогда съ i̯); 2) sj и zj дали š и ž (ср. старослав. **пишѫ, вяжѫ** изъ общеслав. pišǫ, vęžo, образованія наст. вр. по тому же типу, что и приведенное выше plačǫ); 3) rj, lj, nj дали r, l, n мягкія; эти общеслав. мягкія r, l, n надо отличать отъ мягкихъ r, l, n болѣе поздняго происхожденія на почвѣ отдѣльныхъ языковъ (ср. старослав. **орѭ, колѭ, мьнѭ** изъ общеслав. orʲǫ, kolʲǫ, mьnʲǫ); 4) губныя согласныя, т.-е. p, b, v, m + j дали въ первомъ слогѣ (корневомъ) слова губную + l мягкое, не въ первомъ слогѣ такой результатъ получился въ общеслав. яз. лишь діалектически; подробнѣе объ этомъ будетъ сказано въ слѣдующемъ главномъ от-

дѣлѣ курса, а пока замѣчу, что l (такъ называемое epentheticum, т.-е. вставное) развилось при указанномъ фонетическомъ положеніи въ общеслав. яз. въ діалектахъ, давшихъ начало восточнославянской (русской) группѣ, и въ діалектахъ, лежащихъ въ основаніи южнославянскихъ языковъ, но и здѣсь были діалекты безъ l; ср. старославянск. діалектическія **ꙁємлꙗ** и **ꙁємꙗ** (Савв. кн. напр. два раза **ꙁємлꙗ**, четыре раза **ꙁємьꙗ**, но всегда **ꙁєми**), русск. земля и польск. ziemia; ср. еще старослав. **люблѭ**, **поставлѭ** и т. д.; о **ь**, являющемся въ написаніяхъ типа **ꙁємьꙗ**, см. въ слѣдующемъ главномъ отдѣлѣ курса; примѣръ для l въ корневомъ слогѣ, общеслав. pl[i]ujǫ, старослав. **плюѭ**, ср. лат. spuō «плюю», гдѣ неясно отсутствіе i̯; 5) группы tj и dj измѣнились опредѣленнымъ образомъ въ общеслав. яз. и дали различные результаты въ трехъ группахъ славянскихъ языковъ; подробности см. въ слѣдующемъ главномъ отдѣлѣ курса, а пока замѣчу, что съ результатомъ измѣненія группы tj совпалъ результатъ измѣненія группы kt передъ мягкою гласною (см. выше, стр. 52); въ общемъ можно сказать, что западнославянскіе языки получили здѣсь свистящіе звуки, тогда какъ въ южнославянскихъ и русскомъ яз. шипящіе звуки (съ извѣстными различіями); ср. старослав. **хоштѫ**, р. хочу, польск. chcę (съ утратою стараго **ъ**, съ слабымъ звуковымъ видомъ корня); старослав. **виждѫ**, р. вижу, польск. widzę; 6) группы stj и skj дали тѣ же результаты, что и sk въ первомъ смягченіи, ср. старослав. **иштѫ**, р. ищу, старослав. **льштѫ**, р. льщу; группы zgj и zdj дали соотвѣтственно тѣ же результаты, что и первое смягченіе группы zg, ср. р. мозжу (ороографич. зж, живое произношеніе жж), старослав. было бы ***мождѫ** при мозгъ, р. пригвозжу при гвоздь, старосл. **пригвождѫ**.

Примѣчаніе. Діалектически въ общеслав. яз. происходило смягченіе t и d передъ группою rj, а s и z смягчались діалектически и передъ lj, nj, ср. старослав. **съмоштрѭ**, церковнослав. **оумѫждрѭ**, но и напр. **съмотрѥньѥ**, **оумѫдрѥнъ** подъ вліяніемъ другихъ формъ, гдѣ не было смягченія; старослав. **мꙑшлѭ**, **блажнѭ**.

Въ латинскомъ яз. послѣ согласной i̯ перешло въ i слоговое, кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ исчезла предшествующая согласная; тутъ i̯ сохранилось и перешло дальше въ j, ср. лат. medius «средній» и старослав. отъ того же корня **мєждоу** (р. между—заимствованіе изъ церковнослав., ср. живую форму промежъ); лат. Jovis род. ед. «Юпитера», гдѣ j изъ di̯, ср. отъ того же корня въ другомъ звуковомъ видѣ diēs «день».

Относительно общеслав. i̯, j въ началѣ слова нужно замѣтить, что здѣсь въ извѣстныхъ случаяхъ (о нѣкоторыхъ говорилось уже въ другой связи) развилось новое i̯, j; такое новое i̯, j мы находимъ въ началѣ слова передъ е, ь, ē, откуда **ѣ**; ср. общеслав. jestь, лат. est (старослав. **ѥсть**, русское есть); общеслав. imǫ изъ jьmǫ, ср. vъzьmǫ, старослав. **имѫ**, **въꙁ-ьмѫ**, р. возьму; въ неопред. jęti, старослав. **ꙗти** начальное i̯, j такого же происхожденія, какъ и въ jestь; въ положеніи передъ ē вновь развившееся i̯ рано исчезло, до перехода ē въ ā послѣ мягкаго неслогового звука; такъ объясняется стороcлав. **ѣ** въ Остр. Ев., въ нѣкот. случаяхъ Савв. кн., русск. ѣ въ общеслав. ѣmь (старослав. **ѣмь**, русск. ѣмъ); однако, въ діалектахъ старослав. яз. отсюда получалось **ꙗ**, ср. **ꙗмь** (обычно

въ Савв. кн. и другихъ памятникахъ); въ другомъ корнѣ общеслав. ѣ— «ѣхать» начальное i̯ было старымъ (ср. литовское jóti «ѣхать верхомъ» съ индоевроп. ā; въ этомъ корнѣ было старое чередованіе ē : ā) и имѣло передъ ē ту же судьбу, что и новое i̯, т.-е. рано исчезло; общеслав. ja- въ болгарск. я́хам 1-ое л., польск. jachac восходитъ къ старому i̯ā, р. ѣхать м. б. имѣетъ ѣ перенесенное изъ ѣду, а м. б. ѣ здѣсь и старое. Не всѣ ученые согласны съ тѣмъ, какъ смотритъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ на начальное старослав. ꙗ въ ꙗмь; именно, думаютъ, что старослав. ꙗмь изъ общеслав. i̯amь, i̯ēmь съ обычнымъ измѣненіемъ ē въ ā послѣ мягкаго неслогового звука, а ѣмь, ѣдѧ и т. п. получили ѣ вновь подъ вліяніемъ сложныхъ образованій, ср. снѣдь, обѣдъ, гдѣ въ сложеніи i̯ не развивалось. Ср. Кульбакинъ, «Древнецерковный славянскій языкъ», стр. 79. Начальное i̯, j развилось и передъ начальнымъ а, но здѣсь оно исчезало діалектически въ общеслав. яз., ср. церковнослав. **ꙗблъко и аблъко,** болг. ябълка, абълка, р. яблоко; старослав. **ꙗгнѧ и агнѧ,** болг. ягне и агне, ср. р. ягненокъ. Объ общеслав. діалектич. измѣненіи начальнаго je см. въ слѣдующемъ главномъ отдѣлѣ курса.

Тѣ случаи, въ которыхъ въ началѣ слова мы не находимъ общеслав. i̯, j тамъ, гдѣ оно вообще развивалось, не вполнѣ еще разъяснены. Обычно думаютъ, что i̯ развивалось въ общеслав. яз. передъ указанными выше гласными только послѣ гласной въ окончаніи предшествующаго слова, для избѣжанія, какъ говорятъ неточно, зіянія; затѣмъ одни случаи вліяли на другіе, и обобщались въ результатѣ случаи съ i̯ за исключеніемъ тѣхъ словъ, которыя часто являлись въ началѣ рѣчи, гдѣ, наоборотъ, возобладали образованія безъ i̯. Ср. союзъ а, русск. этотъ, экой, гдѣ мѣстоим. корень э, общеслав. е. Иначе понимаетъ эти случаи Ф. Ѳ. Фортунатовъ, который принимаетъ для индоевроп. праязыка особый звукъ придыханіе (h), исчезнувшій въ общеслав. яз. вообще послѣ развитія новыхъ i̯, j передъ гласными; съ мѣстоим. основой въ слав. а, е сопоставляется мѣстоим. основа въ лат. ho-c, гдѣ придыханіе сохранилось.

11. Индоевропейское u̯.

Для индоевропейскаго праязыка въ прежнее время многіе ученые принимали въ качествѣ отдѣльнаго отъ u̯ звука еще согласный звукъ v. Однако, тѣ факты, на которые при этомъ указывали, не подтверждаютъ этого предположенія и объясняются или должны объясняться иначе (ср. «Очеркъ сравнит. фонетики», стр. 75).

Индоевроп. u̯ вообще сохранилось въ общеслав. яз. и перешло далѣе въ v. Группа bu̯ дала одно b; исчезло u̯ передъ начальнымъ r и l, повидимому, еще въ общебалтійскомъ языкѣ.

Въ латинскомъ яз. u̯ передъ гласной въ началѣ слова сохранилось, перейдя затѣмъ (во 2—3 в. по Р. Х.) въ v; мы произносимъ (и пишемъ) v. Между одинаковыми гласными u̯ исчезло, исчезло и передъ о и u изъ о. Группы ou̯e, ou̯i, au̯e, au̯i, если е и i въ нихъ не приходилось въ концѣ слова, дали ō. Послѣ согласныхъ u̯ сохранялось, частью же оно исчезло. Въ началѣ словъ u̯ передъ r и l исчезло, какъ и

на славянской почвѣ, группа же dц̯ въ началѣ словъ дала b, внутри слова одно v.

Примѣры: общеслав. vezǫ, старослав. **везѫ**, лат. vehō «везу»; общеслав. sestra, старослав. **сестра**, ср. лат. soror изъ *su̯esōr (см. стр. 54); славянское слово утратило u̯, повидимому, еще въ балтійскослав. эпоху, а t развилось между s и r; общеслав. obolkъ, ср. velkǫ, старослав. **облакъ** при **влѣкѫ** (русское облако заимств. изъ церковнослав.); общеслав. vьl̥na, русск. волна «шерсть», ср. лат. lāna изъ *vlāna; общеслав. rana, старослав. **рана**, ср. лат. volnus, vulnus, род.—eris «ра̀на» съ другимъ звуковымъ видомъ корня; р. лѣска получилось изъ общеслав. яз. съ утратою начальнаго u̯, на которое указываетъ родственное слово древнеинд. яз. Ср. далѣе лат. seorsum «отдѣльно» изъ *sevorsom, ср. глаголъ vertō «поворачиваю»; boum род. мн. изъ *bovom «быковъ», впослѣдствіи вновь явилось bovum подъ вліяніемъ bovīs род. ед. и т. д.; лат. nōnus «девятый» изъ *novenos, mōtos, part. perf. pass. къ moveō двигаю, изъ *movitos; lōtus, такое же образованіе къ lavō «мою» изъ *lavetos; лат. ferus «дикій»; ср. старосл. **ѕвѣрь**; въ латинск. amābam, amābō (1-ое л. ед. ч. imperf. и futur.) мы находимъ во второй части сложенія (-bam, -bō) образованія отъ корня bhu въ слабомъ звуковомъ видѣ съ u̯ передъ гласной, исчезнувшемъ въ лат. яз.; лат. fiō «дѣлаюсь» (служащее pass. къ faciō «дѣлаю») имѣетъ такой же корень; f здѣсь изъ bh вслѣдствіе положенія въ началѣ слова; лат. bonus «добрый» изъ du̯onos, извѣстнаго по древнѣйшимъ источникамъ; ср. далѣе лат. suāvis «пріятный» изъ *suādu̯is.

Отъ стараго u̯ на славянской почвѣ нужно отличать новое u̯, развившееся въ общеслав. яз. передъ u, откуда ъ, передъ ū, откуда у, и діалектически передъ o и ǫ; ср. старослав. **въпити** при **въѕ-ъпити** (см. стр. 19); ср. старослав. **выкнѫти** при **оучити** (тотъ же корень, но съ сильнымъ звуковымъ видомъ, индоевроп. дифтонгомъ); старослав. **вонꙗ** и **ѫхати**, ср. польск. wąchać «нюхать»; старослав. **ѫгль**, р. уголь и польск. węgiel «уголь».

12. Явленія конца слова *).

Выше было уже указано (см. стр. 44), что согласныя t и d въ концѣ словъ рано отпали, повидимому, еще въ балтійскослав. яз. Прочія согласныя съ теченіемъ времени въ общеслав. яз. тоже исчезли; ср. утрату—s въ окончаніи им. ед. именъ м. р. съ основами на o и на u (общеслав. orbъ изъ orbos, общеслав. synъ изъ sūnus, ср. лат. equos, equus, senātus); такое же -s исчезло въ окончаніи им. ед. основъ на -i (общеслав. pǫtь, kostь, ср. лат. ignis «огонь», ovis «овца»); -s исчезло и въ окончаніи род. ед. именъ съ старыми основами на согласныя (общеслав. matere, ср. лат. mātris «матери», гдѣ -is изъ стараго -es, сохранявшагося еще въ старомъ латинскомъ яз.); окончаніе им. мн. -e у именъ съ старыми согласными основами получилось изъ стараго -es (общеслав. dьne), то же -es было получено въ окончаніи им. мн. основъ м. р. на -i и основъ на -u (ср. общеслав. pǫtije, synove, ср. лат. ovēs изъ *ovei̯-es,

*) О явленіяхъ начала слова см. стр. 58 и 60.

при чемъ въ лат. яз. это -ōs было перенесено и на согласныя основы (вм. стараго -es) *), ср. далѣе окончанiе 2-го л. ед. ч. аориста и повелит. формы (по происхожденiю желат. наклон.), гдѣ исчезло въ концѣ -s (общеслав. nese 2-ое л. ед. ч. аориста изъ nese-s, тогда какъ nese въ значенiи 3-го л. ед. ч. изъ neset, nesi 2-ое л. ед. ч. повел., ср. въ лат. яз. -s, -t въ окончанiи 2-го и 3-го з. прошедшихъ временъ).

Общеслав. предлоги и приставки iz, bez, raz- (только приставка), vъz оканчивались въ общеслав. яз. частью на согласную. Объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ старослав. яз., памятники котораго рѣдко представляютъ соотвѣтственныя написанiя съ ъ въ концѣ (ср. напр. въ Марiинскомъ Ев. **бєѕ отца, въѕвєдє**). Варiантъ съ ъ не можетъ быть разсматриваемъ какъ старослав. новообразованiе, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые ученые, и несомнѣнно существовалъ уже въ общеслав. яз. Наличность этихъ варiантовъ объясняется фонетически Ф. Ѳ. Фортунатовымъ въ статьѣ «Составъ Остромирова Ев.» въ «Сборникѣ статей въ честь В. И. Ламанскаго» 1908 г. Именно, онъ принимаетъ, что общеслав. ъ и ь въ концѣ частичныхъ (несамостоятельныхъ) словъ были подвижными по фонетическимъ условiямъ, т.-е. при извѣстныхъ условiяхъ при тѣсномъ сочетанiи словъ въ рѣчи сохранялись, при другихъ исчезали; происходило это явленiе въ ту эпоху, когда конечныя согласныя общеслав. яз. здѣсь еще сохранялись. Сохраненiе согласной въ концѣ упомянутыхъ предлоговъ и приставокъ по отпаденiи ъ объясняется тѣмъ, что эти слова являлись въ рѣчи обыкновенно въ тѣсномъ сочетанiи съ другими словами. Ср. еще общеслав. o, ob при obь (въ позднихъ церковныхъ текстахъ стали писать и **объ** подъ влiянiемъ написанiй **от** и **отъ**, но уже тогда, когда ъ пересталъ въ данномъ фонетическомъ положенiи выражать особый звукъ); общеслав. ob мы находимъ и въ общеслав. obolkъ изъ obvolkъ (ср. старослав. **облокъ**, р. оболочка, п. obłok, а русское облако заимств. изъ церковнослав.). Общеслав. otъ восходитъ къ старому otos, ср. древнеинд. átas «отсюда»; но при этомъ otъ было и ot (старослав. памятники въ качествѣ предлога пишутъ всегда **отъ**, а въ качествѣ приставки **отъ** и **от**); послѣднее получилось изъ otь, oti съ такимъ же подвижнымъ иррацiональнымъ гласнымъ, какъ и въ bezъ и т. д.; это oti, откуда otь, тожественно съ литовскимъ ati- (приставка = слав. ot-). На общеслав. ot изъ otь указываетъ напр. старослав. **оходити** изъ **отходити** (см. Ф. Ѳ. Фортунатовъ, «Старослав. -тъ въ 3-мъ лицѣ глаголовъ» въ Извѣстiяхъ Отд. русск. яз. и словесности, т. XIII, кн. 2-ая, стр. 9 слѣд.) **).

---

*) Лат. senātūs им. мн. врядъ ли имѣетъ ūs изъ -ou-es = общеслав. -ov-e, это окончанiе было бы по-латыни -ūis; вѣроятно, это окончанiе вин. мн., перенесенное въ им. мн. по аналогiи 3-го склоненiя, гдѣ оба падежа имѣли по-латыни -ēs.

**) Общеслав. дублеты нарѣчiй на -gъda и -gda Ф. Ѳ. Фортунатовъ въ цитированной статьѣ „Составъ Остром. Ев." объясняетъ слѣдующимъ образомъ: при нарѣчiи напр. kъgъ, kogъ (изъ мѣстоим. образованiй + частица -gъ изъ -gu) существовало и kъda (ср. старослав. ни-къда); изъ смѣшенiя этихъ двухъ типовъ возникло kъgъda и kъgda съ утратою подвижного ъ въ kъgъ, ср. обыкновенныя старослав. нарѣчiя на -гда при рѣдкомъ -гъда; что касается слав. kъ, то это мѣстоим. образованiе, можетъ быть, соотвѣтствуетъ по образованiю лат. quom, cum, по происхожд. вин. ед.

При сочетаніи приставокъ, о которыхъ мы говорили выше, съ другими словами происходили нѣкоторыя фонетическія явленія въ образовавшихся такимъ путемъ группахъ согласныхъ; ср. вышеприведенныя oblokъ, ochoditi. Ср. еще старослав. **нждеиж, нждник** (здѣсь **жд** изъ ždž, а это изъ z-g (g смягчалось въ dž, откуда дальше ž); старослав. **бе-ѕълобы, въстати**, р. встать, **бе-страха** изъ **беѕстраха** съ старою утратою z передъ z и s; ср. далѣе **ншьдъ** съ утратою z передъ š; старослав. **ншт ѕижти, бештисльнъ** имѣютъ **шт** изъ stš, гдѣ s непосредственно изъ z; старослав. **нсцѣлити**, (**истѣлити** съ переходомъ **сц** въ **ст**); **исплънити, искоусити** представляютъ передачу живого произношенія, гдѣ **ѕ** передъ глухой согласной перешло въ **с**; сочетанія **нж-нѥго** (при **нѕ нѥго**), **въжлюблж** въ Зогр. ев. представляютъ переходъ z въ ž передъ мягкими n и l. Въ такихъ случаяхъ, какъ **нѕ-д-рештн, въѕ-д-радовати сѧ**, мы находимъ d, развившееся между z-r, соприкоснувшимися при тѣсномъ сліяніи приставки съ слѣдующимъ словомъ. Понятно, однако, что тѣ же приставки, являвшіяся въ другихъ случаяхъ безъ соотвѣтственнаго измѣненія, вліяли на тѣ случаи, гдѣ были данныя измѣненія.

Предлоги vъ, sъ, kъ имѣютъ конечное ъ изъ носовой гласной (съ vъ сопоставляютъ лат. in «въ»; vъ изъ ǫn съ v, развившимся передъ начальнымъ u); понятно, поэтому, что при тѣсномъ сочетаніи съ послѣдующимъ словомъ, начинавшимся съ гласной, не могла образоваться носовая гласная, т.-е. при сочетаніи vъ ęsě въ общеслав. яз. было vъnˈetъ, sъnˈimъ и т. д. Изъ такихъ сочетаній, гдѣ n живое сознаніе говорящихъ относило уже къ мѣстоименію, объясняется то, что само мѣстоименіе получило формы съ n въ началѣ, переносившіяся и въ другія сочетанія, ср. русскія безъ него, у него и т. д., старослав. **до нѥго, доньдеже**, но и **дондеже**. Съ другой стороны, въ прочихъ случаяхъ возобладала та форма предлога, которая была фонетической передъ согласной, и мы имѣемъ напр. русск. въ окно и т. д.

13. Основы формъ склоненія.

1) Общія замѣчанія.

Въ отдѣльные индоевропейскіе языки перешли изъ общаго индоевропейскаго праязыка слова, имѣющія формы, наряду съ извѣстнымъ запасомъ словъ, не имѣвшихъ никакихъ формъ, и словъ несамостоятельныхъ (частичныхъ). Останавливаясь сперва на словахъ, имѣвшихъ формы отдѣльныхъ словъ, называемыя склоненіемъ, мы въ свою очередь прежде всего познакомимся съ тѣми типами образованія основъ, которыя мы находимъ въ формахъ склоненія въ общеславянскомъ и другихъ родственныхъ языкахъ. Такъ какъ индоевропейскій праязыкъ эпохи его распаденія имѣлъ за собою уже продолжительную исторію, то естественно, что въ томъ состояніи его формальнаго состава, который мы раскрываемъ путемъ сравнительноисторическаго изученія его потомковъ, оказывается не мало обломковъ отношеній, существовавшихъ въ болѣе древнее время, которые уцѣлѣли среди болѣе новыхъ категорій, сложившихся путемъ видоизмѣненія болѣе древнихъ фактовъ. Само собою разумѣется, что и въ этой области,

какъ и въ области вопроса о происхожденіи отношеній между звуками, находящимися въ извѣстномъ чередованіи, мы вообще не можемъ достигнуть болѣе или менѣе опредѣленнаго отвѣта на вопросъ о происхожденіи наблюдаемыхъ нами въ эпоху распаденія праязыка формальныхъ соотношеній, но въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ мы можемъ все-таки высказывать извѣстныя предположенія, тамъ, гдѣ сами факты, нами обнаруживаемые, даютъ намъ на это право. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы даже даемъ довольно рѣшительные отвѣты.

Уже изъ того, что говорилось въ «Введеніи въ языковѣдѣніе» (4-е изд., стр. 140 сл.), ясно вытекаетъ требованіе примѣнять къ эпохѣ распаденія индоевропейскаго праязыка тѣ же методологическіе пріемы, какіе мы примѣняемъ при изслѣдованіи отдѣльныхъ языковъ, т.-е. мы не должны смѣшивать въ цѣляхъ анализа точки зрѣнія исторической, интересующейся происхожденіемъ данныхъ фактовъ, и точки зрѣнія, отправляющейся отъ соотношеній, существующихъ въ данное время и являющихся матеріаломъ для классификаціи и анализа, которые нужно строго отличать отъ классификаціи и анализа въ исторической перспективѣ. Приведу одинъ примѣръ, взятый изъ фактовъ индоевропейскаго праязыка. Отдѣльные индоевропейскіе языки указываютъ на то, что въ праязыкѣ существовали именныя и глагольныя основы, оканчивающіяся на о, чередовавшееся съ е (см. стр. 16), ср. общеслав. orbo- напр. въ формѣ дат. мн. orbo-mъ при orbe въ зват.; ср. далѣе berǫ, berete и т. п.; лат. equo- напр. въ древнелат. equos «конь», лат. legunt изъ legont, legitis изъ *legetis при legō «собираю», «читаю». Такого рода именныя и глагольныя основы называютъ тематическими; этотъ терминъ создался при сопоставленіи данныхъ основъ съ другими, гдѣ является чистый корень (корневыя основы), такъ какъ издавна господствовало убѣжденіе, что корни словъ должны быть вездѣ односложными, слѣдовательно. индоевроп. bhero-, bhere-, являющіяся въ слав. berǫ и т. д., заключаютъ въ себѣ корень + основообразовательный элементъ, суффиксъ, т.-е. разлагаются на bher + o/e. Если мы возьмемъ факты эпохи распаденія индоевроп. праязыка непосредственно въ томъ соотношеніи, которое мы открываемъ, то нельзя не признать, что въ эпоху распаденія элементы e/o, являющіеся въ окончаніи разсматриваемыхъ основъ, являлись суффиксами, существовавшими въ извѣстныхъ образованіяхъ *); ср. напр. въ лат. яз. при ferō «несу», ferunt образованія fers, fert, fertis **), или въ старослав. яз. при берѫ ср. неопред. бьрати. Это, конечно, не предрѣшаетъ вопроса о самомъ происхожденіи такихъ основъ; м. б. e/o по происхожденію и не были суффиксами, м. б. какъ разъ наоборотъ индоевроп. нетематическія (корневыя) образованія въ ихъ соотношеніи съ тематическими получились изъ этихъ послѣднихъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время думаютъ очень многіе лингвисты.

---

*) Конечно, извѣстныя основы индоевроп. праязыка съ окончаніемъ o/e въ эпоху распаденія уже не могли разлагаться говорящими на корень + o/e, такъ какъ наряду съ ними не существовало другихъ образованій съ тѣмъ же корнемъ.

**) Нѣкоторые ученые, впрочемъ, сомнѣваются въ томъ, что это старыя нетематическія образованія, и считаютъ эти формы синкопированными (т.-е. съ исчезнувшей гласной) тематическими образованіями (fers изъ *feresi); см. ниже въ отдѣлѣ спряженія.

Съ другой стороны, надо замѣтить, что въ современныхъ лингвистическихъ спекуляціяхъ большую роль играетъ терминъ «база», являющійся въ извѣстномъ смыслѣ конкуррентомъ термину корень. О базахъ стали говорить усиленно съ тѣхъ поръ, какъ выдвинулся на первый планъ вопросъ о наличности въ праязыкѣ не только односложныхъ, но и двухсложныхъ (частью и трехсложныхъ) основныхъ частей словъ; напр. двухсложной базой будетъ bherо/e. Такія базы условно называются легкими въ отличіе отъ такъ называемыхъ тяжелыхъ базъ, оканчивающихся на долгіе звуки; тяжелою базою будетъ напр. veidē(i̯)-, откуда vidē(i̯): veidī, ср. лат. vidē-re и старосл. **видѣте**; см. ниже въ отдѣлѣ спряженія. Эта проблема находится въ тѣсной связи съ ученіями о чередованіи звуковыхъ видовъ корней въ индоевропейскомъ праязыкѣ. Осторожность и послѣдовательное примѣненіе методологическихъ положеній требуютъ отдѣленія этихъ очень интересныхъ разысканій отъ того, что намъ дано для эпохи распаденія, а для этой послѣдней мы можемъ констатировать непосредственно лишь ряды соотношеній по звуковому виду различныхъ образованій отъ одного и того же корня; происхожденіе этихъ соотношеній и составляетъ, какъ мы уже видѣли въ другой связи (см. стр. 37 сл.), тему многочисленныхъ разысканій и гипотезъ. Нѣкоторые ученые пытаются обойти затрудненія, называя базой звуковые комплексы основы, которые, съ точки зрѣнія нашихъ свѣдѣній объ индоевропейскомъ вокализмѣ, являются подчиненными условіямъ чередованія звуковъ; они сохраняютъ терминъ корень для односложныхъ корней. Какъ бы то ни было, слѣдуетъ твердо помнить, что корни индоевропейскаго праязыка, которые мы выдѣляемъ въ реконструированныхъ для эпохи праязыка словахъ, не представляютъ собою непосредственно остатка болѣе древняго состоянія языка, когда слова были только корнями, какъ напр. въ китайскомъ языкѣ, т.-е. когда еще не было формъ отдѣльныхъ словъ съ ихъ формальными признаками. Корнями индоевроп. праязыка мы называемъ извѣстные элементы звукового состава словъ въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ мы говоримъ, напримѣръ, о корняхъ русскаго яз.; корнями будутъ, слѣдовательно, тѣ звуковые элементы, которые являются носителями основного значенія слова, и которые выдѣляются нами при сопоставленіи даннаго слова съ другими родственными образованіями, гдѣ та же основная принадлежность является въ другихъ комбинаціяхъ. То, что съ точки зрѣнія даннаго соотношенія фактовъ является корнемъ, съ точки зрѣнія исторіи можетъ оказаться производной основой, ср. русское слово «дѣло», гдѣ для современнаго сознанія выдѣляется въ качествѣ корня элементъ дѣл-, хотя съ точки зрѣнія исторіи здѣсь корень только дѣ-, тотъ же, что и въ глаголахъ «надѣть, надѣвать» и т. п., уже не ассоціирующихся по значенію съ словомъ дѣло. Точно такъ же и по отношенію къ индоевроп. праязыку мы опредѣляемъ корни по тѣмъ даннымъ, которыми мы располагаемъ для эпохи его распаденія, а о томъ, что предшествовало этой эпохѣ мы вообще можемъ только догадываться. Слѣдовательно, корни, суффиксы и т. д., опредѣляемые нами для индоевроп. праязыка, суть только результаты нашего грамматическаго анализа; чѣмъ они были раньше, въ какомъ видѣ они являлись въ болѣе раннія эпохи, мы пока точно не знаемъ, строя лишь тѣ или другія болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія.

Относительно термина аффиксъ замѣчу, что въ индоевроп. праязыкѣ были именно суффиксы; существованіе здѣсь инфиксовъ по самому ихъ происхожденію подвергается многими учеными сомнѣнію, и тѣ элементы, которые могутъ быть разсматриваемы какъ инфиксы по ихъ происхожденію, объясняются многими учеными иначе. Въ послѣднее время вводится въ нѣмецкой наукѣ терминъ формативъ или формантъ (въ русской передачѣ, по-нѣмецки въ чисто латинской формѣ formans), которымъ пытаются замѣнить терминъ аффиксъ (префиксъ, суффиксъ, инфиксъ), для того, чтобы не возбуждать опредѣленныхъ представленій о самомъ происхожденіи этихъ формальныхъ элементовъ нашего языка, которые еще Боппъ выводилъ въ огромномъ большинствѣ изъ самостоятельныхъ словъ, получившихъ служебное значеніе и примкнувшихъ къ словамъ-корнямъ болѣе древняго періода.

Отъ аффиксовъ отличаютъ такъ называемые «опредѣлители корней» (Wurzeldeterminative), понимая подъ этимъ терминомъ тѣ звуки, которые не принадлежатъ самому корню (въ томъ смыслѣ этого термина, который разъясненъ выше), но въ то же время не являются, подобно аффиксамъ, носителями опредѣленнаго значенія. Ср. индоевроп. trepe- въ старослав. **трєпєтъ**, лат. trepidus «неспокойный, встревоженный», индоевроп. treme- въ лат. tremit «дрожитъ», индоевроп. trese- въ древнеинд. trásati «дрожитъ», гдѣ въ одномъ и томъ же корнѣ мы находимъ согласныя p, m, s, не являющіяся суффиксами. Рѣзкой грани между суффиксами и опредѣлителями корней провести нельзя по той причинѣ, что напр. въ извѣстныхъ случаяхъ элементъ, являющійся въ другихъ образованіяхъ опредѣлителемъ, срастается въ одно цѣлое съ суффиксомъ.

Въ основахъ индоевроп. праязыка (именныхъ и глагольныхъ) мы различаемъ непроизводныя (первообразныя) и производныя основы, или точнѣе—мы должны говорить объ именахъ и глаголахъ непроизводныхъ и производныхъ. И это различіе во многихъ случаяхъ является для насъ текучимъ, коль скоро мы обращаемся къ исторіи самихъ фактовъ; оставаясь опять на почвѣ нашихъ непосредственныхъ знаній фактовъ только эпохи распаденія, мы напр. скажемъ, что основа, являющаяся въ лат. pēs, ped-is «нога», является непроизводной, корневой, а старая основа, напр. въ лат. pedes, peditis «пѣшеходъ» представляетъ корень, осложненный суффиксомъ.

Различаютъ еще между основами производными первичными и вторичными; первыя представляютъ основы, произведенныя непосредственно отъ корня, вторыя являются производными отъ другихъ основъ; первичной въ этомъ смыслѣ будетъ та индоевроп. основа, которая является въ общеслав. vozъ (р. возъ); примѣромъ вторичной основы можетъ служить основа общеслав. sestrinъ (р. сестринъ).

По указаніямъ отдѣльныхъ языковъ для индоевроп. праязыка мы должны принимать въ именныхъ основахъ три формы рода: мужескаго, женскаго и средняго. Что касается различія между мужескимъ и женскимъ родомъ, то оно является различіемъ въ естественномъ родѣ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ основы обозначаютъ существа мужескаго или женскаго естественнаго рода; въ прочихъ случаяхъ этимъ формамъ рода принадлежитъ

такъ называемое грамматическое значеніе; форма средняго рода имѣетъ это значенiе и вообще. О происхожденіи формъ рода въ индоевроп. праязыкѣ мы можемъ только догадываться, такъ какъ оно относится къ эпохамъ болѣе древнимъ сравнительно съ эпохой распаденія. Именно можно думать, что характерные въ этомъ отношеніи суффиксы (напр. окончаніе основъ ж. р. на ā, ср. общеслав. žena, лат. equa «кобыла») получили это свое значеніе лишь съ теченіемъ времени путемъ ассоціаціи извѣстнаго оттѣнка въ значеніи съ извѣстнымъ видомъ суффикса. Затѣмъ по аналогіи то же соотношеніе установилось и въ тѣхъ именахъ, которыя сами по себѣ не могли имѣть различія въ естественномъ родѣ. Форма рода въ прилагательныхъ и мѣстоименіяхъ, имѣющихъ согласованіе въ родѣ, по своему значенію отличается отъ формы рода въ существительныхъ тѣмъ, что она въ прилагательныхъ принадлежитъ къ формамъ словоизмѣненія, т.-е. существуетъ лишь въ сочетаніи съ существительнымъ въ словосочетаніи, тогда какъ въ именахъ существительныхъ это форма словообразованія. О происхожденіи формы средняго рода можно сказать только то, что она, повидимому, возникла первоначально какъ обозначеніе вещи, т.-е. обозначала нѣчто сдѣланное, частью и самый матеріалъ. Однако, уже и въ эпоху распаденія праязыка значеніе формы средняго рода было исключительно грамматическимъ. На болѣе старыя отношенія нѣкоторый свѣтъ проливаютъ слѣдующіе факты: совпаденіе по образованію въ именахъ ср. р. им. и вин. падежей; совпаденіе этого образованія ср. р. съ образованіемъ вин. пад. въ именахъ м. р. съ основами на о (ср. лат. equum и jugum; на слав. почвѣ здѣсь произошло расхожденіе вслѣдствіе новообразованія въ окончаніи им. вин. ср. р.); наконецъ ср. значеніе ср. р. въ вопросительныхъ и указательныхъ мѣстоименіяхъ, сохранившееся частью и въ современномъ р. яз.: «кто», но «что» о неодушевл. предметѣ ср. р., а не вообще о ср. р.

Въ отдѣльныхъ языкахъ въ области формъ рода происходили весьма значительныя передвиженія, да и въ самомъ индоевроп. праязыкѣ эпохи его распаденія мы находимъ 1) значительныя измѣненія сравнительно съ предшествующимъ состояніемъ и 2) задатки позднѣйшихъ измѣненій.

На измѣненіе въ формѣ рода вліяло, съ одной стороны, само значеніе даннаго слова, а, съ другой стороны, оказывали свое дѣйствіе и причины формальнаго характера. Ср. напр. на славянской почвѣ такія имена, какъ старослав. **слоуга**; ср. лат. scrība «писецъ» (первоначально это были названія дѣйствія); съ другой стороны, ср. лат. названія деревьевъ 2-го склоненія ж. р. (сохранились слѣды употребленія этихъ именъ и какъ словъ м. р.), по аналогіи другихъ названій деревьевъ 1-го и 4-го склоненія (pōpulus «тополь», laurus «лавръ» — tilia «липа», planta «растеніе», quercus «дубъ»); ср. далѣе р. старина = старикъ, какъ слово м. р. (отвлеченныя имена получаютъ собирательное значеніе и далѣе обозначаютъ отдѣльное лицо, ср. еще старослав. **юнота** м. р. = **юньць**); сюда же относится и тотъ фактъ, что слово, само по себѣ обозначающее особь и мужескаго, и женскаго рода, получаетъ въ сочетаніи съ прилагательнымъ соотвѣтственную форму рода; частью здѣсь наблюдается прибавленіе особаго слова для обозначенія пола, ср. лат. agnus fēmina для обозначенія

ягненка ж. р.; нововерхненѣм. діалектич. die fräulein вм. das fräulein показываетъ, что здѣсь является тенденція дать перевѣсъ естественному роду надъ грамматическимъ; ср. аналогичное французское une belle enfant, когда говорятъ о ребенкѣ ж. р. Примѣръ вліянія причинъ формальнаго характера представляетъ лат. castra «лагерь» (форма им. вин. ср. р., слово недостаточное по отношенію къ числу), употребляющееся въ поздней латыни какъ слово ж. р.: ex castrā «изъ лагеря» вм. классическаго ex castrīs.

2) Обзоръ отдѣльныхъ основъ.

a) *Основы именъ существительныхъ и прилагательныхъ.*

Прилагательныя въ широкомъ смыслѣ этого термина (т.-е. прилагательныя, причастія и порядковыя числительныя нашихъ элементарныхъ грамматикъ) имѣли, какъ мы уже знаемъ, форму согласованія въ родѣ, чѣмъ они отличались отъ именъ существительныхъ (къ которымъ принадлежатъ и количественныя числительныя, имѣющія формы склоненія). Форма ж. р. отличалась особымъ образованіемъ (на ā и на ī) у части именъ прилагательныхъ, между тѣмъ какъ другая часть прилагательныхъ (основы на es, на i, частью на u и на en) не имѣла особой формы ж. р. Ср. старослав. **новъ, нова**, лат. novus, nova; старослав. **несы, несѫшти**; въ лат. яз. напр. dīcens утратило особое образованіе ж. р.; съ другой стороны, ср. лат. rudis «грубый, необработанный» (основа на i) и для муж., и для ж. р. Форма ср. р. имѣла особое образованіе только въ им. вин. пад. (и зват. ф.).

1) Основы, оканчивавшіяся на o, чередовавшееся съ e, при чемъ это были основы муж. и ср. р.; рядомъ съ ними существовали въ качествѣ основъ ж. р. основы ж. р. на ā (частью на ī особаго происхожденія, см. ниже). Латинскія основы 2-го склоненія, т.-е. старыя основы на o, съ формою ж. р. представляютъ, повидимому, новообразованіе этого языка; аналогичное явленіе мы находимъ и въ греч. яз. Таково мнѣніе большинства ученыхъ (хотя и не всѣ конкретные примѣры могутъ быть объяснены вполнѣ удовлетворительно; для названій деревьевъ напр. дѣло рѣшается просто, см. стр. 66; легко понять и случаи, гдѣ основа на—o, обозначающая живое существо примѣняется для ж. р. безъ спеціальнаго обозначенія, ср. напр. въ латинск. яз. съ одной стороны, lupus fēmina для обозначенія волчицы, съ другой стороны, рѣдкіе вообще примѣры типа lupus fēta, гдѣ родъ имени существ. указанъ только прилагательнымъ въ ж. р., но напр. почему слово domus «домъ», имѣющее формы и по 4-му склоненію, является словомъ ж. р., неясно); однако, нѣкоторые ученые думаютъ, что уже въ праязыкѣ были основы на o ж. р., исчезнувшія затѣмъ въ качествѣ таковыхъ въ большинствѣ отдѣльныхъ языковъ; главною опорою этого мнѣнія является греч. nūós (νυός), соотвѣтствующее лат. nurus 4-го скл. «невѣстка» и слав. **снъха**; однако, это слово ничего не доказываетъ, такъ какъ первоначально оно значило «связь, родственная связь», а потомъ уже перешло въ обозначеніе лица; отъ того же корня лат. nēre «прясть», древнеинд. sná-van—«завязка», слав. nitь (см. Brugmann, Grundriss II², 2, 1, стр. 94 сл.).

Основы на o/e въ индоевроп. праязыкѣ представляли въ большинствѣ случаевъ два типа по значенію: 1) это были имена, обозначавшія дѣйствія, и 2) онѣ обозначали производителя дѣйствія. Первый типъ именъ называется латинскимъ терминомъ nomina actionis (ед. ч. nomen actionis), второй типъ соотвѣтственно называется nomina agentis. По указаніямъ отдѣльныхъ языковъ (въ первой очереди древнеиндійскаго и греческаго) эти основы различались и по ударенію: въ первомъ типѣ удареніе падало на корневой слогъ, во второмъ—на гласную окончанія основы; ср. греч. fóros (φόρος) «подать», ср. тожеств. съ нимъ по основѣ общеслав. sъ-borъ (р. сборъ) и греч. forós (φορός) «тотъ, кто несетъ». Слѣдуетъ отмѣтить далѣе, что гласная корня въ такихъ именахъ имѣетъ вообще ступень o въ случаѣ, если она принадлежитъ къ ряду e/o. Это соотношеніе видно и въ приведенномъ примѣрѣ, ср. греч. férō (φέρω) «несу» и общеслав. berǫ. Ср. еще общеслав. tokъ при tekǫ, stonъ при sten'ǫ, gonъ при ženǫ, vozъ при vezǫ (значеніе «повозка» здѣсь производное изъ болѣе древняго значенія «тотъ, кто везетъ», «упряжное животное»; въ древнеинд. яз. соотвѣтственное слово сохранило эти болѣе древнія значенія наряду съ значеніемъ «повозка»). Ср. далѣе лат. procus «женихъ» (первоначальное значеніе должно было быть «проситель»), ср. prex «просьба», precor «прошу, молю», тотъ же корень и въ нѣм. fragen; лат. domus «домъ», общеслав. domъ (древнеинд. dáma-s «домъ»), греч. dómos (δόμος), ср. гр. démō (δέμω) «строю», нѣм. zimmern, гдѣ z изъ t, а это изъ индоевр. d; гласная i здѣсь изъ e; въ лат. и общеслав. яз. эта основа имѣла образованія извѣстныхъ падежей и какъ основа на u (ср. старослав. **домоу** род. ед., **домови** дат. ед. и др.).

Въ индоевроп. праязыкѣ существовали основы разсматриваемаго типа и съ долгою гласною въ корнѣ, представлявшей такъ называемый протяженный звуковой видъ, ср. общеслав. žarъ при gorěti, sǫ-sědъ при sěděti, ср. лат. sedeō «сижу». Образованія съ слабымъ звуковымъ видомъ при старомъ удареніи на гласной окончанія основы представлены напр. общеслав. igo, лат. jugum, греч. dzügón (ζυγόν) «ярмо». Въ отдѣльныхъ языкахъ, гдѣ по аналогіи старыхъ отношеній образовывались имена съ основами на o отъ различныхъ глаголовъ, мы находимъ различные звуковые виды корня, ср. общеслав. čьtъ (напр. въ р. почетъ) при čьtǫ, vidъ при viděti (vidъ имѣетъ i изъ ei); ср. далѣе русск. по-теки при теку, старое образованіе мы имѣемъ въ по-токъ.

Уже въ эпоху распаденія праязыка существовали въ немъ извѣстныя основы на o/e, которыя для сознанія говорящихъ должны были представляться непроизводными, ср. стр. 63; напр. такова индоевроп. основа, являющаяся въ общеслав. vḷkъ (старослав. **влькъ, влъкъ**, р. волкъ), ср. лат. lupus «волкъ», гдѣ p вм. ожидаемаго c изъ стараго q (т.-е. k лабіализованнаго) указываетъ на заимствованіе изъ сабельскихъ діалектовъ.

Въ извѣстныхъ случаяхъ элементъ o/e являлся производнымъ распространеніемъ другихъ основъ; напр. индоевроп. корневая основа ped-/pod- «нога» (лат. pēs, ped-is) уже въ праязыкѣ была распространена указаннымъ образомъ, ср. дринд. padá-m «мѣсто, на которое ступаетъ нога, слѣдъ, шагъ», ср. лат. сложеніе op-pidum «городъ» (болѣе древнее зна-

ченіе было «барьеръ, ограда», ср. засвидѣтельствованное «барьеръ цирка»), общеслав. podъ (сербск. пôд, церковнослав. **подъ**) «настилка изъ брусьевъ, досокъ».

Разсматриваемый элементъ o/e существовалъ въ эпоху распаденія индоевроп. праязыка также въ окончаніи различныхъ суффиксовъ, при чемъ весьма вѣроятнымъ является мнѣніе о происхожденіи, по крайней мѣрѣ, части такихъ словообразовательныхъ суффиксовъ изъ соединенія первоначально отдѣльныхъ элементовъ. Не разсматривая данныхъ типовъ во всей совокупности возникающихъ по ихъ поводу вопросовъ, мы остановимся на слѣдующихъ наиболѣе важныхъ фактахъ.

a) Суффиксъ to съ удареніемъ на конечной гласной являлся въ индоевроп. праязыкѣ въ многочисленныхъ прилагательныхъ отъ глагольныхъ корней, которые въ этихъ образованіяхъ представляли правильно слабый звуковой видъ; значеніе этихъ отглагольныхъ прилагательныхъ было въ наиболѣе древнемъ ихъ видѣ «испытавшій на себѣ дѣйствіе, обозначаемое глагольнымъ корнемъ, приведенный въ соотвѣтственное состояніе», т.-е. это та категорія, которая дала такъ называемыя причастія страдательнаго залога (а причастіями мы называемъ такія отглагольныя прилагательныя, которыя сохраняютъ связь съ глаголомъ по формамъ и по самому значенію основъ); этотъ суффиксъ является живымъ въ славянскихъ языкахъ, былъ онъ живымъ и въ латинскомъ яз., ср. слав. причастія страдат. залога типа старослав. **шитъ, битъ**, русск. шитъ, шитый, битъ, битый и т. д.; лат. sūtus = шитъ при suō, ductus при dūcō «веду» и т. д. Этотъ индоевроп. суффиксъ, частью въ болѣе сложномъ видѣ съ слившимся съ нимъ окончаніемъ извѣстныхъ основъ, мы находимъ и въ рядѣ отыменныхъ прилагательныхъ, обозначающихъ первоначально обладаніе даннымъ предметомъ; ср. лат. barbātus «бородатый» (barba «борода») и далѣе dentātus «зубастый» при dens «зубъ», scelestus «преступный» (scelus, -eris «преступленіе»), церковнослав. **брадатъ**, р. бородатый (**брада**, борода), русск. женатый, кудлатый, волосатый и т. д. Исходнымъ пунктомъ сочетаніе āto были основы на ā. Ср. еще элементъ īto, являющійся напр. въ старослав. **маститъ** при **масть, именитъ** при **имѧ**, церковнослав. **срьдитъ** при **срьдьце** (**срьдитъ** указываетъ на старую основу sьrdi-, см. ниже); лат. aurītus «длинноухій» при auris «ухо». Исходнымъ пунктомъ были основы на i (см. ниже стр. 77), при чемъ не вполнѣ ясна здѣсь долгота ī. Ср. еще старослав. **домовитъ, ꙗдовитъ**, русск. домовитый, ядовитый, гдѣ исходнымъ пунктомъ сочетанія **ов** были основы на u : ou̯. Находимъ мы этотъ суффиксъ to и въ нѣкоторыхъ индоевропейскихъ существительныхъ именахъ первичнаго происхожденія; ср. общеслав. dolto (церковнослав. **длато**, русск. долото) при общеслав. dъl̥bǫ (р. долбить), гдѣ передъ t исчезло старое b (по указанію германскихъ языковъ изъ bh), ср. прусск. въ формѣ им. вин. ср. р. dalptan «долото»; общеслав. žito (церковнослав. **жито**, русск. жито) отъ того корня, который мы находимъ въ общеслав. žiti, ср. прусск. geits «хлѣбъ»; лат. hortus «садъ» отъ того корня, который является и въ лат. cohors «дворъ, толпа, свита, когорта», ср. готск. gards «домъ»; общеслав. gordъ (напр. въ русск. городъ), повидимому, заимствовано изъ германскихъ яз.; болѣе древнее значеніе «огороженное мѣсто» видно напр. въ р. ограда.

Вторичныя (отыменныя) образованія съ разсматриваемымъ суффиксомъ мы находимъ, напр., въ общеслав. životъ (старослав. **животъ** («жизнь») при общеслав. živъ; лат. vīta «жизнь» изъ *vīvitā, *vīvotā, ср. vīvos, vīvus «живой» представляетъ уже форму ж. р.; ср. многочисленныя имена на -ota на славянской почвѣ съ отвлеченнымъ значеніемъ (старослав. **чистота, доброта** и далѣе **льгота**, гдѣ **о** по аналогіи именъ этого типа отъ основъ на **о**, ср. **льгъ-къ**); частью такія имена имѣютъ уже конкретное значеніе: ср. старослав. **юнота** «юноша», **сирота** (частью съ старымъ собирательнымъ значеніемъ).

Въ извѣстномъ соотношеніи съ суфф. to былъ и суффиксъ do, являющійся напр. въ общеслав. tvьrdъ (церковнослав. **тврьдъ**, р. твердый), ср. литовское tvìrtas «крѣпкій, твердый»; лат. прилаг. calidus «теплый» при caleō «я теплъ, горячъ», horridus «шероховатый», противный, ужасный», ср. horrēre «торчать кверху, содрогаться».

b) Суффиксъ no по своему употребленію въ общемъ параллеленъ суффиксу to. Въ качествѣ первичнаго мы его находимъ въ отглагольныхъ прилагательныхъ (причастіяхъ съ страдательнымъ значеніемъ), частыхъ въ древнеинд. яз.; на слав. почвѣ мы находимъ болѣе сложное образованіе (съ тематической гласной) eno (ср. общеслав. причастія типа nesenъ, vedenъ при nesǫ, vedǫ и т. д.) наряду съ no отъ корней, оканчивающихся на гласную (общеслав. danъ, o-dѣnъ при dati, o-dѣti) и отъ корней, имѣющихъ въ основѣ неопр. **ѣ**, **а** (vidѣnъ, bьranъ); корни на i и y имѣютъ въ старослав. типъ enō (старослав. **бьенъ**, **кръвенъ** при **бити**, **крыти**).

Ср. еще прилагательныя первичнаго характера старослав. **плънъ**, лат. plēnus; м. б. старослав. **тѣснъ**, ср. **тѣштити** и **тѣскъ**.

Имена существ, съ суффиксомъ no мы находимъ въ общеслав. sъnъ изъ *sъpnъ, ср. лат. somnus изъ *su̯epnos; лат. dōnum «даръ». Ср. далѣе старослав. **роуно** ср. р. (тотъ же корень, что и въ **ръвати**), **глѣнъ** «слизь», ср. р. глина.

Какъ вторичный суффиксъ no является напр. въ лат. aēnus «мѣдный» (изъ *ai̯esnos), ср. aes «мѣдь». Ср. старослав. **словесьнъ, чоудесьнъ** при **чоудьнъ**.

Изъ осложненій суффикса no отмѣтимъ очень продуктивный на слав. почвѣ элементъ ьno, ср. прилагательныя типа старослав. **безоумьнъ, бѣдьнъ, больнъ, ровьнъ, зимьнъ** и т. д. Болѣе сложный суффиксъ мы находимъ въ видѣ ovьno, evьno, ср. **дьневьнъ, доуховьнъ, грѣховьнъ**. Элементъ ov частью идетъ изъ основъ на u (ср. **воловьнъ**), частью мы его находимъ въ такихъ прилагательныхъ, какъ **дъждевъ**, ср. далѣе **дъждевьнъ**. Отъ вышеуказанныхъ прилагательныхъ съ ьno, гдѣ старое i, общеслав. **ь**, въ конечномъ счетѣ, вѣроятно, есть окончаніе основъ на i, надо отличать прилагат. съ ьno, которыя обозначаютъ возможность, и которыя имѣютъ ьn по указаніямъ родственныхъ языковъ изъ ąn, ср. старослав. **прииятьнъ** при **прıятъ**; **недоумѣньнъ**. Прилагат. на īno мы имѣемъ въ старослав. **свинъ**, ср. лат. suīnus, **воеводинъ** при **воевода** и т. д. Ср. далѣе сущест. типа старослав. **господинъ, гражданинъ** и др. (им. мн. **граждан-е** по согласному склоненію). Въ лат. яз. ср. такое прилагат. какъ vīcīnus «сосѣдній», что касается суфф. ьno, то существ. этого образованія рѣдки: ср. **брашьно**, **гривьна** «ожерелье», **платьно**.

Имена прилагательныя отъ основъ, обозначающихъ вещество (ср. р. глиняный, костяной, овсяный и т. д.), имѣютъ своеобразное явленіе въ суффиксѣ: старослав. яз. своимъ -ѣн- (прахнѣнъ, камѣнъ) указываетъ на старое -ѣno-, которое мы въ правѣ принимать для такихъ прилагат. на основаніи показаній другихъ родственныхъ языковъ; на старое ѣ указываютъ въ этомъ суффиксѣ также чешскій и польскій яз. (ч. hliněný, п. gliniany), тогда какъ сербскій и словинскій яз. имѣютъ ту же гласную, которая соотвѣтствуетъ ę (сербское лѐден «ледяной»), на ę указываетъ и русская форма глиняный и т. д., наконецъ, лужицкіе яз. имѣютъ здѣсь звуки, не указывающіе ни на ѣ, ни на ę (нижнелуж. и верхнелуж. ʲa). Шахматовъ (Извѣстія Отд. р. яз. и слов., VI, 4, стр. 272 сл.) предположилъ, что здѣсь мы имѣемъ общеслав. долгое открытое ē, образовавшееся слѣдующимъ путемъ: суффиксъ ēno послѣ смягченной согласной долженъ былъ явиться въ видѣ ano (kožanъ); подъ вліяніемъ ассоціаціи ano послѣ смягченной и ēno послѣ твердой согласной эта послѣдняя форма получила е долгое открытое, которое и дало своеобразные результаты (въ однихъ слав. яз. совпало съ ѣ, въ другихъ отъ него отличалось). Такимъ же образомъ объясняетъ Шахматовъ и старослав. -ѣнинъ въ соотвѣтствіи съ русскимъ -янинъ (израилитѣнинъ-израилитянинъ). Meillet въ цитиров. сочиненіи пытается отстоять иное пониманіе: общеслав. kamę-no (a kamy, род. kamen-e имѣло основу на en) было невѣрно разложено говорящими на kam-ęno-; отсюда смѣшеніе ęno съ ēno, но это предположеніе не объясняетъ намъ лужицкихъ образованій, въ которыхъ нельзя искать стараго ę.

c) Суффиксъ mo является частью въ первичныхъ, частью въ отыменныхъ образованіяхъ. Ср. лат. formus «теплый», ср. тотъ же корень въ общеслав. gorѣti, общеслав. dymъ, лат. fūmus «дымъ», гдѣ мы находимъ индоевроп. корень dhū «быть въ сильномъ движеніи, волнуясь подниматься (о дымѣ)», засвидѣтельствованный извѣстными образованіями древнеинд. и греч. яз.; лат. almus «питающій», ср. alō «питаю». Въ качествѣ вторичнаго суффикса mo (въ видѣ uma, ima съ a изъ o) съ u и i, отвлеченными отъ окончанія основъ на u и i, къ которымъ присоединилось mo, стало очень распространеннымъ элементомъ въ литовскомъ яз. для образованія отвлеченныхъ именъ существительныхъ. Суффиксъ mo намъ не всегда легко отдѣлять отъ суффикса mno, такъ какъ, повидимому, еще въ праязыкѣ mno измѣнялось въ mo послѣ долгихъ гласныхъ и согласныхъ. Для образованія отглагольныхъ прилагательныхъ, причастій съ страдательнымъ значеніемъ, откуда въ отдѣльныхъ языкахъ страдательныя причастія настоящаго времени, въ индоевроп. праязыкѣ служилъ суффиксъ meno, извѣстный, между прочимъ, въ латинскомъ и прусскомъ яз. (ср. лат. существ. типа alumnus «воспитанникъ», первоначально прилагат. къ глаголу alō); въ общеслав. яз. причастія типа nesomъ, vidimъ и т. д. представляютъ mo, которое можетъ быть разсматриваемо какъ продуктъ еще индоевроп. измѣненія mno.

Суффиксъ mo въ праязыкѣ являлся и въ образованіяхъ числительныхъ порядковыхъ, а также и въ образованіяхъ съ значеніемъ сравнительной степени; наряду съ mo былъ и его варіантъ $\underset{\circ}{a}\underset{\circ}{m}^{m}$o въ положеніи

послѣ согласной; ср. лат. septimus (гдѣ $\underset{\circ}{a}m^m$o) и общеслав. sedmъ (изъ *sebdmъ), старослав. **сєдмъ** (см. стр. 54). Наряду съ этими элементами существовалъ и суффиксъ t$\underset{\circ}{a}m^m$o, ср. лат. intimus «внутренній», extimus «крайній», ср. лат. intrā «внутри», extrā «внѣ». Въ латинскомъ и въ кельтскихъ языкахъ мы находимъ также элементъ s$\underset{\circ}{a}m^m$o, составившійся изъ s, принадлежавшаго первоначально окончанію основъ на s (см. ниже), и $\underset{\circ}{a}m^m$o, ср. лат. maximus «величайшій», proximus «ближайшій». Латинскія образованія типа pigerrimus (превосх. степень къ piger «лѣнивый»), facillimus (превосх. степень къ facilis «легкій») получились изъ *pigrisemos, *faclisemos, гдѣ самъ суффиксъ isemo—изъ is + $\underset{\circ}{a}m$o.

d) Съ суффиксомъ t$\underset{\circ}{a}m$o находится въ соотношеніи по значенію суффиксъ tero, являющійся въ образованіяхъ сравнительной степени (вторичныхъ) и обозначавшій первоначально противоположность двухъ предметовъ мысли. По своему происхожденію онъ состоитъ, повидимому, изъ элементовъ t и ero (сравн. t$\underset{\circ}{a}m^m$o изъ t и $\underset{\circ}{a}m^m$o). При tero былъ и другой звуковой видъ tro; параллельно съ нимъ и при ero мы находимъ, впрочемъ, очень рѣдкое ro. Примѣры для ero: латинск. superus «верхній», ср. sub «подъ» *) (b изъ p первоначально передъ звонкой согласной въ началѣ слѣдующаго слова): тотъ же индоевроп. элементъ ero мы находимъ напр. и въ нѣм. unser; ср. еще лат. inferus «нижній» при infernus «находящійся внизу». Предполагаютъ, что элементъ ero въ самомъ праязыкѣ получился изъ распространенія суффиксомъ o нарѣчій на er, ср. соотношеніе, существующее въ лат. яз. между superus и super. Примѣры для tero, tro: лат. exter, exterus «наружный», extrā «внѣ» (стр. 15); лат. dexter изъ *dexiteros; общеслав. jutro (польское jutro «завтра», старослав. **оутро**), ср. общеслав. ju, ju-že (старослав. **оу, оу-же, ю, ю-же**). Въ приведенныхъ примѣрахъ въ основаніи разсмотрѣнныхъ образованій лежатъ нарѣчія; примѣры для мѣстоименныхъ основъ: общеслав. koteryjь, kotoryjь (старослав. **котєрын, которын**), ср. мѣстоим. основу ko- въ ko-go, ko-mu и т. д.; относительно kotoryjь надо замѣтить, что не всѣ ученые принимаютъ для индоевроп. tero варіантъ toro; думаютъ, что toro могло возникнуть изъ tero путемъ уподобленія гласныхъ; ср. далѣе лат. noster «нашъ», vester «вашъ». Суффиксъ tero, tro мы находимъ и въ общеслав. vѣtrъ (старослав. **вѣтръ**), гдѣ тотъ же корень, что и въ общеслав. vѣją; ср. общеслав. основу ср. р. jętro «печень» (церковнослав. **ѩтро**, сербск. jêтра, ср. нарѣчіе старослав. **ѩтрь**, существ. **ѩтрока**); въ основаніи здѣсь лежитъ en, on, въ слабомъ звуковомъ видѣ $\underset{\circ}{a}$n, являющееся въ слав. vъ.

Въ другого рода случаяхъ индоевроп. ro, tro является по происхожденію распространеніемъ суффиксовъ (e)r, t(e)r, о которыхъ мы будемъ говорить ниже, но уже рано эти суффиксы выдѣлились въ качествѣ отдѣльныхъ суффиксовъ. Ср. лат. sacer изъ *sacros, ср. тотъ же корень (съ n) въ sanciō «освящаю»; лат. taurus «быкъ», общеслав. turъ, (церковнослав.) **тоуръ** отъ корня, который мы находимъ въ древнеинд. tauti «онъ силенъ»; общеслав. pirъ (старослав. **пиръ**), ср. piti. Съ tro ср. лат.

---

*) Первоначальное значеніе, какъ предполагаютъ, было „снизу", откуда могли развиться въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ значенія „внизу, подъ" въ sub и „сверху" въ super.

arātrum «плугъ». Другіе примѣры именъ, обозначающихъ орудіе дѣйствія, см. ниже въ отдѣлѣ, гдѣ говорится о суфф. ter.

e) Суффиксъ lo (частью λo съ неопредѣленной плавной). Въ качествѣ первичнаго суффикса онъ образовывалъ прилагательныя (откуда частью потомъ существительныя), ср. общеслав. gnilъ (церковнослав. **гнилъ**) при gniti, общеслав. toplъ (старослав. **теплъ, топлъ**) при topiti, ср. лат. tepidus «теплый»; общеслав. dѣlъ «часть» (церковнослав. **дѣлъ**), ср. нѣм. teil «часть», гдѣ ei изъ ai отъ индоевроп. корня dai «дѣлить», засвидѣтельствованнаго древнеинд. и греч. яз.; общеслав. dѣlo, ср. глагольный корень dѣ-; ср. далѣе отглагольныя прилагательныя (причастія), входившія въ общеслав. яз. въ составъ различныхъ описательныхъ формъ спряженія, типа общеслав. neslъ, dalъ, vidѣlъ и т. д.; лат. bibulus «пьющій», crēdulus «довѣрчивый». Названія дѣйствующихъ лицъ: figulus «горшечникъ», ср. лат. fingō (съ n) «лѣплю, ваяю» (сюда же принадлежитъ по корню и нѣм. teig «тѣсто» и общеслав. dѣža (р. дежа съ орѳографич. е, ср. малор. діжа); capulus «рукоятка», ср. capiō «беру» (capulus первоначально должно было значить «хвататель»). Вторичное употребленіе суффикса lo мы находимъ напр. въ такихъ случаяхъ, какъ лат. ungulus «ноготь на большомъ пальцѣ ноги», ср. unguis «ноготь»; общеслав. orьlъ (старослав. **орьлъ**), съ готск. ara, нѣм. aar «орелъ». Особенно слѣдуетъ замѣтить имена съ суффиксомъ lo съ уменьшительнымъ (ласкательнымъ) значеніемъ, ср. лат. agellus (съ ассимил. r слѣдующему l) изъ *agrolos, ср. ager «поле, пашня», fīliolus «сынокъ» къ fīlius «сынъ»; сюда же принадлежатъ и слав. имена съ суффиксомъ ulʲa (р. дѣвуля), гдѣ мы находимъ распространеніе стараго суффикса элементомъ i̯ и гдѣ u представляетъ по происхожденію принадлежность окончанія основы извѣстныхъ именъ. Изъ осложненій суффикса lo отмѣтимъ еще сочетаніе slo, напр. общеслав. veslo (р. весло), ср. vezǫ, лат. vēlum «парусъ» изъ *vexlom; общеслав. vęslo, частью въ извѣстныхъ сложеніяхъ (р. вясло «перевязь снопа», церковнослав. **оукасло** «діадема»), ср. vęzati; общеслав. čislo (старослав. **число**), ср. čьtǫ; въ приведенныхъ славянскихъ словахъ slo имѣемъ s изъ упрощенія и ассимиляціи группъ z—s, t—s.

Суффиксъ tlo, представляющій распространеніе суффикса t(e)l въ именахъ, обозначающихъ дѣйствующихъ лицъ, на славянской почвѣ вытѣсненъ индоевроп. суффиксомъ d(h)lo. Въ лат. яз. tlo мы находимъ въ видѣ clo (см. стр. 44), частью въ видѣ cro вслѣдствіе диссимиляціи l въ двухъ рядомъ стоявшихъ слогахъ, ср. лат. piāclom, piāculum «средство искупленія»; lucrum «выгода» (изъ *luclom) отъ того корня, который находимъ и въ слав. loviti, lovъ.

f) Суффиксы dhro, dhlo представляютъ по происхожденію, повидимому, соединеніе dh съ ro и lo, а элементъ dh извѣстенъ намъ и въ другихъ комбинаціяхъ. Лат. crībrum «сито», ср. cernō «отдѣляю» изъ *crinō; лат. stabulum «мѣсто стоянія», «стойло», общеслав. stadlo (п. stadło «чета, супружеская пара»; лат. sūbula «шило», общеслав. šidlo (п. szydło, р. шило); общеслав. mydlo, ср. my-ti (п. mydło, р. мыло), общеслав. žędlo, ср. ženǫ (п. żądło, р. жало) и т. д. Какъ видно изъ примѣровъ, мы имѣемъ здѣсь имена, обозначающія орудія дѣйствія.

g) Суффиксъ ko съ k частью задненебнымъ, частью средненебнымъ получился въ самомъ праязыкѣ м. б. частью изъ распространенія основъ, оканчивавшихся на k, элементомъ o, ср. лат. senex «старикъ» и древнеинд. sanaká-s «старый». Вь нѣкоторыхъ случаяхъ этотъ суффиксъ образуетъ имена первичнаго характера, ср. общеслав. znakъ (церковнослав. **знакъ**) при znati; вообще же онъ является обыкновенно въ отыменныхъ образованіяхъ; ср. лат. siccus «сухой» (изъ *sitcos) при sitis «жажда», cascus при cānus «сѣдой» (изъ *casnos); общеслав. nizъkъ при nizъ (нарѣчіе); общеслав. inokъ, церковнослав. **инокъ**, ср. лат. ūnicus при ūnus «одинъ». Общеслав. volsъ (старослав. **власъ**, р. волосъ) по указаніямъ другихъ языковъ имѣетъ s изъ k̂.

Изъ многочисленныхъ осложненій суффикса ko я назову на слав. почвѣ элементы (въ им. ед.) -ъkъ (o-statъkъ, synъkъ), -ьkъ, -ьko, -ьka (dьпьkъ, očьko, nožьka) съ уменьшит. значеніемъ, -ьcь (изъ ьkъ), напр. kupьcь, ьce (напр. sьr̥dьce), -ica (изъ -ika), напр. dѣvica, -ikъ, -ika (см. стр. 51) напр. grѣšьnikъ, -akъ, образующій частью существительныя отъ прилагательныхъ (церковнослав. **юнакъ**), частью отглагольныя существительныя (ср. русск. рѣзакъ, тесакъ), -ьskъ (старослав. **людьскъ**), въ прилагательныхъ. Ср. еще -ьnikъ (naslѣdьnikъ), -ѣпьcь (ср. старосл. **младѣньць**), -ьпьcь (**младьньць**), -ѣnica, -ьnica (старослав. **стькл҄ѣница**, **стькльница**), -isko при -iskje ‘(ср. западное слав., польск. ognisko, и церковнослав. **огнище**). Въ zajęcь, mѣsęcь мы находимъ суффиксъ, начинавшійся съ k въ положеніи послѣ ę изъ en, окончанія старыхъ согласныхъ основъ.

На индоевроп. суффиксъ go съ старымъ задненебнымъ g указываютъ обществ. ostrogъ (церковнослав. **острогъ**) при ostrъ (здѣсь суффиксъ o-go); общеслав. mętežь, grabežь (ср. старослав. **мятежь**, р. грабежъ) указываютъ на e-go, распространенное по образцу многихъ другихъ основъ элементомъ i̯ (ž изъ gi̯). Нетематич. суффиксъ съ g, ĝ на италійской и балтійско-славянской почвѣ осложнялся носовымъ элементомъ, ср. многочисленныя слав. существительныя на -aznь, -izna, -ѣznь (bojaznь, ukorizna, bolѣznь), ср. также žiznь при žiti. Въ лат. яз. ср. vorāgō — inis «пропасть» при vorax, orīgō—inis «происхожденіе», ср. orīrī «происходить».

Что касается общеслав. -ędzь, -ęzь, то этотъ типъ суффикса появился впервые въ заимствованныхъ изъ германскаго словахъ; ср. koldędzь, koldęzь (старослав. **кладязь**, **кладязь**), предполагающее герм. *kaldings, производное отъ того прилагательнаго, которое является и въ современномъ нѣмецкомъ kalt «холодный»; переводъ Ев. знаетъ и свое слово **стоуденьць**, откуда взятъ суффиксъ **-ьць** и въ русск. колодецъ. Ср. далѣе общеслав. kъnędzь, kъnęzь (р. князь, старослав. **кънязь**, заимствованное изъ герм. слова, которое звучало въ древневерхненѣм. яз. какъ kuning, нововерхненѣм. könig).

h) Суффиксъ so по своему происхожденію представляетъ тематическій варіантъ суффикса (e)s (см. ниже), при чемъ часть основъ, имѣющихъ so, возникла, несомнѣнно, уже на почвѣ отдѣльныхъ языковъ путемъ перенесенія основъ на s въ склоненіе основъ на o. Примѣры: общеслав. golsъ (старослав. **гласъ**), ср. лат. gallus «пѣтухъ» (изъ *gal-so-s, м. б. и изъ *gal-no-s), ср. далѣе отъ того же корня удвоенную по происхожденію

основу въ *golgolъ (старославян. **глаголъ**, перешедшее и въ русскій языкъ); общеслав. kolsъ (старослав. **класъ**), ср. тотъ же корень въ kol'ǫ; общеслав. sluchъ (старослав. **слоухъ**), ср. slovo, sluga; лат. russus «красный», ср. р. русый; здѣсь корень индоевроп. rudh (ср. лат. ruber, старослав. **ръжда**, р. рыжій); р. пелесый, церковнослав. **пелесъ**, ср. лат. pallidus «блѣдный», гдѣ ll м. б. и изъ ln; суффиксъ въ этомъ слав. словѣ eso; въ старослав. **ветъхъ**, ср. лат. vetustus «старый, старинный», мы имѣемъ uso. Ср. далѣе общеслав. ženichъ, р. спаха «сонливый человѣкъ», неряха, р. кожухъ (соотв. слово есть въ сербск. и польск. яз.): старослав. **гороущьнъ, горюшьнъ** при церковнослав. **гороуха, горюха** «горчица», ср. **горь-къ**, указываетъ на старую основу ж. р. на -ucha, а также ср. частью имена на -ar'ь (знахарь), гдѣ въ основаніи лежатъ имена съ суффиксомъ, имѣвшимъ старое s.

i) Суффиксъ u̯o, eu̯o, связанный, повидимому, по происхожденію съ основами на u, является въ прилагательныхъ (частью субстантивированныхъ въ ср. и ж. р.): латинск. vīvus, общеслав. živъ, ср. žiti; общеслав. pravъ, lѣvъ и т. д., лат. laevus, лат. vacuus «пустой», ср. vacāre «быть пустымъ»; лат. cervus, cerva «олень» (самецъ, самка), ср. нѣм. hirsch «олень» изъ древневерхненѣм. hiru-ʒ; по этимологическому происхожденію это слово первоначально значило «рогатый», корень здѣсь тотъ же, что и въ лат. cornu «рогъ» (здѣсь м. б. и старая гласная o); старое существ. съ u̯o мы находимъ въ лат. equus «конь».

Суффиксъ ivo находится по происхожденію, повидимому, въ связи съ основами на i, при чемъ общеслав. i, т.-е. ī, не ь, здѣсь какое-то старое протяженіе (ср. однородное явленіе и передъ суффиксомъ to, lo въ латинскомъ, литовскомъ языкахъ, ср. лат. sēmentīvus «относящійся къ посѣву» при sēmentis «посѣвъ»); ср. общеслав. milostivъ при milostь, rѣčivъ при rѣčь и т. п. и далѣе уже не отъ основы на i: pravьdivъ при pravьda и т. д.; въ tьrpѣlivъ (старослав. **трьпѣливъ**) и др. мы находимъ—l-ivo-. Суффиксы avo и ovo стоятъ въ связи съ основами на a и на o: ср. lǫkavъ (старослав. **лѫкавъ**) при **лѫка**; lьvovъ, učitelevъ при lьvъ, učitel'ь и. т. д.

Суффиксъ tu̯o разсматриваютъ какъ распространеніе суффикса tu элементомъ o. Этотъ суффиксъ мы находимъ частью въ первичныхъ, частью въ вторичныхъ образованіяхъ. Къ первому типу принадлежитъ, напримѣръ, основа, распространенная дальше элементовъ i̯ въ старослав. **шьствие** при **шьдъ**, сюда же относятъ старослав. **бѣство** (пишется и **бѣсство**; нѣкоторые ученые разсматриваютъ это слово какъ видоизмѣненіе стараго ***бѣжьство**). Въ приведенныхъ примѣрахъ мы находимъ еще элементъ s (s-tu̯o). Лат. mortuus «мертвый», общеслав. mьrtvъ (старослав. **мрьтвъ**), повидимому, имѣютъ tu̯o особаго происхожденія: эти основы разсматриваютъ или какъ видоизмѣненіе стараго mr̥to-s подъ вліяніемъ противоположнаго по значенію слова лат. vīvus, общеслав. živъ (а на индоевроп. mr̥tó-s указываетъ древнеинд. яз.), или съ бóльшей убѣдительностью объясняютъ изъ распространенія стараго mr̥u̯o-s, на которое указываетъ древнеирландскій языкъ, элементомъ t, являющимся въ составѣ суффикса въ другихъ образованіяхъ отъ этого корня (ср. лат. mors, mortis «смерть», общеслав. sъmьrtь, старослав. **съмрьть**). На славянской почвѣ мы находимъ многочисленныя существ. ж. р. на -tvā, произведенныя отъ глаголь-

ныхъ корней: общеслав. žьr̥tva, klętvá, žętva (ср. старослав. **жрьтва, клатва, жатва** и т. д.).

Какъ вторичный суффиксъ tu̯o мы находимъ въ составѣ общеслав. ьs-tvo, гдѣ общеслав. ьs, повидимому, тотъ же элементъ, который мы находимъ въ общеслав. суффиксѣ ьs-ko- (см. выше). Примѣры: общеслав. božьstvo (ср. bogъ), mǫžьstvo (ср. mǫžь), ср. старослав. **божьство, мжжьство** и т. д. Съ помощью этого суффикса образуются имена ср. р. съ отвлеченнымъ значеніемъ.

j) Суффиксъ i̯o (частью io). О происхожденіи этого суффикса существуютъ различныя предположенія, при чемъ до сихъ поръ остается не вполнѣ разъясненнымъ вопросъ объ отношеніи его къ тѣмъ i, ī, которыя мы находимъ наряду съ i̯o въ окончаніи извѣстныхъ формъ склоненія въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ языкахъ. Ближайшій родственникъ славянскихъ языковъ — литовскій яз. имѣетъ въ им. ед. имена на -is, и -īs, гдѣ въ косвенныхъ падежахъ является старая основа на i̯o. Для славянскихъ языковъ этотъ вопросъ о происхожденіи указаннаго соотношенія самъ по себѣ не играетъ роли, такъ какъ слав. имена напр. типа kon'ь могутъ быть возводимы и непосредственно къ типу koni̯os, и къ типу konis, гдѣ i̯, давшее въ результатѣ смягченное n, было бы внесено изъ косвенныхъ падежей.

Латинскіе имен. ед. типа Cornelis при Cornelius, alis «другой» при alius могли бы быть объяснены и какъ видоизмѣненіе старыхъ именит. на -i̯os съ утратою краткой гласной (ср. ager «поле» изъ *agros), и какъ старыя формы на -is. Къ литературѣ вопроса см. Brugmann Grundriss II, 1², § 109 sq.; Sommer, Handbuch der lateinischen Laut- und Formenlehre, стр. 367 сл.; Ф. Ѳ. Фортунатовъ, Критическій разборъ сочиненія г. Ульянова, стр. 154 (Сборникъ отд. русск. яз. и слав., т. LXIV); Отчетъ о дѣятельности Отд. русск. яз. и слав. за 1911 г., стр. 8 сл. (о литовскихъ именахъ на -is, -īs).

Разсматриваемый суффиксъ служилъ искони для образованія прилагательныхъ отъ именныхъ и мѣстоименныхъ основъ: такія прилагательныя являются нерѣдко субстантивированными; на славянской почвѣ въ классъ склоненія основъ на i̯o были переведены многіе основы различныхъ другихъ типовъ, примѣры чего мы уже видѣли. Ср. общеслав. otьčь къ otьсь, orьl'ь (orьlъ), osьl'ь (osьlъ) и т. д. (ср. старослав. **отьць, орьлъ, осьлъ**); ср. далѣе существ. ж. р. duša (duchъ), bratrija, bratija (bratъ), lъža (ср. lъžь «лгунъ» и корень въ lъgǫ; имя сущ. lъgъ не засвидѣтельствовано), старослав. **доуша, братрия, братия, лъжа** и т. п. Типъ bratrija, bratija, показываетъ намъ суфф. -ii̯o- (ж. р. -ii̯ā-), ср. еще obličije (oblikъ), podъnožije (nogā), sъdravije (sъdravъ), старослав. **обличие, подъножие, съдравие**; ж. р. **сждии** (въ остальныхъ падежахъ, какъ основа на i̯ā). Ср. лат. patrius «отцовскій» къ pater; ср. далѣе ж. р. patria «родина», somnium «сновидѣніе» къ somnus, familia «семья», ср. famulus «слуга», avia «бабушка», общеслав. ujь, vujь (церковнослав. **оуи**, польск. wuj «дядя» со стороны матери»), стр. лат. avus «дѣдъ» и т. д.

На славянской почвѣ мы находимъ многочисленные примѣры, гдѣ элементъ i̯o является распространеніемъ другихъ суффиксовъ, т.-е. имена

съ различными другими суффиксами переводились въ классъ склоненія именъ на i̯o. Нѣкоторыя изъ этихъ новообразованій являются довольно старыми (балтійскославянскими); такъ напр. слав. именамъ, обозначающимъ дѣйствующихъ лицъ, на -taјь соотвѣтствуютъ литовскія имена на -tojis (ср. общесл. ortojь, стсл. ратаи; сюда же принадлежатъ и такія имена, какъ старослав. ходатаи, поводатаи и др.). Замѣчу кстати, что суффиксъ именъ дѣйствующихъ лицъ на -arʲь представляетъ собою цѣликомъ заимствованіе изъ германскихъ яз., конечнымъ его источникомъ являются латинскія имена на -ārius (напр. vīnārius «продавецъ вина», librārius «писецъ»; ср. общеслав. заимствованія въ старослав. мытарь (мыто, ср. готскую основу mōtarja — «мытарь»), церковнослав. боукарь (боукы, готск. основа bōkarja — «книжникъ»), р. лѣкарь получило разсматриваемый суффиксъ уже на славянской почвѣ (готская основа lēkja — «лѣкарь») и т. п. Болѣе старыми являются на слав. почвѣ, повидимому, такія имена на arʲь, которыя являются производными отъ другихъ именъ (старослав. рыбарь, винарь, вратарь и др.). Болѣе поздняго происхожденія многочисленныя отглагольныя имена этого типа: ср. общеслав. основы въ русск. писарь (болѣе старымъ было pisьcь), пекарь (можетъ быть подражаніе герм. слову, являющемуся въ соврем. нѣм. Becker, древнесакс. bakkeri).

Общеслав. является распространеніе элементомъ i̯o суффикса именъ ср. р. -isko, сохраняющагося въ западнослав.; ср. напр. польск. ognisko, церковнослав. огнище. Это имена, обозначающія мѣсто и орудіе; ср. старослав. цръкъвище «(языческій) храмъ», хранилище, р. топорище и т. п.

Распространеніе элемента k мы находимъ въ такихъ именахъ дѣйствующихъ лицъ, какъ общеслав. oračь (стар. русск. орачь), bičь (старослав. бичь, ср. бити); этотъ суффиксъ является очень распространеннымъ въ отдѣльнихъ славянскихъ языкахъ, ср. р. ткачъ. Имена на — čiјь являются производными отъ именъ на -ьcь, ср. старослав. кръмьчии, кънигъчии.

Имена на старослав. -ишть съ уменьш. значеніемъ, которымъ соотвѣтствуютъ р. имена на -ичь, польскія на -ic, получились изъ именъ съ общеслав. основами на iti̯o: ср. старослав. дѣтишть, отроучишть, козьлишть, р. имена типа королевичъ и т. д.

2) Основы, оканчивающіяся на i были въ праязыкѣ мужескаго, женскаго и средняго рода. Въ окончаніи основы было i въ его чередованіи съ дифтонгами ei̯, oi̯ и ēi̯; ср. общеслав. pǫtь, kostь, гдѣ ь изъ i, а въ окончаніи им. ед. несредняго рода было получено -is; ср. далѣе род. ед. pǫti, kosti, гдѣ общеслав. яз. получилъ окончаніе -ei̯s, откуда общеслав. i съ исчезновеніемъ конечнаго s; ср. далѣе им. мн. pǫtije (объ им. мн. ж. р. kosti см. ниже), гдѣ въ окончаніи было получено ei̯es; наконецъ, мѣстн. ед. pǫti, kosti полученъ изъ индоевроп. формы мѣстн. съ окончаніемъ ēi̯; ср. въ лат. яз. при ignis «огонь», ovis «овца» им. мн. ignēs, ovēs, гдѣ ēs изъ -ei̯es. Въ лат. яз. въ своемъ склоненіи основы на i смѣшались съ согласными основами, о чемъ см. ниже.

Въ числѣ основъ на i были въ индоевроп. праязыкѣ основы, которыя съ точки зрѣнія фактовъ эпохи распаденія должны быть разсматриваемы какъ непроизводныя; ср. напр. общеслав. osь, лат. axis «ось» или лат. ovis «овца», гдѣ съ этимъ ovi- тожественно общеслав. ovь-

въ ovь-са. Первичными являются основы на i съ значеніемъ отглагольныхъ отвлеченныхъ именъ и основы, обозначающія дѣйствующихъ лицъ. Ср. общеслав. ѣdь, sъn-ѣdь (старосл. ѩдь, сънѣдь), гдѣ тотъ же корень, что и въ глаголѣ старослав. ѩмь, ѣмь, гдѣ передъ m исчезло d еще въ общеслав. яз.; общеслав. molь (р. моль) при mel'ǫ; общеслав. rѣčь (старослав. рѣчь) при rekǫ. Примѣрами основъ ср. р. на i, исчезнувшихъ въ славянскихъ языкахъ, являются лат. mare «море», гдѣ e изъ i въ открытомъ концѣ слова, ср. maria им. мн.; лат. sale «соль» въ древнемъ яз. (обычно sāl (изъ *sāld), salis), ср. общеслав. solь.

Основы на i именъ прилагательныхъ на славянской почвѣ въ чистомъ видѣ исчезли, замѣнившись производными основами на -ьkо- (им. ед. м. р. на ькъ), ср. общесл. tęžькъ, ср. общеслав. tęgnǫti (р. тянуть), tęgota (р. тягота), tęgostь (р. тягость). Основы на i являются и въ другихъ случаяхъ расширенными новыми суффиксами; ср. приведенное выше ovьса; ср. далѣе sьrdьсе, гдѣ sьrdь—само распространеніе старой корневой основы, ср. лат. cor «сердце» изъ *cord. Съ другой стороны, основы на i являются расширеніемъ другихъ типовъ основъ, ср. только что приведенное sьrdь-; ср. далѣе общеслав. myšь, лат. mūs «мышь», общеслав. dьnь, ср. еще старослав. род. ед. дьн-є, гдѣ выступаетъ согласная основа. Лат. juvenis «юноша»—распространеніе старой основы на n, juven-cus «молодой».

Въ качествѣ вторичныхъ основъ являются такія общеславянскія основы, какъ zъlь при zъlъ (ср. старослав. ѕъль при ѕълъ), tvьrdь при tvьrdъ, ср. старослав. твръдь при твръдъ. Meillet (Études II, p. 265) предполагаетъ, что это были первоначально имена ср. р. на i̯o, которыя въ им. ед. должны были оканчиваться на -ь, что повело къ переходу ихъ въ имена съ склоненіемъ основъ на i. Такой же переходъ старой основы на i̯o онъ видитъ въ старослав. ждоль; ср. общеслав. основу на o въ польск. wądół «оврагъ»; соотвѣтственная основа на i̯o извѣстна въ готскомъ яз. Такое же происхожденіе принимается имъ и для несклоняемыхъ прилагательныхъ и нарѣчій: старослав. свободь «свободный»; нє оудобь; правь и др.

Суффиксы, оканчивавшіеся въ индоевроп. праязыкѣ на i:

а) Суффиксъ ti является въ эпоху распаденія праязыка въ качествѣ первичнаго въ именахъ ж. р. съ отвлеченнымъ значеніемъ, притомъ искони съ старымъ слабымъ звуковымъ видомъ. Такія имена съ отвлеченнымъ значеніемъ могли получать съ теченіемъ времени значеніе производителя соотвѣтственнаго дѣйствія; таково, повидимому, происхожденіе общеслав. tatь (старослав. тать) въ значеніи «воръ».

Примѣры: общеслав. sъ-mьrtь (старослав. съмрьть), ср. общеслав. mьrǫ; тожеств. по образованію лат. mors, mortis «смерть»; общеслав. čьstь (старослав. чьсть) ср. общеслав. čьtǫ; общеслав. datь (ср. старослав. благодать, р. по-дать), ср. тожеств. по происхожденію лат. dōs, dōtis «приданое» (въ этомъ словѣ, повидимому, уже въ праязыкѣ былъ извѣстенъ сильный звуковый видъ корня dō наряду съ параллельнымъ образованіемъ съ слабымъ звуковымъ видомъ корня, засвидѣтельствованнымъ древнеинд. яз.) и т. п. Въ славянскомъ инфинитивѣ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, мы имѣемъ застывшій падежъ отглагольнаго существит. съ суффиксомъ ti.

Элементы āti, īti, ūti, eti, oti и др. представляютъ собою ti съ предшествующей гласной окончанія основы: ср. лат. satiās, ātis «достаточность», «пресыщеніе» при satiāre «насыщать», seges, segetis «посѣвъ» и др.

На славянской почвѣ широкое распространеніе получилъ суффиксъ osti, служащій для образованія отвлеченныхъ именъ отъ прилагательныхъ и представляющій по происхожденію os + ti, гдѣ os есть суффиксъ основъ на os/es (ср. общеслав. nebo, nebes-e). Изъ самого качества гласной o въ этомъ конгломератѣ Meillet (Études, p. 281) выводитъ заключеніе о томъ, что это общеслав. новообразованіе изъ им. ед. на старое os основъ съ суффиксомъ es/os, а самый принципъ присоединенія суффикса ti къ именамъ отвлеченнымъ для подчеркиванія ихъ отвлеченнаго значенія, несомнѣнно, индоевропейскій. Если бы указанное соединеніе было старымъ, мы бы ждали esti, каковой суффиксъ и является въ литовскомъ яз. Бругманъ считаетъ оба эти esti и osti старыми, объясняя возобладаніе osti на славянской почвѣ вліяніемъ именъ на ota (čistota, junota).

Примѣры: старослав. **бѣлость** при **бѣлъ**, **ꙗрость** при **ꙗръ**, **свѣтьлость** при **свѣтьлъ**, **острость** при **остръ** и т. д.

Замѣчу еще, что разсматриваемый суффиксъ для образованія отвлеченныхъ именъ отъ прилагательныхъ является въ славянскихъ языкахъ наряду съ суффиксами ba, bi: общеелав. zъloba, старослав. **ѕълоба** и **ѕълобь**, общеслав. služьba, старослав. **слоужьба**, общеслав. borьba и т. д. Далѣе для той же цѣли служатъ суффиксы ota, ynʹi (вм. yni), ije, ср. старослав. **грѫдость** и **грѫдыни**; **цѣломѫдрость** и **цѣломѫдрие**.

Особо замѣтимъ, что есть небольшое количество именъ съ суффиксомъ ti муж. р.: tatь, о которомъ уже было сказано выше; zętь, повидимому, представляетъ старую основу на t, переведенную въ разрядъ основъ на i (ср. лат. gener, genta, «зять» (послѣднее только въ глоссаріяхъ); общеслав. olkotь (старослав. **лакъть**), несомнѣнно тоже старая основа на t, ср. род. мн. **лакътъ** (родств. по корню лат. lacertus, обыкн. во мн. ч. «мускулы», особенно верхней части руки»; точно такъ же общеслав. nogъtь есть старая основа на t, ср. род. мн. **ноготъ** въ Син. требн., тв. мн. **ногъты** въ Супр. (ср. лат. unguis «ноготь»); общеслав. degъtь (р. дёготь) такое же образованіе, какъ и nogъtь; общеслав. pečatь, темное по происхожденію, тоже старая основа на t: ср. **печате** им. мн. Супр.; существовала и параллельная основа на o: ср. дат. мн. **печатомъ**.

b) Суффиксъ ni является въ славянскихъ языкахъ только въ нѣкоторыхъ старыхъ образованіяхъ; въ болѣе новыхъ основахъ мы находимъ его уже въ осложненномъ видѣ sni, zni. Первоначальное значеніе такихъ именъ отвлеченное. Ср. общеслав. danь (старослав. **дань**), ср. основу на ti въ неопр. dati (старослав. **дати**), общеслав. kaznь (старослав. **казнь**); ср. глаголъ po-kazati. Такая основа, какъ общеслав. ognʹь (старослав. **огнь**) является не старой основой на jo, но основой на i (ср. лат. ignis «огонь»), перешедшей въ разрядъ основъ на jo. Ср. далѣе съ суффиксомъ sni общеслав. basnь, старослав. **баснь** (тотъ же корень и въ лат. fā-rī «говорить», pѣsnь (старослав. **пѣснь**) при poję, pѣti и др. Суффиксъ zni мы имѣемъ въ общеслав. žiznь (старослав. **жизнь**) при žiti, bojaznь (старослав. **боꙗзнь**) при bojati и др. Комплексъ ęni мы находимъ въ обще-

слав. jesenь (старослав. **ѥсєнь**), ср. готс. as-ans «время жатвы, лѣто». Общеслав. dьnь (старослав. **дьнь**) по происхожденію основа на согласную (ср. род. ед. **дьнє**, род. мн. **дьнъ** и др.).

c) Суффиксъ ri мы находимъ въ общеслав. dъbrь (старослав. **дъбрь** О. Ев. и **дьбрь** Зогр. Ев., Савв. кн.; здѣсь **ь** изъ **ъ** образовалась въ косвенныхъ падежахъ, гдѣ эта гласная была слабой, а потомъ была перенесена и въ им. ед.; польск. debra, старопольск. debrz, древнерусск. деберь изъ дьбьрь, а это изъ dъbьrь, dъbrь); тотъ же корень мы находимъ въ литовскомъ dùb-ti «становиться впалымъ», см. Ф. Ѳ. Фортунатовъ «Старослав. **тъ** въ 3-мъ лицѣ глаголовъ», стр. 7. Въ лат. яз. ср. прилаг. acer (основа acri-) «острый».

d) Суффиксъ li и его осложненія мы имѣемъ въ общеслав. bylь «трава» (ср. старослав. **былиѥ** съ собират. значеніемъ) при byti, общеслав. zęblь (ср. церковнослав. **ꙁѧбль** «ростокъ») при zębati. Ср. далѣе sli въ общеслав. myslь (старослав. **мысль**), общеслав. lѣtoraslь (старослав. **лѣторасль** «вѣтвь»), ср. rastǫ. Суффиксъ **ѣlь** является въ общеслав. gybѣlь (старослав. **гыбѣль**), ср. gybnǫ, общеслав. kǫpѣlь (старослав. **кѫпѣль**), ср. kǫpati и т. д. Общеслав. kolь «сколько», tolь «столько», ср. лат. quālis «какой», tālis такой.

3) Основы, оканчивавшіяся на u, были въ праязыкѣ муж., женск. и ср. р. Въ окончаніи основы (параллельно основамъ, оканчивавшимся на i), являлось u въ его чередованіи съ eu̯—ou̯ и ēu̯; ср. общеслав. им. ед. synъ, гдѣ **ъ** изъ u (окончаніе им. ед. было -us), род. ед. synu, гдѣ u изъ ou̯s съ отпаденіемъ конечнаго s, бывшаго въ данномъ образованіи самимъ суффиксомъ род. ед.; род. множ. synovъ, гдѣ ov, вѣроятно, изъ ev, а это сочетаніе изъ eu̯, распавшагося на звуки двухъ слоговъ передъ гласною падежнаго суффикса; мѣст. ед. synu, гдѣ конечное u изъ ou̯, а это изъ ōu̯; ср. въ лат. яз. senātus «сенатъ», род. ед. senātūs, гдѣ ū изъ eu̯ или ou̯.

На славянской почвѣ уже въ общеславянскую эпоху основы на u вступили въ тѣсную ассоціацію съ основами на o, совпавшими съ ними въ им. вин. ед. ч. (-os, -om и -us, -um дали общеслав. **ъ**); это повлекло за собою въ отдѣльныхъ новославянскихъ языкахъ утрату особаго типа склоненія основъ на u.

Разсматриваемыя основы въ славянскомъ языкѣ извѣстны какъ основы муж. р.; старыя прилагательныя на u получили распространеніе основы посредствомъ суффикса -ko, ср. общеслав. ǫzъ-kъ (другіе языки указываютъ на основу на u, ср. др.-инд. ąhú—«узкій», общеслав. kortъ-kъ (старослав. **кратъкъ**, тотъ же корень въ слабомъ звуковомъ видѣ въ čьr̥tǫ «рѣжу»), первоначальное значеніе было «отрѣзанный, обрѣзанный». Въ лат. языкѣ старыя основы прилагательныхъ этого типа мы находимъ въ основахъ на i, ср. лат. mollis «мягкій» изъ *moldu̯-is, tenuis «тонкій», ср. старослав. **тьнъ-къ** *).

---

*) Отъ -ъ-kъ надо отличать -y-kъ, гдѣ y есть по происхожденію окончаніе им. ед., къ которому присоединилось -kъ, ср. общеслав. kamy-kъ (старослав. **камыкъ**, польск. kamyk) при kamy, remykъ (сербск. рѐмик, польск. rzemyk) „ремешекъ", ср. ремень и нѣк. др.

Примѣрами старыхъ основъ на u могутъ служить: общеслав. domъ (старослав. **домъ**), ср. лат. domus «домъ», образующее часть падежей по 2-му склоненію; соотвѣтственныя слова греч. dómos (δόμος) и древнеинд. dáma-s «домъ» имѣютъ старыя основы на о; общеслав. volъ (старослав. **волъ**), не имѣющее точныхъ соотвѣтствій въ другихъ языкахъ; корень здѣсь, вѣроятно, тотъ же, что и въ прилаг. velikъ; общеслав. medъ (старослав. **медъ**) по происхожденію старая основа ср. р. (древнеинд. mádhu «нѣчто сладкое, медъ»); основы ср. р. этого типа, имѣя въ им. вин. ед. ъ изъ стараго u, должны были перейти въ основы муж. р. Какъ было замѣчено выше, на славянской почвѣ основы на u рано стали смѣшиваться съ основами на о (ср. старослав. **меда** при **медоу** въ род. ед.; **сыноу** при болѣе частомъ **сына** и т. п.) **).

Въ латинскомъ яз. ср. основы на u: gradus «шагъ» (тотъ же корень въ gradior «шествую, иду», ср. старослав. **грядѫ**), pecus ж. р. и pecu ср. р. «скотъ» и др.

Слово общеслав. stanъ (старослав. **станъ**) м. б. старая основа съ суффиксомъ nu (ср. stati), но вообще она склоняется уже какъ основа на о (мѣстн. ед. **станоу** былъ бы остаткомъ стараго склоненія); общеслав. synъ (старослав. **сынъ**) тоже старая основа на nu (индоевроп. корень sū «рождать»), нѣм. sohn по происхожденію та же основа, но съ краткимъ корневымъ u (слав. у изъ ū), являющемся въ верхненѣм. яз. при извѣстныхъ условіяхъ въ видѣ о. Общеслав. činъ (старослав. **чинъ**) — старая основа на nu отъ индоевроп. корня qi:qoi. Въ лат. яз. ср. напр. лат. sinus «изгибъ, складка, пазуха, грудь, заливъ», ср. общеслав. šija (р. шея).

Основы на tu мы находимъ въ славянскомъ супинѣ (общеслав. datъ, старослав. **дать**, общеслав. nestъ, старослав. **нестъ** и т. д.), являющемся по происхожденію вин. пад. отглагольныхъ существительныхъ на -tu, ср. лат. супинъ на -tum, тогда какъ лат. супинъ на -tū (dictū и т. п.) по происхожденію дат. (старый мѣстный пад. на ēu̯ : ōu̯)—facile dictū «легко сказать, собств. «для сказанія»; дат. пад. на ū, являющійся правиломъ по грамматикѣ для основъ ср. р. на u, извѣстенъ и у словъ не средняго рода.

4) Основы женскаго рода, оканчивавшіяся на ā, являлись, по указаніямъ отдѣльныхъ языковъ, въ эпоху распаденія индоевропейскаго праязыка, вопервыхъ, въ именахъ, обозначающихъ дѣйствіе (nomina actionis), при чемъ наиболѣе древній типъ такихъ образованій, повидимому, опредѣлить не такъ легко въ виду того, что эти основы рано подверглись различнаго рода вліяніямъ со стороны другихъ категорій; существуетъ даже мнѣніе, что вообще такія основы вторичнаго происхожденія, являясь распространеніемъ корневыхъ основъ.

Такъ, общеслав. čьr̥ta (старослав. **чьрта**, р. черта) при глаголѣ čьr̥tǫ, являющееся существительнымъ по происхожденію съ отвлеченнымъ значеніемъ дѣйствія, разсматривается какъ результатъ дальнѣйшаго обобщенія

**) Основа, являющаяся въ старослав. три кратъі, пять кратъ, повидимому, старая основа на о (ср. литовское kártas „разъ"); кратъі есть вин. множ., оставшійся несклоняемой формой; въ польск. kroć (dwa kroć „дважды"), старослав. крать м. б. сохранился, какъ думаетъ Meillet, слѣдъ старой согласной основы.

въ самомъ праязыкѣ случаевъ типа древнеинд. основы nidā «насмѣшка» при корневой основѣ nid съ тѣмъ же значеніемъ, существующей при глагольномъ корнѣ nid «насмѣхаться». Какъ бы то ни было, уже въ праязыкѣ существовали основы женскаго рода на ā въ именахъ съ старымъ отвлеченнымъ значеніемъ, при чемъ это значеніе съ теченіемъ времени, какъ и въ другихъ случаяхъ, могло переходить въ конкретное значеніе (примѣръ «черта»). Съ слабымъ звуковымъ видомъ мы находимъ на славянской почвѣ еще общеслав. tьma (старослав. **тьма**), ср. литовскій глаголъ témti «темнѣть», гдѣ является полный звуковой видъ корня съ гласной e. Образованія этого типа представлены и латинск. fuga «бѣгство» (тотъ же корень съ сильнымъ звуковымъ видомъ, съ старымъ дифтонгомъ мы находимъ въ литовскомъ baugùs «боязливый, страшный»).

Въ другихъ именахъ мы находимъ не слабый, а сильный звуковой видъ корня, при чемъ ступень o объясняютъ здѣсь вліяніемъ соотвѣтственныхъ основъ на o/e (см. выше, стр. 67) тѣ именно ученые, которые всю разсматриваемую категорію вообще считаютъ вторичной. На славянской почвѣ ср. такія имена, какъ общеслав. o-pona «покрыло» при pьnǫ (старослав. **опона**), общеслав. pa-toka при tekǫ (первоначально «жидкость»), ср. р. патока, «жидкость, сокъ, затѣмъ патока», польск. patoka «жидкій медъ»; общеслав. rǫka (изъ *ronkā), старослав. **рѫка**, р. рука, ср. литовское rankà «рука» при лит. глаголѣ renkù «собираю» (соотвѣтственное существительное рано получило конкретное значеніе «рука», т.-е. «собирательница»). Въ латинск. яз. ср. напр. toga «тога» при tegō «покрывало». Съ старою долгою гласною протяженнаго звукового вида, который объясняютъ точно такъ же вліяніемъ другихъ образованій, гдѣ онъ имѣлъ мѣсто, является напр. общеслав. slava (старослав. **слава**), ср. отъ того же корня общеслав. slovo (старослав. **слово**); далѣе, сюда принадлежитъ общеслав. iz-gaga (ср. церковнослав. русск. **изгага**, польск. zgaga), тогда какъ р. изжога, п. požog, požoga «поджогъ, пожаръ» представляютъ ступень корня съ гласной o и ž нефонетическаго происхожденія при žegǫ, žьgǫ.

Основы на ā, являющіяся, несомнѣнно, распространеніемъ старыхъ корневыхъ основъ, представлены на славянской почвѣ напр. общеслав. kolda, (старослав. **клада** р. колода) при нѣм. holz изъ holt «дерево» (матеріалъ), также общеслав. vьr̥ba (р. верба) при лат. verbēna «зелень мирта, лавра и др., какъ священная зелень», предполагающемъ корневую основу verb-, vǝrb-. Въ части такихъ случаевъ, повидимому, съ элементомъ ā вносилось собирательное значеніе (съ его дальнѣйшимъ развитіемъ), ср. общеслав. serda (старослав. **срѣда**) при лат. cor «сердце», общеслав. sьr̥dьce (старослав. **срьдьцє**); ср. далѣе общеслав. stьdza, stьza (старослав. **стьѕа**, **стьꙁа**) «тропинка», древневерхненѣм. stega «лѣстница» при греч. stíx (στίξ) «рядъ».

Наиболѣе обычно были въ праязыкѣ основы на ā въ качествѣ основъ ж. р. въ именахъ и прилагательныхъ съ основами не женскаго рода на o, при чемъ намъ извѣстны и такія основы именъ, обозначавшія особи женскаго рода, при которыхъ не было соотвѣтственныхъ основъ муж. р. Ср. общеслав. nova при novъ, общеслав. orba при orbъ; съ другой стороны, общеслав. žena, полученное уже изъ праязыка безъ соотвѣтствующаго обра-

зованія муж. р. Въ латинск. яз. ср. nova при novus, equa «кобыла» при equus «конь»; ср. еще лат. vacca «корова». Въ нѣкоторыхъ случаяхъ имя съ основою на ā, обозначающее живое существо, является обозначеніемъ и существа муж. р.; ср. общеслав. osa, лат. vespa «оса»; общеслав. mucha при лат. musca «муха», повидимому, старое распространеніе корневой основы, предполагаемой латинскимъ mus-ca.

На славянской почвѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ языкахъ, извѣстны основы на ā, обозначающія уже лица муж. р. (ср. лат. scrība «писецъ»). По происхожденію эти имена имѣли значеніе отвлеченное; ср. р. старина въ двухъ значеніяхъ: 1) старина, 2) старикъ; общеслав. sluga значило первоначально «служба», ср. u-sluga (р. услуга); ср., однако, старослав. **слоугы нюдѣнскы**.

a) На ā оканчиваются на славянской почвѣ и основы, имѣющія въ составѣ суфикса b (изъ индоевроп. bh). Въ праязыкѣ элементъ bho въ основахъ не женскаго и bhā въ основахъ ж. р. являлся дальнѣйшимъ распространеніемъ нѣкоторыхъ другихъ типовъ основъ (основъ на носовую, на o, i, u и др.). На славянской почвѣ довольно продуктивнымъ былъ типъ съ ьba въ окончаніи, гдѣ ь, т.-е. старое i, есть окончаніе основъ на i; ср. общеслав. služьba (старослав. **слоужьба**) при sluga; tatьba (старослав. **татьба**) при tatь; molьba, borьba, svatьba (р. свадьба представляетъ не этимологическое, а фонетическое написаніе) и мн. др. Ср. далѣе окончаніе o-ba въ общеслав. ǫtroba (старослав. **жтроба**), ср. древнеиндійское antrá-m «внутренности», старослав. **жтрь** «внутри», zъloba (старослав. **ѕълоба**) при zъlъ; ср. далѣе р. худоба́, польск. chudoba «убогое имущество, нужда и далѣе бѣднякъ» (общеслав. chudoba при chudъ) и др. Въ общеслав. golǫbь (старослав. **голжбь**) мы находимъ старое—om-bhi̯o-, ср. аналогичн. лат. columba, columbus «голубь», гдѣ является элементъ om-bhā, om-bho; къ **голжбь** принадлежитъ и р. голубой; въ литовскомъ языкѣ, повидимому, отъ того же корня мы находимъ gulbė «лебедь» съ восходящимъ удареніемъ на ė. Славянское названіе голубя по Бернекеру (Slavisches Etymolog. Wörterbuch, 322) произошло отъ названія цвѣта, а съ общеслав. gol- онъ сопоставляетъ общеслав. žьl̥čь съ другимъ звуковымъ видомъ корня (старослав. **жльчь**, р. желчь), съ которымъ ср. лат. fel «желчь» (съ сильнымъ звуковымъ видомъ корня и съ гласной e), лит. gèltas «желтый», р. желтый (общеслав. žьl̥tъ); переходъ значенія «желтый» — «голубой, сизый» аналогиченъ нѣм. blau «синій, голубой» при лат. flāvus «золотистожелтый»; лат. columba по корню принадлежитъ къ греческ. kelainós (κελαινός) «черный, темный».

b) Элементъ da представленъ образованіями типа общеслав. (u̯)ǫda (старослав. только **ждица** «крючекъ», р. уда, польск. węda), ср. по корневой части лат. uncus «крюкъ» изъ oncos; общеслав. borzda (старослав. **бразда**), гдѣ мы находимъ тотъ же корень, что и въ общеслав. boršьno (старослав. **брашьно**), лат. far, farris «полба», «мука»; индоевроп. корень bhars—въ различныхъ образованіяхъ съ значеніемъ, сводящимся къ понятію остроты, такъ что borzda первоначально значила «черта, проведенная чѣмъ-то острымъ», а boršьno, лат. far находятъ себѣ объясненіе и въ другихъ образованіяхъ отъ того же корня, обозначающихъ нѣчто острое

(игла хвойнаго дерева, щетина, ср. древнеисл. barr «игла ели», нѣм. Borste «щетина», Barsch «названіе рыбы» и т. д.). Въ общеслав. jagoda, agoda (старослав. **агода**, церковносл. **ıагода**, р. ягода), ср. церковнослав. **вниıага** (м. б. сюда же принадлежитъ и лат. ūva «виноградная кисть»), имѣемъ oda. Общеслав. voržьda (старослав. **вражьда**), ср. vorgъ (старослав. **врагъ**) имѣетъ ьda; ср. общеслав. pravьda (старослав. **правьда**, откуда **правъда**) при pravъ. Общеслав. gramada, gromada (церковнослав. **грамада** и **громада**, послѣднее въ текстахъ русск. редакціи, р. громада, п. gromada) имѣетъ, повидимому, элементъ ada (ср. лат. gremium «лоно», гдѣ тотъ же корень; первоначальное значеніе было «объятіе, обхватъ; часть тѣла, къ которой прижимаютъ схваченное въ охапку»; въ народной латыни это слово значило «охапка»; ср. церковнослав. значеніе «куча»).

c) Параллельно съ суффиксомъ ko является суффиксъ ж. р. ka, на которомъ мы нѣсколько остановимся. Въ прилагательныхъ на ko суффиксъ ka является въ формѣ ж. р., ср. общеслав. nizъkъ — nizъka и т. д.; ср. еще ъka съ уменьш. значеніемъ (ср. ъkъ въ м. р.) въ существ. (р. дѣвка, п. dziewka). Въ существ. мы находимъ суффиксъ ka какъ распространеніе другихъ основъ: общеслав. klѣtьka (старослав. **клѣтька**) при klѣtь и уже далѣе по аналогіи nožьka при noga и т. п.; общеслав. ovьca (старослав. **овьца**, ср. старую основу на i въ лат. ovi-s «овца»; общеслав. jasika (ср. jàсика) «осина» при osika (п. osika) имѣетъ суффиксъ īka (ср. родств., но съ другимъ суффиксомъ общеслав. osina, р. осина); ср. луж. wosa, указывающее на общеслав. osa (общеслав. as, os въ этомъ словѣ, неясное во взаимномъ отношеніи, изъ aps, ops, ср. древневерхненѣм. aspa «осина», нововерхненѣм. Espe; ср. еще общеслав. ǫžika (старослав. **жжика**) «родственникъ, родственница»; далѣе ср. ica съ c въ ж. р. при -iko- въ м. р. (grѣšьnica при grѣšьnikъ и т. д.); кромѣ того, ica является въ образованіяхъ ж. р. соотносительныхъ и съ другими типами основъ м. р. (ср. proročica при prorokъ, vl̥čica при vl̥kъ, telica при telьcь, старослав. **любодѣица** при **любодѣи** и нѣк. др.). Само сочетаніе ica, повидимому, возникло изъ соединенія ī, бывшаго въ окончаніи им. ед. извѣстныхъ основъ ж. р. (см. ниже) и суффикса ka, при чемъ c объясняется по закону о второмъ смягченіи k; voldyčica при voldyka ставитъ вопросъ о происхожденіи группы yka, повидимому, мы имѣемъ здѣсь исходный пунктъ въ основахъ на ū.

d) Относительно элемента ina надо замѣтить, что этотъ суффиксъ, о которомъ уже упоминалось выше, является на славянской почвѣ продуктивнымъ; мы его находимъ въ именахъ съ собирательнымъ значеніемъ, ср. церковнослав. **боукови́на** «буковый лѣсъ», р. дружина, общеслав. dolina; съ отвлеченнымъ значеніемъ (съ измѣненіемъ его въ конкретное), р. ширина, старѣйшина; съ болѣе общимъ значеніемъ отношенія къ тому, что обозначено основой, ср. р. баранина, поросятина, рыбина, новина и др. Слѣдуетъ отмѣтить распространенный въ нѣкоторыхъ языкахъ суффиксъ izna, который, м. б., стоитъ въ связи съ суффиксомъ -zni-; ср. отчизна, п. podobizna «портретъ», spuścizna «наслѣдство» и др. Относительно самаго происхожденія элемента ina возникаетъ вопросъ по поводу ī, такъ какъ въ литовскомъ яз. мы находимъ указаніе въ соотвѣтственныхъ образованіяхъ частью на ī, частью на дифтонгъ ei̯.

e) Славянскія основы на ja (ija) могутъ продолжать два различныхъ типа: 1) индоевроп. основы на i̯ā и 2) индоевроп. основы на i̯ē, такъ какъ ē послѣ мягкаго неслогового звука давало въ общеслав. языкѣ ā (см. стр. 17). Оба эти типа различаются въ литовскомъ яз. Основы на старое i̯ā соотносительны съ основами на i̯o, являясь основами ж. р. прилагат. и существит. (ср. лат. medius, media «средній, средняя», filia «дочь» при filius «сынъ», общеслав. ovьcь, ovьca и др.); основы второго ряда *) (ср. латинскія spec-iē-s «видъ», mater-iē-s при materia «матерія, вещество») не отличались, повидимому, по значенію отъ основъ 1-го рода и въ отдѣльныхъ языкахъ, гдѣ онѣ сохранились, онѣ частью съ ними чередуются.

Большинство именъ существительныхъ разсматриваемаго типа имѣетъ значеніе отвлеченное, собирательное, частью конкретное (названіе вещей, рѣдко лицъ). Ср. общеслав. vol'a (старослав. **волꙗ**), ср. лат. volō «желаю», общеслав. žęḍja (старослав. **жажда**) при žędati; общеслав. bratrija, bratija (старослав. **братриꙗ, братиꙗ, братрьꙗ, братьꙗ**), съ собирательнымъ значеніемъ общеслав. duša (старослав. **доуша**) при **доухъ**, общеслав. světja (старослав. **свѣшта**, р. свѣча), общеслав. tьstja (старослав. **тьшта**, р. теща) при tьstь и др. Съ значеніемъ муж. р. мы находимъ **древодѣлꙗ, прѣдътеча** и друг.

5) Славянскія имена ж. р. на общеслав. i въ им. ед. представляютъ въ прочихъ падежахъ обычныя основы на i̯a, и это является старой чертой; уже въ индоевроп. праязыкѣ мы находимъ характерное ī въ им. ед., при чемъ вопросъ о происхожденіи этого суффикса, являющагося въ образованіяхъ именно ж. р., остается неяснымъ; можно думать, что здѣсь это ī, подобно многимъ другимъ случаямъ, образовалось изъ стяженія iə, которое многіе ученые видѣли уцѣлѣвшимъ въ соотвѣтственныхъ образованіяхъ греческаго яз., гдѣ мы видимъ общегреч. i̯a, но врядъ ли дѣйствительно индоевроп. iə могло остаться хотя бы діалектически нестяженнымъ и греч. i̯a, вѣроятно, восходитъ къ i̯ə; объясняютъ греч. i̯a и какъ новообразованіе самого греческаго языка (см. Краткій очеркъ фонетики, стр. 31). Какъ бы то ни было, суффиксъ ī являлся въ индоевроп. праязыкѣ суффиксомъ ж. р., образовывавшимъ основы этого рода отъ основъ муж. р. на согласныя, на u, частью и отъ основъ на o, гдѣ обычнымъ типомъ основъ ж. р. были основы на ā; ср. на славянской почвѣ приведенное выше vьlčica, предполагающее основу ж. р. vlьči, звукъ въ звукъ совпадающій по происхожденію съ соотвѣтственнымъ древнеинд. образованіемъ vr̥kī съ r слоговымъ.

Изъ соединенія n въ окончаніи словъ на n съ i уже въ индоевроп. праязыкѣ получился элементъ nī, довольно хорошо представленный на славянской почвѣ въ видѣ yn'i, гдѣ мы его находимъ въ именахъ, обозначающихъ особи ж. р., и въ именахъ съ отвлеченнымъ значеніемъ; ср.

*) Въ индоевроп. праязыкѣ существовалъ въ рѣдкихъ случаяхъ и элементъ ē, ср. лат. fidēs „вѣрность“; въ литовскомъ яз. такія основы не могутъ быть отличаемы отъ старыхъ основъ на i̯ē, такъ какъ i̯ передъ мягкой гласной здѣсь исчезло.

общеслав. bogyn'i *) при bogъ (старослав. **богыни**, р. богиня), pustyn'i (старослав. **поустыни**, р. пустыня). Старослав. **балии** «врачъ» (съ значеніемъ уже муж. рода) предполагаетъ незасвидѣтельствованную основу bal, гдѣ тотъ же корень, что и въ bajati. Ср. далѣе ī въ ж. р. причастія и сравнит. степени: общеслав. nesǫtji (старая основа прич. nesǫt, распространенная на славянской почвѣ въ косвенныхъ падежахъ м. р. элементомъ i̯o); общеслав. nesъši (старая основа этого прич. nesъch изъ nesъs, распространенная въ косвенныхъ падежахъ м. р. на славянской почвѣ элементомъ i̯o), общеслав. bol'ьši (основа сравнит. степени bol'ьch изъ bol'ьs, распространенная въ косвенныхъ падежахъ м. р. суффиксомъ i̯o).

Въ латинскомъ яз. ī въ окончаніи им. ед. ж. р. не сохранилось, такъ какъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ данныя образованія сохранились, они получили распространеніе посредствомъ элемента ks, ср. victrīx «побѣдительница» при victor «побѣдитель», jūnīx при juvenīx «молодая корова», ср. juvenis «юноша».

Старослав. **млънии** (р. молнья), **сѫдии** представляютъ именит. ед. на i въ производныхъ основахъ на ija въ формахъ другихъ падежей; съ **млънии** сопоставляется по корню слово прусскаго языка, которое намъ передано какъ mealde (ea здѣсь изъ стараго e, значитъ прусскій яз. указываетъ на полный звуковой видъ корня); съ **сѫдии** сопоставьте **сѫдъ**.

6) Основы съ старымъ ū въ качествѣ формальнаго элемента мы находимъ на славянской почвѣ въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ. Основы этого типа были также основами ж. р. Ср. общеслав. svekry (род. ед. svekrъve, гдѣ ъv изъ индоевроп. uu̯, такъ какъ ū передъ гласной распалось на uu̯), старослав. **свекры** (р. свекровь уже новообразованіе по аналогіи основъ на i), ср. лат. socrus «свекровь, теща» съ основой на u краткое; ср. далѣе старослав. **неплоды**; на старое jętry, сохранившееся въ польск. jętry, указываетъ и древнее русск. ятровъ; на общеслав. zъly указываетъ русск. золовка; ср. еще *žely, на которое указываетъ слав. **желъвь**. Изъ словъ съ отвлеченнымъ значеніемъ мы имѣемъ въ старослав. **любы** и **цѣлы** «исцѣленіе».

7) Основы съ суффиксами, оканчивавшимися на согласный звукъ.

a) Основы средняго рода съ индоевроп. суффиксомъ os/es представлены на славянской почвѣ нѣкоторымъ количествомъ примѣровъ, а также надо принять во вниманіе и элементъ os въ сложномъ суффиксѣ os-ti (см. стр. 79). Старое склоненіе разсматриваемыхъ основъ съ наибольшей полнотой сохранилось въ старославянскомъ яз., тогда какъ въ другихъ славянскихъ языкахъ онѣ перешли въ другіе типы склоненія, сохранивши частью свой характерный суффиксъ въ окончаніи основы. Ср. старослав. **небо** (въ общеслав. яз. nebo получило o подъ вліяніемъ мѣстоим. ср. р. to; изъ -os мы ждали бы -ъ, см. стр. 13), **небесе**, гдѣ суффиксъ основы уже въ видѣ es, ср. лат. genos, genus «родъ», род. ед. generis, гдѣ r

*) Смягченіе согласной въ им. ед. объясняется перенесеніемъ i̯ изъ косвенныхъ падежей въ им. ед. Сами образованія на ī въ им. ед. въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ рано стали замѣняться им. ед. на a. Что касается звука y въ общеслав. yn'i, то это, повидимому, по происхожденію, окончаніе основъ на индоевроп. ū.

между гласными изъ s, а окончаніе род. ед. -is изъ -es (см. стр. 15), тожеств. съ слав. -е, утратившимъ s въ концѣ); въ русск. яз. небо въ ед. ч. перешло въ склоненіе основъ на о, а въ мн. ч. форма небеса и т. д. по общему типу основъ на о сохранила однако характерный слогъ ес; въ другихъ славянскихъ языкахъ аналогичныя отношенія: въ старослав. яз. новообразованія дат. **небоу**, твор. **небомь** еще рѣдки. Ср. далѣе старослав. **слово, словесе** (корень тотъ же, что въ **слоути**), въ твор. ед. **словомь**, укрѣпившееся въ сопоставленіи съ **дѣломь** и распространенное дальше, при старомъ **словесемь**; въ род. ед. **слова** при **словесе**; частью встрѣчается и **словеси**, гдѣ само падежное окончаніе изъ основъ на i. Далѣе, старослав. **чоудо** (русск. чудо—чудеса), **лютo** «трудъ» (ср. **лютъ, лютость**), **коло** (русск. коло—колесо, колеса); въ этомъ послѣднемъ словѣ падежныя формы по типу основъ на о могутъ быть старыя, такъ какъ изъ другихъ родственныхъ языковъ мы имѣемъ указаніе на старую основу на о (между прочимъ лат. colus «прялка» можетъ принадлежать сюда), да и гласная о въ корнѣ славянскаго слова указываетъ на старое смѣшеніе основы на о и на os/es (послѣднія имѣли гласную е въ корнѣ, ср. **небо, чоудо** (старое еu), **слово** (старое е перешло въ о передъ v); равнымъ образомъ мн. ч. старослав. **ложесна** указываетъ на старую основу на os/es, смѣшавшуюся съ основою на о въ **ложе**. Что касается словъ **око, оухо**, то здѣсь мы находимъ старыя основы на os/es (**око**, р. **очесе**, мѣстн. **очесе** (**очеси**), им. мн. **очеса**, род. мн. **очесъ**; **оухо**, тв. мн. **оушесы**), гдѣ частью старыя формы замѣнены новообразованіями по аналогіи основъ на о (род. ед. **ока** и др.); но на ряду съ этимъ являются и образованія по типу основъ на i (**очи, оуши, очима** и т. д.), и въ данномъ случаѣ м. б. мы имѣемъ дѣло съ старымъ явленіемъ, такъ какъ и другіе языки указываютъ здѣсь на старыя основы на i (ср. лат. auris «ухо», а въ лат. oculus «глазъ» корень тотъ же, что и въ старослав. **око**). Впрочемъ эти формы могутъ быть объяснены и какъ им. вин. дв. ч. ср. р. согласныхъ основъ (см. ниже, въ отдѣлѣ объ образованіи двойств. ч.). Обратно, нѣкоторыя основы на о подчинились вліянію основъ на os/es: **око** и **оухо** повлекли за собою нѣкоторыя формы по согласному типу и у слѣдующихъ словъ: **тѣло** (род. **тѣлесе**, мн. ч. **тѣлеса** и т. д. обыкновенно такъ (дат. **тѣломъ** рѣдокъ), ср. прилагат. русск. тѣлесный); **лице** (род. ед. **личесе**), **дѣло** (род. ед. **дѣлесе** и др.; что касается характерныхъ формъ отъ **дрѣво** (р. ед. **дрѣвесе, дрѣвеса** и др.), то здѣсь м. б. мы имѣемъ слѣдъ старины (Meillet, Études, p. 360) и нѣк. др.

Въ лат. яз. основы разсматриваемаго типа представлены случаями типа genus, generis «родъ», tempus «время», гдѣ въ род. (temporis) и друг. пад. перенесенъ видъ суффикса os изъ им. ед. до того времени, какъ здѣсь -os дало -us. Въ лат. яз. сохранились и существ. не средняго рода на ōs, гдѣ этотъ звуковой видъ суффикса проникъ въ словахъ муж. р. и въ косвенные падежи, при чемъ подъ вліяніемъ r между гласными изъ s обратно и въ им. ед. перенесено r; ср. arbōs, arbor, род. arboris «дерево» ж. р. и honōs, honor, род. honōris «честь» слово муж. рода. Лат. pūbēs, pūber, род. -eris «возмужалый» представляетъ звуковой видъ суффикса ēs/es; по корню родств. puer «мальчикъ» изъ pover (ср. въ над-

пис. povero) первоначально въ зват. ф. безъ ударенія: тотъ же корень въ старослав. **пътица**.

b) На s оканчивался въ индоевроп. праязыкѣ и старый суффиксъ въ образованіяхъ сравнительной степени прилагательныхъ. Здѣсь чередовались i̯os : i̯es : is. На славянской почвѣ мы находимъ старое i̯es въ им. вин. ср. р. (ср. старослав. **болѥ, мьнѥ, хоуждѥ** и т. д.); въ им. пад. мн. ч. м. р. (ср. старослав. **большѥ, мьньшѥ, хоуждьшѥ**) мы находимъ старое is, распространенное элементомъ i̯ (i̯is), перенесеннымъ изъ полнаго звукового вида суффикса (i̯es); въ им. ед. м. р. (ср. старослав. **болии, боль, мьнии, мьнь, хоуждии, хоуждь**) мы имѣемъ старую форму суффикса is съ тѣмъ же i̯ передъ нимъ, какъ и въ им. мн. ч., при чемъ сама форма по отпаденіи конечнаго s получила окончаніе по аналогіи основъ на i̯o, а этотъ элементъ распространилъ собою старое согласное склоненіе въ прочихъ падежахъ *), ср. род. ед. **мьньша**, дат. ед. **мьньшоу** и т. д., только въ вин. ед. м. р. мы находимъ форму (напр. **лоучъшъ** въ Клоц. сб., гдѣ **ъ** вм. **ь**) на **ьшь**, которая можетъ быть старой формой вин. ед. согласной основы, при обычномъ **мьнии, мьнь**, перенесенномъ изъ им. ед. подъ вліяніемъ совпаденія этихъ падежей вообще въ прилагательныхъ; форма **мьньшє** въ ср. р. при **мьнѥ** — новообразованіе подъ вліяніемъ прочихъ падежей; им. ед. ж. р. **мьньши** представляетъ въ окончаніи то индоевроп. ī, о которомъ говорилось выше (см. стр. 85). Слѣдуетъ замѣтить, что суффиксъ сравнит. степени, о которомъ идетъ рѣчь, присоединяется къ корню самого прилагательнаго (безъ основообразовательнаго суффикса этого послѣдняго), ср. **высокъ — вышии, крѣпъкъ — крѣплии, тяжькъ — тяжии** и т. п. Кромѣ этого типа сравнит. степени, мы находимъ еще другой типъ съ общеслав. **ѣ** изъ ē (значитъ послѣ мягкой согласной мы найдемъ а) передъ jьs: ср. старослав. **новѣи**, ж. р. **новѣиши**, ср. р. **новѣѥ**; **мъножаи, крѣпъчаи** и т. д. **).

Въ лат. яз. въ муж. и ж. р. обобщенъ тотъ видъ суффикса, который существовалъ въ праязыкѣ въ им. вин. муж. р. (i̯ōs съ долгою гласною), ср. major, majōris; въ ср. р. въ им. вин. ед. majus сохранялся старый звуковой видъ i̯os (majus изъ majos), а въ другихъ падежахъ и здѣсь основа majōr, напр. род. ед. majōris. Въ нарѣчіи magis «больше» сохранился старый звуковой видъ суффикса сравнит. степени is.

c) Общеславянскій суффиксъ въ причастіяхъ прошедшаго времени дѣйствительнаго залога представляетъ собою распространеніе элементомъ i̯o по аналогіи основъ, гдѣ этотъ суффиксъ былъ полученъ, стараго суффикса причастій перфекта (индоевроп. us) въ его слабомъ звуковомъ видѣ. Общеслав. nesъ представляетъ такимъ образомъ им. ед. съ суффиксомъ us въ слабомъ звуковомъ видѣ (въ им. ед. м. р. первоначально былъ звуковой видъ суффикса u̯ōs, т.-е. протяженный звуковой видъ, сохранившійся въ греч. яз., напр. въ εἰδώς (eidōs) «знающій», гдѣ послѣ d исчезло u̯); въ род. ед. nesъša мы находимъ š изъ sj. Послѣ гласной является въ раз-

---

*) М. б., сказалось вліяніе и другого типа въ образованіяхъ сравнит. степени, представленнаго старослав. **новѣи**.

**) Этотъ типъ образованія сравнит. степени неясенъ по происхожденію.

сматриваемыхъ причастіяхъ еще v (nesъ, vedъ, но davъ, gorѣvъ); о происхожденіи этого v сказать что-либо окончательное нельзя; думаютъ, что это—слѣдъ u̯, существовавшаго въ разсматриваемомъ суффиксѣ въ сильномъ и протяженномъ звуковомъ видахъ (u̯os, u̯ōs) и перенесеннаго на слабый звуковой видъ. Сильный звуковой видъ u̯os (а въ праязыкѣ было и u̯es) могъ сохраниться въ общеслав. nesъ, vedъ, какъ им. ед. сред. р., при чемъ послѣ согласной мы находимъ ъ изъ os безъ v подъ вліяніемъ us, а послѣ гласной, наоборотъ, сохранилось u̯os (davъ) и передало свое u̯ дальше. Относительно глаголовъ съ основою на i слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь были оба типа съ v и безъ v, ср. старослав. **хваль** и **хваливъ**. Им. мн. ч. м. р. старослав. nesъše сохранилъ старое окончаніе им. мн. по согласному типу. Форма ж. р. въ разсматриваемыхъ причастіяхъ оканчивалась на i: ср. старослав. **несъши** и т. п.

d) Причастія настоящаго времени дѣйствительнаго залога имѣли въ общеслав. яз. суффиксъ nt, въ общеслав. яз. распространенный въ склоненіи опять-таки по аналогіи основъ на старое i̯o. Это образованіе было получено изъ праязыка, гдѣ въ глаголахъ тематическаго спряженія (съ основами на o/e) и вообще у глаголовъ, оканчивавшихся въ основѣ настоящаго времени на гласную, суффиксомъ причастія настоящаго времени было nt. На славянской почвѣ изъ ont получилось ǫt; при переходѣ отъ согласнаго склоненія къ склоненію основъ на i̯o получилась группа tj съ ея дальнѣйшими измѣненіями (ср. напр. старослав. **несѫшта** род. ед. м. и ср. р.); послѣ мягкаго неслогового звука мы находимъ такое же ǫt (ср. старослав. **дѣлаѭшта, пишѫшта**), ср. стр. 34; у глаголовъ съ основами на i мы найдемъ общеслав. ęt (ср. стр. 35), ср. старослав. **хвалѧшта**. Объ образованіи им. ед. см. ниже въ отдѣлѣ, посвященномъ этому падежу. Что касается ж. р., то и здѣсь онъ образуется въ им. ед. на i: ср. старослав. **несѫшти, хвалѧшти**.

Въ латинскомъ яз. такія причастныя образованія, какъ prae-sens, -entis «присутствующій», представляютъ по происхожденію причастія отъ глагольнаго корня es «быть», гдѣ мы находимъ глагольный корень въ слабомъ звуковомъ видѣ s, а суффиксъ причастія ent изъ индоевропейск. ent : an̥t, которое являлось въ причастіяхъ въ нетематическомъ спряженіи послѣ согласной въ окончаніи основы (и тотъ, и другой звуковой видъ по-латыни должны были дать одинъ и тотъ же результатъ). Вопросъ о латинскомъ типѣ причастій глаголовъ тематическихъ (съ окончаніемъ основы на e/o) не вполнѣ разрѣшенъ, такъ какъ ent можетъ быть старымъ an̥t, а древнеинд. яз. позволяетъ, кажется, думать, что въ причастіи тематическаго спряженія при звуковомъ видѣ -ont былъ и звуковой видъ -an̥t.

На славянской почвѣ причастіе sy (ср. старослав. **сы, сѫшта**) представляетъ образованіе по тематическому типу, извѣстному въ этомъ глаголѣ и въ другихъ языкахъ.

e) На славянской почвѣ мы находимъ остатки согласныхъ основъ на t и въ именахъ существительныхъ, при чемъ t является здѣсь не самостоятельнымъ формальнымъ элементомъ, а осложненіемъ (уже старымъ) основъ, оканчивавшихся на n. Мы находимъ имена, обозначающія дѣтей и дѣтенышей животныхъ, типы старослав. **отроча, жрѣбѧ** (род. ед. на **-ѧте**

и т. д.), ср. р. жеребенокъ, гдѣ старая основа на en распространена суффиксомъ ъko; ср. далѣе старослав. **отрокъ, жрѣбьць.** Въ русскомъ языкѣ ят = старослав. **ѧт** является въ мн. ч. жеребята, телята и т. д.

f) Основы на n, распространеніе которыхъ элементомъ t мы только что разсматривали, представлены на славянской почвѣ слѣдующими типами. Вопервыхъ, мы находимъ имена съ суффиксомъ en въ разныхъ звуковыхъ видахъ (см. ниже), при чемъ уже въ старослав. яз. ни одно изъ относящихся сюда словъ не сохранило стараго склоненія полностью. Лескинъ въ своей грамматикѣ (Handbuch der altbulgarischen Sprache[5], § 41) указываетъ, что вообще съ наибольшею полнотою сохранились старыя формы у основы **дьн**, перешедшей, какъ и другія основы этого типа, въ нѣкоторыхъ падежахъ въ основы на i (по-русски напр. въ связи съ утратою основъ на i муж. р., какъ особой категоріи, слово день склоняется какъ конь); ср. им. ед. **дьнь**, тв. ед. **дьньмь** и др. Сюда же принадлежитъ напр. общеслав. jelenь [старослав. род. ед. **ѥлєнє**, но им. **ѥлєнь**), ср. литовское élnis «олень». Ср. далѣе общеслав. pьr̥stenь (старослав. **прьстєнь**, р. перстень) при **прьстъ** и нѣкоторыя другія имена.

Разсматриваемый суффиксъ, бывшій, повидимому, по происхожденію вторичнымъ, являлся въ праязыкѣ въ звуковыхъ видахъ en/on, при чемъ существовалъ и протяженный звуковой видъ ēn/ōn; въ слабомъ звуковомъ видѣ было n (передъ гласной), ḁn̥. Въ латинскомъ яз. мы находимъ продуктивный суффиксъ ōn (въ им. ед. является старое ō, см. стр. 43 и далѣе въ отдѣлѣ объ им. ед.) для обозначенія живыхъ существъ по ихъ качествамъ (частью это переносилось и на неодушевленные предметы), ср. praedō, ōnis «грабитель» при praeda «добыча», fābulō, ōnis «лгунъ» при fābula «басня» и т. п. Здѣсь звуковой видъ ōn перенесенъ изъ им. ед. въ прочіе падежи. Въ такомъ словѣ, какъ juvenis «юноша», старая основа съ суффиксомъ u̯en (кромѣ en, было и u̯en) проступаетъ напр. въ падежахъ вин. ед. juven-em, род. мн. juven-um. Въ лат. homō, inis мы находимъ въ косвенныхъ падежахъ en, откуда въ слогѣ безъ ударенія in (сохраненіе en въ juven-em и т. д. не фонетическаго происхожденія, а объясняется вліяніемъ, вѣроятно, слова senex, senis «старикъ»). Лат. caro, carnis ж. р. «мясо» представляетъ въ косвенныхъ падежахъ основу carn-, гдѣ суффиксъ въ слабомъ звуковомъ видѣ n. Слова типа ordō, inis «рядъ», virgō ж. р., inis «дѣва» имѣютъ въ им. ед. старое ō, частью краткое въ классическомъ яз. (см. стр. 19) въ косвенныхъ падежахъ in; въ sanguis, inis «кровь», старый им. sanguen замѣненъ новообразованіемъ.

Вовторыхъ, на почвѣ славянскихъ языковъ сохранились въ остаткахъ старыя основы съ суффиксамъ men/mon муж. и ср. р. Въ праязыкѣ здѣсь были въ соотвѣтствіи съ простымъ en еще звуковые виды mēn/mōn и mn, mḁn̥. Въ основахъ м. р. старый им. ед. (въ значеніи и вин. ед.) сохранился въ старослав. **камы, пламы** (Супрасльск. рукоп.) при новообразованіи **камєнь, пламєнь**, при чемъ слав. **ы** здѣсь изъ индоевроп. ō съ прерывистой долготой въ окончаніи им. ед. ō, существовавшемъ при ōn (см. стр. 43 сл). Основы эти въ прочихъ падежахъ представляли суффиксъ въ видѣ en (ср. р. **камєнє**). Основы ср. р. оканчивались въ им. вин. ед. на общеслав. ę, ср. imę, род. imene, sѣmę, род. sѣmene и др., гдѣ мы

и находимъ старый суффиксъ съ гласной е. Въ лат. яз. ср. въ м. р. termō, ōnis (у Эннія въ значеніи terminus «граница») и ср. р. nōmen, inis «имя» (родственное, но не тожественное по звуковому виду корня съ соотвѣтственнымъ славянскимъ словомъ), sēmen, inis «сѣмя» представляетъ лат. men, которое можетъ восходить одинаково къ старому men и старому mn̥ *). Суффиксъ men въ его различныхъ видахъ былъ и въ именахъ первичныхъ (ср. общеслав. основу bermen, старослав. брѣмѧ), и въ именахъ вторичныхъ (ср. общеслав. vymen, р. вымя, -ени, гдѣ другіе языки указываютъ на другія основы).

Въ-третьихъ, мы находимъ основы такого типа, какъ старослав. граждан- въ им. мн. граждане, род. мн. гражданъ, мѣстн. мн. гражданехъ; въ ед. ч. является осложненная новымъ формальнымъ элементомъ основа: гражданинъ; обычно, однако, такія основы во мн. ч. образуютъ въ старослав. яз. падежи частью по типу основъ на о; напр. въ вин. мн. гражданы. Элементъ ino, являющійся въ гражданинъ и т. п., какъ осложненіе старой основы на n, тотъ же, который мы находимъ напр. въ слав. жидовинъ, болꙗринъ и др., въ латинск. vīcīnus «сосѣдній». На славянской почвѣ суффиксъ i̯an (граждане изъ общеслав. gordi̯ane) мы находимъ въ именахъ, обозначающихъ положеніе, происхожденіе, народность и т. п. Индоевропейскій видъ этого суффикса былъ i̯ōn (протяженный звуковой видъ), и его мы находимъ въ лат. именахъ на iō, iōnis: ср. centuriō, ōnis «центуріонъ, т.-е. сотникъ»; ср. centuria. Въ лат. яз. съ этимъ суффиксомъ являются также отвлеченныя имена ср. р. (частью съ позднѣйшимъ конкретнымъ значеніемъ), ср. regiō, ōnis «направленіе, линія, область».

Основа dьn напр. въ старослав. дьне род. ед., им. мн., замѣненная частью основой на і (им. ед. дьнь, дат. мн. мн. дьньмъ и др.), представляетъ собою старую основу на n; въ лат. яз. родств. основа въ лат. nūn-dinus, «девятидневный», гдѣ является основа dino—въ сложеніи съ nūn—изъ novem—9.

g) Основы съ суффиксомъ tel представляютъ сходство съ основами на i̯an въ томъ отношеніи, что и здѣсь старая согласная основа выступаетъ въ формѣ множ. ч. (въ им. и род. мн.), тогда какъ въ ед. ч. эти имена перешли въ разрядъ основъ на i̯o: ср. старослав. дѣлатель, им. мн. дѣлателе (частью дѣлатеꙥе съ смягченнымъ л по аналогіи ед. ч.), род. мн. дѣлатель; въ твор. мн. дѣлатєлы, какъ рабы. Суффиксъ tel служитъ для образованія названій дѣйствующихъ лицъ (nomina agentis), при чемъ на слав. почвѣ изъ основъ, образованныхъ отъ глагольныхъ основъ на і въ неопред., отвлечено сочетаніе itel въ качествѣ очень продуктивнаго суффикса; ср. старослав. цѣлитель при цѣлити и далѣе напр. повелитель при велѣти, съпаситель при съпасти и т. п.

Въ другихъ индоевроп. языкахъ мы находимъ рефлексы индоевроп. суффикса ter, tor въ его различныхъ звуковыхъ видахъ для обозначенія именъ дѣйствующихъ лицъ; ср. лат. dator, ōris (съ распространеніемъ ста-

---

*) Въ словахъ ср. р. основа на en существовала частью только въ извѣстныхъ падежахъ; ср. остатки стараго положенія въ лат. jecur „печень“, jecin-oris, гдѣ старая основа jecin- распространена новымъ элементомъ.

раго протяжнаго звукового вида tōr изъ им. ед. и на другіе падежи) «тотъ, кто даетъ», но есть указаніе и на старое tel; наличность этого суффикса подтверждается и соотношеніемъ ter—tro (съ tro ср. напр. общеслав. větrъ), которое указаваетъ на tel при tlo, ср. tlo въ лат. яз. въ видѣ clo (culo) въ именахъ, обозначающихъ орудія (частью, съ дальнѣйшимъ развитіемъ основного значенія, см. стр. 73).

h) Въ общеслав. яз. перешли и старыя образованія съ суффиксомъ (t)er въ именахъ родства; правда, только двѣ основы сохранили старое склоненіе (ср. старослав. **мати, матере и дъшти, дъштере**), при чемъ здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, оказали вліяніе основы на гласную, именно на i (ср. род. **матери** и др.). Общеслав. sestra съ новымъ t между s и r и bratrъ, bratъ перешли уже всецѣло въ другіе типы склоненія (основы на a и o). Въ им. ед. **мати, дъшти** мы находимъ въ окончаніи i изъ ē съ прерывистой долготой и безъ r (см. стр. 43), тогда какъ латинское māter указываетъ на старое образованіе им. ед. съ r въ концѣ (-ēr сократилось и дало—er, см. стр. 19). Въ лат. mātris мы находимъ слабый звуковой видъ суффикса, которымъ передъ гласной было tr; на слав. почвѣ всюду (кромѣ им. ед., гдѣ была долгая гласная) проведенъ сильный звуковой видъ ter; въ общеслав. sesra, отуда дальше sestra мы находимъ слабый звуковой видъ суффикса er, т.-е. одно r (передъ гласной), а лат. soror, sorōris «сестра» представляетъ протяженный звуковой видъ и въ косвенныхъ падежахъ.

8) Непроизводныя (корневыя) основы именъ, существовавшія въ нѣкоторомъ количествѣ въ эпоху распаденія индоевроп. праязыка, въ отдѣльныхъ языкахъ сохранилась лишь въ большей или меньшей степени, въ зависимости отъ утраты самихъ словъ и въ зависимости отъ перехода корневыхъ основъ всецѣло или частью въ склоненіе другихъ типовъ, иногда въ связи съ распространеніемъ новыми формальными элементами. Ср. лат. pēs, pedis «нога», какъ слово 3-го склоненія, имѣющее им. мн. pedēs, гдѣ окончаніе ēs по происхожденію принадлежало основамъ на i и получилось изъ e̯ies (напр. въ ovēs «овцы»); ср. далѣе утрату этого стараго индоевроп. слова на славянской почвѣ и замѣну его словомъ noga (корень тотъ же, что и въ nogъtь, лат. unguis—«ноготь, коготь»); ср. еще общеслав. dvьrь, перешедшее всецѣло въ разрядъ основъ на i, ср. лат. foris «дверь», имѣвшее ту же судьбу; общеслав. sьrdьce, представляющее распространеніе новымъ суффиксомъ старой основы, сохраняющейся въ лат. cor изъ *cord, род. cordis «сердце» и т. п. Ср. еще лат. nāvis «корабль», перешедшее въ основы на i съ ихъ смѣшаннымъ по происхожденію 3-мъ склоненіемъ, тогда какъ въ греч. яз. (naus, ναῦς) въ этомъ словѣ сохранилась старая корневая основа: лат. diēs «день» представляетъ старую корневую основу на дифтонгъ eu̯ (въ им. ед. ēu̯), ср. греч. dzeus, Ζεύς «Зевсъ» (первоначальное значеніе «небо, день»); сильный видъ этой основы dieu̯ сохранился въ лат. Jūpiter, Juppiter, гдѣ Jū есть старая зват. форма dieu̯; слово же diēs, какъ извѣстно, съ именами на i̯ē составило одно 5-ое латинское склоненіе; общеслав. zemʹa, zemlʹa представляетъ старую корневую основу, перешедшую въ разрядъ основъ на i̯ā, ср. лат. нарѣчіе humī «на землѣ», гдѣ сохранился старый дат. пад. согласнаго склоненія

и humus «земля» изъ *homos, гдѣ является уже основа на o (индоевроп. основа ĝhem (ĝhom); общеслав. jucha (р. уха) имѣетъ основу на ā, ср. старую корневую основу въ лат. jūs, jūris «похлебка». Единственный несомнѣнный остатокъ корневой основы, сохранившей частью свое склоненіе, это общеслав. kry «кровь» (древнепольское kry), замѣненное въ им. ед. уже рано новообразованіемъ, ср. старослав. **кръвь** (ср. еще общеслав. brъvь, гдѣ была получена тоже старая корневая основа brū); ср. далѣе род. ед. старослав. **кръве**, древнепольск. krwe, krzwe; по корню родств. лат. cruor «кровь (сырая, недавно пролитая)».

b) *Основы мѣстоименій.*

Объ основахъ мѣстоименій личныхъ удобнѣе будетъ говорить въ связи съ обозрѣніемъ образованія падежныхъ формъ въ виду того, что въ нихъ мы встрѣчаемъ соединеніе въ одномъ парадигмѣ различныхъ основъ, при чемъ въ извѣстныхъ падежахъ мы здѣсь встрѣчаемъ одну чистую основу.

Въ мѣстоименіяхъ неличныхъ являются на славянской почвѣ слѣдующія основы:

1) основа съ старымъ общимъ указательнымъ значеніемъ to; ср. старослав. **тъ, та, то**; русск. тотъ получилось изъ общеслав. tъtъ, а напр. польское, чешское ten изъ общесл. tъnъ, гдѣ nъ по аналогіи onъ. Въ им. ед. несредняго рода въ праязыкѣ существовала другая основа, индоевроп. so; старое соотношеніе сохранилось напр. въ греческомъ яз.; въ лат. яз. сохранилась разсматриваемая основа въ остаткахъ въ древнелат. яз., но уже не только въ им. ед., ср. древнелат. sa-psa=i-psa «сама», sum вин. ед. и др. Въ русскомъ э-тотъ мы находимъ сложеніе тотъ съ основой э, о которой см. ниже.

2) Основа съ старымъ указательнымъ значеніемъ на самого говорящаго или то, что его окружаетъ si (индоевроп. k̂i), равно подчинившаяся на славянской почвѣ въ склоненіи вліянію основъ на i̯o (ср. старослав. **сь**). Въ лат. яз. сюда принадлежитъ по корню частичка ce, указывающая на k̂e, въ ce-do «дай сюда», nun-c «нынѣ», ср. далѣе cis «по сю сторону» и къ нѣк. др. Ср. далѣе на слав. почвѣ сложеніе si-сь «такой».

3) Основа съ старымъ указательнымъ значеніемъ на нѣчто отдаленное ono, ср. старослав. **онъ, она, оно,** получившее и значеніе мѣстоим. 3-го лица и въ качествѣ таковаго замѣнившее собою имен. падежи мѣстоим. i̯ego и т. д. Кромѣ ono, въ праязыкѣ была основа no, которую мы находимъ въ латинской частичкѣ nam «именно, вѣдь»; можетъ быть, сюда же принадлежатъ и общеслав. na, ср. р. на.

4) Основа тоже съ старымъ значеніемъ указанія на нѣчто отдаленное общеслав. ovo-; ср. старослав. **овъ**, **ова**, **ово.** Ovъ — ovъ значило «одинъ—другой». Наиболѣе ясныя указанія на старое значеніе «отдаленности» въ этой основѣ даютъ древнеиранскіе яз.; въ славянскихъ языкахъ она частью получила значеніе указанія въ ближайшее, ср. данныя южнослав. яз., напр. сербск. о̂в-де, о̂в-дје «здѣсь», но польск. ów «тотъ».

5) Основа e/o съ общимъ указательнымъ значеніемъ, основа i съ тѣмъ же значеніемъ, а также основа ei̯/oi̯, засвидѣтельствованныя въ различныхъ языкахъ, гдѣ эти различныя основы соединились частью въ одинъ

парадигмъ, представлены на славянской почвѣ тѣмъ е, которое мы находимъ напр. въ русскомъ э-тотъ, а также, какъ думаютъ нѣкоторые, извѣстными падежами мѣстоименія, являющагося въ общеслав. jь (старослав. и), смѣшавшагося съ основою мѣстоименія относительнаго je въ одинъ парадигмъ. Сюда относятъ им. ед. jь, гдѣ j приписываютъ вліянію формы вин. ед. ж. р. jǫ (старослав. ѭ), вин. мн. ч. ję (старослав. ѩ), а старымъ образованіемъ им. ед. ж. р. считаютъ ī, не i̯ā, которое мы находимъ въ слав. яз.; въ литовск. яз. сохранилось образованіе jì съ краткимъ i, которое изъ jī, гдѣ j опять-таки обязанъ вліянію аналогіи; вообще смѣшеніе основы указательнаго и относительнаго мѣстоименія выводятъ изъ ж. р., гдѣ въ части падежей было совпаденіе образованій отъ той и другой основы. Въ лат. яз. is, id «тотъ, онъ, то, оно» представляютъ старую основу i, а въ такихъ падежахъ, какъ eum, eam, вин. ед. м. и ж. р. и вообще, гдѣ въ началѣ является гласная е, является основа e̯o, извлеченная изъ твор. ед. ж. р. eā изъ *ei̯ā (=древнеинд. ayá); род. и дат. ед. eius, eī въ настоящее время объясняютъ различно; можетъ быть, правильнѣе всего то объясненіе, которое сопоставляетъ характерныя образованія род. мѣстоименій въ лат. яз. на—us съ притяжательными прилагательными типа quoius «чей», такъ что, eius equos значило первоначально «его лошадь», «sein Pferd». Дат. eī явился уже, когда eius стало сознаваться род. пад. Въ древнелат. eis (вм. is съ i краткимъ) мы находимъ старую основу ei̯. Лат. указательное мѣстоименіе iste, имѣющее ближайшее отношеніе, какъ указаніе, ко 2-му лицу, разлагаютъ на is + te, считая его сложеніемъ, гдѣ 1-ая часть есть им. ед. is, а вторая — застывшая форма мѣстоим. основы to (можетъ быть, старый им. ед., а въ мѣстоим. м. р. съ этою основою им. искони не имѣлъ s, при чемъ to заступило мѣсто стараго so, см. выше). Что касается лат. īdem «тотъ же самый», то здѣсь мы находимъ измѣненіе *izdem, явившагося по аналогіи ср. р. idem, гдѣ мы находимъ полное соотвѣтствіе съ древнеинд. idám (им. вин. ср. р. указ. мѣст.); это idem (id + em) было разложено въ сознаніи говорящихъ на i + dem, что и дало поводъ появленію въ м. р. *is + dem, *izdem, īdem. Ipse «самъ», какъ свидѣтельствуетъ древнелат. eapse, eapsa, замѣненное черезъ ipsa, есть сложеніе изъ is + pse, при чемъ само pse неяснаго происхожденія.

Относительно слав. е (въ русск. э-тотъ) возникаетъ вопросъ, не имѣемъ ли мы здѣсь отсутствіе начальнаго i̯, которое развивалось въ общеслав. яз. передъ начальнымъ е, по той причинѣ, что здѣсь въ началѣ было нѣкогда придыханіе h, какъ особый звукъ, или дѣйствительно, какъ думаютъ вообще, присутствіе и отсутствіе начальнаго i̯ передъ е регулировалось положеніемъ, въ которомъ данное слово находилось въ рѣчи по отношенію къ другимъ словамъ (см. стр. 59). Ф. Ѳ. Фортунатовъ возводитъ общеслав. he-, которое онъ опредѣляетъ въ данномъ случаѣ, къ индоевроп. мѣстоим. основѣ he/ho, той же, на которую указываетъ, по его мнѣнію, и лат. ho- напр. въ hunc вин. ед. м. р. «этого», hoc им. вин. ед. ч. ср. р. «это» и т. д.; лат. hic изъ he-ce, гдѣ he дало hi при положеніи безъ самостоятельнаго ударенія; hoc изъ hod-ce. Замѣчу, что основа разсматриваемаго указательнаго мѣстоименія въ лат. яз. до сихъ поръ еще не объяснена удовлетворительно.

6) Мѣстоименная основа ol/el съ значеніемъ указанія на отдаленный предметъ, извѣстная на слав. почвѣ въ olni (церковнослав. **лани** «въ прошломъ году», польск. łoni), хорошо извѣстна въ латинск. яз. Сюда принадлежатъ: древнелат. ollus = ille изъ *olno-s; ille «тотъ» изъ *is + le (частичка le, представляющая по происхожденію указанную мѣстоим. основу, извѣстна и въ слав. яз., ср. лужицкое to-le ср. р., ta-le ж. р., tón-le м. р.); далѣе ср. лат. ul-trā «по ту сторону», ul-timus «крайній, послѣдній».

7) Основу i̯o, которая имѣла, повидимому, уже въ праязыкѣ, по крайней мѣрѣ въ діалектахъ, относительное значеніе, развившееся здѣсь изъ указательнаго (ср. аналогичный переходъ указат. der въ относит. мѣстоим. въ нѣмецкомъ яз.), разсматриваютъ какъ распространеніе элементомъ o основы i, о которой мы говорили выше. На слав. почвѣ это мѣстоименіе, какъ обыкновенно думаютъ, смѣшалось въ склоненіи съ указательнымъ (см. стр. 94), такъ что въ относительномъ значеніи оно является въ сложеніи съ частицею že (ср. старослав. **иже**); въ старослав. **иде** «гдѣ», **югда** «когда» мы находимъ относительное значеніе безъ že. Кромѣ того новое относительное мѣстоименіе получилось въ славянскихъ языкахъ изъ стараго вопросительнаго (ср. р. который, кто) *); аналогичный процессъ мы находимъ и въ лат. яз., гдѣ въ значеніи относительнаго мѣстоименія является основа съ старымъ вопросительнымъ значеніемъ. Въ общеслав. jakъ (старослав. **шкъ** «какой») мы находимъ сложеніе, гдѣ въ первой части является основа ja.

8) Въ значеніи вопросительнаго мѣстоименія (а изъ вопросительнаго значенія въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ языкахъ, въ томъ числѣ и въ славянскихъ, получилось относительное значеніе) являлись въ индоевроп. праязыкѣ основы qo/qe и qi (съ k задненебнымъ лабіализованнымъ). Общеслав. kъ-to есть сложеніе им. ед. къ изъ индоевроп. qos съ to, ср. основу ko- въ другихъ падежахъ (напр. дат. ko-mu). Индоевроп. qi является въ общеслав. čь-to, а qe мы находимъ въ česo при čьso, гдѣ старое qi. Старослав. **кыи**, **каꙗ**, **коѥ** представляютъ еще общеславянское (соотвѣтств. образованія извѣстны и въ другихъ слав. яз.) перенесеніе разсматриваемой основы въ склоненіе сложное (образованія им. ед., приведенныя выше), частью въ склоненіе по типу основы i̯o (ср. напр. старослав. **коѥго**, **коѥмоу**).

Въ латинскомъ яз. мы находимъ въ лат. quis, quid «кто, что» основу qi-, въ quod (въ им. вин. ср. р. въ относит. значеніи) основу qo-; лат. quī въ классическомъ яз. является въ значеніи относительнаго мѣстоименія, а въ качествѣ прилагательнаго оно замѣняетъ въ вопросительномъ (и въ сложеніи въ неопредѣленномъ) значеніи quis, которое считается существительнымъ; однако, встрѣчаются случаи, гдѣ quis и quī распредѣлены въ обратномъ отношеніи; по происхожденію это quī есть—имен. ед. quo + i (указательная частичка), откуда quoi, quei (на которыя указываютъ древнія надписи).

---

*) Отдѣльные примѣры для вопросит. мѣстоименій въ роли относительныхъ встрѣчаются уже въ старослав. яз.

Искони вопросительныя мѣстоименія являлись и въ значеніи неопредѣленныхъ, въ положеніи безъ самостоятельнаго ударенія. Слѣды этого употребленія сохранились напр. въ латинскомъ языкѣ въ извѣстномъ правилѣ, что напр. послѣ sī «если» простое quis имѣетъ неопредѣленное значеніе, ср. напр. sī quis «если кто-нибудь»; ср. аналогичные случаи въ старослав. **аште кто**, русск. если кто. Неопредѣленное значеніе является и въ сросшихся съ отрицаніемъ общеслав. nikъto, nѣkъto, nѣkуjь. Сложеніе kъžьdo (kъžьde) имѣло значеніе «любой, всякій» (**къжьдо**), при немъ было и kožьdo (старослав. **кожьдо**), kažьdo (р. каждый), гдѣ ka то же, что въ общеслав. ka-kъ (и далѣе ср. ta-kъ, ja-kъ).

Въ латинскомъ яз. являются сложенія съ—quam, -dam (quisquam, «кто-нибудь», quīdam «какой-то), съ ali- (aliquis «кто-нибудь», гдѣ ali- извлечено изъ alis, alios «другой», съ—que (quis-que «всякій», «каждый»), съ—cunque (изъ quom + que), quīcunque «который бы ни, кто бы ни»; далѣе мы находимъ повтореніе того же мѣстоименія въ томъ же значеніи—quisquis; ср. еще quīlibet «какой угодно, любой», quispiam «кто-нибудь», гдѣ piam не вполнѣ ясно по происхожденію.

Въ общеслав. kotorъ, koterъ (ср. старослав. **которын, котерын**) мы находимъ производную основу отъ мѣстоим. основы ko съ суффиксомъ сравнит. степени; въ греч. яз. соотвѣтственная основа является еще въ значеніи «который изъ двухъ».

Индоевроп. основа qu, параллельная разсмотрѣннымъ основамъ, сохранилась въ общеслав. kъ, которое мы находимъ при ko—въ составѣ нарѣчій, ср. общеслав. kъ-de, kъ-da при ko-gda. Въ латинск. яз. образованія отъ этой основы въ сложеніи съ отрицаніемъ ne, nē (напр. nē-cubī «чтобы гдѣ-ниб. не», ne-cuter «ни тотъ, ни другой» были неправильно разложены, и изъ нихъ въ результатѣ были отвлечены ubī «гдѣ», uter «который изъ двухъ» и др.

14. Образованіе формъ склоненія.

а) *Общія замѣчанія о формахъ склоненія.*

Формами склоненія въ тѣсномъ смыслѣ этого термина мы называемъ только тѣ формы склоняемыхъ словъ, которыя по своему значенію были формами словоизмѣненія (см. Введеніе въ языковѣдѣніе, 4-ое изд., стр. 145 сл.), а такими формами являются формы падежей и формы рода именъ прилагательныхъ и мѣстоименій, тогда какъ формы числа и формы рода именъ существительныхъ были по значенію формами словообразованія. Однако, уже въ индоевроп. празыкѣ эти формы вообще не могутъ быть отдѣляемы по образованію отъ формъ словоизмѣненія, называемыхъ склоненіемъ, а потому мы и разсматриваемъ ихъ вмѣстѣ.

Въ формахъ числа въ индоевроп. праязыкѣ различались форма единственнаго, форма двойственнаго и форма множественнаго числа. Послѣднею данный предметъ мысли обозначали въ количествѣ неопредѣленномъ, формою двойственнаго числа—въ количествѣ двухъ, а формою единственнаго числа данный предметъ мыслей не обозначался ни въ неопредѣлен-

номъ количествѣ, ни въ количествѣ двухъ, а потому обозначался частью именно въ количествѣ одного. Въ личныхъ мѣстоименіяхъ въ формахъ множ. и дв. ч. было нѣсколько особое значеніе; такъ, въ мн. ч. въ мѣстоим. 1-го лица вмѣстѣ съ другими предметами мысли подразумѣвалось и лицо говорящее, а въ мѣстоим. 2-го лица означались или лица, къ которымъ рѣчь обращена, или второе лицо плюсъ другія лица. Форма двойств. числа, сохранявшаяся еще въ общеслав. яз., исчезла въ латинскомъ яз. въ качествѣ отдѣльной грамматической категоріи; остатками этой формы, уже не сознававшимися двойств. числомъ, были лат. duo «два», ambo «оба».

Что касается самихъ падежныхъ формъ, то къ нимъ нѣтъ основаній причислять звательную форму, которая стоитъ, какъ слово-воззваніе, внѣ предложенія. Далѣе и форма именит. падежа обозначала (обозначаетъ и теперь) данный предметъ мысли внѣ тѣхъ отношеній, которыя указываются формами косвенныхъ падежей, но въ составѣ предложенія, гдѣ впервые и возникли падежныя формы, именительный есть падежъ грамматическаго подлежащаго, а также въ праязыкѣ и сказуемаго, если оно склоняемая часть рѣчи. Въ виду этого им. ед., какъ такъ называемый прямой падежъ, противополагаютъ косвеннымъ падежамъ и разсматриваютъ его вмѣстѣ съ ними.

Относительно отдѣльныхъ падежныхъ формъ надо замѣтить, что уже въ самомъ индоевроп. праязыкѣ въ эпоху его распаденія съ наибольшею полнотою различались отдѣльные падежи по образованію лишь въ ед. ч., да и здѣсь особая форма отложительнаго падежа существовала искони только въ основахъ на о; въ двойств. ч. различались вообще только 3 формы: 1) имен. вин., служившій и зват. ф.; 2) родит. мѣстн. и 3) дат. отлож. твор. Весьма вѣроятно, что такое положеніе явилось въ результатѣ историческаго развитія, вслѣдствіе такъ называемаго синкретизма (смѣшенія) падежей, т.-е. совпаденія въ одной формѣ различныхъ по значенію падежей; это явленіе наблюдается и въ отдѣльныхъ индоевроп. языкахъ, гдѣ число падежей, различныхъ по образованію, вообще уменьшалось (расширеніе стараго положенія мы находимъ, съ другой стороны, въ многочисленныхъ новообразованіяхъ отложит. падежа ед. ч. въ латинскомъ яз.). На старый индоевроп. синкретизмъ падежей указываетъ, можетъ быть, и тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ падежахъ мы находимъ различныя образованія съ діалектическими различіями (напр. ср. образованіе твор. ед., о чемъ см. ниже), хотя это явленіе допускаетъ и другое объясненіе: въ эпоху созданія падежныхъ формъ съ самаго начала могло быть расхожденіе отдѣльныхъ діалектовъ по отношенію къ отдѣльнымъ падежамъ. Относительно синкретизма на почвѣ отдѣльныхъ языковъ ср. напр. происхожденіе латинскаго падежа, называемаго ablativus, въ которомъ мы находимъ различныя по происхожденію формы (см. ниже).

Значеніе падежей въ индоевроп. праязыкѣ эпохи его распаденія, опредѣляемое на основаніи показаній отдѣльныхъ языковъ, мы можемъ опредѣлить не только въ общихъ чертахъ, но и въ существенныхъ деталяхъ, при чемъ уже въ самомъ праязыкѣ мы находимъ, повидимому, случаи расширенія болѣе исконной сферы одного падежа насчетъ другого.

Наиболѣе общія значенія, принадлежавшія падежамъ въ эпоху распаденія индоевроп. праязыка были слѣдующія:

a) Винит. падежъ обозначалъ, вопервыхъ, объектъ, на который въ его цѣломъ направлено дѣйствіе субъекта, а, вовторыхъ, винит. обозначалъ пунктъ, который достигается движеніемъ субъекта. Первое было грамматическимъ, формальнымъ значеніемъ, такъ какъ винительнымъ пад. данный предметъ обозначался какъ грамматическій объектъ. Въ этомъ общемъ употребленіи существовали различные частные случаи, выдѣлившіеся на общемъ фонѣ основного значенія. Такъ, различаютъ винит. внутренняго и винит. внѣшняго объекта; вторымъ называютъ винит. объекта, если этотъ послѣдній является вообще объектомъ дѣйствія, не будучи связанъ съ глаголомъ, выражающимъ дѣйствіе ни по корню, ни по значенію; въ томъ случаѣ, когда эта связь имѣется налицо, и самый объектъ существуетъ во время дѣйствія, винит. называется винит. внутренняго объекта; ср. лат. facere aliquid, общеслав. dělati něčьto и лат. fossam fodere «рыть ровъ», старослав. **дѣлати дѣла** (кіевск. лист.); лат. proelium pugnāre «сражаться», р. говорить рѣчь. Винит. протяженія во времени и пространствѣ, можетъ быть, выдѣлился изъ этого винит. внутренняго объекта: ср. лат. tridui iter processit «прошелъ впередъ на разстояніе трехъ дней пути», ūnum diem vīvere «жить одинъ день», русск. идти всю ночь, пройти двѣ версты и т. п. Кромѣ глаголовъ переходныхъ, вин. прямого дополненія получаютъ и глаголы непереходные, особенно часто въ сложеніи съ приставками, которыя первоначально были отдѣльными несамостоятельными словами, ср. лат. olēre unguenta «пахнуть мазями», transīre flūmen «перейти рѣку», церковнослав. **дъштерь оун болѣахѫ, плати** съ вин. и т. п.

Что касается вин. пункта достиженія, то ср. лат. domum, Rōmam īre «идти домой, въ Римъ», старослав. **прнде бо Хрнстосъ небесьскъіѩ дверн** (Супр. р. 465, 22); ср. лат. супинъ на -tum и общеслав. супинъ на -tъ при глаголахъ движенія, которые по происхожденію являются такими вин. отглагольныхъ существ. съ суффиксомъ tu: лат. cubitum īre «идти спать», старослав. Cloz. (Клоц. сб.) I, 233 **прнде пролнтъ кръве своѩ** (замѣтьте род. при супинѣ).

Двойной вин. также существовалъ уже въ эпоху распаденія праязыка (напр. внѣшняго и внутренняго объекта); ср. лат. aliquem facere herēdem «дѣлать кого наслѣдникомъ» (изъ соединенія при глаголѣ «дѣлать» вин. для обозначенія объекта дѣйствія и вин. предикативнаго; на слав. почвѣ въ такихъ случаяхъ рано является твор. пад.), старослав. Лук. 6, 14 **Снмона єго же нменова Петра**, ср. при глаголахъ «просить и т. п.» лат. auxilia rēgem orābant. ср. на слав. почвѣ только слѣды такого употребленія при нѣкоторыхъ другихъ глаголахъ: стати «стоить» въ сербск., kosztować «стоить» въ польск. и нѣк. др.

Повидимому, уже въ праязыкѣ вин. переносился и на отглагольныя имена, ср. лат. domum itiō «отправленіе домой», старослав. **по прнѩтнн мн... отъ бога велнкън даръ** (Суп. 525, 15).

b) Родит. падежъ въ индоевроп. праязыкѣ имѣлъ также два значенія: 1) имъ обозначалось данное склоняемое слово какъ дополненіе при другомъ склоняемомъ словѣ и 2) род. принадлежало значеніе, которое состояло въ томъ, что данный объектъ обозначался какъ подвергающійся дѣйствію глагола не въ полномъ объемѣ (въ отличіе отъ винит.).

Въ первой категоріи по значенію различаютъ такъ называемые род. подлежащаго (genetivus subjectivus) и род. дополненія (genetivus objectivus) искусственное различіе, создавшееся потому, что напр. лат. amor patris въ значеніи «любовь отца» приравнивается къ pater amat «отецъ любитъ» съ вин. объекта; то же самое amor patris въ значеніи «любовь къ отцу» приравнивается къ patrem amat (или amant) «любитъ (любятъ) отца» съ подлеж. въ им. пад. Различаютъ далѣе род. качества (genetivus qualitatis), ср. р. человѣкъ большого ума, раздѣлительный — genetivus partitivus, ср. р. фунтъ хлѣба, род. принадлежности (genetivus possessivus), ср. р. домъ отца и др. Въ настоящее время нелегко опредѣлить, какіе случаи являются менѣе древними, именно, какіе случаи употребленія род. при имени склоняемомъ возникли сперва при отглагольныхъ именахъ, на которыя были перенесены сочетанія съ род. спрягаемыхъ формъ глагола.

При глаголахъ род. ед. въ славянскихъ языкахъ является въ болѣе широкомъ употребленіи, чѣмъ это имѣло мѣсто въ праязыкѣ. И здѣсь, какъ было уже указано, род. являлся, по указаніямъ отдѣльныхъ языковъ, вм. винит., когда объектъ дѣйствія подвергался ему не въ полномъ объемѣ, и когда вещественныя имена брались отвлеченно безъ отношенія къ данному опредѣленному количеству; ср. род. въ древн. р. аще кто урьветь бороды, польск. udziel mi miłosierdzia swego «удѣли .. милосердія...»; въ русск. яз. различаются далѣе напр. «пить вино» (пить вино вообще, пить вино въ данный моментъ, когда имѣется въ виду обозначить только самый фактъ безъ отношенія къ количеству) и «выпить вина» (когда обозначается количество вина, точнѣе не опредѣляемое, и не имѣется въ виду конкретное данное количество вина), при «выпить вино» (когда дѣло идетъ о данномъ опредѣленномъ винѣ). На балтійскославянской почвѣ, повидимому, уже установился род. вм. вин. при отрицаніи (ср. я читаю книгу, я не читаю книги). Исходнымъ пунктомъ такого употребленія врядъ ли можно считать род. при ср. р. мѣстоим. съ отрицаніемъ, которое разсматривается какъ существительное (таково мнѣніе Вондрака, ср. его Vergleichende slavische Grammatik, II, 338, гдѣ данный род. выводится изъ такихъ выраженій, какъ **ннѹьтоже нного ненавндитъ богъ, ıакоже...**); скорѣе мы имѣемъ здѣсь дѣло съ распространеніемъ род. насчетъ вин., такъ какъ уже издавна эти падежи объекта соприкасались между собою, и въ отрицательныхъ предложеніяхъ легко могъ установиться именно род., въ виду того, что здѣсь отрицается вообще наличность даннаго дѣйствія и къ этому присоединяется представленіе, что и объектъ не подвергается данному дѣйствію ни въ какой мѣрѣ (ср. Brugmann, Grundriss II, 2^2, 611 сл.); это подтверждается различіемъ, существующимъ напр. въ русскомъ между «не порть бумаги» (вообще) и «не порть бумагу» (при «бумаги»), когда дѣло идетъ объ опредѣленной бумагѣ. Далѣе, род. уже въ общеслав. яз. заступилъ мѣсто вин. при именахъ лицъ первоначально у основъ на о и, можетъ быть, даже вообще одушевленныхъ именъ м. р. (по крайней мѣрѣ въ ед. ч.); въ дальнѣйшемъ развитіи славянскихъ языковъ русскій яз. пошелъ дальше всѣхъ, сдѣлавъ род. вм. вин. обязательнымъ въ мн. ч. для всѣхъ одушевленныхъ именъ. По вопросу о возникновеніи этого род. существуетъ цѣлая литература, и были вы-

сказаны различныя точки зрѣнія. Мнѣ представляется наиболѣе вѣроятнымъ то мнѣніе, по которому этотъ род. имѣетъ свое начало въ одушевленныхъ именахъ лицъ въ ед. ч., когда нужно было особенно подчеркнуть различіе между субъектомъ и объектомъ (а им. и вин. совпали въ ед. ч. въ одной формѣ на—ъ). Ср. статьи Томсона въ «Indogerm. Forsch.» томъ 24 и сл., Тимченка въ «Русск. Фил. Вѣстн.» 1913 г., № 4.

c) Отложительный падежъ обозначалъ въ индоевроп. праязыкѣ пунктъ, отъ котораго отдѣляется другой предметъ мысли (между прочимъ и признакъ, обозначаемый глаголомъ) по связи ихъ между собою по положенію или по причинной связи; ср. лат. movēre locō (двигать съ мѣста), līberāre suspiciōne (освобождать отъ подозрѣнія), antīquō genere nascī (происходитъ изъ древняго рода) и далѣе līber suspiciōne (свободный отъ подозрѣнія), tē maior (большій, чѣмъ ты) и т. д. На славянской почвѣ функціи отложит. падежа перешли на родит., ср. старослав. **бѣжимъ быуенни** (Супр. р., 340, 7), **бѫдъ свобожденн бынна** (Супр. р., 531, 8), **унстъ... гнѣва** (Супр. р., 407, 3), **бонше бо са тѣхъ мѣстъ** (Супр. р., 46, 15), **азъ юсмъ вашего племене** (Супр. р., 28, 2) и др.

d) Дательный падежъ обозначалъ въ индоевроп. праязыкѣ предметъ мысли, являвшійся непрямымъ объектомъ, т.-е. тотъ предметъ мысли, для котораго что-нибудь дѣлается (въ пользу или во вредъ—dativus commodi et incommodi), или котораго касается дѣйствіе, направленное на прямой объектъ; ср. русскія значенія дѣлать что-нибудь для кого-нибудь и давать что-нибудь кому-нибудь. Другія значенія дат. являются дальнѣйшимъ развитіемъ этихъ основныхъ; ср. дат. принадлежности (possessivus), напр. лат. trēs sunt eī fīliae «три у него дочери», старослав. **н не бѣ нма уада**, Мар. Ев., Лук. I, 7: дат. дѣйствующаго лица (auctoris), первоначально только при отглагольныхъ прилагательныхъ съ страдат. значеніемъ, переносившійся затѣмъ и въ личныя формы, ср. лат. mihi est faciendum «мнѣ нужно сдѣлать» и т. п. Изъ перваго основного значенія развивалось то значеніе, которое мы встрѣчаемъ въ лат., слав. яз., и въ которомъ дат. обозначаетъ предметъ мысли, только духовно заинтересованный въ дѣйствіи, ср. лат. quid mihi Celsus agit? что подѣлываетъ (у меня) Цельзъ? старослав. **съмотрн же мн ѕълодѣнство нхъ** (Супр. р., 443, 7), польск. takim ci był wczoraj chory «такъ былъ я вчера боленъ» (ci—энклитическая форма дат. мѣстоим. 2-го лица). Изъ сочетаній съ глаголомъ дат. переносился и въ сочетанія съ именами склоняемыми, ср. р. служить кому и слуга кому, ср. лат. tradere alicui «передавать кому» и traditiō alicui «передача кому».

e) Творительный падежъ имѣлъ въ праязыкѣ два значенія: орудное (обозначалъ того или то, при помощи кого или чего совершается дѣйствіе) и соціативное (обозначалъ тотъ предметъ мысли, вмѣстѣ съ которымъ что-либо дѣлается, напр. лат. omnibus copiīs proficiscitur «отправляется со всѣмъ войскомъ», старослав. **нтн кон**, Супр. р., но на слав. почвѣ здѣсь рано стали укрѣпляться сочетанія съ предлогомъ съ), при чемъ изъ чистаго соціативнаго значенія развивалось значеніе сопутствующаго обстоятельства (ср. р. кровь текла ручьями). Изъ общаго соціативнаго значенія развивается такъ называемый дескриптивный (описательный) творительный:

ср. старослав. **радостнѫ радоуѥтъ сѧ** (Супр. р., 320, 14), р. спать крѣпкимъ сномъ.

Далѣе изъ общаго значенія творит. сопутствующаго обстоятельства развивается творит. образа дѣйствія (ablativus modi, а въ латинской грамматикѣ падежъ, въ которомъ совпали старый отлож. и мѣстный, и на который перешли функціи творит., называется ablativus), ср. старослав. **ѥдинѣмь гласомь рѣшѧ** (Супр. р., 59, 20), р. идти шагомъ, бѣгомъ и т. п., лат. hōc modō «такимъ образомъ». Сюда же принадлежитъ твор., обозначающій распространеніе въ пространствѣ и времени, ср. старослав. въ Мар. Ев. **съхождааше пѫтьмь тѣмь**, Лук. 10, 31, **тримн дьньми соꙁьдати ѭ**, Матѳ. 26, 61; ср. р. идти дорогою, путешествовать лѣтомъ и т. п. *). Творит. можетъ обозначать и (постоянное) свойство, (abl. qualitatis): ср. старослав. **кротъкъ бо и беꙁълобы бѣаше и рѣчниѭ простѫ** (Супр. р., 46, 29), лат. vir praestantī prūdentiā «мужъ, отличающійся отмѣннымъ благоразуміемъ». Ср. еще творит. ограничительный (abl. limitationis): старослав. **высокъ саномъ** (Супр. р., 65, 8), р. высокъ ростомъ и т. п., лат. claudus alterō pede «хромой на одну ногу». Изъ значенія оруднаго развивается легко причинное значеніе (abl. causae): ср. старослав. **гладъмь же мьры** (Супр. р., 291, 14), ср. р. милостью твоею я ожилъ и т. п., лат. ferrō interīre «гибнуть отъ меча».

Широко распространенъ на слав. почвѣ предикативный творительный, т.-е. творительный при глаголахъ называть, дѣлать и т. п. кого, кѣмъ, быть чѣмъ; ср. въ старослав. еще **Григорни поставьѥнъ бысть патриархъ** (Супр. 119, 16) и рѣдкіе случаи типа **дѣвицеѭ... быти** (Супр. р., 237, 18). Это употребленіе твор. развилось, вѣроятно, изъ болѣе общаго значенія образа дѣйствія тѣмъ путемъ, что предметъ мысли, обозначаемый этимъ твор., отожествляется съ объектомъ дѣйствія (ср. Vondrák, Vergl. Gramm. 2, 353 сл.).

Перенесеніе творит. изъ сочетанія съ глаголомъ въ сочетаніе съ именемъ мы находимъ напр. въ старослав. **прнде чловѣкъ богатъ... именемь иосифъ**, Мар. Ев., Матѳ. XXVII, 57; ср. лат. Mardōnius natiōne Mēdus «Мардоній, родомъ мидянинъ», ср. далѣе въ русск.: при «полный дыма» и «полный дымомъ».

f) Мѣстный пад. обозначалъ въ предметѣ мысли или время, или мѣсто дѣйствія. На славянской почвѣ здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, рано укрѣпилось сочетаніе съ предлогомъ для обозначенія мѣста; ср. старослав. рѣдкіе случаи типа Супр. **семь мѣстѣ** (Супр. 81, 3), ср. древнер. **Кыевѣ, Новѣ Городѣ** и др. Ср. для обозначенія времени: старосл. **исцѣлѣ отрокъ томъ часѣ** Матѳ. 17, 18. Особенно распространенъ мѣстн. при глаголахъ сложныхъ съ приставкою при: ср. **прикоснѫ сѧ ѥмъ** Мар. Ев., Лук. 8, 47 (но и простой глаголъ съ мѣстн., ср. Мар. Ев. **коснѫвы сѧ мьнѣ** Лук. 8, 45).

Въ формѣ стараго мѣстн. являются и многочисленныя нарѣчія, представляющія собою застывшіе мѣстн. прилагательныхъ, ср. старослав. **нѣсть ми льꙁѣ, кротъцѣ и тихо реуе, добрѣ** и т. д.

---

*) Бругманъ склоненъ считать разновидностью этого творит. и творит. при сравнит. степени, старослав. **ничимьже мьньши**, Матѳ. 2, 6; лат. fuga pējor est morte „бѣгство хуже смерти“.

Въ лат. яз. остатками мѣстн. являются нарѣчія domī, bellī и формы основъ 2-го и 1-го склоненія, являющихся собственными именами городовъ и малыхъ острововъ (Corinthī, Rōmae и т. д.), см. ниже, стр. 109. На латинскій ablativus, падежъ смѣшаннаго происхожденія, перешли и функціи мѣстнаго, ср. terrā marīque «на землѣ и на морѣ», творит. для обозначенія мѣста на вопросъ «гдѣ» въ именахъ городовъ и малыхъ острововъ кромѣ вышеуказанныхъ, ср. Athēnīs «въ Аѳинахъ» («изъ Аѳинъ»—старое значеніе отложит.) и т. п.; ср. далѣе ablativus temporis, suprēmō vītae diē «въ послѣдній день жизни» и т. д.

Въ отдѣльныхъ языкахъ нерѣдко сочетанія падежа съ предлогомъ стали обязательными тамъ, гдѣ первоначально достаточно было одного падежа, и гдѣ предлоги первоначально служили лишь для ближайшаго опредѣленія отношенія, выражаемаго падежомъ, ср. въ р. идти въ городъ, лат. in urbem īre, но еще Rōmam, domum īre (идти въ Римъ, домой), ср. далѣе р. въ Кіевѣ вм древнер. **Кыєвѣ** и т. д.

b) *Склоненіе именъ существительныхъ.*

1) *Именит. ед. ч. несредняго рода.* Суффиксомъ этого падежа было въ индоевроп. праязыкѣ s, часть же основъ образовывала этотъ падежъ безъ суффикса. Образованіе перваго типа мы находимъ въ основахъ на o, i, u, ī, ū (нестянутыя по происхожденію), а также въ основахъ съ суффиксами, оканчивавшимися на взрывную, и въ основахъ корневыхъ (непроизводныхъ). По общему закону конечное s отпало еще въ общеславянскомъ языкѣ, но уже послѣ измѣненія въ конечномъ закрытомъ слогѣ гласной o въ u. Такъ объясняются общеслав. им. ед. orbъ (основа на o), kon'ь (основа на i̯o, гдѣ ь вслѣдствіе положенія послѣ мягкой согласной), pǫtь (основа м. р. на i), kostь (основа ж. р. на i), synъ (основа на u), svekry (основа на ū), bery (им. ед. прич. отъ основы настоящаго вр.), гдѣ y изъ -onts, -ons, -uns, -ų̄s. Въ латинскомъ яз. ср. equos, equus «конь», fīlios, fīlius «сынъ», ignis «огонь», ovis «овца», senātus «сенатъ» (основа на u), manus «рука» (основа на u), spēs «надежда», comes (-itis) «спутникъ», praesens (-ntis) «присутствующій», pēs (pedis) «нога», bōs (bovis) «быкъ», diēs «день», rēs «вещь, дѣло», а по аналогіи такихъ именъ 5-го склоненія съ старыми основами на дифтонги и fidēs «вѣра, вѣрность», старая основа на ē.

Безсуффиксные им. ед. мы находимъ въ индоевроп. праязыкѣ у основъ на ā, ī (i̯ā), ē, на r и n, а также у основъ, оканчивавшихся на s, хотя здѣсь тотъ же результатъ, т.-е. одно s (согласная окончанія основы), мы ожидали бы и изъ ss, гдѣ второе s было бы суффиксомъ им. ед. Ср. общеслав. žena, rabyn'i, гдѣ смягченіе согласной объясняется вліяніемъ косвенныхъ падежей, mati, kamy. Относительно им. ед. основъ на r и n надо замѣтить, что здѣсь въ окончаніи им. ед. въ индоевроп. праязыкѣ были съ различіями по діалектамъ два варіанта: съ r и n и безъ этихъ согласныхъ въ окончаніи, при чемъ сама долгота изъ длительной превращалась въ прерывистую въ этомъ послѣднемъ случаѣ. Первоначально оба варіанта возникли, надо думать, фонетически, но въ однихъ діалектахъ обобщался одинъ варіантъ, въ другихъ—другой (см. стр. 43). Въ латинскомъ яз. māter «мать», pater «отецъ» представляютъ первый типъ им.

ед. такихъ основъ, а лат. homō «человѣкъ» (частью съ краткимъ o) старослав. **мати, дъшти, камы** восходятъ къ образованіямъ 2-го типа съ переходомъ старыхъ ē и ō съ прерывистой долготой въ звуки болѣе закрытые, въ конечномъ результатѣ общеслав. i и y. Нѣкоторые ученые думаютъ, что i въ mati появилось подъ вліяніемъ i въ bogyn'i, что невѣроятно, такъ какъ на славянской почвѣ существ. въ формѣ имен. на i сами имѣютъ тенденцію уступать мѣсто им. на a; форму kamy объясняютъ изъ kamons, гдѣ s присоединено по аналогіи им. ед. причастій, и это само по себѣ вполнѣ возможно. Ср. далѣе латинскія equa «кобыла», honor «честь», гдѣ r вмѣсто s (болѣе старая форма honōs) извлечено изъ косвенныхъ падежей (honōris и т. д.), а здѣсь r изъ s между гласными.

2) *Звательная форма ед. ч. несредняго рода.* Исконнымъ образованіемъ звательной формы ед. ч. въ именахъ несредняго рода было то, при которомъ являлась такъ называемая чистая основа, т.-е. основа безъ падежнаго суффикса, что стоитъ въ связи съ самимъ происхожденіемъ этой формы, не бывшей падежной формой, а бывшей знакомъ чувства. Удареніе падало на начальный слогъ. На почвѣ отдѣльныхъ языковъ вмѣсто этой характерной формы является нерѣдко уже форма им. ед., притомъ съ удареніемъ, по крайней мѣрѣ, искони на начальномъ слогѣ.

На почвѣ славянскихъ языковъ мы находимъ въ основахъ на o старую звательную форму на e (общеслав. orbe, старослав. **рабе**), частью утраченную отдѣльными слав. языками въ ихъ позднѣйшемъ развитіи; ср. тожественную по происхожденію латинскую форму на e (eque): въ именахъ на i̯o въ латинскомъ яз. эта форма оканчивалась искони на ī (fīlī «о сынъ») изъ ie; ср. въ собств. именахъ Publī, Cornelī; образованія типа Saturnie новыя по аналогіи eque.

Въ основахъ на ā въ праязыкѣ зват. ф. оканчивалась на a, къ которому и восходитъ o въ окончаніи соотвѣтственной формы въ общеслав. яз.: ženo; что касается лат. equa, то неясно, есть ли это форма им. на старое ā, откуда a, получившая употребленіе зват. ф., или это старая зват. форма на a; признать здѣсь прямо форму на старое a краткое мѣшаетъ то обстоятельство, что изъ a въ концѣ слова мы ждали бы скорѣе e, хотя достовѣрныхъ примѣровъ для исторіи a въ концѣ слова нѣтъ. Въ основахъ, имѣющихъ въ им. ед. въ общеслав. яз. i, въ общеслав. яз. старый зват. ед. былъ замѣненъ новообразованіемъ по аналогіи мягкихъ основъ ср. р. (ср. стсл. **богыне**).

Основы на i и u краткія въ праязыкѣ имѣли въ окончаніи зват. ед. дифтонги, соотвѣтственно ei̯ и ou̯; общеслав. pǫti, kosti, synu являются старыми образованіями, а латинскія ignis, ovis, senātus представляютъ им. ед. въ функціи зват. ф. Вообще въ латинскомъ яз. въ 3-мъ, 4-мъ и 5-мъ склоненіяхъ эта послѣдняя форма не отличается по образованію отъ им. ед.; единственнымъ остаткомъ стараго образованія зват. ф., но уже со значеніемъ им. ед., является лат. Jū-piter (позже Jup-piter «Юпитеръ», гдѣ Jū есть старый зват. отъ той основы, которая является въ род. Jovis и т. д.; та же основа, но въ протяженномъ звуковомъ видѣ и въ вин. ед. diēm (изъ индоевроп. di̯ēm, которое изъ di̯ēum) и далѣе въ им. ед. diēs, тогда какъ лат. Jū-, Jov- изъ стараго di̯eu̯).

Въ прочихъ основахъ и на слав. почвѣ зват. равенъ им. ед.

Относительно зват. ед. основъ на i̯o нужно замѣтить, что здѣсь уже въ общеслав. праязыкѣ укрѣпилась форма на i̯u, образованная по аналогіи основъ на u (ср. kon'u по аналогіи synu). Лескинъ принимаетъ посредствующее вліяніе основъ на i̯u, которыя на славянской почвѣ исчезли, какъ отдѣльная категорія (такъ какъ i̯u должно было дать въ результатѣ jь). Есть и иныя объясненія (Meillet, Recherches, 52), но вѣроятные всего мы имѣемъ здѣсь, какъ думаетъ Фортунатовъ, результатъ давнишняго соприкосновенія основъ на о и u на славянской почвѣ.

3). *Винит. ед. ч. несредняго рода* имѣлъ въ праязыкѣ въ окончаніи -m послѣ слогового звука въ окончаніи основы и -a̯m послѣ неслогового звука въ окончаніи основы. О проникновеніи на славянской почвѣ род. въ вин. ед. см. въ 2-й части. Общеслав. orbъ, kon'ь объясняются изъ индоевроп. формъ на -om, -i̯om; общеслав. pǫtь, kostь, synъ изъ индоевр. формъ на -im, -um. Относительно вин. ед. ženǫ, rabyn'ǫ надо замѣтить, что здѣсь было получено въ окончаніи -ām, -i̯ām, при чемъ, какъ мы это видѣли (стр. 34), ā, сокращаясь, дало a°, откуда въ соединеніи съ носовой согласной получилось ǫ. Общеслав. materь, kamenь могутъ быть не образованіями по аналогіи основъ на i, а старыми образованіями вин. ед. на a̯m.

Въ лат. яз. equom, filiom (equum, filium), sitim «жажду», senātum, equam, diem представляютъ старыя образованія на -m, а латин. patrem, arborem, pedem и т. п. старыя образованія на a̯m, при чемъ окончаніе -em перенесено въ лат. яз. и на старыя основы на i и дифтонги, смѣшавшіяся въ одномъ 3-мъ склоненіи съ согласными основами (ovem, bovem и т. д.); старыя образованія на -im уцѣлѣли лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, перечисляемыхъ въ элементарной грамматикѣ въ видѣ исключеній изъ общаго правила объ образованіи вин. ед. въ 3-мъ склоненіи.

4) *Именит. винит. зват. ед. ч. средняго рода* въ основахъ на о совпадалъ въ праязыкѣ формально съ вин. ед. въ основахъ на о несредняго рода (ср. лат. equom, equum вин. ед. «коня» и jugom, jugum «ярмо, иго»); славянскія образованія типа igo не старыя, а объясняются вліяніемъ ср. р. мѣстоименій: to изъ tod; равнымъ образомъ общеслав. slovo представляетъ o вмѣсто ожидаемаго ъ подъ тѣмъ же вліяніемъ, а въ основахъ на s ср. р. им. вин. зв. ед. ч. ср. р. совпадалъ съ чистою основою, ср. лат. genos, genus «родъ» (род. ед. gener-is, гдѣ другой звуковой видъ суффикса: индоевроп. es). Тѣ ученые, которые измѣненіе въ ъ признаютъ только для конечнаго -om и которые въ им. м. р. orbъ видятъ форму вин. ед., въ общеслав. slovo видятъ фонетическую форму, считая igo новообразованіемъ.

Основы на i и u имѣли въ разсматриваемой формѣ тоже чистую основу, ср. лат. mare «море», гдѣ e изъ i въ открытомъ концѣ слова (ср. maria въ им. мн. ч.), animal «животное» (изъ *animāli, animāle), pecu «скотъ» (у поэтовъ классич. эпохи pecū; м. б. старый им. мн. на индоевроп. ū).

Основы на n ср. р. имѣли въ им. вин. зв. ед. ч. при образованіи, гдѣ являлась основа съ слабымъ звуковымъ видомъ суффикса на индоевр. a̯n (лат. sēmen «сѣмя», nōmen «имя»), другое образованіе, гдѣ являлся

въ окончаніи основы протяженный звуковой видъ ē(n), ō(n); слав. imę восходитъ къ индоевроп. образованію на -ēn.

Основы на согласную представляли тоже чистую основу въ разсматриваемой формѣ, ср. лат. lac «молоко» изъ *lact (род. lactis), caput «голова» (род. capitis), genos, genus (род. generis), rōbur «твердое дерево, особ. дубъ, сила», гдѣ r изъ косвенныхъ падежей (род. rōboris), rōbor же въ классич. яв. не старая форма, а подъ вліяніемъ основъ на s несредняго рода, гдѣ было въ им. ед. -ēs, -or. Общеслав. telę, изъ telęt, ср. род. ед. telęte.

5) *Родительный ед. ч.,* имѣвшій особую форму, отличную отъ отложит. ед., искони только въ именахъ съ основами на о, представлялъ въ праязыкѣ вообще, за исключеніемъ этихъ именъ, суффиксъ -es, -os, -s (различные звуковые виды одного и того же суффикса). Отсюда объясняются такіе род. ед., какъ общеслав. matere, kamene, slovese, гдѣ -e изъ -es, ср. лат. mātris, nōminis, generis, pedis и т. д., гдѣ -is изъ древнелат. -es; на ряду съ этимъ ср. древнелат. patrus, nōminus, гдѣ -us изъ -os; въ классическое время общимъ окончаніемъ род. ед. въ 3-мъ склоненіи было уже только -is.

Въ именахъ на -i и -u суффиксъ род. ед. являлся въ сочетаніи съ основою въ ея различныхъ звуковыхъ видахъ 1) на дифтонгъ и на 2) гласную (i и u). Къ индоевроп. образованіямъ на -eis и -ous (гдѣ самъ суффиксъ въ видѣ -s) восходятъ общеслав. poti, kosti, synu, тогда какъ въ лат. яз. только имена съ основами на u, т.-е. имена 4-го склоненія, въ окончаніи род. ед. -ūs (senātūs) продолжаютъ старую форму на -ous или -eus; древнелатинскія senātuis, senātuos представляютъ старыя образованія на -u-es, -u-os; въ именахъ средняго р. съ основою на u грамматики даютъ въ род. ед. форму на -ū, но у писателей вообще является форма на -ūs; что касается формы на -ū въ род. ед., то это, вѣроятно, новообразованіе подъ вліяніемъ прочихъ формъ ед. ч. на -u. Въ основахъ на i старое образованіе утрачено и замѣнено образованіемъ на -is согласныхъ основъ, ср. ovis. Такія формы, какъ Jovis, bovis, представляютъ собою старыя род. ед. на -es отъ основъ на дифтонги.

Въ основахъ на ā въ праязыкѣ изъ слиянія ā съ суффиксомъ род. ед. получилось -ās, которое и было получено общеслав. яз., гдѣ подъ вліяніемъ вин. мн. ч. носовой элементъ проникъ и въ род. ед., о чемъ см. ниже; такъ объясняются общеслав. ženy, bogynię, dušię (ср. старослав. **жены, богыня, доуша,** древнер. жены, душѣ и т. д. Въ латинск. яз. соотвѣтственная форма получила новообразованіе подъ вліяніемъ окончанія ī въ род. ед. именъ съ основами на о, ср. древнелат. equāī и далѣе equai, equae; старыя образованія на -ās, извѣстныя изъ древняго языка, въ классическую эпоху представлены архаизмомъ изъ юридической области: familiās въ сочетаніи напр. съ pater (pater familiās). Такое же новообразованіе представляетъ и род. ед. именъ 5-го склоненія: diēī, rĕī изъ *rēī (долгая гласная передъ гласной сокращалась только тамъ, гдѣ не предшествовала гласная).

Въ основахъ на о общеслав. окончаніе -a не можетъ быть прямо возводимо ни къ индоевроп. -sio, ни къ индоевроп. -so, на которыя указываютъ въ окончаніи разсматриваемой формы другіе родственные языки;

на индоевроп. -i̯o мы не имѣемъ несомнѣнныхъ указаній, да и изъ индоевроп. -o-i̯o мы тоже не могли бы выводить слав. a, такъ какъ i̯ между гласными на славянской почвѣ вообще сохранилось, перейдя въ j. Довольно распространено мнѣніе, что слав. a есть въ данномъ случаѣ собственно окончаніе отложительнаго падежа, оканчивавшагося на -ōd, откуда напр. лат. -ō изъ -ōd въ окончаніи твор. ед. 2-го склоненія. Этому объясненію мѣшаетъ тотъ фактъ, что соотвѣтственное литовское -o (долгое закрытое o) *) въ окончаніи род. ед. нельзя выводить изъ индоевроп. ō, которое въ литовскомъ яз. дало сложную гласную ů (первоначальное сочетаніе uo одного слога, измѣнившееся различнымъ образомъ въ діалектахъ литовскаго яз.). Правда, въ литовскомъ яз. мы находимъ ō, которое само по себѣ получалось только изъ индоевроп. ā, также въ извѣстныхъ случаяхъ и тамъ, гдѣ мы ждемъ ů, но это случаи особаго рода: здѣсь именно произошло вытѣсненіе гласной ō въ ея чередованіи съ ē гласной āº подъ вліяніемъ случаевъ чередованія гласныхъ индоевроп. e:o, балтійскихъ e:aº; въ формѣ же отложит. на -ōd такого вліянія аналогіи не могло быть. Не удовлетворяетъ меня попытка принять старое различіе въ гласныхъ въ окончаніи отложительнаго, стоящее въ связи съ различіемъ въ качествѣ м. б. и количествѣ гласной въ частичкѣ, которая слилась въ формѣ отложит. съ основою на o въ одно слово, а м. б. и съ различіемъ въ діалектахъ индоевроп. праязыка по отношенію къ качеству гласной, получившейся при стяженіи двухъ различныхъ гласныхъ (см. Эндзелинъ, Славяно-балтійскіе этюды, 132 сл.). Все это предположенія, не имѣющія въ свою пользу никакихъ доказательствъ. Предпочитаю оставить вопросъ открытымъ, напоминая, что и латинское (и кельтское) ī въ окончаніи род. ед. 2-го склоненія (equī) до сихъ поръ не объяснено, несмотря на многочисленныя попытки. Мы имѣемъ дѣло съ какими-то образованіями, еще въ діалектахъ индоевроп. праязыка вошедшими въ общую систему склоненія, б. м. искони совсѣмъ не падежными образованіями именъ; существуетъ напр. гипотеза, что лат.-кельтское ī есть собственно окончаніе им. ед. ж. р. притяжательнаго прилагательнаго, частью рано ставшаго существительнымъ; съ теченіемъ времени оно стало пониматься какъ род. ед. соотвѣтственнаго существительнаго, такъ что прототипъ напр. латинскаго lupī filius значилъ нѣкогда: «принадлежащій волчицѣ, волчицынъ сынъ» **).

6) *Отложит. ед. ч.* въ индоевроп. праязыкѣ въ именномъ склоненіи отличался отъ формы род. пад. по образованію только въ ед. ч. именъ съ основами на o; въ прочихъ случаяхъ существовала одна общая форма для этихъ падежей. Въ лат. яз. въ именахъ 2-го склоненія мы находимъ древнелат. окончаніе -ōd, болѣе позднее -ō (equōd, equō), ср. и такія нарѣчія, какъ meritō «заслуженно, по заслугамъ»; латинское -ēd, -ē въ та-

*) Напомню, что литовскій яз. указываетъ на прерывистую долготу разсматриваемаго окончанія, а это также не допускаетъ объясненія слав.—a изъ стараго ō, ср. стр. 44.

**) Замѣтимъ, что имена на -ius (fīlius) имѣли въ род. fīlī, форма fīliī—болѣе новая; въ прилагательныхъ окончаніе iī встрѣчается уже въ древнелат. яз. (patriī при имен. patrius „отцовскій“.)

кихъ нарѣчіяхъ, какъ facillimē (надписи даютъ facilumed) «всего легче», bene (съ сокращеніемъ ē, см. стр. 19) «хорошо», м. б. старое -ēd, если таковое существовало при -ōd, а м. б. и новообразованіе, гдѣ -d присоединено по аналогіи -ōd къ старому творит. на -ē. Въ латинскомъ яз. аналогіи основъ на o послѣдовали и другія основы, такъ что появились окончанія -ā(d), -ē(d), -ī(d), -ū(d) у основъ на ā, ē, i, u, ср. praedā (древнее praidād) «добычею» (это латинскій ablativus, въ которомъ совпали старые отложит., творит. и частью мѣстн. пад.), rē, marī, magistrātū, лат. ablat. при rēs, mare, magistrātus «магистратъ». Даже на согласныя основы, совпавшія съ основами на i въ одномъ 3-мъ склоненіи, перенесены формы на ī (ср. airīd при aes «мѣдь, бронза»). Съ другой стороны, основы на i (кромѣ перечисленныхъ въ элементарныхъ грамматикахъ) получили въ ablat. окончаніе -e согласныхъ основъ (ср. cīve «гражданиномъ»), гдѣ это окончаніе есть по происхожденію окончаніе мѣстн. ед. ч. (см. ниже).

7) *Дат. ед. ч.* имѣлъ въ праязыкѣ самъ по себѣ суффиксъ -ai̯, который сливался съ гласной o, ā, ē въ окончаніи основы въ ōi̯, āi̯, ēi̯. Въ послѣднее время ученые пришли къ мысли, что въ праязыкѣ существовалъ и дифтонгъ -ei̯ въ качествѣ суффикса детальнаго, при чемъ думаютъ, что суффиксъ -ai̯ принадлежалъ первоначально дат. падежу цѣли, а -ei̯ былъ суффиксомъ собственно дательнаго. Основаніемъ для этого мнѣнія служатъ нѣкоторыя образованія языка осковъ и греческаго яз., ясно указывающія на старое ei̯ въ дательномъ послѣ неслогового звука въ окончаніи основы. Общеслав. kameni, slovesi нѣкоторые ученые возводятъ къ индоевроп. -ai̯ въ окончаніи дат. ед. согласныхъ основъ, но это можетъ быть и форма по аналогіи основъ на i, рано повліявшихъ на склоненіе согласныхъ основъ. Несомнѣнными старыми дат. отъ согласныхъ основъ на индоевроп. дифтонгъ являются лат. неопредѣленныя формы глагола типа agī (inf. pass. отъ agere «гнать»), нарѣчіе humī «на землѣ», дательные же 3-го склоненія patrī, hominī и т. д. допускаютъ различное объясненіе (м. б. это старые дат. согласныхъ основъ, при чемъ то же окончаніе было перенесено и на основы на i (ovī «овцѣ»), или м. б. это окончаніе принадлежало въ 3-мъ склоненіи искони только основамъ на i и было по происхожденію формою дат. ед. этихъ основъ, м. б. даже мѣстн. ед., о чемъ см. ниже). Во всякомъ случаѣ, по свидѣтельству древнѣйшихъ надписей, въ окончаніи дат. ед. разсматриваемаго типа былъ дифтонгъ.

Въ именахъ съ основами на o индоевроп. окончаніе ōi̯ въ дат. ед. является въ славянскихъ образованіяхъ типа orbu, kon'u, гдѣ общеслав. u получилось изъ стараго дифтонга ōi̯, который, по мнѣнію Ф. Θ. Фортунатова, рано измѣнилъ i̯ подъ вліяніемъ ō въ направленіи къ u̯; дифтонгъ ōi̯ уже съ тѣмъ измѣненіемъ, на которое указываютъ балтійскіе языки, подвергся далѣе сокращенію въ слоговой части. Другіе ученые предлагаютъ другія объясненія; считаютъ напр. эту форму по происхожденію мѣстнымъ ед., получившимъ ōu̯, откуда ou̯, подъ вліяніемъ основъ на u при старомъ окончаніи oi̯, что вызвало ou̯ при oi̯ и въ дат. ед. Въ латинск. яз. мы находимъ ō (equō) при древнелат. oi̯ (древнелат. populoi). Въ послѣднее время было высказано мнѣніе, что лат. ō не изъ ōi̯ въ концѣ слова

(первоначально въ концѣ рѣчи и вообще передъ паузой, а затѣмъ и въ другихъ положеніяхъ), а представляетъ собою стяженіе, послѣ выпаденія i̯, индоевроп. ōi̯a* (a* обозначаетъ здѣсь гласную, качество которой намъ неизвѣстно), къ которому возводится и древнеинд. дат. на -āya). Однако, эта теорія Бартоломэ, опирающаяся на сопоставленіе съ древнеинд. -āya, допускающимъ различныя объясненія, врядъ ли пріемлема.

Въ окончаніи основъ на ā мы находимъ общеслав. ѣ изъ индоевроп. āi̯ съ сокращеніемъ долгой слоговой гласной: žеnѣ; послѣ мягкаго неслогового звука является фонетическое i: vol'i, bogyn'i. Въ лат. яз. мы находимъ -ae изъ -ai̯ и далѣе -āi̯: ср. equae; въ діалектическихъ надписяхъ, рѣже въ надписяхъ, найденныхъ въ Римѣ, извѣстно и -ā. Это окончаніе, по Бартоломэ, явилось вслѣдствіе вліянія со стороны именъ 2-го склоненія, гдѣ было при -oi и -ō, которое онъ объясняетъ изъ -ōi̯a*; по обычному объясненію это окончаніе -ā изъ -āi̯ параллельно -ō изъ -ōi̯.

Въ основахъ латинскаго 5-го склоненія мы находимъ въ дат. ед. -eī съ e краткимъ послѣ согласной, долгимъ послѣ гласной, (fideī, diēī), а эти формы новообразованія по аналогіи дат. на ī въ 3-мъ склоненіи, хотя такія формы, какъ reī изъ *rēī, могли бы быть и старымъ дат. ед. на индоевроп. -ēi̯ai̯, а эта основа — старая основа на дифтонгъ ēi̯, утратившій свою неслоговую часть передъ согласной въ им. rēs, вин. rem. Болѣе старыя образованія типа fidē (а по аналогіи и rē, diē) могли бы быть старыми дат. ед. основъ на ē на индоевроп. ēi̯ (ср. ō изъ ōi̯).

Въ основахъ на i и u окончаніе дат. ед. въ индоевроп. праязыкѣ являлось или въ сочетаніи съ i и u въ окончаніи основы, или въ сочетаніи съ дифтонгами ei̯, eu̯, существовавшими въ окончаніи этихъ основъ въ чередованіи съ i и u. Латинскія образованія основъ на ī (ovī) были разсмотрѣны выше, а о самомъ послѣднемъ ихъ объясненіи см. ниже; лат. дат. 4-го склоненія на -uī (senātuī) продолжаютъ индоевроп. дат. или на -eu̯ai̯ (e-u̯ во слогѣ безъ ударенія давало u), или -u̯ai̯. Окончаніе -ū, которое встрѣчается вообще при -uī и укрѣпилось въ словахъ средняго рода (pecū), объясняютъ различно, но скорѣе всего это старый мѣстный падежъ на индоевроп. -ēu̯, -ōu̯ (см. ниже).

Общеслав. дат. ед. основъ на i (pǫti, kosti) и u (synovi) объясняются слѣдующимъ образомъ: въ основахъ на i мы не ждали бы отсутствія смягченія согласной, если это старая форма на индоевроп. -i̯ai̯ изъ -i-ai̯, а по аналогіи основъ на u, гдѣ мы имѣемъ synovi изъ индоевроп. формы на -eu̯ai̯, мы ждали бы въ основахъ на i окончаніе -ei̯ai̯. Одни ученые видятъ здѣсь новообразованіе по аналогіи основъ на согласныя, гдѣ i считаютъ старымъ изъ индоевроп. ai̯, общеслав. oi̯, другіе думаютъ, что эта форма по происхожденію мѣстнаго ед., что невѣроятно въ виду вообще отсутствія ясныхъ указаній на смѣшеніе дат. и мѣстн. на славян. почвѣ (въ основахъ на ā эти падежи звучатъ одинаково на ѣ, но различались въ части именъ по ударенію), наконецъ, Meillet высказалъ предположеніе, что слав. дат. на i изъ ei̯, которое получилось путемъ диссимиляціи и полной утраты одного изъ двухъ рядомъ стоящихъ ei̯ въ старомъ окончаніи — ei̯ei̯ съ индоевроп. ei̯ въ суффиксѣ и ei̯ въ окончаніи основы; замѣчу, что и лат. ovī Meillet объясняетъ такимъ же образомъ.

8) *Творит. ед. ч.* имѣлъ въ праязыкѣ различныя образованія. Вопервыхъ, здѣсь были суффиксы -bhi и -mi съ различіями по діалектамъ (-bhi въ армянскомъ и греческомъ, а -mi въ балтійскихъ и славянскихъ языкахъ); вовторыхъ, въ основахъ на о и ā (а также на ē) были въ окончаніи этой падежной формы соотвѣтственныя долгія гласныя, при чемъ балтійскіе и славянскіе яз. указываютъ еще на носовую согласную въ окончаніи. Образованіе разсматриваемой формы въ основахъ на согласныя въ индоевроп. праязыкѣ опредѣлить трудно, такъ какъ здѣсь слишкомъ мало матеріала (древнеинд. образованія на -ā могутъ быть новообразованіями по аналогіи основъ на о и ā). Итакъ, слав. -mь въ окончаніи твор. ед. изъ индоевропейскаго -mi; существовало оно въ общеслав. яз. у всѣхъ основъ муж. и ср. р., при чемъ въ основахъ на о (orbomь) это образованіе не старое, а возникало подъ вліяніемъ другихъ типовъ (въ старослав. яз. извѣстно и **рабъмь** подъ вліяніемъ основъ на u, ср. **ножьмь** по аналогіи основъ на i при **конѥмь**); съ другой стороны, въ основахъ на i образовалось различіе между муж. и женск. р., ср. pǫtьmь, kostijǫ. Что касается kostijǫ, то это образованіе подъ вліяніемъ основъ ж. р. на ā, гдѣ общеслав. -ojǫ (послѣ мягкой согласной -ejǫ) (ženojǫ, volʲejǫ) вм. ожидаемаго -ǫ объясняется вліяніемъ мѣстоименій (tojǫ). Въ старослав. діалектическихъ твор. типа **силѫ** обыкновенно видятъ стяженіе изъ **силоѭ**, но м. б. это остатки старыхъ образованій на -ǫ. Въ согласныхъ основахъ окончаніе **-ьмь** взято изъ основъ на i. Въ латинскомъ яз. остатками разсматриваемой категоріи являются нѣкоторыя нарѣчія на -ō и -ē (а въ основахъ на -о въ твор. ед. могло быть и -ē), смѣшавшіяся съ нарѣчіями, восходящими къ старому отложит. на -ō(d).

9) *Мѣстный ед. ч.* въ основахъ на о оканчивался въ общеслав яз. на ѣ послѣ твердой и на i послѣ мягкой согласной, ср. orbѣ, konʲi. Общеслав. ѣ здѣсь получилось изъ дифтонга -oi̯, который послѣ мягкаго неслогового звука далъ -ei̯, откуда -i. Съ общеслав. -oi̯, откуда дальше -ѣ, -i, въ окончаніи мѣстн. ед. ч. родственно по происхожденію окончаніе стараго мѣстнаго, исчезнувшаго какъ особая категорія, въ лат. яз.; ср. лат. bellī «на войнѣ», -ī въ именахъ городовъ 2-го склоненія ед. ч. для обозначенія мѣста на вопросъ «гдѣ» (Corinthī «въ Коринѳѣ»); по указанію языка осковъ лат. ī здѣсь не изъ индоевроп. -oi̯, а изъ индоевр. -ei̯ (въ слогахъ безъ ударенія и тотъ, и другой дифтонгъ совпали) *), такъ что латинская форма указываетъ на индоевроп. -ei̯, параллельное тому -oi̯, которое было получено общеслав. яз.

Въ основахъ на ā было получено въ мѣстн. ед. -āi̯, откуда общеслав. -ѣ, послѣ мягкаго неслоговаго звука -i (ср. ženѣ, volʲi, bogynʲi); въ лат. яз. мы находимъ -ae, древнелат. ai (Rōmae, древнее Rōmai «въ Римѣ», есть такая же форма мѣстн. ед., какъ и Corinthī).

---

*) Лат. ī въ образованіяхъ стараго мѣстн. ед. совпало въ результатѣ съ ī въ род. ед., но это послѣднее не изъ дифтонга; древнѣйшія надписи, не примѣняющія еще написанія ei для обозначенія ī, въ род. ед. пишутъ i; примѣровъ для -ei въ мѣстн. изъ старыхъ надписей, повидимому, нѣтъ въ именахъ, но ср. въ мѣстоим. hei, he „здѣсь“ = hī-c. Въ основахъ на i̯o въ мѣстн. ед. въ отличіе отъ род. и у именъ существ. iī: Brundusiī.

Въ основахъ на -i и -u въ мѣстн. ед. въ индоевроп. праязыкѣ являлась основа съ дифтонгомъ съ долгой слоговой гласной въ окончаніи; общеслав. pǫti, kosti восходятъ къ индоевроп. формѣ на -ēi̯. а общеслав. synu къ индоевроп. формѣ на -ōu̯ Въ лат. яз. дательные основъ на i (ovī) могли бы допускать объясненіе и изъ старыхъ образованій мѣстн. ед., а лат. -ū въ лат. дат. 4-го склоненія (senātū при senātui, pecū) есть, несомнѣнно, окончаніе стараго мѣстн. ед. основъ на -ū (-ēu̯ или -ōu̯); равнымъ образомъ такого же происхожденія -ū въ нарѣчіи noctū «ночью». Общеслав. doma «дóма» (нарѣчіе) я не могу выводить изъ индоевроп. мѣстн. на -ō съ отпавшимъ u̯, такъ какъ мы ждали бы при этомъ прерывистое качество долготы, а ō съ прерывистой долготой давало, повидимому, -ū, -y (см. стр. 44); равнымъ образомъ и -i въ kosti нельзя выводить изъ -ē, существовавшаго въ праязыкѣ при -ēi̯, такъ какъ это -i не имѣло прерывистой долготы (удареніе на этой гласной въ извѣстныхъ образованіяхъ мѣстн. ед. свидѣтельствуетъ противъ этого).

Въ основахъ на согласныя (по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ, именно въ основахъ на сонорную согласную, на s) въ индоевроп. праязыкѣ существовало два образованія мѣстн. ед.: 1) на -i (то же i видятъ и въ составѣ дифтонговъ -oi̯ и -āi̯ въ окончаніи мѣстн. ед. основъ на o и ā) и 2) безъ суффикса, частью съ протяженнымъ звуковымъ видомъ суффикса основы (ср. мѣстн. ед. основъ на i, u). Слав. мѣстн. ед. согласныхъ основъ kamen-e, sloves-e, ср. далѣе по ихъ аналогіи telęt-e, svekrъv-e (основа на ū, передъ гласной uu̯) представляетъ такой безсуффиксный мѣстный ед. съ присоединенной постпозитивной частичкой. Въ лат. яз. лат. твор. ед., первоначально только согласныхъ основъ, на -e изъ -i, есть по происхожденію мѣстн. ед. на -i, а безсуффиксный мѣстн. ед представленъ изолированными уже образованіями, напр. penes «у» есть по происхожденію мѣстн. ед. основы penus, oris «то, что находится внутри, запасы».

10) *Имен. мн. ч.* *) *несредняго рода* въ общеслав. яз. оканчивался въ основахъ на -e, непосредственно изъ -es, которое существовало здѣсь въ индоевроп. праязыкѣ; ср. dьne, žitele; эта форма рано подверглась воздѣйствію со стороны основъ, на i, ср. старослав. **матери**. То же -e мы находимъ въ основахъ на i и u, гдѣ разсматриваемое окончаніе является въ положеніи за старымъ дифтонгомъ въ окончаніи основы, ср. общеслав. pǫtije (изъ pǫteje), synove (повидимому, изъ syneve подъ вліяніемъ род. мн. synovъ, гдѣ o изъ e фонетическаго происхожденія передъ v, за которымъ не слѣдуетъ мягкаго звука); въ основахъ ж. р. на i мы находимъ въ им. мн. kosti, и это по происхожденію форма вин. мн., получившая значеніе и имен. подъ вліяніемъ совпаденія этихъ формъ въ основахъ ж. р. на a (ср. также различіе въ твор. ед. kostijǫ при pǫtьmь). Въ лат. яз. старое окончаніе -es въ основахъ 3-го склоненія было замѣнено окончаніемъ -ēs, получившимся фонетически въ основахъ на i изъ слиянія: -ei̯es дало -ees и далѣе -ēs; равнымъ образомъ въ 5-мъ склоненіи им. мн. rēs можетъ продолжать старое *rēi̯es; ср. въ 3-мъ склоненіи ovēs, гдѣ -ēs изъ -ei̯es, и далѣе

*) Зват. ф. въ множ. ч. не отличалась по образованію отъ имен.; въ древнеинд. яз. и здѣсь удареніе лежало на основѣ; то же мы находимъ и въ ф. двойств. ч.

patrēs, hominēs и т. д. Въ основахъ 4-го склоненія им. мн. на -ūs (senātūs) не можетъ быть объясненъ изъ имен. на -eu̯-es; мы ждали бы -uis; вѣроятно, это форма вин. мн., а перенесеніе этой формы въ им. объясняется совпаденіемъ этихъ двухъ формъ въ 3-мъ склоненіи, гдѣ -ēs было и въ вин. согласныхъ основъ (а подъ вліяніемъ совпаденія этого -ēs съ -ēs въ им. и старое -īs въ вин. мн. основъ на i, сохранившееся въ видѣ пережитка, переносилось и въ им., ср. ovīs).

Въ основахъ на старое ē (основы 5-го латинскаго склоненія, кромѣ rēs и diēs) им. мн. оканчивался въ лат. яз. на -ēs: faciēs, и это была старая индоевропейская форма, гдѣ ēs получилось изъ сліянія -ē въ окончаніи основы и -es падежнаго суффикса. Въ основахъ на о и на ā, гдѣ въ праязыкѣ тоже должно было произойти сліяніе гласной въ окончаніи основы и е въ началѣ падежнаго суффикса, и гдѣ вся форма оканчивалась на -ōs и -ās, старое образованіе этой формы не сохранилось въ лат. яз.; здѣсь, подобно тому какъ это случилось и въ нѣкоторыхъ другихъ индоевроп. языкахъ, въ им. мн. основъ на о и а мы находимъ окончанія, перенесенныя изъ склоненія мѣстоименій; въ общеслав. яз. такое перенесеніе мы находимъ только въ основахъ на о, именно общеслав. i въ orbi, ср. лат. equī (древнелат. poploe = populī, ср. далѣе въ надписяхъ virei, vire = virī); лат. ī изъ ei̯, въ которое обратился дифтонгъ oi̯ въ данномъ фонетическомъ положеніи (см. стр. 25), а общеслав. i изъ такого oi̯, давшаго непосредственно ѣ, гдѣ была старая прерывистая долгота (при старой краткой неслоговой части, ср. въ греч. яз. различіе въ удареніи между οἶκοι «домá», им. мн., и οἴκοι «дóма», нарѣчіе, по происхожденію мѣстн. ед.). Въ основахъ на ā мы имѣемъ лат. rosae, гдѣ -ae изъ i̯-a и далѣе -āi̯, а въ общеслав. яз. мы находимъ форму на -y (ženy), послѣ мягкой согласной -ię (volʲi, bogynʲię), о происхожденіи которой см. ниже въ отдѣлѣ вин. мн.

11. *Имен. вин. мн. ч. средняго рода* оканчивался въ общеслав. яз. на а во всѣхъ основахъ: ср. общеслав. iga (основа на о), slovesa (основа на s), imena (основа на n), tęleta (основа на t). Это окончаніе ā по происхожденію принадлежало только основамъ на о и отсюда было перенесено и на другія основы. Такой же процессъ произошелъ въ латинскомъ языкѣ, гдѣ общимъ окончаніемъ им. вин. мн. ч. ср. р. является ā, сохранившееся въ такихъ изолированныхъ образованіяхъ, какъ числительныя на -gintā (trīgintā «30» и т. д.), которое есть по образованію им. вин. мн. ч. ср. р. основы k̑m̥t, гдѣ лат. g вмѣсто ожидаемаго k неяснаго происхожденія; вообще ā является сократившимся въ а первоначально при ямбическомъ сочетаніи конечныхъ слоговъ (см стр. 19). Въ праязыкѣ окончаніемъ им. вин. мн. ч. ср. р. послѣ неслогового звука въ окончаніи основы было, повидимому, индоевроп. ə, откуда дринд. i, греч. α.

12) *Винит мн. ч. несредняго рода.* Общимъ индоевроп. суффиксомъ этого падежа было индоевроп. -ns, а послѣ неслогового звука въ окончаніи основы индоевроп. -n̥s. Въ основахъ на о было такимъ образомъ въ окончаніи вин. мн. -ons, откуда общеслав. -y (orby), послѣ предшествующей мягкой согласной -ʲons дало въ результатѣ -ię, откуда старослав. ѧ, древнерусск. ѣ (старослав. конѧ, древнер. конѣ), см. стр. 36; въ основахъ на i и u въ окончаніи вин. мн. было -ins, -uns, откуда общеслав.

-i, -y (pǫti, kosti, syny). Что касается согласныхъ основъ, то мы находимъ здѣсь общеслав. -i (materi, kameni), повидимому, окончаніе, перенесенное изъ основъ на i, такъ какъ изъ -ą̊ns мы не ждали бы при данныхъ условіяхъ i (см. стр. 32); здѣсь n было нѣкогда некраткимъ (на это опредѣленно указываютъ и балтійскіе языки; въ литовскомъ здѣсь было нисходящее качество ударенія) *), слѣдовательно, длительная долгота цѣлаго сочетанія еще въ балтійскославянскомъ языкѣ. Въ лат. яз. мы находимъ въ основахъ на o—въ окончаніи вин. мн. -ōs, изъ -ons (equōs), въ основахъ на i окончаніе -īs изъ -ins (ср. ovīs, сохранявшееся у основъ на i и у классическихъ писателей; переносилось оно изрѣдка и на согласныя основы, а вслѣдствіе совпаденія им. и вин. мн. при окончаніи -ēs, окончаніе -īs переносилось и въ им. мн.), въ основахъ на u окончаніе -ūs изъ -uns (senātūs), въ основахъ на согласныя -ēs изъ -ens, индоевроп. -ą̊ns (patrēs), ставшее общимъ окончаніемъ вин. мн. въ 3-мъ латинскомъ склоненіи.

Въ основахъ на долгія гласныя въ вин. мн. въ индоевроп. праязыкѣ существовало, повидимому, въ окончаніи уже одно s, вслѣдствіе индо-европ. утраты n послѣ долгой гласной передъ s, а на почвѣ отдѣльныхъ языковъ въ это окончаніе вновь вносилось n подъ вліяніемъ вин. мн. другихъ основъ, гдѣ было въ окончаніи -ns; такимъ образомъ, при старомъ -ās было новое окончаніе -āns; въ общеслав. яз. это -āns при дальнѣйшемъ фонетическомъ развитіи должно было дать по отпаденіи s носовую гласную -ǫ, ср. вин. ед. тѣхъ же основъ -ǫ изъ -ām, однако, можно думать, что окончаніе -āns, существовавшее уже въ балтійскославянскомъ яз., было замѣнено окончаніемъ -ons еще до эпохи сокращенія старыхъ долготъ въ дифтонгахъ съ долгой слоговой гласной и въ сочетаніяхъ долгой гласной съ плавной и носовой безъ послѣдующей гласной; причиной этого явленія было то, что въ прочихъ вин. мн. всюду была краткая гласная передъ -ns. Изъ -ons получилось дальше -y, а изъ -ons послѣ мягкой гласной -ię (ср. старослав. **жєны, ʒємлѩ**, древнер. землѣ). Далѣе, въ ту эпоху, когда въ вин. мн. при -ās появилось -āns и затѣмъ -ons, то же самое -ons проникло и въ род. ед. и им. мн., гдѣ было получено старое -ās. Въ результатѣ и здѣсь новообразованіе вытѣснило вполнѣ старыя формы на -ās.

Вин. мн. equās, faciēs могли бы быть и старыми вин. на -ās, -ēs, но въ виду того, что языкъ осковъ указываетъ въ вин. мн. основъ на -ā на новообразованіе, вѣроятно, и лат. equās, faciēs непосредственно изъ *equans, *faciens и далѣе изъ *equāns, *faciēns.

13) *Родит. мн. ч.* имѣлъ въ индоевроп. праязыкѣ суффиксомъ сочетаніе -ōm, откуда мы находимъ въ результатѣ общеслав. -ъ (см. стр. 35) въ согласныхъ основахъ (kamenъ, imeṇъ, slovesъ, materъ, telętъ) и основахъ на ŭ, гдѣ передъ гласной въ началѣ суффикса въ окончаніи самой основы было ъv изъ uu̯ (svekrъvъ). Въ лат. яз. такъ объясняется лат. -um изъ -om, получившагося изъ сокращенія -ōm, ср. patrum, pedum и т. п. Въ основахъ на i и u мы находимъ въ род. мн. въ общеслав. яз. индоевроп. образованія на -ei̯-ōm, -eu̯-ōm, гдѣ передъ падежнымъ окончаніемъ былъ

---

*) Долготу гласной, на которую указываетъ литовскій яз., я вслѣдъ за Ф. Θ. Фортунатовымъ не считаю старой, а возникшей вслѣдствіе удлиненія передъ -ns, замыкавшимъ слогъ.

полученъ въ окончанiи основы дифтонгъ, распавшiйся въ такомъ положенiи на звуки двухъ слоговъ, ср. общеслав. pǫtijь, kostijь, synovъ. Въ лат. яз. въ род. мн. основъ на i мы находимъ—ium, гдѣ, слѣдовательно, было получено въ окончанiи самой основы i: ovium, а вслѣдствiе смѣшенiя согласныхъ основъ съ основами на i въ одномъ 3-мъ склоненiи окончанiе -ium переносилось и на согласныя основы (adulescentium «юношей», adulescens), обратно, извѣстно при -ium въ старыхъ основахъ на i окончанiе -um: vātum при vātēs «пророкъ». Въ основахъ на u мы находимъ въ род. мн. -um въ старомъ яз., частью и позже, напр. въ passum (passus) «шагъ» при -uum (senātuum); окончанiе -um могло бы быть старымъ окончанiемъ: -u̯ōm дало -u̯om, и далѣе съ утратою u̯ получилось -om, -um, тогда какъ -uum могло бы быть новообразованiемъ, гдѣ u введено подъ влiянiемъ -u-is въ род. ед., u-ī въ дат. ед.

Въ основахъ на o изъ стяженiя o въ окончанiи основы и -ōm получилось въ индоевроп. праязыкѣ—ōm, откуда объясняется общеслав. -ъ (orbъ), въ лат. яз. -um, сохранявшееся въ видѣ архаизма и у поэтовъ классической эпохи (virum при и вм. virōrum), въ формулахъ официальнаго языка (socium «союзниковъ»), въ обозначенiяхъ мѣры, вѣса (sestertium «сестерцiевъ»), вообще же это окончанiе рано замѣнилось новообразованiемъ на -ōrum (equōrum) подъ влiянiемъ -ārum въ 1-мъ склоненiи, гдѣ это окончанiе перенесено изъ мѣстоименiй; далѣе и въ 5-мъ склоненiи появилась -ērum (faciērum, rērum).

Въ основахъ на ā въ род. мн. въ праязыкѣ существовало въ окончанiи формы, повидимому, -ōm, откуда общеслав. -ъ, а послѣ мягкаго неслогового звука -ь, ср. ženъ, vol'ь, bogyn'ь. Въ лат. яз. -ārum (equārum) есть новообразованiе по аналогiи склоненiя мѣстоименiй.

14) *Дат. мн. ч.* (бывшiй въ то же время и отложит.) въ праязыкѣ представлялъ, въ зависимости отъ дiалектическихъ различiй, два образованiя: 1) съ суффиксомъ, начинавшимся съ bh, на который указываетъ и лат. яз., 2) съ суффиксомъ, начинавшимся съ m (балтiйскославянскiе и германскiе яз.). Въ дальнѣйшемъ, именно по отношенiю къ гласнымъ суффикса, существовали въ праязыкѣ опять извѣстныя различiя; лат. яз. имѣлъ -bos, откуда -bus, ср. ovibus, patribus, rēbus, senātibus (гдѣ i изъ u въ положенiи въ неударяемомъ слогѣ передъ губной; -ubus частью сохранилось, при чемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно укрѣпилось, ср. arcubus при arcus «лукъ» въ отличiе отъ arcibus при arx «крѣпость»). Въ основахъ на ā ср. deābus, fīliābus, сохранившiяся и въ классическую эпоху для отличiя отъ deīs, fīliīs при deus «богъ», fīlius «сынъ»; ср. еще duābus, ambābus при муж. duōbus, ambōbus («два, оба»), что было новообразованiемъ. Обычное окончанiе -īs изъ -ais, возникло по аналогiи окончанiя -īs изъ -eis, -ois въ именахъ 2-го склоненiя, гдѣ эта форма по происхожденiю не форма дат. мн. (см. ниже).

Въ общеслав. яз. суффиксъ дат. мн. является въ видѣ -mъ, при чемъ это ъ допускаетъ само по себѣ различное объясненiе; вѣроятнѣе всего -mъ получилось изъ -mos, ср. литовское -ms изъ -mas, не изъ -mus, которое намъ тоже извѣстно, такъ какъ въ литовскомъ яз. вообще нѣтъ достовѣрныхъ случаевъ подвижности и затѣмъ утраты u въ конечномъ слогѣ.

Ср. общеслав. orbomъ, kon'emъ, žеnamъ, vol'amъ, synъmъ, pǫtьmъ, kostьmъ, kamenьmъ, materьmъ (новообразованіе по аналогіи основъ на i); что касается древнесербскихъ образованій отъ основъ на n типы доубровьчамъ, то это общеслав. образованіе на -amъ, гдѣ обыкновенно принимаютъ измѣненіе nm въ m (-amъ изъ -an-mъ).

15) *Творит. мн. ч.* въ общеслав. яз. во всѣхъ основахъ, кромѣ основъ на о, оканчивался на -mi (ženami, pǫtьmi, kostьmi, synъmi, kamenьmi по аналогіи основъ на i, старое образованіе въ основахъ на n видятъ въ древнерусск. полями, гдѣ общеслав. -ami изъ an-mi). Общеслав. -mi по указанію балтійскихъ языковъ утратило въ концѣ s, а i здѣсь, повидимому, изъ -in. И въ окончаніи этого падежа существовало діалектическое различіе въ самомъ индоевроп. праязыкѣ, гдѣ въ діалектахъ существовалъ здѣсь суффиксъ съ bh (ср. древнеинд. -bhis). Въ лат. яз. эти индоевроп. образованія не сохранились, и форма твор. вообще совпадала въ множ. ч. съ формою дат.

Въ основахъ на о мы находимъ въ разсматриваемой формѣ общеслав. -y, послѣ мягкаго неслоговаго звука -i (orby, kon'i), въ лат. яз. мы находимъ -oi̯s, откуда -ei̯s, -īs (equīs), а по аналогіи основъ 2-го склоненія и въ основахъ на ā появилось -ai̯s, -īs. Латинское окончаніе -oīs можетъ быть объяснено и изъ стараго -oi̯si, если только дѣйствительно для мѣстн. мн. мы имѣемъ право предполагать въ окончаніи при -su и -si (греч. -si могло бы быть и новообразованіемъ подъ вліяніемъ і въ старомъ мѣстн. ед. ч.). Вообще эти формы представляютъ еще много неяснаго. Для индоевроп. праязыка на основаніи показаній древнеинд. яз. обыкновенно принимаютъ въ окончаніи дат. мн. основъ на о сочетаніе -ōi̯s, но слав. y изъ индоевроп. ōi̯ мы бы не ждали. Впрочемъ, объясняютъ происхожденіе этого y слѣдующимъ образомъ: изъ -ōi̯s мы ждали бы -ѣ, послѣ мягкаго неслогового звука -i, а подъ вліяніемъ соотношенія orbъ—kon'ь и въ твор. мн. фонетическое -ѣ при -'i было замѣнено черезъ -y. Невѣроятно объясненіе, предложенное Эндзелиномъ (Славянобалтійскіе этюды, 164 сл.), который пытается вывести форму на -y изъ вин. мн. ч., употреблявшагося при и вм. твор. въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно при глаголахъ «считать, дѣлать, называть». Ф. Ѳ. Фортунатовымъ было предложено объясненіе, по которому при индоевроп. суфф. твор. съ bh былъ суффиксъ съ однимъ h, исчезнувшимъ между гласными, въ лат. и слав., а древнеинд. окончаніе, указывающее, по обычному мнѣнію, на дифтонгъ съ долгой слоговой гласной (-ais изъ -āis), онъ объясняетъ изъ индоевроп. -ohis, гдѣ о по закону Бругмана дало ā, а h исчезло между слоговыми гласными.

16) *Мѣстный мн. ч.* во всѣхъ основахъ имѣетъ на славянской почвѣ суффиксъ -sъ, откуда -chъ, гдѣ ъ изъ u (можетъ быть и изъ -un, на которое указываетъ литовскій яз., гдѣ при -su извѣстно и -sų): orbѣхъ (ѣ въ окончаніи основы изъ oi̯ здѣсь изъ склоненія мѣстоименій), kon'ixъ, ženachъ, synъхъ, pǫtьchъ, kostьchъ, kamenьchъ и т. д. При -ьchъ въ согласныхъ основахъ, которое взято изъ основъ на i, мы находимъ и -echъ, на которое указываетъ старослав. -ехъ памятниковъ, не имѣющихъ вообще е изъ ь въ такомъ положеніи (ср. Щепкинъ, Разсужденіе о языкѣ

Саввиной книги, стр. 103 сл.), и гдѣ e стоитъ въ связи съ e въ мѣстн. ед. такихъ именъ. Изъ мѣстн. такое e проникло и въ дат. мн. и твор. ед. (окончаніе **-ємъ, -ємь** при **-ьмъ, -ьмь**), а также переносилось въ соотв. падежи и основъ на i. Древнечешскіе мѣстн. мн. на -ás отъ основъ на n типа Lužás имѣютъ -ás подъ вліяніемъ дат. мн. на старое -amъ тѣхъ же именъ въ общеслав. яз. (см. выше). Согласная s здѣсь сохранилась, такъ какъ не предшествовало i и u слоговое или неслоговое (ѣ въ orbѣxъ изъ oi̯), какъ въ другихъ основахъ.

17) *Им. вин. дв. ч. несредняго р.,* служившій и зват. ф., при чемъ въ древнеинд. яз. и здѣсь удареніе падало на основу, въ основахъ на o оканчивался въ праязыкѣ на -ōu̯ и -ō. Слав. форма на -ā восходитъ къ этому послѣднему образованію (orba). Въ основахъ на -ā въ окончаніи разсматриваемой формы было въ общеслав. яз. ѣ, послѣ мягкаго неслоговаго звука i (ženѣ, volʲi). Это ѣ указываетъ непосредственно на общеслав. дифтонгъ -oi̯ (ср. rǫcѣ, гдѣ c изъ k передъ ѣ изъ дифтонга), при чемъ длительное качество этого дифтонга, на которое указываетъ слав. -ѣ, не находится въ противорѣчіи съ данными литовскаго языка *). Индоевроп. окончаніемъ былъ, повидимому, дифтонгъ съ краткой слоговой гласной ai̯. Остатками старыхъ образованій дв. являются въ лат. яз. duo «два», ambō «оба», уже не сознававшіяся какъ формы дв. ч.

Въ основахъ на i и u разсматриваемая форма оканчивалась на ī и ū, ср. общеслав. pǫti, kosti, syny. Въ основахъ на согласныя мы найдемъ общеслав. -i, перенесенное изъ основъ на i: kameni, materi.

10) *Им. вин. зв. дв. ч. средняго рода* оканчивался въ общеслав. яз. въ основахъ на -o, на -ѣ и послѣ мягкой согласной на -i (idzѣ, izѣ при им. ед. igo, polʲi при им. ед. polʲe). Это образованіе восходитъ къ индоевроп. формѣ на -oi̯, гдѣ i̯, повидимому, изъ ī, бывшаго суфф. им. вин. дв. ч. средняго рода въ основахъ на согласныя. Изъ долготы этого ī и объясняется длительное качество дифтонга, на которое указываетъ слав. ѣ. Въ основахъ на согласныя было получено ī, ср. slovesi, imeni (старо-слав. **словєсѣ, имєнѣ**—новообразованія по аналогіи основъ на o); oči, uši могутъ быть объяснены и какъ им. вин. дв. согласныхъ основъ (см. стр. 87).

19) *Родит.-мѣстн. дв. ч.* оканчивался на славянской почвѣ во всѣхъ основахъ на u (orbu, ženu, pǫtiju, kostiju, synovu, kamenu), при чемъ это u изъ индоевроп. -ou̯s, на которое указываетъ древнеинд. яз. При такомъ образованіи этой формы въ индоевроп. праязыкѣ было и другое образованіе на -ou̯, которое считаютъ исконнымъ суффиксомъ мѣстн. дв., а -ou̯s разсматриваютъ какъ старый суффиксъ род. дв.

20) *Дат. отлож. твор. дв. ч.* оканчивался въ общеслав. яз. на -ma во всѣхъ основахъ, ср. orboma, ženama, pǫtьma, kostьma, synъma, kamenьma (по аналогіи основъ на i) и т. д.

*) Нѣкоторая неясность въ исторію качествъ долготы вносится тѣмъ обстоятельствомъ, что въ лит. яз. ė съ длительной долготой (нисходящимъ удареніемъ) получалось и изъ -oi̯ съ прерывистой долгой, ср. -ė въ им. мн., на которое указываютъ прилаг., далѣе въ односложн. мѣстоим. ė съ длительной долготой не переходило подъ самостоятельнымъ удареніемъ въ i, а мѣняло только качество долготы.

И здѣсь въ индоевроп. праязыкѣ было діалектическое различіе: часть діалектовъ имѣла суффиксъ съ bh, на которое указываетъ напр. древнеинд. яз. Въ остальномъ точно трудно опредѣлить звуковой составъ суфф. этого падежа въ индоевроп. праязыкѣ.

c) *Склоненіе мѣстоименій.*

Въ области личныхъ мѣстоименій мы находимъ въ индоевроп. языкахъ: 1) отсутствіе формъ рода; 2) соединеніе въ одинъ парадигмъ формъ отъ различныхъ основъ и 3) частью своеобразныя падежныя окончанія при образованіяхъ безъ падежнаго суффикса.

Им. ед. ч. общеслав. i̯azъ откуда jazъ, azъ, i̯a, ja (ср. старослав. азъ *), болг. язъ, азъ, р. я, древнер. язъ, польск. ja, древнепольск. jaz) представляетъ цѣлый рядъ трудныхъ вопросовъ. Вопервыхъ, другіе родственные языки указываютъ на e въ началѣ соотвѣтств. образованія (ср. лат. ego); предполагаютъ напр. что e въ этомъ словѣ слилось въ одно цѣлое съ частичкой a (мѣстоим. личныя при глаголѣ существовали первоначально только при особыхъ условіяхъ, напр. въ противоположеніи (подъ сильнымъ удареніемъ)—таково мнѣніе Бернекера (Etymolog. Wörterbuch, 35), къ которому склоняется теперь и Бругманъ. Ф. Ѳ. Фортунатовъ (см. Преображенскій, Этимол. словарь русск. яз., I, 3) думаетъ, что нельзя съ увѣренностью утверждать, будто слав. яз. получили здѣсь въ началѣ именно e, такъ какъ до сихъ поръ еще необъяснено, почему въ литовскомъ яз. въ соотвѣтственномъ словѣ (asz) является a въ тѣхъ говорахъ, которые вообще не знаютъ измѣненія начальнаго e въ a; можетъ быть это a не старое e, а старое a краткое, которому по-славянски само по себѣ соотвѣтствуетъ o, долгота же (слав. a есть по происхожденію долгая гласная) могла появиться подъ вліяніемъ tū, откуда далѣе ty (ср. лат. tū). Далѣе, по мнѣнію Ф. Ѳ. Фортунатова, въ общеслав. яз. (j)azъ представляетъ результатъ стяженія jaz (или точнѣе jas вслѣдствіе положенія въ концѣ слова; ср. лит. asz, гдѣ sz (звукъ «ш») изъ k̑, которое вслѣдствіе положенія въ концѣ слова изъ стараго g̑) съ частичкою zъ, той же, что въ предлогѣ be + zъ; какъ при bezъ существовало bez (см. стр. 61), такъ и при (j)azъ существовало (j)az, откуда ja. Такимъ образомъ слав. и балт. языки представляютъ это мѣстоим. безъ гласной ō въ концѣ, которая была получена греч. и лат. яз. (ego изъ egō), равнымъ образомъ не имѣютъ и того элемента въ окончаніи, на который указываетъ древнеиндійскій яз., гдѣ соотвѣтственное образованіе звучитъ ahám, (ср. еще tvám «ты»); древнеинд. h, звонкая или полузвонкая фрикативная гортанная согласная, указываетъ на придыхат. g̑h, не на g̑, на которое указываютъ греч. и лат. яз.

Въ род. ед. мы находимъ mene, tebe, sebe, при чемъ b здѣсь замѣнило v, на которое указываютъ родств. яз. (древнеинд. tava) подъ вліяніемъ b въ дат. ед.; съ mene ср. авестійское mana **). Въ лит. яз. соотвѣтственныя формы въ значеніи вин. ед. звучатъ manè, tavè, savè (напи-

*) Одинъ разъ въ Мар. Ев. (Марк. 11, 29) мы находимъ вѫпрошѫ и ѣзъ (т.-е. ꙗзъ) вы.

**) Древнеинд. máma представляетъ или измѣненіе стараго *mána подъ вліяніемъ m въ 1-мъ слогѣ, или скорѣе старую удвоенную форму, гдѣ ma = индоевроп. me.

саніе съ ę неправильно, такъ какъ здѣсь въ концѣ по указанію діалектовъ именно старое е краткое въ концѣ), а уже и въ общеслав. яз. упомянутыя формы являлись частью и въ значеніи вин. ед.

Латинскіе meī, tuī, suī представляютъ род. ед. соотвѣтственнаго притяжательнаго мѣстоим., а древнелат. mīs, tīs, вѣроятно, восходятъ къ индоевроп. moį, toį, функціонировавшимъ въ роли род., дат., мѣстн. при энклитическомъ употребленіи; -s объяснялось бы какъ новая прибавка подъ вліяніемъ характернаго -s въ окончаніи род. ед. въ многихъ другихъ случаяхъ. Впрочемъ, достовѣрна долгота только въ tīs, для mīs ее предполагаютъ, хотя показанія древней метрической поэзіи сомнительны.

Въ дат. ед. общеслав. mъnѣ (старослав. мьнѣ изъ мънѣ) нѣтъ надобности объяснять ъ путемъ сложныхъ комбинацій (ср. напр. Brugmann, Grundriss II, 2², 188); здѣсь ъ, какъ и u въ литовскомъ діалектическомъ mu- въ началѣ основы (напр. munęs род., mun дат.), по давнишнему указанію Ф. Θ. Фортунатова въ его лекціяхъ, изъ индоевроп. a̯ въ слабомъ звуковомъ видѣ основы мѣстоим. 1-го лица. Общеслав. tebѣ, sebѣ существовали здѣсь при tobѣ, sobѣ (ср. напр. р. тобѣ, собѣ) гдѣ о, повидимому, перенесено изъ твор. ед. Съ общеслав. tebѣ, sebѣ ср. лат. tibī, sibī, откуда tibi, sibi (mihī, tibī, sibī съ долгими і вновь подъ вліяніемъ такихъ формъ какъ illī, «тому», гдѣ не должно было быть фонетическаго сокращенія; і въ лат. яз. объясняется изъ е, а ī изъ стараго дифтонга (ср. sibei въ надпис.). Слав. ѣ само по себѣ не можетъ объясняться изъ eį, а если дѣйствительно было получено въ окончаніи eį, не можетъ быть объясняемо фонетическимъ путемъ; думаютъ о вліяніи дат. ед. ženѣ (въ твор. было старое совпаденіе mъnoją-ženoją). Вообще, однако, само образованіе разбираемой формы не вполнѣ ясно (ср. древнеинд. máhyam, túbhyam). Что же касается общеслав. энклитич. mi, ti, si, то они получились изъ moį, toį, soį съ прерывистой долготой *).

Въ вин. ед. мы находимъ общеслав. mę, tę, sę, полученныя изъ индоевроп. формъ на -ēm, ср. древнеинд. mām, tvām (общеслав. tę представляетъ утрату u̯ послѣ t); лат. mē, tē, sē представляютъ индоевроп. образованіе безъ m въ концѣ, ср. древнеинд. mā, tvā.

Въ старомъ отлож. падежѣ были въ лат. яз. mēd, tēd, sēd, откуда mē, tē, sē, совпадавшія съ mē, tē, sē въ вин. ед. Въ прежнее время склонны были думать, что существующія въ древнелат. яз. и въ вин. ед. mēd, tēd, sēd явились въ результатѣ смѣшенія съ отлож., гдѣ при mēd и т. д. было mē. Однако, какъ указалъ Зоммеръ (Handbuch der latein. Laut- und Formenlehre, § 272), это маловѣроятно, такъ какъ въ вин. mēd и т. д. встрѣчаются съ самаго начала письменной традиціи, когда конечное d послѣ долгой гласной еще не отпало. Его собственное объясненіе этихъ формъ, видящее въ нихъ остатки индоевроп. образованій на d, врядъ ли пріемлемо, такъ какъ другихъ указаній на такое образованіе вин. мы не имѣемъ. По мнѣнію Бругмана (Grundriss II, 2², 415) мы

*) Греч. ἐμοί, σοί не противорѣчатъ старой прерывистой долготѣ, ср. οἷ и далѣе въ мѣстн. ед. ποῖ, ἴσθμοῖ, такъ какъ, будучи старыми энклитиками, являются новыми по ударенію, ср. Brugmann, Griech. Gramm. ⁴290.

имѣемъ здѣсь дѣло съ старымъ стяженіемъ вин. ед. mē и т. д. съ ed, тѣмъ же самымъ, которое является въ ecce «вотъ» изъ ed+ce. Относительно отлож. надо еще замѣтить, что лат. яз. указываетъ здѣсь на долготу гласной, тогда какъ древнеинд. яз. въ соотвѣтственныхъ образованіяхъ имѣетъ краткость (mad, tvad).

Въ твор. общеслав. mъnojǫ, tobojǫ, sobojǫ разсматриваютъ какъ новообразованія по отношенію къ корневой части подъ вліяніемъ род. и дат. ед., равно какъ и въ мѣстн. mъnѣ, tebѣ, sebѣ (tobѣ, sobѣ) видятъ такое же вліяніе, такъ какъ по указаніямъ другихъ языковъ здѣсь звуковой видъ корня былъ, повидимому, индоевроп. mo-, tu̯o-, su̯o-.

Въ формѣ множ. ч. общеслав. my, vy въ им. не имѣютъ вполнѣ точнаго соотвѣтствія въ родств. яз.; въ вин. мн. мы находимъ ny, vy, которыя сопоставляются съ лат. nōs, vōs въ им. и вин. мн. ч. (по происхожденію это вин. мн.); слав ny, vy представляютъ такое же новообразованіе, какъ и формы на -y въ склоненіи основъ ж. р. въ род. ед., им. и вин. мн., гдѣ общеслав. формы на -a(s) замѣнились формами на -ons (см. выше стр. 112); аналогія мѣстоим. и именныхъ формъ на -a(s) была чисто звуковая; изъ вин. -y было перенесено и въ им., такъ что элементъ m въ my является старымъ (на него указываетъ и лат. яз.), а что касается vy, то здѣсь v, вѣроятно, изъ вин. мн., такъ какъ въ мѣстоим. 2-го л. въ им. мн. было получено, повидимому, i̯ (на него указываютъ лит., герм. яз.). Формы ny, vy въ энклит. употребленіи въ дат. пад. отражаютъ старое индоевроп. положеніе дѣла, гдѣ формы nos, vos (съ краткимъ и долгимъ o) были извѣстны въ вин., род. и дат. пад.

Формы род. (не энклитич. вин.) и мѣстн. nasъ, vasъ объясняются изъ соединенія nas, vas (индоевроп. nōs, vōs) съ суффиксомъ -sъ, который въ род. мн. изъ -sōm (ср. общеслав. tѣxъ), а въ мѣстн. мн. изъ -su (ср. tѣchъ).

Въ лат. яз. род. мн. nostrum, vostrum, откуда vestrum, представляетъ род. мн. притяж. noster, voster, vester (въ притяж. мы находимъ род. мн. на -ōrum, который въ древнее время встрѣчается и въ значеніи род. личныхъ мѣст.); въ возвратномъ удерживалось suōrum. Формы nostrī, vestrī по происхожденію род. ед. субстантивированнаго ср. р. возвр. мѣстн. nostrum и т. д. «наше»; въ классич. яз. онѣ примѣняются не въ раздѣлит. значеніи, въ каковомъ употреблялись формы на -um.

Въ дат. мн. namъ, vamъ мы имѣемъ новообразованіе по аналогіи неличныхъ мѣстоим. (tѣmъ) такъ же, какъ и въ род. мѣстн. nasъ, vasъ мы видѣли вліяніе соотвѣтственныхъ формъ того же мѣстоим. Сама основа na, va та же, что и въ дв. ч. Лат. nōbīs, vōbīs представляютъ въ корневой части, вѣроятно, измѣненіе nōz, vōz передъ b изъ bh суффикса; элементъ bh въ этихъ образованіяхъ ср. съ bh, откуда b, въ дат. ед. tibi. а -īs подъ вліяніемъ istīs, ср. въ дат. ед. соотношеніе tibī : istī.

Въ дв. ч. общеслав. vѣ (им. 1-го личн. мѣст.) соотвѣтствуетъ лит. ve въ vèdu «мы оба», гдѣ ve изъ vē; na въ вин. того же мѣст. соотвѣтствуетъ греч. nō (νώ) им. вин., а форма va въ им. вин. 2-го личн. мѣст. соотвѣтствуетъ по происхожденію вин. nō; что же касается прочихъ формъ naju, vaju, nama, vama, то онѣ образованы по общему типу дв. ч. отъ na-, va-. Энклит. формами дат. дв. были na, va.

Отъ основъ личныхъ мѣстоим. образовывались прилагат. съ притяжат. значеніемъ (такъ называемыя притяжат. мѣстоим.) съ обычнымъ склоненіемъ мѣстоименныхъ основъ на i̯o. Общеслав. mojь, tvojь, svojь представляютъ индоевроп. основы moi̯o, tvoi̯o, svoi̯o, ср. лат. meus изъ *mei̯os, tuus изъ teu̯os, suus изъ *seu̯os. Притяж. našь, vašь образованы отъ основы, отвлеченной изъ nasъ, vasъ, по аналогіи прилаг. съ суффиксомъ i̯o (moi̯o разлагалось уже на mo + i̯o, хотя въ дѣйствит. индоевроп. moi̯o изъ moi̯ + o); лат. noster, voster—vester образованы съ суффиксомъ -tero-.

Въ склоненіи мѣстоименій неличныхъ мы остановимся только на тѣхъ формахъ, которыя имѣютъ иное образованіе сравнительно съ соотвѣтственными формами существительныхъ.

Въ им. вин. ед. ср. р. на славянской почвѣ мы находимъ рефлексы стараго образованія этой формы съ -d, рано исчезнувшимъ; общеслав. to, je объясняются изъ индоевроп. tod, i̯od; ср. -d въ лат. яз. въ соотвѣтственной формѣ мѣстоим.: id, quod, hoc изъ hod + ce и т. д.

Въ им. ед. м. р. мы искони находимъ образованія съ -s при болѣе древнемъ типѣ им. м. р. безъ s у основъ на o/e (по остроумной гипотезѣ Боппа им. ед. индоевроп. so былъ лишенъ -s по той причинѣ, что этотъ суффиксъ имен. есть по происхожденію какъ разъ это мѣстоим.). На славянской почвѣ слѣдовъ такого образованія им. не сохранилось, но лат. hic заключаетъ, повидимому, въ своемъ составѣ такой им. he + частичка ce.

Им. вин. мн. ч. ср. р. лат. quae и т. п. указываетъ на старую форму на дифтонгъ; въ мѣстоим. основахъ на i общеслав. si = соотвѣтств. формѣ у именъ существ. съ тѣми же основами.

Въ род. ед. мы находимъ въ мѣстоим. съ основами на o/e индоевр. суффиксъ -si̯o и -so; къ послѣднему восходитъ общеслав. -so въ česo, čьso; что же касается общеслав. окончанія, являющагося вообще въ род. мѣстоименій, то здѣсь врядъ ли мы въ правѣ видѣть общеслав. -go (ср. старослав. того и т. д.), какъ это думаютъ обыкновенно. Ф. Ѳ. Фортунатовъ уже давно въ своихъ лекціяхъ указывалъ на связанныя съ этимъ затрудненія, именно то, что мы находимъ въ славянскихъ языкахъ указанія на придыханіе h въ этой формѣ (ср. русскую форму на -во (пишется -го), гдѣ в вновь развилось между гласными послѣ утраты h (тово изъ toho, тоо, ср. южновелик. формы типа тоо); мы находимъ въ южновелик. и звонкую фрикативную непосредственно изъ придыханія, м. б. стараго, но скорѣе новаго, развившагося вновь между гласными, ср. великор. в въ тово; ср. далѣе кашубское w въ соотвѣтственномъ окончаніи). А. А. Шахматовъ въ своемъ литографированномъ курсѣ лекцій по исторіи русск. яз. (часть 3-я, стр. 240) высказывается въ томъ смыслѣ, что общеслав. -ho (откуда въ части слав. яз. -go) въ этомъ окончаніи получилось вслѣдствіе развитія h между гласными послѣ нефонетической утраты s въ старомъ окончаніи -so подъ вліяніемъ утраты его въ дат. и мѣстн. ед. ч. (см. ниже).

Въ дат. ед. общеслав. образованія типа tomu, jemu представляютъ нефонетическую утрату s передъ m (индоевроп. окончаніе было -smōi̯) подъ вліяніемъ окончанія твор. ед. -mь, гдѣ s никогда не было. Такую же утрату мы находимъ и въ мѣстн. ед. tomь, ср. древнеинд. tásmin.

Въ твор. ед. tѣmь, jimь окончаніе -mь то же, что и въ именахъ, а звуковой видъ корня на oi̯, какъ думаютъ, перенесенъ въ эту форму изъ множ. ч., гдѣ на oi̯ въ косвенныхъ падежахъ, кромѣ вин. мн., указываютъ и другіе языки (tѣchъ, jichъ, tѣmъ, jimъ, tѣmi, jimi); то же и въ дат. твор. дв. tѣma.

Что касается им. мн. ti, то здѣсь мы находимъ исконное мѣстоим. окончаніе, перенесенное и на существ. (см. стр. 111).

Въ ж. р. въ род. tojię (старослав. тоѩ, древнерусск. тоѣ), въ дат. и мѣстн. toji мы находимъ нефонетич. отсутствіе s, полученнаго здѣсь въ составѣ окончанія (ср. древнеинд. tásyās род. ед., tásyai дат. ед.; написаніе y обозначаетъ въ лат. транскрипціи древнеинд. алфавита i̯) подъ вліяніемъ твор. ед. tojǫ (ср. древнеинд. táyā).

Въ множ. ч. и дв. ч. характерныя формы ж. р. сохранились только въ им. вин., въ прочихъ падежахъ то же образованіе, что и въ муж. р.

Въ общеслав. яз. аналогіи мѣстоим. послѣдовали въ склоненіи и нѣкоторыя прилагательныя; ср. притяжат. мѣстоим. mojь и т. д., dъvojь, obojь, trojь, samъ, jedinъ, inъ, dъva, oba, takъ и т. п., sicь, vьsь (изъ *vьchъ).

Въ латинскомъ яз. обращаютъ на себя вниманіе род. ед. типа древнелат. quoius (cuius), eius, которые объясняютъ въ настоящее время какъ прилагат. притяжательныя отъ мѣстоименій, ставшія род. пад.; ср. сохранившееся и въ качествѣ прилаг. quoius (cuius) «чей». Замѣтимъ, что istīus дало istius, a istīus вновь возстановлено подъ вліяніемъ дат. ед. istī. Сами образованія дат. на -ī, какъ istī, по происхожденію формы мѣстн. ед. на -ei̯, получившія значеніе дат. Ср. нарѣчія, по происхожденію мѣстн. ед., heic, hīc и hūc изъ *hoic. Въ дат. eiī (eī), quoiī (quoi, cui) начальные слоги взяты изъ род. ед.

Въ род. мн. было получено окончаніе -sōm (hōrum, eōrum, hārum, eārum), перенесенное и на склоненіе именъ, но обратно мы находимъ въ лат. яз. образованія род. мн. именного типа, ср. eum при eōrum. Вм. oi̯ и его дальнѣйшаго измѣненія, существовавшаго въ этой формѣ въ окончаніи основъ на o (ср. слав. tѣchъ), лат. яз. получилъ ō по аналогіи соотвѣтственной формы ж. р. (eārum).

d) *Склоненіе прилагательныхъ.*

Въ индоевроп. праязыкѣ прилагательныя склонялись какъ соотвѣтственныя основы существ., и такое ихъ склоненіе перешло въ отдѣльные языки; въ общеслав. яз. нѣкоторыя прилагат. перешли въ склоненіе мѣстоименій (см. выше), а кромѣ того, образовалось и еще новое склоненіе прилагательныхъ разныхъ типовъ изъ слiянія въ одно цѣлое формы прилагат. по именному склоненію съ постпозитивнымъ мѣстоименіемъ jь, ja, je въ соотвѣтственной падежной формѣ. Такое употребленіе мѣстоим. въ качествѣ энклитическаго привѣска къ прилагательному ведетъ свое начало изъ балтійскославянской эпохи, но окончательное сліяніе произошло уже въ общеславянскую эпоху. При этомъ произошли нѣкоторыя измѣненія въ самихъ образованіяхъ, сливавшихся въ одно цѣлое.

Въ им. ед. муж. р. (dobrъ-jь, sinь-jь) ъ и ь въ положеніи передъ j измѣнились еще въ общеслав. яз. въ y и i краткія, которыя получались

и изъ старыхъ у и і долгихъ передъ j; на то, что здѣсь были не обычныя ъ и ь и не обычныя у и і, указываетъ ихъ исторія въ отдѣльныхъ языкахъ (ср. старослав. написанія ъ и ы, ь и и для передачи этихъ звуковъ, великор. ихъ измѣненіе въ о и е: злой, третей, ср. мою, пей, вей; при тѣхъ фонетическихъ условіяхъ, при которыхъ исчезли въ русскомъ ъ и ь, исчезали и эти гласныя: мью діалект. ф. при мою, шью, свинья и т. д.; написанія -ый и -ій въ грамм. окончаніяхъ вм. -ой и -ей объясняются вліяніемъ церковнослав. яз., а также тѣмъ, что при положеніи этихъ окончаній безъ ударенія по акающему произношенію о и е подверглись редукціи и обратились въ «сомнительныя» въ орѳографическомъ отношеніи гласныя).

Далѣе, при сліяніи прилаг. и мѣстоим. въ тѣхъ формахъ, гдѣ окончанія обоихъ элементовъ совпадали, само окончаніе прилагат. исчезало, ср. novomь + jimь давало novojimь, novomъ + jimъ давало novojimъ, novѣchъ + jichъ давало novѣjichъ, novamъ + jimъ давало nóvajimъ, novami + jimi давало novajimi, novachъ + jichъ давало novajichъ, novama + jima давало novajima. Подъ вліяніемъ аналогіи со стороны твор. мн. муж. и ср. р., гдѣ было novy + jimi, откуда novyjimi, то же у проникло и въ указанныя формы, при чемъ характерныя формы ж. р. съ а уступили мѣсто формамъ съ у подъ вліяніемъ совпаденія тѣхъ же формъ въ мѣстоименіяхъ; значитъ, получились въ результатѣ novyjimь тв. ед. муж. и ср. р., дат. мн. novyjimъ, мѣстн. мн. novyjichъ, дат. тв. дв. novyjimu. То же novyjichъ является и въ род. мн., гдѣ мы ждемъ изъ novъ + jichъ форму novъjichъ съ дальнѣйшимъ измѣненіемъ ъ въ особое у передъ j. Въ род. ед. ж. р. мы найдемъ dobryję, гдѣ ję вм. jeję подъ вліяніемъ односложныхъ формъ им. ед. dobraja и вин. dobrǫjǫ (гдѣ jǫ старая форма вин. мѣст.). Въ дат. ед. ж. р. dobrѣji мы находимъ такое же нефонетическое сокращеніе мѣстоим., какъ и въ род. ед. (мѣстоим. ф. дат. jeji). Въ тв. ед. ж. р. dobrǫjǫ при dobrojǫ объясняется изъ dobrǫ + (ie)jǫ, а вторая форма изъ dobro(jǫ) + (je)jǫ.

Дальнѣйшія измѣненія стояли въ связи съ исчезновеніемъ j между гласными передъ мягкими гласными, но явленія ассимиляціи и стяженія гласныхъ, происходившія въ связи съ утратою между ними j, мы разсмотримъ уже во 2-й части курса.

15. Основы формъ спряженія.

1) *Формы спряженія.* Формами спряженія, т.-е. формами словоизмѣненія глагола, называемаго спряженіемъ, были въ индоевроп. праязыкахъ: 1) формы наклоненія, 2) формы времени, 3) формы лица. Формами словообразованія въ индоевроп. глаголѣ были: 1) формы вида и 2) формы залога (см. «Введеніе», 4-ое изд., стр. 146).

Формами наклоненія и времени обозначались различія въ самомъ сужденіи относительно сочетанія признака, обозначаемаго глагольной основой, съ субъектомъ, а потому глаголъ въ этихъ формахъ становился грамматическимъ сказуемымъ (ср. «Введеніе», 4-ое изд., стр. 153 сл.).

Что же касается формъ лица, то ими обозначались различія въ субъектахъ даннаго признака, обозначаемаго глагольной основой [1-ое лицо— лицо говорящее, 2-ое л. — лицо, къ которому обращаются съ рѣчью, и 3-ье л. — не лицо рѣчи, т.-е. предметъ, о которомъ говорятъ, предметъ рѣчи (въ широкомъ смѣслѣ этого термина)]; такъ какъ въ словахъ, обозначавшихъ субъекты признаковъ, различались въ праязыкѣ три формы числа (единств., двойств. и множеств.), то и въ формахъ лица въ глаголѣ обозначались соотвѣтственно количественныя различія въ субъектахъ (одинъ, двое или неопредѣленное множество).

Формы наклоненія. Формою косвеннаго наклоненія—сочетаніе признака, обозначаемаго глаголомъ, съ субъектомъ этого признака обозначалось какъ представляемое въ мысли лица, говорящаго въ данное время. При этомъ формою сослагательнаго наклоненія это сочетаніе обозначалось какъ ожидаемое съ увѣренностью или требуемое настоятельно. Формою желательнаго наклоненія это сочетаніе обозначалось какъ ожидаемое безъ увѣренности или какъ только желаемое. Формою повелительнаго наклоненія данное сочетаніе обозначалось какъ требуемое или просимое отъ другого лица въ рѣчи повелительной или просительной. Формою прямого, иначе изъявительнаго наклоненія сочетаніе признака, обозначаемаго глагольною основою, съ субъектомъ этого признака, не обозначалось какъ представляемое въ мысли говорящаго, а потому могло обозначаться и какъ дѣйствительно наличное въ данное время.

Формами времени, существовавшими въ формѣ прямого наклоненія, обозначались различія въ сужденіи говорящаго относительно сочетанія признака, обозначеннаго глаголомъ, съ субъектомъ этого признака, по отношенію къ времени рѣчи. Форма прошедшаго времени обозначала данное сочетаніе какъ существовавшее въ прошедшемъ времени по отношенію къ моменту данной рѣчи; формою будущаго времени, поскольку эта форма существовала въ праязыкѣ (см. ниже), данное сочетаніе обозначалось какъ будущее по отношенію къ времени данной рѣчи; формою же настоящаго времени данное сочетаніе обозначалось: 1) какъ существующее въ моментъ рѣчи и 2) какъ такое, которое бываетъ обыкновенно, бываетъ въ различныя времена; здѣсь уже не было значенія собственно настоящаго времени, а значеніе общее,—прямого наклоненія, ср. въ русск. яз. «птица летаетъ», т.-е. вообще имѣетъ способность летать и «птица летаетъ» именно въ данное время у меня въ комнатѣ и т. д.

Формами вида обозначались въ признакѣ, обозначаемомъ глагольною основою, различія по отношенію къ существованію, къ проявленію даннаго признака во времени. Формою вида перфективнаго данный признакъ обозначался въ состояніи полноты проявленія во времени, частью какъ результатъ предшествующаго дѣйствія, формою вида имперфективнаго—безъ отношенія къ полнотѣ. Въ формѣ вида имперфективнаго различались: форма вида длительнаго, обозначавшая въ признакѣ длительность его существованія, и форма вида недлительнаго, обозначавшая его безъ отношенія къ длительности. Форма настоящаго времени вида перфективнаго называется иначе перфектомъ; форма настоящаго времени длительнаго вида—презенсомъ (praesens); форма прошедшаго времени дли-

тельнаго вида—имперфектомъ и форма прошедшаго времени недлительнаго вида—аористомъ.

Формами залога обозначались различія въ характерѣ отношенія даннаго признака, обозначаемаго глагольной основой, къ субъекту этого признака. Форма дѣйствительнаго залога въ индоевроп. праязыкѣ представляла отсутствіе характернаго значенія формы другого, такъ называемаго средняго залога (medium), характеризовалась, слѣдовательно, чисто отрицательнымъ признакомъ, а форма средняго залога обозначала, что субъектъ и признакъ, обозначаемый глагольной основой, находятся еще въ другомъ отношеніи, кромѣ обычнаго отношенія дѣйствія, т.-е. была формою возвратнаго залога. Она обозначала, что субъектъ дѣйствія является въ то же время и его объектомъ или что дѣйствіе имѣетъ ближайшее къ нему отношеніе (совершается для него, его средствами и т. п.). Можетъ быть, въ праязыкѣ существовало и другое значеніе этого залога, развивавшееся изъ общаго возвратнаго, а именно значеніе общее непереходное.

Причастія—это отглагольныя прилагательныя, имѣющія общія съ глаголомъ словообразовательныя формы, а въ индоевроп. праязыкѣ они имѣли именно общія съ глаголомъ формы вида и залога. Основы причастій, принадлежавшія къ основамъ склоняемымъ, нами уже разсмотрѣны въ числѣ этихъ послѣднихъ.

Неопредѣленныя формы глагола. Дѣепричастія. Въ отдѣльныхъ индоевроп. языкахъ въ теченіе отдѣльнаго ихъ существованія происходила утрата тѣхъ или другихъ формъ глагола и глагольныхъ именъ, происходили перемѣщенія и передвиженія въ отдѣльныхъ категоріяхъ, а также возникали новыя образованія и цѣлыя новыя категоріи. Такъ, русск. яз. утратилъ сохранявшіяся въ немъ нѣкогда формы аориста и имперфекта, двойственное число и т. д., но, съ другой стороны, въ немъ возникло, напримѣръ, на почвѣ еще общеславянской сложной формы новое образованіе формы прошедшаго времени уже безъ вспомогательнаго глагола (я дѣлалъ вм. стараго дѣлалъ есмь и т. п.). Особо слѣдуетъ замѣтить появленіе въ отдѣльныхъ языкахъ инфинитива и супина, ошибочно называемыхъ неопредѣленнымъ и достигательнымъ наклоненіемъ; по происхожденію это извѣстные падежи отглагольныхъ существительныхъ, застывшіе по утратѣ прочихъ формъ склоненія.

Общеславянскій инфинитивъ на -ti надо считать старымъ дат. пад. отглагольнаго существ. съ основой на ti; такимъ образомъ, напримѣръ, инфинит. zna-ti есть дат. пад. отглагольнаго существит. znatь, ср. русск. неопред. знать изъ знати и существ. знать съ развившимся дальше значеніемъ.

Латинскіе инфинитивы (или неопредѣленныя формы глагола) по происхожденію принадлежатъ къ слѣдующимъ категоріямъ: 1) инфинитивы на -se съ его фонетическими варіантами (es-se «быть», velle «хотѣть» изъ *u̯el-se, ferre «нести» изъ fer-se, da-re «давать» изъ *da-se, lege-re «собирать, читать» изъ *lege-se и т. п.) по происхожденію *) мѣстн.

*) Сюда же принадлежатъ и инфин. прош. вр. типа dīxisse, гдѣ окончаніе -se является у основы на -is-, входившей въ составъ спряженія перфекта; dīxe скорѣе сокращеніе этой формы, а не самостоятельное образованіе отъ основы dīx.

ед. сигматическихъ основъ, гдѣ -e изъ ī (см. стр. 21); 2) формы на -ī, не имѣвшія искони медіопассивнаго значенія и лишь впослѣдствіи вошедшія въ систему этого спряженія, являются дат. пад.: ag-ī, fun-dī изъ *ag-ai, *fund-ai, ср. agit «гонитъ», fundit «льетъ»; въ глаголахъ 1, 2 и 4 спр. окончанію ī предшествуетъ еще r: amā-rī, monē-rī, fīnī-rī, которое по происхожденію, кажется, надо отдѣлять отъ r изъ s въ инфин. на -re и отожествлять съ тѣмъ r, которое распространено въ окончаніяхъ латинской страдат. формы; архаическія формы на -ier вм. -ī до сихъ поръ еще не разъяснены окончательно по ихъ происхожденію, несмотря на цѣлую литературу по этому вопросу.

Сложеніями являются латинскіе инфинитивы съ значеніемъ прош. и буд. вр. страд. залога, напр. datum esse и datum īrī; въ послѣднемъ въ составъ формы вошелъ супинъ + инфинит. глагола eō «иду»; это образованіе принадлежитъ по происхожденію къ описательному спряженію datum eō «я иду давать = я хочу, я буду давать». Сложеніемъ же является и инфин. на -tūrum, который въ старое время употреблялся безъ esse и безъ измѣненія относился къ подлежащему ж. р. и множ. ч.; слѣдовательно, это не есть форма на -um прич. буд. вр.; обыкновенно ее объясняютъ изъ сложенія супина на -ū съ инфин. *erom изъ *esom отъ глагола «быть», извѣстномъ какъ ezum у осковъ и erum у умбровъ и исчезнувшемъ въ отдѣльномъ видѣ въ лат. яз.; въ позднѣйшей латыни къ формѣ на -ūrum еще разъ присоединили esse, а само -tūrum, отожествленное съ прич. на -tūrus стало согласоваться въ родѣ и числѣ съ подлежащимъ.

С у п и н ъ выдѣляется изъ общей категоріи неопредѣленныхъ формъ глагола въ особую группу по своему значенію и употребленію. Въ латинск. яз. различаютъ: 1) супинъ на -tum, по происхожденію вин. ед. отглагольнаго существ. на -tu, примѣняющійся послѣ глаголовъ движенія для обозначенія цѣли, напримѣръ, cubitum īre «идти спать» и 2) супинъ на -tū, по происхожденію мѣстн. ед. (съ латинск. точки зрѣнія дат. ед.) тѣхъ же именъ, напримѣръ, facile dictū «легко сказать»; въ древнѣйшей латыни извѣстны супины этого типа и на -uī, т.-е. съ обычнымъ окончаніемъ дат. ед. 4-го склоненія (см. стр. 108).

Въ общеслав. яз. супинъ на -тъ соотвѣтствуетъ и по происхожденію, и по употребленію латинскому супину на -tū; ср. старослав. **придє пролитъ кръвє своєѩ**, гдѣ род. ед. дополненія объясняется изъ стараго именного значенія супина. Въ настоящее время супинъ сохраняется на славянской почвѣ только у словенцевъ и нижнихъ лужичанъ.

Что касается дѣепричастій, то это отглагольныя прилагательныя (именно причастія), утратившія свои формы склоненія и застывшія въ опредѣленной падежной формѣ. Въ общеслав. яз. дѣепричастій еще не было, и развитіе этой категоріи приходится на долю отдѣльныхъ славянскихъ языковъ. Въ языкѣ старославянскомъ дѣепричастій мы не находимъ, но имѣемъ самостоятельную причастную конструкцію въ дат. пад. (dativus absolutus), которая возникла не безъ вліянія греческаго языка, гдѣ мы имѣемъ родительный самостоятельный. Генезисъ этого оборота легко видѣть, напримѣръ, въ такомъ случаѣ, какъ **Ісоусъ рєчє имъ съходѧштємъ съ горы**, гдѣ ясна еще зависимость дат. **имъ**, опредѣляемаго причастіемъ,

отъ рече; съ теченіемъ времени **имъ сходѧщемъ** слилось въ сознаніи въ одно цѣлое, не зависящее уже отъ глагола **рече**, и стало пониматься какъ эквивалентъ выраженія «когда они сходили»; отсюда понятно, что данный оборотъ появлялся и тамъ, гдѣ для него исторически не было мѣста, ср. **Исоусоу рождьшю сѧ... се вълсви отъ въстокъ придошѧ.**

Въ лат. яз. ablativus absolutus развился подобнымъ же образомъ изъ конструкціи инструментальнаго значенія (различныхъ оттѣнковъ), ср. quassante capite tristēs incēdunt «съ трясущейся головою они печально выступаютъ».

2) *Основы формъ времени.* а) *Общія замѣчанія* Основы формъ времени въ индоевропейскомъ праязыкѣ эпохи его распаденія представляли извѣстныя различія и въ видовомъ значеніи, при чемъ само соотношеніе этихъ двухъ категорій (формъ времени и вида) было таково, что заставляетъ предполагать наличность двухъ слоевъ, хронологически различныхъ: на болѣе исконномъ фонѣ видовыхъ различій, связанныхъ съ самимъ образованіемъ основы и лишь отчасти затѣмъ перенесенныхъ по аналогіи и дальше, развились различія по формамъ времени. Иначе для насъ былъ бы непонятенъ тотъ фактъ, что извѣстныя формы времени связаны съ извѣстными видовыми значеніями. Такъ, настоящее время длительнаго вида есть такъ называемая форма презенса (praesens), прошедшее время того же вида есть имперфектъ (imperfectum), прошедшее время недлительнаго вида есть аористъ (aoristus), настоящее время перфективнаго вида называется перфектомъ (perfectum). О формѣ будущаго времени см. отдѣльно ниже. Въ отдѣльныхъ языкахъ старыя соотношенія лучше всего сохранились въ древнеиндійскомъ и древнегреческомъ языкѣ. Въ языкѣ общеславянскомъ часть старыхъ формъ исчезла и взамѣнъ исчезнувшихъ видовыхъ различій создались новыя соотношенія, начало которыхъ восходитъ къ балтійскославянской эпохѣ. Въ латинскомъ яз. старыя образованія въ значительной степени также уступили мѣсто новымъ соотношеніямъ.

Что касается различій между формами времени въ самомъ индоевроп. праязыкѣ, то формы прошедшаго времени представляли: 1) особые личные суффиксы; 2) имѣли особое частичное слово (приращеніе, аугментъ), индоевроп. e, сливавшееся съ глаголомъ въ одно цѣлое, если онъ начинался тоже съ e краткаго; 3) различіе между имперфектомъ и аористомъ опредѣлялось самимъ образованіемъ основы. Что касается 1 и 2 пунктовъ, то и общеславянскій, и латинскій яз. уже не представляютъ послѣдовательно проведеннаго различія по личнымъ суффиксамъ и вообще утратили аугментъ (древнеиндійскій языкъ сохранилъ оба отличія, тогда какъ въ греч. яз. различіе въ суффиксахъ частью исчезло; ср. древнеинд. bhárā-mi, bhára-si, bhára-ti «несу, несешь, несетъ» и á-bhara-m, á-bhara-s, á-bhara-t «я несъ, ты несъ, онъ несъ», гдѣ начальное a изъ индоевроп. e есть приращеніе). Далѣе, старое образованіе имперфекта уже не существовало въ общеслав. яз. какъ особая категорія, а въ латинск. яз. сверхъ того исчезъ и старый аористъ, смѣшавшійся съ перфектомъ въ одной новой формѣ, называемой въ латинской грамматикѣ перфектомъ. Форма перфекта, отличаясь особымъ образованіемъ основъ, представляла и особые личные суффиксы. Старый перфектъ, какъ особая категорія, исчезъ въ обоихъ разсматриваемыхъ языкахъ.

Что касается различія въ образованіи основъ, то опять соотношеніе самихъ фактовъ въ эпоху распаденія заставляетъ предполагать болѣе древнюю стадію, когда различные типы основъ распредѣлялись въ категоріи по какимъ-то инымъ признакамъ, иначе для насъ было бы непонятно, что, по крайней мѣрѣ, отчасти въ различныхъ формахъ мы находимъ соединеніе характерныхъ для даннаго типа основъ съ нехарактерными (напримѣръ, въ перфектѣ, см. ниже), да и въ первыхъ мы находимъ отчасти такіе признаки, которые извѣстны и въ другихъ категоріяхъ.

По отношенію къ самому происхожденію мы должны отличать въ индоевроп. праязыкѣ глагольныя основы производныхъ глаголовъ отъ основъ глаголовъ непроизводныхъ. Первыми въ тѣсномъ смыслѣ этого термина называются только такія основы, которыя въ эпоху распаденія праязыка были въ непосредственномъ соотношеніи съ другими глагольными или именными основами, отъ которыхъ они образовались (ср., напримѣръ, лат. fīniō «кончаю» при fīnis «конецъ», слав. **конча҄ѭ** при **конь** или **съ-бираѭ** при **берѫ** и т. д.).

По отношенію къ различію въ конечномъ звукѣ основы и вмѣстѣ съ тѣмъ по отношенію къ извѣстному различію въ образованіи основъ формъ лица различались въ праязыкѣ основы тематическія, т.-е. основы, оканчивавшіяся на e/o (гласная o являлась въ 1 лицѣ ед. ч., 1 л. дв. ч., 1 л. мн. ч. и 3 л. мн. л.) и основы нетематическія, не оканчивавшіяся на e/o. Основы перваго типа не имѣли чередованія звуковыхъ видовъ основы въ формахъ лица, а основы 2-го типа представляли вообще сильный звуковой видъ въ 1-омъ, 2-омъ и 3-емъ л. ед. ч. praes. и imperf. дѣйств. залога, при чемъ удареніе падало здѣсь на корень, въ прочихъ формахъ лица являлся слабый звуковой видъ корня и удареніе падало на личное окончаніе, это соотношеніе лучше всего сохранилось въ древнеинд. яз.: ср. древнеинд. ásmi, ási, ásti «есмь, еси, есть», но smás, sthá, sánti «есмы, есте, суть». Съ другой стороны, ср. древнеинд. bhárāmi, bhárasi, bhárati, bhárāmas, bháratha, bháranti «несу и т. д.» съ сильнымъ звуковымъ видомъ корня во всѣхъ формахъ лица; girā́mi, girási, giráti, girā́mas, giráthа, giránti «поглощаю и т. д.» съ слабымъ звуковымъ видомъ по всѣмъ формамъ лица, ср. старослав. основу **жьре**. Въ общеслав. яз. гласная o въ окончаніи основы тематическаго спряженія тамъ, гдѣ она не обратилась въ носовую гласную вмѣстѣ со слѣдующей носовой гласной, была замѣнена гласною e подъ вліяніемъ основъ типа **пишѫ**, **глаголѭ**, гдѣ въ положеніи послѣ мягкаго неслогового звука o измѣнилось фонетически въ e. Ср. старослав. **беремъ**, **беревѣ**, но **берѫ**, **берѫтъ**, **берѫть**. Въ формѣ аориста, гдѣ такого вліянія не могло быть, гласная o сохранилась и въ 1-мъ л. дв. и мн. ч., ср. старослав. **моговѣ**, **могомъ**.

b) *Основы настоящаго времени*. Въ основахъ настоящаго времени въ общеслав. яз. мы прежде всего различаемъ основы тематическія и основы нетематическія. Послѣднія представлены незначительнымъ количествомъ примѣровъ, тогда какъ въ индоевропейскомъ праязыкѣ такихъ основъ какъ корневыхъ, такъ и съ основообразовательными примѣтами было значительное количество. Равнымъ образомъ латинскій яз. представляетъ значительныя утраты въ этомъ отношеніи. Общая черта различ-

ныхъ индоевропейскихъ языковъ состоитъ вообще въ упрощеніи типовъ спряженія въ отношеніи стараго различія между двумя большими классами основъ настоящаго времени.

Къ остаткамъ нетематическаго спряженія на славянской почвѣ принадлежатъ: общеслав. jes-mь, jѣ-mь, da-mь, vѣ-mь; сюда же принадлежало также ima-mь.

Корень перваго глагола индоевроп. es въ сильномъ звуковомъ видѣ, въ слабомъ звуковомъ видѣ *a*s *), s (ср. стр. 29), на славянской почвѣ слабый звуковой видъ сохранился въ 3-мъ л. мн. ч. sǫtь, гдѣ сама основа уже не корневая нетематическая, а тематическая на о (sǫtь изъ so-nti), а также въ причастіи sy, образованномъ тоже по тематическому типу. По указаніямъ родственныхъ языковъ тематическія формы отъ корня es/s восходятъ, повидимому, хотя бы частью, уже къ эпохѣ распаденія празыка. Относительно 2-го л. jesi надо замѣтить, что уже въ самомъ празыкѣ при болѣе старомъ es-si уже существовало діалектически esi.

Глагольный корень ēd «ѣсть» извѣстенъ изъ другихъ индоевроп. языковъ съ краткимъ е (ср. лат. edō), что же касается балт.-слав. ē (ср. лит. ėdmi «ѣмъ» съ нисходящимъ удареніемъ на корнѣ), то его объясненіе спорно: одни ученые видятъ въ этомъ ē протяженный звуковой видъ, другіе, идя за Бругманомъ, принимаютъ старое сложеніе е, ē + корень dō «давать», такъ что первоначальное значеніе было бы «давать себѣ, т.-е. брать пищу»; самый корень dō, понятно, приходится видѣть здѣсь въ слабомъ звуковомъ видѣ съ утратою неопредѣленной гласной (ср. стр. 20).

Что касается слав. основы dad- (da-mь изъ dad-mь, см. стр. 44), то это корневая удвоенная основа, при чемъ по указанію родственныхъ языковъ (древнеинд. dá-dā-mi «даю», da-d-más «даемъ», греч. dí-dō-mi, δίδωμι) это старое индоевроп. образованіе, подвергшееся измѣненію въ одномъ пунктѣ: въ слогъ удвоенія внесена гласная ō, слав. а, изъ другихъ образованій отъ этого корня (da-ti и т. п.) въ виду утраты сознанія, что *ded- есть старая удвоенная основа **).

Общеслав. vѣ-mь изъ vѣd-mь представляетъ по происхожденію старую перфективную основу, сохранившую также и старое образованіе 1-го л. ед. ч. (см. ниже), старослав. вѣдѣ.

Общеслав. imamь при imѣjǫ есть, по обычному мнѣнію, остатокъ стараго нетематическаго спряженія основъ, оканчивавшихся на ā; однако, это скорѣе новобразованіе; корень этого глагола тотъ же, что и лат. emō «покупаю», только на слабой звуковой ступени.

Въ лат. яз. мы должны отмѣтить, что корень es по аналогіи 3-го л. мн. ч. (общелат. sonti ***), откуда лат. sont, sunt), получилъ новообразованіе: 1-ое л. ед. ч. sum, 1-ое л. мн. ч. sumus. Причастіе по нетематическому типу сохранилось только въ сложеніи: ср. praesens «присут-

*) Этотъ звуковой видъ корня съ слоговой ирраціональной гласной м. б. сохранился въ прилагат. istъ и т. д., гдѣ і изъ jь, а ь изъ ирраціональной гласной.

**) Замѣтимъ, что старослав. дєждѫ есть основа на jo отъ ded-, представляющаго удвоенную основу отъ корня dē, индоевр. dhē „класть, ставить".

***) Въ яз. осковъ и умбровъ сохранилось старое индоевроп. s-ent по нетематическому спряженію. Лат. est. старая нетематич. форма, равно какъ и estis, гдѣ es вм. s новое.

ствующій», absens «отсутствующій». Форма 2-го л. ед. ч. es изъ es-si съ утратою конечнаго i и упрощеніемъ долгаго s; у Плавта es имѣетъ еще значеніе долгаго слога, что указываетъ на произношеніе ess.

Корень глагола «ѣсть» въ классич. лат. яз. спрягается въ наст. вр. исключительно по тематическому типу въ формахъ 1-го л. ед. ч., 1-го л. мн. ч. и 3-го л. мн. ч. наст. вр.: edō, edimus, edunt; старыя нетематическія формы сохранились тамъ, гдѣ суффиксъ непосредственно примыкаетъ къ корню: es—2-ое л. ед. ч., est—3-ье л. ед. ч., estis—2-ое л. мн. ч.; по нетематичесиому спряженію могутъ идти далѣе повелит. форма, кромѣ 3-го л. мн. ч., неопред. форма и имперфектъ сослагательнаго наклоненія (es, este, estō, estōte, essem) и наст. сослаг. edim (старое желат. накл,); что касается формы повелит. es, то она вм. ожидаемаго *ed подъ вліяніемъ глагола «быть»; долгота ē въ формахъ нетематич. типа глагола edō, отличающая ихъ отъ соотвѣтственныхъ формъ глагола «быть», выдумка грамматиковъ.

Старыми нетематическими формами отъ корня индоевроп. bher (ср. слав. берѫ) могутъ быть образованія 2-го л. ед. ч. fers, 3-го л. ед. ч. fert, 2-го л. мн. ч. fertis (ср. еще повелит. форму fertō), хотя возможно эти формы объяснять отъ тематическихъ образованій, утратившихъ гласную e (ср. стр. 15).

Глагольный корень u̯el «хочу» сохранилъ старыя нетематическія формы 1-го л. ед. ч. volō (изъ velo), 3-го л. ед. ч. volt, vult, 2-го л. мн. ч. voltis, vultis; 2-ое л. ед. ч. мы ждали бы *vel съ долгимъ l изъ *velsi, *vels, *vell (частичку vel съ этимъ *vel отожествлять не приходится, ибо въ языкѣ метрическихъ поэтовъ не сохранилось слѣдовъ долготы l, которая неминуемо должна была бы сказаться), а данное намъ vīs представляетъ образованіе отъ другого корня, именно u̯ei «стремиться, желать» (древн. эпиграфич. форма разсматриваемаго образованія vois). Глаголъ nōlō образовался изъ стяженія *neu̯elō, а mālō изъ māvolō (еще у Плавта) и далѣе *magevolō съ утратою e.

Спряженіе глагольнаго корня ei/i «идти» (на славянской почвѣ тематическая основа въ idǫ и т. д.) представляетъ старыя формы: īs—2-ое л. ед. ч., it съ сокращеніемъ долготы (см. стр. 19) — 3-ье л. ед. ч.: īmus—1-ое л. мн. ч. и ītis—2-ое л. мн. ч., страд. 3-ье л. ед. ч. ītur; новообразованіе здѣсь только въ томъ, что въ множ. ч. вмѣсто стараго слабаго звукового вида корня внесенъ сильный видъ съ старымъ дифтонгомъ. 1-ое л. ед. ч. eō изъ *ei̯ō и 3-ье л. мн. ч. eunt изъ *ei̯ont представляютъ обычное тематическое образованіе.

Отъ глагольнаго корня dō «давать» къ старымъ нетематическимъ формамъ (съ утратою удвоенія) восходятъ формы damus, datis съ слабымъ звуковымъ видомъ; dās, dat не формы съ сильнымъ звуковымъ видомъ, гдѣ было ō, а новообразованія по качеству гласной подъ вліяніемъ мн. ч. (dat съ сокращеніемъ a); форма 3-го л. мн. ч. dant есть новообразованіе по общему шаблону спряженія (мы ждали бы *dent, ср. старослав. дадѧть).

Замѣчу еще, что глаголъ possum «могу» есть сложеніе глагола sum «есмъ» съ существит. potis «господинъ, супругъ», ставшимъ несклоняемымъ прилагательнымъ съ значеніемъ «тотъ, кто можетъ» и получи-

шимъ средній родъ pote; potest изъ *pote est, possum изъ *pote sum и т. д.; въ старой латыни были еще формы potis es, potis est.

Въ основахъ **тематическаго типа** мы прежде всего остановимся на образованіяхъ класса nesǫ, vezǫ, лат. vehō и т. п. Въ индоевроп. праязыкѣ эти основы распадались на два класса: А) съ сильнымъ звуковымъ видомъ корня (притомъ съ гласною e, если въ корнѣ было e, чередовавшееся съ o) и В) съ слабымъ звуковымъ видомъ корня. Классъ А представлялъ длительное значеніе въ отличіе отъ класса В, имѣвшаго значеніе недлительное (аористическое), хотя, повидимому, уже въ эпоху распаденія праязыка основы класса В переносились и въ настоящее время (praesens); такимъ образомъ значительное количество такихъ основъ презенса въ древнеинд. яз., по крайней мѣрѣ, отчасти было бы наслѣдіемъ еще праязыка. Въ общеслав. яз. старыя видовыя значенія исчезли въ связи съ развитіемъ новыхъ соотношеній, о чемъ см. ниже. Первоначальное распредѣленіе ударенія было то, что въ классѣ В удареніе падало на гласную окончанія основы, что сохранилось довольно хорошо въ древнеинд. яз., въ греч. яз. только отчасти въ извѣстныхъ формахъ аориста; въ общеслав. яз. удареніе всюду падало на гласную окончанія основы за исключеніемъ 1-го и 2-го л. мн. ч. Примѣры: А) общеслав. berǫ, лат. ferō (о формахъ по нетематическому типу см. выше, стр. 128); общеслав. plovǫ изъ plevǫ, лат. pluit «идетъ дождь» изъ *plovit, *plevit (первоначально pluit могло получиться безъ ударенія, въ сложеніи, а затѣмъ этотъ звуковой видъ распространился вообще; лат. dīcō изъ deicō «говорю»; общеслав. blʲudǫ (см. стр. 26); лат. doucō, dūcō «веду»; общеслав. bergǫ, старослав. брѣгѫ, р. берегу; лат. vertō «поворачиваю, поворачиваюсь»; лат. coquō изъ *quequō «варю», ср. общеслав. pekǫ (въ лат. яз. начальное qu замѣнило старое p такъ же, какъ и въ числит. «пять», см. стр. 14); съ гласными другихъ рядовъ чередованія являются, напримѣръ, лат. alō «питаю», agō «гоню, веду», старослав. ꙃовѫ (здѣсь o по указаніямъ родственнымъ языковъ изъ a); общеслав. běgǫ представляетъ протяженный звуковой видъ (ср. греч. fébomai, φέβομαι, указывающее на старое e); В) общеслав. mьrǫ, pьnǫ (сравн. сущ. o-pona); такія образованія, какъ vijǫ могли бы быть причислены сюда, но скорѣе это образованія типа А (ср. литовское vejù); ср. далѣе слабый звуковой видъ въ старослав. пьцн, тьцн, рьцн, жьꙃн (раждьꙃѣтє) при пєкѫ, тєкѫ и т. д. (ср. стр. 28); въ лат. яз. ср. scidit (по происхожденію 3-ье л. аориста, вошедшее въ составъ лат. перфекта) при наст. вр. scindō «разрѣзаю, разрываю»; лат. vortō, откуда позже vertō, но, повидимому, лат. яз. получилъ изъ общеитал. яз. и съ сильнымъ звуковымъ видомъ vertō (ср. умбрское couertu); съ латинскимъ слабымъ звуковымъ видомъ корня vort- ср. старослав. врьт- въ неопр. врьтѣтн. Типъ bodǫ—bosti съ гласной o въ корнѣ, имѣющемъ, по указанію родственныхъ языковъ e (ср. лит. bedù при badù), довольно распространенный въ литовскомъ яз. (гдѣ мы находимъ, понятно, a), представляетъ новообразованіе; гласная o внесена сюда изъ утраченной формы перфекта.

Основа инфинитива при разсмотрѣнномъ типѣ основъ настоящаго времени является въ общеслав. яз. 1) безъ всякаго словообразовательнаго

элемента (vedǫ—vesti, nesǫ—nesti, plovǫ—pluti и т. п.), 2) съ элементомъ **а** изъ индоевроп. ā, обыкновенно въ соединеніи съ слабымъ звуковымъ видомъ корня (berǫ—bьrati, zovǫ—zъvati, ženǫ—gъnati), но ср. старослав. **ковати** при **ковѫ.** Отмѣтимъ еще соотношеніе: слабый звуковой видъ корня въ наст. вр. mьrǫ, žьrǫ и сильный его видъ въ корневомъ неопред. merti, žerti и т. п.; такіе типы, какъ pьnǫ—pęti принадлежатъ сюда же, такъ какъ при слабомъ звуковомъ видѣ корня въ неопред. мы ждали бы *pьti, такъ какъ старое мѣсто ударенія было на окончаніи по указанію сербскаго пėти (см. стр. 32).

Въ основахъ тематическаго спряженія въ праязыкѣ были различнаго рода основы, гдѣ элементъ o/e былъ вь окончаніи основообразовательнаго элемента; объ основахъ съ носовымъ элементомъ и элементомъ i̯o дальше будетъ говориться особо, а пока я отмѣчу нѣкоторыя указанія, сохранившіяся въ слав. и лат. яз., на старыя образованія съ различными словообразовательными элементами; такъ, слав. **идѫ** представляетъ при неопред. **и-ти** основу съ старымъ элементомъ do или dho (славянскіе яз. этого не рѣшаютъ, а въ праязыкѣ существовали оба эти элемента); ср. лат. cūdō «бью, бью молотомъ», ср. слав. **коуѭ**; лат. gaudeō «радуюсь» изъ *gāu̯ideō (ср. gāvīsus sum) по указанію греч gēthéō (γηθέω) имѣетъ d изъ dh; лат. vīsō «осматриваю, посѣщаю» изъ *u̯eid-sō имѣетъ основу съ элементомъ so (а s встрѣчался въ праязыкѣ въ формальномъ элементѣ и основъ praes., не только сигматическаго аориста); лат. gignō «рождаю» (ср. genuī), sīdō изъ *si-zd-ō «сажусь» и нѣк. др. представляютъ остатки старыхъ тематическихъ основъ съ удвоеніемъ; лат. plectō и слав. **плєтѫ** съ фонетическою утратою k передъ t еще въ общеслав. яз. (ср. стр. 52) представляютъ старыя основы съ to; ср. еще старослав. **растѫ**, общеслав. orstǫ, гдѣ, повидимому, мы имѣемъ корень ord, ср. лат. arduus «крутой, высокій»; элементъ sko, являющійся въ слав. **искати, ищѫ**, въ лат. яз. представленъ многочисленными примѣрами (poscō «требую» изъ *porcscō, ср. древневерхненѣм. forsca «вопросъ»; hīscō (при hiāscō), ср. старослав. **ʒѣѭ**) и стали источникомъ для цѣлаго ряда глаголовъ на -āscō, -ēscō, -īscō (частью съ ī, частью съ i) съ начинательнымъ значеніемъ, ср. labāscō при labō «шатаюсь», rubēscō при rubeō «я красенъ», obdormīscō при dormiō «сплю» и т. п.; лат. vīvō, слав. **живѫ** при **жити** представляютъ элементъ u̯o.

Общеслав. основы настоящаго времени на -nǫ въ 1-мъ л. ед. ч., частью на -nǫti въ неопредѣленномъ, представляютъ собою индоевропейскія образованія съ суффиксомъ основы на no/ne, при чемъ въ общеслав. яз., повидимому, еще не было того положенія, какое мы находимъ въ старослав. яз., гдѣ элементъ nǫ является постояннымъ въ неопредѣлен. и супинѣ, кромѣ глагола **станѫ—стати**; ср., однако, въ сербск. яз. неопред. д(в)йћи при старослав. **двигнѫти.** Форма имперфекта имѣетъ носовой элементъ (**съхнѣахъ**), а въ аористѣ и причастіяхъ прош. вр. мы находимъ носовой элементъ при окончаніи самого корня на гласную, но въ памятникахъ встрѣчаются случаи распространенія носового элемента и на глаголы, оканчивающіеся на согласную: **минѫхъ, минѫвъ, двигѫ**, 3-ье л. мн. ч., **двигъ**, прич., но **прикоснѫша, коснѫвъ.**

Причастныя образованія типа **дръзновенъ** (съ ъ изъ ь), равно какъ и существит. типа **дръзновенние**, представляютъ собою отголоски основъ съ суффиксомъ neu̯/nu, переведенныхъ въ тематическое спряженіе (такой переходъ имѣлъ мѣсто уже въ праязыкѣ); сюда же принадлежитъ и основа глагола **минеуѭ**, осложненная элементомъ i̯o.

Вопросъ о происхожденіи элемента nǫ въ неопредѣл. при основахъ наст. вр. на no/ne до сихъ поръ еще не разрѣшенъ, несмотря на рядъ попытокъ. Послѣднее мнѣніе Бругмана (Grundriss, II², 3, 1, стр. 322) сводится къ тому, что мы должны исходить изъ отглагольныхъ существительныхъ съ элементомъ индоевроп. on(o), которыя легли въ основаніе древневерхненѣм. инфинитивовъ на -an; ср. **зконъ** при **зъвати**; изъ соединенія отглагольнаго существ. съ этимъ on съ суффиксомъ ti, распространившимся въ качествѣ суффикса неопред., и получились инфинитивы на -n-ǫti.

Съ носовымъ элементомъ въ корнѣ мы находимъ общеслав. sędǫ (старослав. **сѧдѫ, сѣсти**), гдѣ на носовой элементъ указываетъ между прочимъ и прусскій яз. (syndens, sindats «сидящій»), а также, повидимому, послѣдовавшее аналогіи этого глагола lęgǫ (старослав. **лѧгѫ, лешти**); общеслав. mętǫ (**мѧтѫ, мѧсти**) восходитъ также къ старому назалированному корню, ср. дринд. manth «трясти, мѣшать»; общеслав. gręd̨ǫ, старослав. **грѧдѫ, грѧсти** по корню сопоставляется съ лат. gradior «шагаю». Общеслав. bǫdǫ представляетъ тоже образованіе съ носовымъ элементомъ отъ корня индоевроп. bhŭ/ū «быть» (bhu̯ondo(e). Наконецъ замѣтимъ, что среди глаголовъ съ элементомъ no/ne находится нѣкоторое количество основъ съ носовымъ элементомъ внутри корня; ср. старослав. **выкнѫ**, гдѣ **ы** изъ un, **стигнѫ**, гдѣ **и** изъ in.

Въ латинскомъ яз. мы отмѣтимъ наличность основъ съ элементомъ no/ne, cernō «отдѣляю», «вижу» изъ crinō, ср. certus «рѣшенный, вѣрный»; sinō (sīvī, situm) «дозволяю» (тотъ же корень въ sileō «молчу»). Такіе глаголы, какъ in-clīnō «наклоняю», consternō «пугаю» и др. представляютъ переходъ въ 1-ое спряженіе изъ разряда старыхъ нетематическихъ основъ на nā въ сильномъ и nə въ слабомъ звуковомъ видѣ, сохранившихся въ древнеиндійскомъ и греческомъ языкахъ. Довольно много въ латинскомъ яз. основъ съ старымъ носовымъ элементомъ внутри корня: linquō «покидаю» (ср. по корню старослав. **отълѣкъ** «остатокъ», гдѣ **ѣ** изъ дифтонга), jungō «запрягаю, соединяю»; rumpō «ломаю». Частью носовой элементъ является только въ наст. вр. (linquō—līquī), частью онъ проникъ въ perf. и sup. или только въ perf. (jungō—junxī—junctum, но pingō «пишу красками»—pinxī—pictum). Ср. далѣе отъ корня съ гласной ā: pangō «вбиваю, вколачиваю», pēgī, pepigī, но и panxī, тотъ же корень и въ paciscor «заключаю договоръ», pāx «миръ». Съ приведеннымъ выше **минеуѭ** ср. лат. minuō, которое м. б. принадлежитъ сюда не только по суффиксу основы, но и по самому корню.

По значенію славянскія основы на nę/nǫ представляютъ классъ результативномоментальный, ср. русск. блеснетъ, махнетъ и т. п.; обычно это значеніе можетъ и не выступать на общемъ фонѣ недлительности, ср. русск. станетъ. О такихъ случаяхъ, какъ р. гибнетъ, см. ниже въ отдѣлѣ, посвященномъ видовымъ значеніямъ.

По отношенію къ основамъ на i̯o/i̯e возникаетъ прежде всего вопросъ о старомъ соотношеніи этихъ основъ съ основами, оканчивающимися въ отдѣльныхъ языкахъ на i и ī. Оставляя пока въ сторонѣ всю массу основъ производныхъ глаголовъ, замѣчу, что въ современной лингвистикѣ многіе вопросы, казавшіеся въ прежнее время довольно ясными, получили нѣсколько иную постановку и вдвинуты въ новыя плоскости, гдѣ далеко не все можетъ быть удовлетворительно разрѣшено. Вопервыхъ, представляется неяснымъ само соотношеніе между элементами i̯o/i̯e и i, ī; между прочимъ замѣчу, что и тѣ языки, которые имѣютъ нетематическія формы на i, ī въ 1-мъ л. ед. представляютъ основу на i̯o *) (ср. старосл. **мьнѭ : мьниши** лат. cupiō : cupis, audiō : audīs): быть можетъ, тематическое спряженіе заходило уже въ праязыкѣ и дальше, напримѣръ, въ 3-ье л. мн. ч. (лат. cupiunt). Вовторыхъ, не разъяснены еще съ достаточной полнотой вопросы, возникающіе по отношенію къ значенію этихъ основъ, а уже Г. К. Ульяновъ и особенно Ф. Ө. Фортунатовъ указали на любопытные факты балтійскославянскихъ языковъ въ ихъ соотношеніи съ фактами другихъ родственныхъ языковъ (см. Г. К. Ульяновъ, «Значенія глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ яз.», ч. I, Варшава, 1891 и Ф. Ө. Фортунатовъ, «Критическій разборъ сочиненія Г. К. Ульянова», Спб. 1897, въ Сборникѣ Отд. р. яз. и слов., т. LXIV). Важныя указанія даютъ балтійскославянскіе языки еще и въ томъ отношеніи, что здѣсь оба типа основъ: на i̯o/i̯e и на i, ī вообще не смѣшиваются, за исключеніемъ формы 1-го л. ед. ч., гдѣ уже съ давнихъ поръ мы находимъ i̯o.

Славянскія отношенія въ разсматриваемой области могутъ быть разсмотрѣны на слѣдующихъ примѣрахъ старослав. яз., частью съ сильнымъ, частью съ слабымъ звуковымъ видомъ корня: 1) **мьнѭ, мьнишн—мьнатъ, -ть**, неопред. **мьнѣтн** **), **велѭ, велншн—велатъ, -ть—велѣтн**; (о глаголахъ типа **хвалѭ, хвалншн—хвалнтн** см. ниже); 2) **ꙁнаѭ, ꙁнаѥшн, ꙁнаѭтъ, -ть—ꙁнатн**; **колѭ, колѥшн, колѭтъ, -ть—клатн** (изъ общеслав. kolti); **лаѭ, лаѥшн, лаѭтъ, -ть—лаꙗтн**; **лнжѫ, лнжешн, лнжѫтъ, -ть—лнꙁатн**; **хоштѫ, хоштешн**, но **хотатъ, -ть, хотѣтн, хътѣтн**.

Глаголы перваго типа имѣютъ соотвѣтствіе въ литовскихъ глаголахъ съ основою наст. вр. на i, неопред. на ė (ė закрытое изъ стараго ē = слав. **ѣ** напр. въ **мьнѣтн**): эти глаголы, находясь въ соотвѣтствіи съ существующими или частью утраченными глаголами съ основами на i̯o (въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ указанія родственныхъ языковъ), являются глаголами съ значеніемъ состоянія ***), тогда какъ непроизводные глаголы съ основами на i̯o, образованные отъ того же корня обозначаютъ дѣйствіе, производящее данное состояніе: ср. gùli (3-ье л. всѣхъ чиселъ)—gulėti «ле-

*) Объ армянскихъ формахъ на im см. у Бругмана (Grundriss, II², 3, 1, стр. 179 сл.).

**) Типъ бѣжати представляетъ а изъ стараго ē (ср. стр. 17).

***) Состояніемъ мы называемъ такой глагольный признакъ, который принадлежитъ субъекту и произведенъ предшествующею дѣятельностью его ли самого или какого-либо другого субъекта; ср. соотношеніе между сидѣть и садиться; стоять и ставить и т. п. Различіе между непереходными и переходными глаголами, какъ исключительно грамматическое, лежитъ совершенно въ другой плоскости.

жать» и gùla (3-ье л. всѣхъ чиселъ; l мягкое изъ группы lj)—gùlti (съ восходящимъ удареніемъ) «ложиться» (обыкновенно въ возвратной формѣ) или lìnki—linkėti «гнуться»—при lènkia (і здѣсь знакъ мягкости согласной)—lènkti «гнуть» (съ восходящимъ удареніемъ); въ первомъ примѣрѣ соотношеніе образовалось, понятно, когда gùlti значило еще въ невозвратной формѣ «класть». Указанное соотношеніе есть величина постоянная за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, гдѣ оно утрачено. Славянскіе глаголы, обозначая по бо́льшей части тоже состояніе, не находятся уже, однако, въ томъ соотношеніи, въ какомъ даны глаголы литовскаго языка, но вмѣсто того они находятся въ связи въ глаголами фактитивными, ср. **бъдѣти** и **боудити**. Глаголы старослав. **врьтѣти** и **мъчати** (такъ же, какъ и соотвѣтственные глаголы другихъ слявянскихъ языковъ) сами имѣютъ значеніе фактитивное. Что касается глагола **обидѣти, и просвьти** въ Синайск. псалт., то ихъ фактитивное значеніе можетъ объясняться сложеніемъ съ приставкою (ср. русскія молчать и замолчать кого, что). Упомянутые факты балтійскославянскихъ языковъ ср. съ греческими основами на ē въ такъ называемомъ страдательномъ аористѣ при нерѣдкомъ при этомъ образованіи основы наст. вр. на i̯o. Не касаясь глоттогоническихъ гипотезъ, нельзя, однако, не признать довольно убѣдительной мысль о связи по происхожденію элемента ē въ окончаніи основы съ элементомъ ī, i; элементъ ē былъ бы въ такомъ случаѣ старымъ дифтонгомъ ēi̯ съ утратой неслоговой части. Конечно, о самомъ происхожденіи такого окончанія основъ на дифтонгъ въ сильномъ звуковомъ видѣ ничего опредѣленнаго сказать нельзя (см. стр. 64).

Въ латинскомъ яз. къ старымъ основамъ на i̯o, соединившимся въ одинъ парадигмъ съ основами на i, съ одной стороны, и ī, съ другой стороны, принадлежатъ глаголы 3-го спряженія на -iō (capiō «беру» и непроизводные глаголы 4-го спряженія (audiō «слышу»). Распредѣленіе основъ на i (3-го спряженія) и ī (4-го спряженія) въ формахъ лица кромѣ 1-го л. ед. и 3-го л. мн. ч., гдѣ основа на i̯o, зависѣло, повидимому, отъ количества корневого слога: послѣ краткаго слога корня i, послѣ долгаго или двухъ краткихъ—ī, ср. sapiō «имѣю вкусъ чего, ощущаю вкусъ, понимаю» по 3-му и resipiō «отзываюсь чѣмъ» по 4-му спр., а также приведенные выше примѣры; нѣкоторые случаи, не подходящіе подъ это соотношеніе, легко объясняются; такъ напр. venīre «приходить», ferīre «бить» хотя имѣютъ и краткую гласную корня, но далѣе слѣдуетъ сонорный, длительный звукъ.

Въ основахъ съ элементомъ i̯o, какъ мы видѣли выше, различаются въ слав. яз. основы, имѣющія въ неопред. «чистый корень», и основы, имѣющія въ этой формѣ въ окончаніи ā. Что касается основъ на i̯o, гдѣ самъ корень глагола оканчивается на гласную, то нелегко бываетъ отличить здѣсь по происхожде́нію дѣйствительныя основы этого типа отъ основъ обычнаго тематическаго типа, гдѣ гласныя o/e являются въ положеніи за корнемъ, оканчивавшимся на i̯. Такъ, напримѣръ, въ общеслав. laję мы имѣемъ, по указаніямъ германскихъ языковъ, корень на дифтонгъ lāi̯ съ тематической гласной; общеслав. viję несомнѣнно есть тоже основа отъ корня на дифтонгъ (ср. лат. vejū); общеслав. piję, повидимому, есть

основа отъ корня pī (ср. общеслав. pi-ti), гдѣ ī еще въ праязыкѣ должно было смѣниться сочетаніемъ ii̯.

Въ латинскомъ яз. къ основамъ на i̯o, гдѣ также i̯, можетъ быть, частью принадлежитъ самому корню, относятся такія основы, какъ основы глаголовъ: nō, nāre «плавать» (ср. древнеинд. snāyatē «купается», а о стяженіи āi̯o см. ниже), arō, arāre «пахать» (основа arāi̯o-), domō, domāre «укрощать» и т. п.; ср. далѣе такіе глаголы на -eō, какъ neō, nēre «прясть» (ср. дринд. snāyati «окутываетъ»); flēo, flēre «плакать», ср. церковнослав. **блѣѭ**. Съ слав. **виждѫ, видѣти** сопоставьте лат. videō-vidēre, гдѣ только въ корнѣ i. Отличіе слав. еще и въ томъ, что слав. основа наст. вр. на ī, а латинская на -ēi̯o.

Въ славянскихъ глаголахъ съ основами на i въ наст. вр. и неопред. (1-ое л. ед. ч имѣетъ основу на i̯o) совпало еще нѣсколько классовъ: 1) мы находимъ глаголы съ кратнымъ (интенсивнымъ), частью съ винословнымъ (фактитивнымъ) значеніемъ, напримѣръ, ср. старослав. **ношѫ—носити, боуждѫ—боудити** и соотвѣтственные глаголы **несѫ—нести, въз-бънѫти** и **бъдѣти**; 2) сюда принадлежатъ отыменные глаголы типа **гостити, хвалити, цѣлити** и т. п., ср. **гость, хвала, цѣлъ**. Глаголамъ перваго типа соотвѣтствуютъ въ родственныхъ языкахъ глаголы съ основами наст. вр. на éi̯e; ср. лат. глаголы 2-го спряженія spondeō «даю торжественное обѣщаніе» (ср. греч. spéndō (σπένδω) «обѣщаю, дѣлаю жертвенное обѣщаніе»), moneō «напоминаю, наставляю» (ср. отъ того же корня лат. mens, слав. **па-мать, мьнѭ**), torrēo «сушу» и т. п. Для индоевроп. праязыка устанавливается показаніями отдѣльныхъ языковъ слѣдующее правильное соотношеніе въ разсматриваемыхъ основахъ: гласная о при гласной е въ соотвѣтственномъ непроизводномъ глаголѣ. Далѣе возникаетъ вопросъ о древности глаголовъ этого типа съ другими гласными: ср. старослав. **садити**; что касается типа **хвалити, плавити**, то это, какъ мы сейчасъ увидимъ, глаголы отыменные. Не рѣшенъ далѣе вопросъ о происхожденіи и взаимномъ соотношеніи двухъ основныхъ значеній этого класса основъ (кратнаго, частью интенсивнаго и каузативнаго), существовавшихъ уже въ праязыкѣ. Наконецъ, гипотетическимъ представляется мнѣ мнѣніе о связи элемента ei̯o, при которомъ въ основѣ другихъ формъ спряженія частью засвидѣтельствовано i (ср. лат. moneō—monitus), по происхожденію съ суффиксомъ ei:i въ окончаніи именныхъ основъ (ср. при torreō сущ. torris «головня»); принявъ это мнѣніе, мы должны всю эту категорію считать по происхожденію отыменной. Относительно слав. яз. остается открытымъ вопросъ о причинѣ перехода этихъ глаголовъ въ спряженіе на ī.

Что касается отыменныхъ глаголовъ типа старослав. **гостити, хвалити, цѣлити**, то при именахъ типа **хвала, цѣлъ** такія основы существовали вслѣдствіе стараго соотношенія нѣкоторыхъ глаголовъ на éi̯o отъ глагольныхъ основъ съ соотвѣтственными именами, и отсюда пошло дальнѣйшее смѣшеніе, обусловившее появленіе уже чистыхъ отыменныхъ глаголовъ. Въ праязыкѣ существовали къ тому же отыменные глаголы на ei̯ó отъ основъ именъ на o/e, и въ отдѣльныхъ языкахъ такія основы смѣшивались съ основами на éi̯o; въ древнеиндійскомъ яз. оба класса различаются еще по ударенію, но ср. въ лат. яз. среди общей массы глаголовъ 2-го

спряженія такіе отыменные глаголы, какъ albeo «бѣлѣю» при albus «бѣлый», clāreō «я свѣтелъ, блистаю», при clārus «свѣтлый», ясный», съ другой стороны, ср. приведенные выше глаголы 2-го спряженія.

Переходя къ обзору основъ производныхъ глаголовъ (отыменныхъ и отглагольныхъ), я долженъ прежде всего замѣтить, что я до сихъ поръ не считаю доказаннымъ для индоевроп. праязыка нетематическое спряженіе основъ, хотя бы въ части формъ настоящаго времени, при долгой гласной въ окончаніи основы: ср. лат. plantās, albēs и т. п. Мнѣ кажется, что въ индоевроп. праязыкѣ всѣ основы производныхъ глаголовъ, имѣвшихъ, кстати сказать, только формы отъ основы настоящаго времени и уже впослѣдствіи, на почвѣ отдѣльныхъ языковъ, получившихъ другія формы, спрягались отъ основы на i̯o. Формы тѣхъ отдѣльныхъ индоевроп. яз., которыя не могутъ быть объяснены утратою i̯ и позднѣйшимъ стяженіемъ, находятъ себѣ объясненіе м. б. въ томъ фактѣ, что наряду съ основами на āi̯o, ēi̯o и т. д. существовали основы на ā—o, ē—o, гдѣ ā и ē—остатки старыхъ дифтонговъ, по утратѣ неслоговой ихъ части, каковыя образованія смѣшались съ отыменными глаголами; такимъ образомъ, напримѣръ, факты литовскаго языка, какъ уже давно указывалъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ, опредѣленно говорятъ о стяженіи (напр. лит. основа žino «знать» въ неопред., гдѣ не было стяженія, имѣетъ гласную o съ длительной долготой, а въ формѣ прошедшаго времени, гдѣ является o съ прерывистой долготой, оно несомнѣнно изъ стяженія (на прерывистое качество долготы указываетъ отсутствіе стараго сокращенія, ср. 3-ье л. žino). Въ прежнее время Ф. Ѳ. Фортунатовъ, принимавшій старое различіе между i̯ и j и внутри словъ, выводилъ литовскія основы указаннаго типа изъ основъ на āi̯o, но съ теченіемъ времени онъ сталъ склоняться къ мысли, что у насъ нѣтъ достаточныхъ основаній проводить различіе между i̯ и j внутри словъ, а потому и приведенное объясненіе лит. žino— пришлось оставить. Выходъ изъ затрудненія устраняется приведеннымъ выше соображеніемъ. Латинскія формы всѣ объясняются изъ стяженія, такъ какъ i̯ между гласными исчезло еще въ общеиталійскую эпоху *). Что же касается производныхъ глаголовъ, гдѣ мы находимъ въ отдѣльныхъ языкахъ въ окончаніи основы ī и спряженіе нетематическаго типа, то это можетъ быть позднѣйшій переходъ въ это спряженіе подъ вліяніемъ основъ на ī, i непроизводныхъ глаголовъ; хотя лат. спряженіе типа fīniō, fīnīs и т. д. «кончаю, кончаешь» само по себѣ можетъ объясняться изъ стяженія (fīnīs изъ *fīni(i̯)es), но другіе италійскіе языки свидѣтельствуютъ противъ этого. На славянской почвѣ основы на ai̯o и т. п. сохранили i̯; что же касается стяженныхъ формъ въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ и старослав. образованій, очень распространенныхъ въ Супр. и Мар. Ев. (съ извѣстными между ними различіями) типа **съвнраатъ, разо-**

---

*) Для латинск. непроизводныхъ глаголовъ типа stō, stās „стою, стоишь" тоже нѣтъ основанія отрицать возможности стяженія, для котораго мы имѣемъ непосредственныя указанія въ формѣ 1-го л. ед. ч.; ср. умбрск. stahu = лат. stō, гдѣ h имѣетъ только графическое значеніе (для устраненія зіянія); да и само лат. — ō трудно понять иначе, какъ изъ стяженія ā—ō; ср. fleō „плачу". Славянскіе языки указываютъ опредѣленно на примѣту i̯o (см. выше).

умѣать, то въ нихъ врядъ ли сохранялись старыя образованія, соотвѣтствующія прямо литовскимъ стяженнымъ основамъ, скорѣе это случаи болѣе поздней утраты i̯, j между гласными.

Отыменныя основы образовывались въ праязыкѣ отъ различныхъ именныхъ основъ, но, понятно, въ общей массѣ соотвѣтственныхъ основъ въ отдѣльныхъ языкахъ не всѣ случаи одинаково древняго происхожденія; уже рано начались случаи обобщенія и распространенія по аналогіи. Въ качествѣ примѣровъ различныхъ типовъ производныхъ отыменныхъ основъ приведу: 1) отъ основъ на согласныя: лат. fulgurio̅ «блистаю» къ fulgur, -uris и fulgor, -o̅ris «блескъ, молнія» (въ лат. яз. такія отыменныя основы получили спряженіе по 4-му классу; старое окончаніе основы было на i̯o послѣ согласной); custo̅dio̅ «сторожу» къ custo̅s, -o̅dis «сторожъ»; 2) отъ основъ на a̅: cu̅ro̅, -a̅re «забочусь» къ cu̅ra «забота», planto̅, -a̅re «сажаю растеніе» къ planta̅ «растеніе» и ср. дальше firmo̅, -a̅re «укрѣпляю» къ firmus «крѣпкій» *); старослав. **конкаѭ къ конь** и далѣе по аналогіи **дѣлаѭ** при **дѣло, гнѣваѭ сѧ** при **гнѣвъ** и т. д. 3) отъ основъ на o/e: a) основы на ei̯e: лат. albeo̅ «бѣлѣю» къ albus, nigreo̅ «чернѣю» къ niger и т. п.; славянскихъ примѣровъ нѣтъ, такъ какъ спряженія на ei̯e здѣсь не сохранилось (см. выше), но здѣсь мы находимъ отыменныя основы на e̅i̯o, ср. **цѣлѣѭ, цѣлѣти** при **цѣлъ, оумѣѭ, оумѣти** при **оумъ**; происхожденіе этого типа не вполнѣ ясно; b) основы на i̯é безъ предшествующаго гласнаго звука въ окончаніи основы: старослав. **ръпъштѫ** при **ръпътъ, глаголѭ** при **глаголъ** (по происхожденію удвоенная основа; въ лат. яз. сюда принадлежатъ глаголы на -turio̅ (съ дезидеративнымъ значеніемъ), источникомъ которыхъ являются имена на ro отъ основъ на tu, ср. sriptorio̅ «имѣю охоту писать», e̅surio̅ «хочу ѣсть, голодаю» при e̅sus, 4-го скл., «ѣда»; 4) отъ основъ на i: лат. fi̅nio̅, -i̅re «кончаю» къ fi̅nis «конецъ»; слав. **гоштѫ, гостити** (см. выше); 5) отъ основъ на u: лат. statuo̅ «становлю, устанавливаю» къ status «стояніе, положеніе» (въ причастіи мы находимъ однако u̅, statu̅tus); въ славянскомъ языкѣ сюда принадлежатъ глаголы на **-оуѭ**, ср. **цѣлоуѭ, цѣловати** при сущ. **цѣлы** (**ы** есть слабый звуковой видъ дифтонга, оканчивавшагося на u̯).

Большую категорію составляютъ въ славянскомъ языкѣ отглагольныя, частью отыменныя (оба эти разряда не всегда легко различаются) основы съ общимъ значеніемъ длительности съ оттѣнкомъ кратности; по происхожденію старымъ значеніемъ исконной группы такихъ основъ надо признать кратность, но въ славянскихъ языкахъ эти основы вступили въ соотношеніе съ основами, обозначающими недлительность, и далѣе, путемъ дальнѣйшихъ новообразованій, этотъ классъ основъ сильно расширился. Сюда принадлежатъ: 1) основы на **-ваѭ**, **-вати** отъ корней на гласныя: ср. старослав. **оубивати—оубити**; **познавати—познати**; **бывати—быти**; **оумывати—оумыти**; **одолѣвати—одолѣти**; что касается происхожденія этого элемента

*) Основы на a̅i̯o отъ основъ на o/e существовали, повидимому, уже въ праязыкѣ; причина появленія такого соотношенія та, что производныя основы на a̅i̯o отъ основъ на a̅ въ нѣкоторыхъ случаяхъ ассоціировались съ основами на o, бывшими съ ними рядомъ; ср. лат. offensa̅re „ударять“, при offensa „ударъ“ и offensus „обиженный“.

-**ва**-, то надо думать, начало его, по мнѣнію Бругмана, лежитъ въ глаголахъ отыменныхъ, образованныхъ отъ именъ на ḁо и ḁā, ср. **одѣвати** при чешск. o-děv «платье»; сербск. cа́-djeва «препятствіе»; основы на -**ва**- производятся и отъ основъ на старыя ā, ē, ср. **одолѣвати—одолѣти**; **коньчавати—коньчати**. 2) Производныя основы на а отъ корней на согласныя съ измѣненіемъ корневого о глагола некратнаго въ а, е въ **ѣ**, **ь** слогового всякаго происхожденія въ і, **ъ** слогового всякаго происхожденія въ у: ср. старослав. **ѕакалати** при **ѕаколѭ**, **ѕаклати** (гдѣ **ла** изъ общеслав. ol); **притѣкати** при **притекѫ**, **притещи**; **събирати** при **съберѫ**, **събьрати**; **читати** при **чьтѫ**, **чисти**; **надымати** при **надъмѫ**, **надѫти**; **оусыпати—оусънѫти**; у глаголовъ съ корневымъ е мы находимъ кратныя основы и съ гласной і: при **рекѫ**, **рещи** ср. **прѣрѣкати**, **прорицати**; при **плетѫ**, **плести** мы имѣемъ **съ-плѣтати** и **съ-плитати**; глаголы съ другими гласными, между прочимъ съ ь и ъ неслоговыми въ сочетаніи съ слоговыми плавными, сохраняютъ корневую гласную безъ измѣненія; ср. **накладати** при **накласти**, **раѕврьѕати** при **врьѕѫ**, но при **въскрьснѫти** мы имѣемъ тоже **въскрьсати**, хотя ждемъ ***въскрисати** (здѣсь **рь** не изъ ṛ). Глаголы отъ глагольныхъ основъ на і имѣютъ смѣну гласной только при корневомъ о: **раѕарѣти** при **раѕорити**, но **истъштати** при **истъштити**. Глаголы съ основами, производными отъ глаголовъ на і въ настоящемъ, на **ѣ** въ неопредѣленномъ, имѣютъ замѣну гласныхъ, какъ и глаголы отъ корня на согласныя: **раѕгорати са—раѕгорѣти са**; **наѕирати—наѕьрѣти**; изрѣдка и здѣсь мы находимъ въ старослав. элементъ **ва**, ср. **повелѣвати** при **повелѣти**.

Исходнымъ пунктомъ разсматриваемой категоріи послужили старыя индоевроп. кратныя основы на ā съ долгою гласною въ корнѣ (ср. греч. strōfáō (στρωφάω) при stréfō (στρέφω) «поворачиваю»), но въ общеслав. яз. это было обобщено и распространено дальше; такимъ образомъ при корневомъ **ъ** получилось въ производной основѣ у, при **ь**—і (старымъ это послѣднее чередованіе могло бы быть только тамъ, гдѣ **ь** изъ і, а і изъ индоевроп. дифтонга ei̯).

с) *Основы аориста и перфекта.* Аористъ несигматическій, какъ мы уже видѣли въ другой связи (см. стр. 123), былъ въ праязыкѣ прошедшимъ временемъ недлительнаго вида, при чемъ основы тематическаго спряженія съ слабымъ звуковымъ видомъ при тѣхъ же основахъ съ сильнымъ звуковымъ видомъ были именно основами недлительными, тогда какъ эти послѣднія были основами длительными, но уже въ праязыкѣ основы съ слабымъ звуковымъ видомъ встрѣчались иногда въ настоящемъ времени, тогда, понятно, аористъ, если существовалъ, долженъ былъ имѣть иное образованіе основы (сигматическое или отъ другого корня). Старыя соотношенія сохранились, напримѣръ въ слѣдующемъ фактѣ греческаго яз.: наст. вр. leípō (λείπω) «покидаю», имперфектъ éleipon (ἔλειπον), а аористъ съ слабымъ звуковымъ видомъ корня является какъ élipon (ἔλιπον). Аористы несигматическіе были въ праязыкѣ тематическіе и нетематическіе (ср. дринд. аористъ нетематическій отъ корня dā «давать»: а́dām (а = греч. е есть аугментъ, приращеніе, см. стр. 125) при наст. вр. dádāmi и имперф. а́dadām).

На слав. почвѣ сохранился, какъ особая категорія, только темати-

ческій аористъ, который въ старосл. яз. образуется вообще отъ непроизводныхъ тематическихъ глаголовъ, имѣющихъ въ неопред. корни на одну, не сонорную согласную, отъ **ити** и отъ глаголовъ съ основами на по/пе, если корень оканчивается на согласную, ср. **могъ, идъ, сѣдъ**; **двигъ** при **двигнѫ** и т. п.. 2-ое, 3-ье л. ед. ч. **може, иде, сѣде, движе** вошли въ систему сигматическаго аориста и являются поэтому и отъ такихъ глаголовъ, которые не сохранили слѣдовъ простого аориста въ другихъ формахъ лица. Замѣчу, что тематическіе непроизводные глаголы съ гласною **є** въ корнѣ аориста простого въ старослав. яз. не образуютъ (кромѣ, понятно, 2-го и 3-го л. ед. ч.), но въ древнечешск. яз. есть примѣры и такихъ аористовъ. Съ исторической точки зрѣнія такіе аористы, какъ **могъ, идъ** представляютъ собою простые имперфекты, ибо основы здѣсь тѣ же, что и въ настоящемъ вр.; стали они аористами на славянской почвѣ въ связи съ утратою стараго имперфекта и замѣною его новообразованіемъ.

Сигматическія основы аориста характеризовались примѣтою s, при чемъ въ праязыкѣ было нѣсколько типовъ такихъ основъ въ зависимости отъ того, была ли примѣтой только согласная s или въ комбинаціи съ другими звуками (гласными). Въ общеслав. яз. это s, по мнѣнію Ф. Ѳ. Фортунатова, само по себѣ давало ch съ его дальнѣйшимъ измѣненіемъ въ š, за исключеніемъ особаго фонетическаго положенія (передъ t и послѣ t, при чемъ изъ ts, гдѣ t частью изъ d передъ глухой s, получилось s, а также послѣ s, гдѣ ss дало тоже одно s), ср. **тѣхъ**, но **тѣсте, вѣсъ** при **водѫ, уисъ** при **уьтѫ, нѣсъ** при **несѫ** и т. п. (см. стр. 55 сл.). Понятно, что, съ своей точки зрѣнія, Ф. Ѳ. Фортунатовъ типъ аориста **пасъ** при **пьнѫ**, въ отличіе отъ другихъ ученыхъ, считалъ новообразованіемъ вм. болѣе древняго, по его мнѣнію, **пахъ**.

Что же касается образованія основы, то славянскіе языки представляютъ аористы сигматическіе двухъ типовъ: 1) съ примѣтою s, слав. ch, и 2) отъ основъ на согласныя съ примѣтою, которая въ общеслав. языкѣ звучала какъ och, въ западнослав. языкѣ какъ ech. Первый типъ аориста имѣлъ въ праязыкѣ два образованія: нетематическое (съ примѣтою s) и тематическое (съ примѣтою so), при чемъ первое образованіе (нетематическое) имѣло въ формахъ дѣйств. залога протяженный звуковой видъ, который мы и находимъ въ такихъ славянскихъ примѣрахъ, какъ **вѣсъ, нѣсъ**, м. б. **уисъ**, если **и** здѣсь дѣйствительно изъ ēi̯. Въ 1-мъ л. ед., дв. и мн. ч. славянскіе языки имѣютъ изъ общеслав. эпохи тематическія формы (**нѣсъ** изъ nēsom, **нѣсовѣ, нѣсомъ**). Аористы на och, ech, повидимому, дѣйствительно славянскія новообразованія; хотя и нельзя категорически отрицать возможности того, что слав. о есть старая неопредѣленная гласная, и примѣта och такимъ образомъ соотвѣтствовала бы части случаевъ, гдѣ древнеинд. яз. имѣетъ примѣту iṣ (съ ṣ, т.-е. *ш* церебальнымъ изъ s), и гдѣ i м. б. частью старая неопредѣленная гласная, а частью старое i, однако, наличность параллельнаго образованія западнослав. языковъ съ ech дѣлаетъ для меня въ настоящее время болѣе вѣроятной мысль о томъ, что вся эта категорія новаго происхожденія, и получилась путемъ переведенія несигматическаго аориста типа mogъ, отъ котораго 2 и 3-ье л. вошли въ составъ сигматическаго аориста (može), въ сигма-

тическую категорію частью съ гласною о, частью съ гласною е: mogochъ и moženchъ.

Форма 2-го и 3-го л. ед. во всѣхъ сигматическихъ аористахъ на och, ech и въ сигматическихъ аористахъ 1-го типа отъ корней на согласныя заимствована изъ несигматическаго (аориста može, nese); что же касается корней и основъ, оканчивающихся на гласную, то здѣсь мы находимъ 2-ое и 3-ье л. ед. ч. типа by при bychъ, da при dachъ, pę при pęchъ, pęsъ, žer (старослав. жрѣ) при žerchъ (старосл. жрѣхъ), moli при molichъ и т. д. Эти формы объясняются вполнѣ удовлетворительно какъ правильныя формы 2-го и 3-го л. ед. ч. сигматическаго аориста съ утратою конечныхъ гласныхъ (s—s во 2-мъ л. и s—t въ 3-мъ л.), но маловѣроятно, чтобы, по крайней мѣрѣ, у глаголовъ съ непроизводными основами это были старые нетематическіе несигматическіе аористы (by = древнеинд. ábhūs 2-ое л. ед. ч. и ábhūt 3-е л. ед. ч.). Въ формахъ 2-го и 3-го л. разсматриваемаго типа, при односложности самой формы (приставка не играетъ въ этомъ отношеніи роли), существовала въ старослав. яз. форма на tъ, въ которой Ф. Ѳ. Фортунатовъ видитъ мѣстоименіе указательное, извѣстное въ подобной функціи и въ прусскомъ яз.; другіе ученые видятъ въ этомъ tъ суффиксъ 3-го л. наст. вр., перенесенный въ аористъ. Образованія типа бысть, бысть объясняются тѣмъ, что tъ было присоединяемо еще въ то время, когда конечное s въ общеслав. яз. не вполнѣ еще отпало, но было подвижнымъ. Въ эту эпоху было, слѣдовательно, dastъ при datъ, pistъ при pitъ, при чемъ въ 1-мъ случаѣ формы съ s одержали вверхъ вслѣдствіе поддержки со стороны 3-го л. ед. ч. наст. вр., гдѣ было тоже s. По гипотезѣ Ф. Ѳ. Фортунатова тѣ ограниченія, которыя мы находимъ въ употребленіи тъ въ старослав. яз. въ формѣ аориста, не исконныя; пріуроченье тъ къ односложности самой глагольной формы объясняется стремленіемъ сравнять по числу слоговъ формы, бывшія односложными, съ двухсложными. Подробности см. въ статьѣ Ф. Ѳ. Фортунатова (Старославянское -тъ въ 3-мъ л. глаголовъ, Изв. Отд. р. яз. и слов., т. XIII).

На почвѣ сигматическаго аориста создалось общеславянское новообразованіе, новая форма имперфекта. Примѣтою имперфекта было—achъ въ 1-мъ л. ед. ч., присоединявшееся къ основѣ на а и къ основѣ на ѣ (изъ ē) глаголовъ производныхъ и съ основами настоящаго времени на i; ср. старослав. бьра-ахъ, дѣла-ахъ, цѣлѣ-ахъ, видѣ-ахъ; глаголы съ другими основами получали въ имперфектѣ—ѣachъ (послѣ мягкой согласной—aachъ), ср. старослав. нес-ѣахъ, съхн-ѣахъ, жьн-ıаахъ, хвал-ıаахъ и т. п. Глаголы съ непроизводными основами наст. вр. на е и основою неопредѣл. на а въ діалектѣ Супр. рук. образуютъ имперфектъ не отъ основы на а, а отъ основы настоящаго врем., ср. ȥовѣахъ при обычномъ ȥъваахъ; Супр. рук. представляетъ и иныя новообразованія, ср. приходѣахѫ вм. прихождаахѫ. Спрягается имперфектъ по тематическому типу (несѣахъ, несѣаше; несѣахомъ, несѣашета, несѣахѫ; несѣаховѣ, несѣашета, несѣашете, но есть и образованіе типа несѣасте; несѣаста, несѣасте.

Для объясненія происхожденія славянскаго имперфекта было предложено много гипотезъ, при чемъ одни ученые исходили изъ мысли о старомъ сложеніи съ имперфектомъ (старымъ) отъ корня es «быть»; такъ

Лескинъ не считаетъ исключенной возможность объясненія, по которому напр. vedē-ахъ образовалось изъ *vedē-jechъ, *vedē-echъ (гдѣ echъ старый тематическій имперфектъ безъ приращенія отъ корня es), откуда дальше *vedē-ēchъ, *vedē-jachъ, vedē-achъ. Теорія этого типа маловѣроятна, и болѣе близка къ истинѣ, повидимому, попытка понять славянскій имперфектъ какъ новообразованіе на почвѣ сигматическаго аориста. Однако, и здѣсь далеко не все ясно. По моему мнѣнію, всѣ дальнѣйшія попытки понять это новообразованіе должны считаться съ соотвѣтственными фактами литовскаго языка, на которые не разъ указывалъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ *), именно и здѣсь новое прошедшее образовалось на почвѣ производныхъ основъ на o и ė, соотвѣтствующихъ славянскимъ основамъ на а и ѣ; затѣмъ, при объясненіи имперфекта мы должны считаться съ тѣмъ, что форма **бѣхъ**, спрягающаяся по типу аориста (3-ье л. мн. ч. **бѣша**, 2-ое и 3-ье л. ед. ч. **бѣ**, 2-ое л. мн. **бѣсте**, 2-ое л. дв. **бѣста**, 3-ье л. дв. **бѣсте**), не есть стяженная форма имперф. **бѣахъ** (а стяженныя формы имперф. намъ извѣстны изъ старослав. памятниковъ, ср. **несѣхъ**, **печахъ** при **несѣахъ**, **печаахъ**), а старое образованіе отъ основы **бѣ-**, соотвѣтствіе которой представляетъ прусскій яз.; наконецъ, по моему мнѣнію, вполнѣ справедливо указаніе Ф. Ѳ. Фортунатова (Критическій разборъ сочиненія Г. К. Ульянова, стр. 56), что **аа** въ имперфектѣ, гдѣ первое **а** принадлежитъ окончанію глагольной основы на **а**, нельзя выводить изъ стараго а—а, такъ какъ здѣсь несомнѣнно наступило бы стяженіе; въ этомъ а—а надо видѣть старое ā—ē, при чемъ измѣненіе ā—ē въ ā—ā въ общеслав. яз. было бы однородно съ измѣненіемъ а—е въ а—а въ старослав. **бываатъ**, **бываашн**. Такимъ образомъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ думаетъ, что образованія аориста типа vidēchъ, перенесенныя въ спряженіе непроизводныхъ глаголовъ (nesēchъ), стали имперфектами, а затѣмъ примѣта -ēchъ выдѣлилась въ качествѣ характернаго признака имперфекта.

Аористическія образованія въ латинскомъ яз. вошли въ составъ латинской системы перфекта (это названіе нельзя смѣшивать съ тѣмъ же терминомъ для обозначенія стараго перфекта), смѣшавшись съ старыми перфективными образованіями. Старый перфектъ, бывшій настоящимъ временемъ особаго результативнаго вида и переходившій затѣмъ въ отдѣльныхъ языкахъ въ категорію прошедшаго времени, характеризовался особыми личными окончаніями, удвоеніемъ и ступенью o въ сильномъ звуковомъ видѣ основы при гласной e въ корнѣ. Однако, уже въ общеиндоевропейскую эпоху перфектъ отъ глагольнаго корня u̯ei̯d : u̯id получилъ значеніе наст. вр. и не представлялъ уже удвоенія; остаткомъ этого образованія является слав. **вѣдѣ**, по происхожденію 1-ое л. ед. ч. средняго залога (см. ниже въ отдѣлѣ о личныхъ окончаніяхъ), замѣненное новообразованіемъ **вѣмь**. Слав. **ѣ** здѣсь изъ стараго oi̯. Лат. vīdī принадлежитъ сюда же (oi̯ послѣ u̯—дало въ лат. яз. въ результатѣ ī) при videō «вижу»

*) Ср. между прочимъ соотношеніе между распредѣленіемъ производныхъ основъ на ē и ā въ литовскомъ и славянскомъ языкахъ: слав. vedē-achъ, лит. vėdė (форма 3-го л.), слав. zъva-achъ и лит. напр. bùvo „былъ“ (основа въ слабомъ звуковомъ видѣ съ старымъ ū) и т. д. Подробности см. у Ф. Ѳ. Фортунатова (Критическій разборъ сочиненія Г. К. Ульянова, стр. 57 сл.).

съ слабымъ звуковымъ видомъ корня (i краткое). Съ окончаніемъ дѣйств. зал. ср. древнеинд. vēda «знаю» (удареніе на начальномъ слогѣ), греч. oi̯da изъ u̯oi̯da (ϝοῖδα). Остаткомъ перфективныхъ образованій являются на славянской почвѣ причастія прошедшаго времени (см. стр. 88).

Въ латинскомъ яз. слѣды перфекта въ новомъ латинскомъ перфектѣ слѣдующіе: 1) бóльшая часть формъ перфекта съ удвоеніемъ по отношенію къ самому образованію удвоенной основы: tu-tud-ī при tundō «ударяю, бью»; de-d-ī при dō «даю»; me-min-ī «помню» *); однако, нѣкоторое количество основъ съ удвоеніемъ можетъ имѣть и аористическое происхожденіе, такъ какъ въ индоевроп. праязыкѣ существовали аористы несигматическіе съ удвоеніемъ; такое происхожденіе, по указанію греческ. яз., надо думать, имѣетъ основа лат. te-tig-ī при tangō «касаюсь»; 2) перфекты типа vēnī къ veniō «прихожу», lēgī къ legō «собираю, читаю», которыя раньше выводили изъ новообразованія подъ вліяніемъ sēdī, гдѣ sēd- изъ *se-zd- (см. стр. 55), а затѣмъ считали индоевроп. формами, получившимися изъ измѣненія типа основъ перфекта съ слабымъ звуковымъ видомъ слога удвоенія съ ирраціональной гласной (а вообще уже въ праязыкѣ чередованіе звуковыхъ видовъ въ слогѣ удвоенія было утрачено) и корневого слога съ тою же гласной (напримѣръ, pəpət- при корнѣ pet-), въ настоящее время разсматриваютъ какъ образованія безъ удвоенія съ протяженнымъ звуковымъ видомъ; типъ ēdī, ēmī (при edō «ѣмъ», emō «покупаю») сюда не принадлежитъ, такъ какъ здѣсь еще въ праязыкѣ изъ e удвоенія + e въ началѣ самого корня получилось ē; 3) нѣкоторыя личныя окончанія латинскаго перфекта старыя перфективныя окончанія (см. отдѣлъ о личныхъ окончаніяхъ).

Къ остаткамъ аориста несигматическаго принадлежатъ: 1) такія обра-

---

*) Къ латинскимъ новообразованіямъ (важнѣйшимъ) въ удвоенныхъ основахъ перфекта принадлежатъ: 1) повтореніе въ слогѣ удвоенія цѣликомъ группъ st-, sp-, sc- вмѣсто одной первой согласной (ср. старый типъ удвоенія въ praes. sistō „ставлю"), ср. ste-t-i при stō „стою", spo-pond-ī при spondeō „торжественно обѣщаю", древнелат. sci-cid-ī при scindō „разрываю, разрѣзаю"; 2) приравненіе гласной слога удвоенія (стараго e) къ гласной корня, если таковая въ perf. была та же, что въ praes.: вм. стараго лат. me-mord-ī позднѣйшее momordī при mordeō „кусаю", spe-pond-ī, поздн. spopondī (см. выше), ce-curr-ī, поздн. cucurrī при currō „бѣгу", но ce-cin-ī при canō „пою"; замѣтимъ еще, что di-dic-ī при discō „учу" представляетъ старый переходъ e въ i подъ вліяніемъ i слѣдующаго слога, который, однако, произошелъ только тамъ, гдѣ и praes. имѣетъ i, ср. dedī при dō „даю"; 3) утрата удвоенія, фонетически получавшаяся въ сложеніяхъ съ приставками, распространялось и дальше не безъ вліянія vīdī и типа vēnī; ср. старое отношеніе между spo-pond-ī и respondī; repperī получилось фонетически, ср. простое peperī (reperiō „нахожу", pariō „рождаю"; rettulī при древнелат. tetulī (perf. къ ferō „несу"); послѣ краткой гласной долгая согласная сохранялась (rettulī), иначе она подлежала упрощенію, ср. contulī при conferō „сношу"; 4) утрата стараго чередованія звуковыхъ видовъ въ основѣ перфекта; слѣдъ стараго слабаго звукового вида отъ корней на долгія гласныя ē, ō, ā, гдѣ была неопредѣленная гласная, исчезавшая передъ гласной въ началѣ суффикса, представляетъ лат. ste-t-ī, ste-ti-mus; stitī вм. stetī къ sistō объясняется изъ сложенія съ приставкой, напр. exstitī.

зованія, какъ tetigit; 2) м. б. лат. inquit «сказалъ» изъ *en-sq-et отъ корня seq «говорить», ср. inque «говори» изъ *en-sqe; сюда же относится лат. fēc-ī при faciō *), jēcī при jaciō «бросаю» (но cēpī при capiō «беру», вѣроятно, уже вызвано аналогіей указаннаго соотношенія, гдѣ a есть неопредѣленная гласная ə) **); сюда же принадлежитъ и frēgī при frangō «ломаю».

Остатки сигматическаго аориста слѣдующіе: 1) основы съ элементомъ s: dīxī при dīcō «говорю», vēxī при vehō «везу» и т. п. продолжаютъ въ своихъ основахъ старые сигматическіе нетематическіе аористы съ протяженнымъ звуковымъ видомъ корня; coxī при coquō, ср. старослав. пекѫ, представляетъ правильную утрату лабіализаціи передъ согласной s; conīxī при cōnīveō «закрываюсь, о глазахъ», гдѣ u̯ изъ gh лабіализованнаго (ср. нѣм. neigen), представляетъ совершенно правильную фонетически форму, а vīxī при vīvō «живу» имѣетъ -xī уже по аналогіи; percutiō «пронзаю» имѣетъ закономѣрно percussī, а dīvidō раздѣляю dīvīsī (см. стр. 56); 2) элементъ -is-, между гласными -er- (см. стр. 54), ведущій свое начало изъ аористической примѣты -is- и являющійся въ извѣстныхъ формахъ лица perf. въ лат. яз.: dīxistī, dīxerunt (о dīxērunt см. въ отдѣлѣ личныхъ окончаній), а также въ основѣ формъ, принадлежащихъ по образованію основы къ системѣ перфекта: ср. dīxeram (plusquamperf.), dīxerō (fut. exactum), dīxerim (conj. perf.), dīxissem (conj. plusquamperf.) ***), dīxisse (infin. perf.).

d) *Основы сигматическаго будущаго вр.* Древнеиндійскій и литовскій яз. (изъ индоиранскихъ яз. я останавливаюсь только на древнеинд., а изъ балтійскихъ—только на литовскомъ яз.) имѣютъ въ качествѣ основъ будущаго времени основы на индоевроп. si̯o, которыя представляютъ собою распространенныя элементомъ i̯o сигматическія основы (ср. въ древнеинд. яз. отъ корня dā «давать» основу будущаго dāsyá-, напр. въ фр. 3-го л. ед. ч. dāsyáti, въ лит. яз. сравн. отъ корня dû—«давать» (= дринд. dā) основу буд. вр. dûsi- (съ нисходящимъ удареніемъ надъ û), въ 1-мъ л. ед. ч. dûsiu (i здѣсь обозначаетъ мягкость s передъ твердой гласной) имѣетъ основу на старое si̯o, а о соотношеніи основъ на i̯o и i говорилось выше на стр. 132. Греческій яз. въ своемъ будущемъ съ основою на so, вѣроятно, частью продолжаетъ старыя основы на si̯o съ фонетической утратой i̯, частью представляетъ основы сослагат. накл. сигматическаго аориста, ср. лат. образованія типа faxō. Въ славянскихъ языкахъ послѣднимъ отголоскомъ старыхъ основъ на si̯o является церковно-

---

*) Пренестинская надпись даетъ удвоенную форму fhefhaked.

**) Такого же происхожденія м. б. и ēgī при agō „гоню, веду“; вопросъ о происхожденіи scābī при scabō „чешу“ допускаетъ различные отвѣты.

***) Лат. perf. на -vī, -uī до сихъ поръ еще не разъяснены вполнѣ удовлетворительно; по этому вопросу существуетъ цѣлая литература. Что касается perf. на -iī, то исходнымъ для него пунктомъ былъ, повидимому, старый perf. iī отъ глагольнаго корня i „идти“ (iī изъ *ei̯ai̯). Латинскіе perf. и формы отъ его основы съ „выпаденіемъ“ v (amāstī вм. amāvistī, plantāram вм. plantāveram) получили свое начало отъ тѣхъ формъ, гдѣ u̯ стояло между одинаковыми гласными и потому могло выпадать: assuēveram, fīniistī и т. п.

слав. причастіе **бышаштєѥ** «будущее». Указанія отдѣльныхъ индоевроп. языковъ сводятся къ тому, что въ эпоху индоевроп. праязыка будущее время, какъ особая категорія, возникло на почвѣ сигматическихъ основъ, повидимому, только діалектически, а сигматическія основы могли дать удобный для этого матеріалъ въ виду того, что, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ образованіяхъ онѣ имѣли дезидеративный характеръ, указывая на желаніе совершить дѣйствіе, обозначаемое глагольнымъ корнемъ.

3) *Основы формъ наклоненія.* 1) Основа желательнаго наклоненія въ тематическомъ спряженіи оканчивалась въ индоевроп. праязыкѣ на oi̯, а въ нетематическомъ спряженіи имѣла въ окончаніи i̯ē въ сильномъ звуковомъ видѣ и ī въ слабомъ звуковомъ видѣ. На славянской почвѣ желательное наклоненіе получило значеніе повелительной формы, и слав. повелительныя формы типа старослав. **неси, несѣте** представляютъ собою старыя образованія тематическаго желательнаго; о различіи между **и** и **ѣ** см. стр. 25. Фонетическими же причинами (см. стр. 23) объясняются формы съ **и** въ мн. ч. глаголовъ съ «мягкими» основами, т.-е. гдѣ былъ нѣкогда j въ окончаніи основы: **пишите, глаголите, дѣлаите**; формы типа **бимъ, глаголате** объясняются какъ новообразованія: **ѣ** изъ типа **несѣте** было перенесено на эти повелительныя уже послѣ того, какъ старое oi̯ дало послѣ мягкаго неслогового звука **и**, а **ѣ**, бывшее въ эту эпоху сочетаніемъ ie съ e открытымъ, дало въ результатѣ **а** въ новомъ положеніи послѣ мягкаго звука. Иначе понимаетъ разсматриваемое явленіе Шахматовъ (см. Извѣстія Отд. р. яз. и слав. VI. 4, стр. 290). Существуетъ мнѣніе, по которому это **а** — старая примѣта сослагательнаго наклоненія, но это совершенно неубѣдительно, такъ какъ сослагат. наклоненіе вообще не оставило послѣ себя достовѣрныхъ слѣдовъ на почвѣ славянскихъ языковъ. Нетематическія образованія желательнаго наклоненія съ суффиксомъ ī являются въ нетематическихъ повелительныхъ **хвалите** (изъ chvali̯i+ī+te), **дадите** и т. п. и въ старослав. **бимь**, которое рано начало вытѣсняться аористомъ **бъіхъ** въ функціи вспомогательнаго глагола въ сложной формѣ условнаго наклоненія. Что касается старослав. **даждь** и т. п., то эти образованія не могутъ быть выводимы прямо ни изъ образованій съ суфф. i̯ē, ни изъ образованій съ суфф. ī. Происхожденіе этихъ формъ до сихъ поръ удовлетворительно не разъяснено.

Въ латинскомъ яз. къ старымъ образованіямъ желательнаго наклоненія нетематич. типа восходятъ различныя формы, вошедшія въ составъ латинскаго сослагательнаго наклоненія. Старое чередованіе суффикса желательнаго i̯ē и ī мы находимъ въ древнелатинскихъ siem, siēs, siet, sīmus, sītis, sient (гдѣ -ent есть окончаніе); позднѣйшее спряженіе: sim, sīs, sit (долгота еще у Плавта), sīmus, sītis, sint представляетъ новообразованіе. Ср. далѣе velim, duim (къ dare), edim (къ edere) «ѣсть»). Ср. далѣе древнелат. faxim *) (къ faciō) отъ основы сигматическаго аориста и образованія conj. perf. типа fēcerim, vīderim, гдѣ подъ вліяніемъ аналогіи со стороны будущаго второго, стараго сослагат. наклоненія, долгое ī замѣ-

---

*) Формы перфекта типа dīxtī, scrīpstī и т. п. врядъ ли старыя образованія, подобно faxim; это скорѣе синкопированныя образованія.

нено краткимъ (vīderimus вм. vīderīmus (такія формы сохранялись отчасти долго у поэтовъ). Замѣчу кстати, что обратно futurum exactum получало долгое ī, а подъ вліяніемъ 3-го л. мн. ч. на -int стараго желат. и въ будущемъ старое *-erunt замѣнилось окончаніемъ -erint (vīderint). Въ отличіе отъ типа faxim образованія отъ основъ на гласныя типа negāssim (negāre «отрицать») до сихъ поръ еще не разъяснены удовлетворительно.

2) Что касается индоевропейскаго сослагательнаго наклоненія, то въ нетематическомъ спряженіи его основа оканчивалась на e/o съ чередованіемъ по формамъ лица, какъ въ наст. вр. тематическаго спряженія, слѣдовательно, съ внѣшней стороны нетематическая сослагательная форма та же, что тематическое настоящее. Въ лат. яз. erō, eris и т. д. (ставшее буд. вр. глагола «быть») представляетъ собою такой старый conjunctivus; отъ основы сигматическаго аориста ср. такія образованія какъ faxō, vīderō (2-ое буд.); о новообразованіи vīderint см. выше; ср. далѣе образованія типа indicāssō, параллельныя приведенному negāssim.

Тематическій conjunctivus образовывался въ праязыкѣ при помощи суффикса ē, ā; древнеинд. яз. представляетъ, понятно, одно ā, а греч. яз. представляетъ чередованіе ē/ō, параллельное чередованію e/o въ тематическомъ спряженіи; это послѣднее явленіе считаютъ новообразованіемъ греческаго яз. Къ старымъ conjunct. восходятъ въ лат. яз. формы будущаго вр. 3-го и 4-го спряж. (dicam, dicēs и т. д., fīniam, fīniēs и т. д.), формы наст. вр. сослагат. наклоненія (въ 1-мъ спр. plantem, plantēs и т. д., во 2-мъ спр. habeam, habeās и т. д., въ 3-мъ спр. agam, agās и т. д., въ 4-мъ спр. fīniam, fīniās и т. д.). Образованія conjunct. отъ сигматическихъ основъ типа essem, dīcerem (гдѣ r изъ s между гласными) служили какъ imperfecta conjunct. Образованія типа tutudissem, dīxissem (plusquamperf. conj.) возникли по аналогіи соотношенія *esām (позже eram «былъ»): *essēm (позже essem).

Въ праязыкѣ кромѣ упомянутыхъ образованій сослагательнаго наклоненія существовали еще формы такъ называемаго инъюнктива (injunctivus), представлявшія изъ себя формы прошедшаго времени безъ приращенія. Эти формы въ образованіяхъ 2-го и 3-го л. (кромѣ 2-го л. ед. ч.) уже въ праязыкѣ вошли въ составъ повелительной формы, и объ нихъ см. въ отдѣлѣ личныхъ окончаній.

4) *Видовыя значенія основъ.* Выше, въ другой связи (см. стр. 122), мы уже говорили о видовыхъ значеніяхъ основъ въ индоевроп. праязыкѣ. Старыя соотношенія на почвѣ латинскаго языка были утрачены, и здѣсь перешли къ новому соотношенію формъ спряженія, частью полученныхъ изъ праязыка, частью создавшихся на почвѣ старыхъ формъ, частью образовавшихся путемъ сложенія (см. ниже). Въ балтійскихъ и славянскихъ языкахъ старыя различія въ значеніи основъ частью были утрачены, частью видоизмѣнились, и въ результатѣ сложились новыя соотношенія. Общимъ для балтійскихъ и славянскихъ языковъ является фактъ утраты различій въ видовомъ значеніи простыхъ непроизводныхъ основъ, связанныхъ съ различіемъ въ звуковомъ видѣ корня. Какъ мы видѣли выше, въ индоевроп. праязыкѣ основы съ слабымъ звуковымъ видомъ корня при тематическомъ образованіи (т.-е. оканчивавшіяся на o, чередовавшееся съ e)

были основами аористическаго, недлительнаго значенія, хотя уже въ эпоху распаденія праязыка старыя соотношенія не сохранялись въ первоначальной чистотѣ. Въ славянскихъ основахъ простыхъ непроизводныхъ глаголовъ если и являются различія въ видовомъ значеніи совершенномъ и несовершенномъ, то они уже не связаны съ образованіемъ основы. Ср. съ совершеннымъ значеніемъ старослав. **падѫ, пасти; садѫ, сѣсти; двигнѫ, двигнѫти** *) **станѫ, стати; стѫплѭ, стѫпити; коуплѭ, коупити; дамь, дати**; съ другой стороны ср. съ несовершеннымъ значеніемъ **несѫ, нести; ведѫ, вести; ꙁнаѭ, ꙁнати; лежѫ, лежати; ѣмь, ѣсти** и т. д. Приведеннымъ фактамъ старослав. яз. соотвѣтствуютъ аналогичные факты другихъ славянскихъ языковъ, ср. р. паду, сяду, двину, стану, ступлю, куплю, дамъ съ значеніемъ недлительнымъ и несу, веду, гибну, знаю, лежу, ѣмъ съ значеніемъ длительнымъ. Нѣкоторые ученые склонны думать, что въ случаяхъ перваго рода, по крайней мѣрѣ, отчасти сохранились слѣды стараго аористическаго значенія, я же рѣшительно отвергаю эту возможность. Какъ уже указалъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ (см. Критическій разборъ сочиненія Г. К. Ульянова, стр. 124 сл.) совершенное значеніе принадлежитъ извѣстнымъ простымъ основамъ славянскихъ языковъ только въ силу соотношенія съ другими основами отъ тѣхъ же корней съ несовершеннымъ значеніемъ, а это соотношеніе является производнымъ по отношенію къ основному факту: различію въ видовомъ значеніи между извѣстными простыми и сложными основами (см. ниже), при этомъ одна и та же простая основа могла соединять и оба значенія, вступая въ соотношеніе, съ одной стороны, съ сложными основами съ значеніемъ совершенности и съ сложнопроизводными основами съ значеніемъ несовершенности. Затѣмъ возникшія соотношенія могли сохраняться и при утратѣ части соотносительныхъ образованій. Ср. въ приведенныхъ примѣрахъ изъ русскаго яз. такіе факты, какъ наличность при паду—падаю, при сяду—сажусь, при двину—двигаю, при стану—стою, при ступлю—ступаю, при дамъ—даю; при куплю простого *купаю нѣтъ. Ср. далѣе съ двоякимъ видовымъ значеніемъ: р. велю, женю, крещу; въ старослав. ср. оба значенія въ **рекѫ** (примѣры у Г. К. Ульянова, «Значенія основъ», II, стр. 170 сл.). «Велю», какъ глаголъ съ несовершеннымъ значеніемъ, находится въ соотношеніи съ совершеннымъ «повелѣть», а, какъ глаголъ съ совершеннымъ значеніемъ, онъ находится въ соотношеніи съ «повелѣваю», глаголомъ сложнопроизводнымъ, имѣющимъ оттѣнокъ длительнонесовершеннаго значенія, который появился на общемъ фонѣ кратнонесовершеннаго значенія. Оба видовыя значенія могутъ соединять и нѣкоторыя производныя основы; въ старослав. яз. сюда принадлежитъ **раꙁоумѣти**, въ русск. яз. ср. дѣваться; въ такихъ примѣрахъ, какъ «и нонь не уйдешь ты, солдатъ, да не дѣваешься» (Барсовъ, Причитанія, II, 110, см. у Г. К. Ульянова, стр. 174) мы видимъ значеніе совершенное. Изъ западнославянскихъ яз. приведу слѣдующіе польскіе примѣры: 1) съ совершеннымъ видовымъ значеніемъ siądę «сяду», dźwignę «двину», stanę «стану» (съ новымъ неопред. stanąć), stąpię «ступлю»,

*) Въ старославянскихъ текстахъ глаголы на no/ne представляютъ только рѣдкіе случаи несовершеннаго значенія, ср. сѫпнѣаше въ Супр. р. (ср. Meillet, Études, I, 24).

dam «дамъ»; 2) съ обоими значеніями: każę «приказываю и прикажу», daruję (неопред. darować) «дарю, прощаю и подарю, прощу».

Утративъ старыя различія между недлительными (аористическими) и длительными значеніями основъ, славянскіе языки выработали новыя соотношенія на томъ общемъ фонѣ, на которомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ языкахъ появились извѣстные оттѣнки въ значеніи, именно извѣстныя сложныя съ приставками основы получили общее значеніе недлительности, точнѣе совершенности. Сами по себѣ предложныя приставки вносятъ въ сочетающіяся съ ними основы извѣстные оттѣнки въ реальномъ ихъ значеніи (ср. р. выходить, приходить, заходить и т. п.), указывая напр. направленіе дѣйствія и т. п. Понятно, что извѣстныя основы этого рода по отношенію къ простымъ основамъ могутъ получать въ дальнѣйшемъ и такіе оттѣнки въ значеніи, которые уже не являются «предложными», а имѣютъ отношеніе къ длительности, указывая напр. на окончаніе дѣйствія, его результатъ и т. д. Особенно ярко выступаетъ это въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ реальное значеніе глагольной приставки предложнаго характера теряется. Ср. напр. въ современномъ нѣмецкомъ яз. различіе между «er schreitet über die Brücke» и «er überschreitet die Brücke»; и то, и другое значитъ «онъ переходитъ мостъ», но въ первомъ случаѣ ясно выступаетъ оттѣнокъ значенія, сводящійся къ тому, что имѣется въ виду завершеніе дѣйствія. Лишь весьма неточно можно говорить здѣсь о совершенномъ значеніи, аналогичномъ славянскому совершенному виду. Балтійскіе языки въ области видовыхъ значеній сложныхъ глаголовъ остановились на томъ положеніи, что здѣсь имѣютъ значеніе недлительности только тѣ основы, которыя сложены съ приставками, утратившими свое реальное предложное значеніе (ср. напр. литовское gýdyti, гдѣ буква y, какъ и вообще въ литовскомъ письмѣ, обозначаетъ долгое і, съ глаголомъ iszgýdyti, который въ отличіе отъ простого глагола съ значеніемъ «лѣчить» значитъ уже «вылѣчить», а, съ другой стороны, возьмемъ глаголъ nèszti «нести» и сложный atnèszti «относить», гдѣ приставка, сохраняющая реальное значеніе, видового оттѣнка недлительности въ глаголъ не вноситъ). Славянскіе языки пошли дальше и создали грамматическое обозначеніе видового различія длительности и недлительности благодаря тому обстоятельству, что воспользовались сложнопроизводными основами *) съ старымъ простымъ значеніемъ, какъ основами длительнаго вида при сложныхъ съ приставками глаголахъ съ значеніемъ недлительности, а потому всякая (некратная) основа, сложенная съ приставкою, имѣетъ значеніе совершенное безотносительно къ тому, сохраняетъ ли приставка свое предложное значеніе, или она его утратила, ср. въ русск. яз. одинаково совершенные глаголы «вылѣчить» и «отнести», соотносительныя съ «вылѣчивать» и «относить». Тѣ глаголы, въ которыхъ приставки сохраняютъ свое предложное значеніе, не находятся такимъ образомъ въ непосредственномъ

---

*) Сложнопроизводныя основы, въ составъ которыхъ входятъ старыя кратныя основы, далеко не во всѣхъ случаяхъ являются дѣйствительно сложными по происхожденію. Самый типъ такихъ основъ возникъ путемъ сложенія, но затѣмъ, когда эта категорія получила грамматическое значеніе, новыя основы возникали непосредственно какъ сложнопроизводныя при соотвѣтственныхъ сложныхъ глаголахъ съ совершеннымъ видовымъ значеніемъ.

соотношеніи по видовому значенію съ простыми глаголами, отъ которыхъ они отличаются своимъ реальнымъ значеніемъ въ части, измѣненной предложнымъ значеніемъ приставки (ср. русск. «отнести—относить» и простое «нести»); съ другой стороны, «вылѣчивать» и «лѣчить» отличаются между собою тѣмъ, что въ первомъ случаѣ значеніе несовершенности не то, что во второмъ: въ первомъ случаѣ мы находимъ оттѣнокъ результативности. Различные оттѣнки въ значеніи сложныхъ основъ въ балтійскихъ и славянскихъ языкахъ послужили темою для изслѣдованія Г. К. Ульянова, который первый опредѣленно указалъ на различіе между балтійскими и славянскими языками по отношенію къ видовому значенію сложныхъ съ приставками глаголовъ, а затѣмъ эти вопросы были подвергнуты переработкѣ Ф. Ѳ. Фортунатовымъ въ его Критическомъ разборѣ сочиненія Г. К. Ульянова. Тѣ выводы, къ которымъ пришелъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ, были вновь подвергнуты имъ пересмотру во время работы надъ сочиненіемъ Агрелля о польскихъ перфективныхъ глаголахъ (Agrell, Aspektänderung und Aktionsbildung beim polnischen Zeitworte, Lund, 1908). Эта работа покойнаго, оставшаяся незаконченной, обѣщала дать новые, весьма цѣнные результаты. Краткое предварительное сообщеніе было помѣщено въ Отчетѣ Отд. р. яз. и слов. И. А. Н. за 1910 г. Здѣсь между прочимъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ предлагаетъ замѣнить термины «совершенный» и «несовершенный видъ», поскольку мы имѣемъ въ виду славянскія соотношенія, терминами «опредѣленный» и «неопредѣленный видъ», такъ какъ, по его мнѣнію, въ «несовершенномъ видѣ» явленіе, обозначаемое глагольной основой, разсматривается безъ отношенія къ какому-либо опредѣленному времени въ его развитіи, тогда какъ въ «совершенномъ видѣ» данное явленіе обозначается по отношенію къ ограниченному времени (недлительному и длительному) въ его развитіи. Въ виду того, что работа по выясненію различныхъ оттѣнковъ славянскихъ видовыхъ значеній еще не закончена, я пока воздерживаюсь отъ окончательныхъ обобщеній и предпочитаю говорить о несовершенномъ и совершенномъ значеніи, понимая эти термины какъ условныя обозначенія, термины же длительный и недлительный видъ для славянскихъ отношеній не годятся, ср. напр. русскіе глаголы типа «наѣсться, находить» и т. п., гдѣ несомнѣнно имѣется въ виду извѣстная длительность, находящая въ себѣ завершеніе *).

Что касается основъ на ne/no, въ неопред. на nǫ, то эти основы,

*) Примѣры, приведенные Г. К. Ульяновымъ на стр. 147 въ подтвержденіе мысли, что въ славянскихъ яз. глаголы съ приставками, сохраняющими реальное значеніе, не мѣняли необходимо видового значенія, по указанію Ф. Ѳ. Фортунатова (Критич. разборъ, стр. 110), неубѣдительны, такъ какъ здѣсь мы имѣемъ или утрату сознанія того, что глаголъ сложный, или измѣненіе значенія сравнительно съ глаголомъ простымъ, или, наконецъ, возможны (хотя и требуютъ болѣе точнаго опредѣленія, случаи, гдѣ данный глаголъ соединяетъ оба видовыя значенія, а о такихъ случаяхъ въ области простыхъ глаголовъ мы уже говорили. Ср. старослав. надѣꙗти сѧ, гдѣ по значенію основа уже не разлагалась на приставку + глаголъ; съвѣмь въ качествѣ глагола несоверш. вида представляетъ утрату стараго совершеннаго значенія въ связи съ отличіемъ въ значеніи отъ вѣмь; наречетъ сѧ въ такомъ контекстѣ, какъ Симонъ, иже наречетъ сѧ Петръ, обозначаетъ, конечно, не видъ несовершенный (иже наречетъ сѧ какъ бы = нарицаѥмыи), а представляетъ примѣръ употребленія наст. соверш. вида съ общимъ значеніемъ изъявит. наклоненія, ср. въ древнер. яз. „рѣчьки ради, яже втечеть въ Двину“.

какъ основы совершеннаго вида, имѣютъ значеніе результативномоментальное, при чемъ, по указанію Ф. Ѳ. Фортунатова (Критич. разборъ, стр. 135) такое значеніе въ глаголахъ этого типа, обозначающихъ состоянія, развилось подъ вліяніемъ соотвѣтственныхъ глаголовъ дѣйствія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы этого значенія и не находимъ (ср. русск. «дрогнетъ», какъ глаголъ съ несовершеннымъ значеніемъ, при «дрогнетъ» съ значеніемъ совершеннымъ, «пухнетъ» съ значеніемъ несовершеннымъ, «меркнетъ» съ значеніемъ несовершеннымъ при старослав. **мрькнетъ** въ значеніи совершенномъ (передаетъ греческое будущее вр.). Основы на no, обозначающія состоянія, съ оттѣнкомъ именно начинательнаго состоянія, несомнѣнно индоевроп. происхожденія (на нихъ указываютъ діалекты литовскаго яз., извѣстные факты германскихъ языковъ и др.), что же касается глаголовъ дѣйствія, то и эти глаголы съ основами на no/ne несомнѣнно индоевропейскаго происхожденія; въ балтійскославянскую эпоху онѣ находились въ извѣстномъ чередованіи по значенію съ основами на i̯o, ср. напр. русск. плюю и плюну. Точно опредѣлить это соотношеніе пока нельзя, такъ какъ въ балтійскихъ языкахъ эти основы по значенію совпали. Во всякомъ случаѣ видовое значеніе совершенности въ основахъ на no/ne общеславянскаго происхожденія.

Что касается основъ съ кратнымъ значеніемъ, то терминъ «многократное значеніе» менѣе точенъ, такъ какъ дѣло идетъ о повторяемости, т.-е. о кратности признака, при чемъ нѣтъ возможности опредѣлить на основаніи значенія самой кратной основы, часто или нечасто повторяется данный признакъ, обозначаемый глагольной основой; другой вопросъ о характерѣ самой повторяемости. Въ славянскихъ языкахъ кратное значеніе основъ на ā и на ī является несомнѣнно старымъ, хотя, понятно, дополнительные оттѣнки (см. ниже), по крайней мѣрѣ, частью несомнѣнно болѣе новаго происхожденія. Такія славянскія основы какъ напр. русск. ѣдать, носить и др. находятъ себѣ соотвѣтствіе въ извѣстныхъ фактахъ другихъ индоевроп. языковъ (ср. греч. глаголы кратнаго значенія на -āō, древнеинд. глаголы на -aya-, см. выше стр. 137). Въ славянскихъ языкахъ широко распространенъ и элементъ i̯ā, извѣстный и балтійскимъ яз. и представляющій, повидимому, новообразованіе; ср. старослав. троуждати, хождати, р. ѣзжать, польск. jeżdżać и т. п. Обширный классъ кратныхъ основъ съ элементомъ va, ova основанъ на отыменныхъ основахъ (ср. приведенное выше на стр. 137 **о-дѣвати**; еще ср. **пивати** при **пиво**; **цѣловати** при **цѣлъ** и т. д.). Въ русскомъ яз. широкое распространеніе получили основы на ыва, ива, представляющія, повидимому, измѣненіе старыхъ основъ на ова подъ вліяніемъ аналогіи со стороны такихъ типовъ, какъ бывать; ср. въ старослав. **цѣлывати**; такія образованія извѣстны и въ нѣкоторыхъ другихъ слав. яз.; ср. новообразованіе въ другомъ направленіи, являющееся въ малор. цилувати. Къ кратнымъ основамъ принадлежатъ и основы съ кратными значеніями, сложенныя съ приставкою po (ср. р. похаживать), въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ основы типа потыкаться (въ народн. яз.). По указанію Ф. Ѳ. Фортунатова примѣры, приведенные Г. К. Ульяновымъ въ доказательство того, что въ сложеніи съ po могутъ являться съ кратнымъ значеніемъ и основы сами по себѣ некратныя, не убѣдительны (Кри-

тическій разборъ, стр. 103). Однако, по отношенію къ кратному значенію приходится замѣтить вообще, что на славянской почвѣ кратное значеніе могутъ получать и основы сами по себѣ некратнаго типа въ силу соотношенія съ извѣстными другими основами; такъ, старослав. **ѥмлѭ** получило значеніе кратное подъ вліяніемъ соотношенія съ неопред. **имати**, похожимъ на кратное образованіе (начальное **и** здѣсь, повидимому, именно jь, но затѣмъ это образованіе отожествилось съ кратными глаголами съ ī, ср. Meillet, Études, I, 44). По значенію основы съ ро- и кратныя основы внѣ этого сложенія представляютъ различіе въ значеніи кратности; основы перваго класса, по опредѣленію Ф. Ѳ. Фортунатова, обозначаютъ въ данномъ признакѣ время, распадающееся на отдѣльныя времена, и потому онѣ могли бы быть называемы «прерывистодлительными» основами. Основы второго типа обозначаютъ или кратность неопредѣленную (напр. русск. «водить», «носить» могутъ обозначать непрерывную повторяемость и кратность съ перерывами, ср. р. «водить за руку цѣлый часъ» и «водить ребенка гулять, т.-е. напр. тогда, когда бываетъ хорошая погода»), или кратность опредѣленную, раздѣльную (повторяемость признака въ отдѣльныя, различныя времена, ср. р. ѣзжать, хаживать). Въ глаголахъ движенія могутъ быть оба типа кратныхъ основъ (неопредѣленныхъ и опредѣленныхъ), ср. русск. ѣздить и ѣзжать, глаголы же, не обозначающіе движенія, имѣютъ только опредѣленно кратное значеніе (ср. р. говаривать, польск. mawiać и т. д.).

5) *Составныя формы спряженія глагола.* На почвѣ отдѣльныхъ языковъ мы находимъ въ области спряженія много составныхъ формъ, которыя частью съ теченіемъ времени становились для сознанія говорящихъ простыми, при чемъ вспомогательный глаголъ спускался до роли суффикса. Ср. напр. французское finirai, 1-ое л. буд. вр. глагола finir изъ лат. finīre habeō и т. д.

Въ общеславянскомъ яз. существовали слѣдующія составныя формы въ спряженіи глагола: 1) прошедшее время (перфектъ) изъ причастія съ основою на lo (им. ед. м. р. на -lъ) и наст. вр. глагола «быть», т.-е. формы jesmь, ср. старослав. **пришьлъ ѥсмь**; въ тѣхъ новыхъ славянскихъ языкахъ, которые утратили простыя формы прошедшаго, эта составная форма стала обычнымъ прошедшимъ, частью съ утратою вспомогательнаго глагола, ср. русск. имѣлъ, имѣли и польскія miał-em, miał-eś, mieli-śmy, mieli-ście и только въ 3-мъ л. ед. ч. miał и 3-мъ л. мн. ч. mieli безъ вспомогательнаго глагола; 2) давнопрошедшее время (plusquamperfectum) изъ того же причастія съ основою на lo и имперфекта глагола «быть» или прошедшаго сложнаго bylъ jesmь; послѣднее образованіе оставалось въ живыхъ слав. яз. единственнымъ представителемъ этой формы, коль скоро исчезала форма имперфекта; съ теченіемъ времени и это образованіе исчезало, такъ въ русск. яз. сохранился слѣдъ этой формы въ сказочномъ оборотѣ «жилъ былъ» и въ такомъ выраженіи какъ «взялъ былъ», но напр. въ польск. яз. эта форма примѣняется и понынѣ, хотя и не особенно часто. Въ старослав. памятникахъ мы находимъ только первый типъ давнопрошедшаго **мънози... бѣахѫ пришьли**); второй типъ неизвѣстенъ и болгарскому языку; 3) будущее первое изъ неопредѣленной формы спря-

гаемаго глагола и вспомогательнаго глагола, каковыми въ старослав. яз. являются **нмамь, хоштѫ, начьнѫ, въчьнѫ**; общеслав. bǫdǫ, которое столь распространено въ живыхъ славянскихъ языкахъ въ составѣ формы буд. вр., въ старослав. яз. въ будущемъ первомъ не встрѣчается, но извѣстно въ формѣ будущаго второго, поскольку она имѣла здѣсь особое образованіе; въ древнер. яз. кромѣ буду мы встрѣчаемъ иму и рѣдко хочу, почну, начну; формы съ старымъ иму извѣстны въ діалектахъ и понынѣ *); 4) будущее второе (предбудущее) изъ вспомогательнаго глагола и причастія на lo въ старослав. яз. встрѣчается рѣдко, именно съ глаголомъ **бѫдѫ (бѫдетъ пришьлъ)**; тамъ, гдѣ это образованіе сохранилось въ слав. яз. донынѣ, оно уже вообще не имѣетъ спеціальнаго значенія, которое принадлежало ему въ болѣе древнее время; 5) сослагательное наклоненіе изъ соединенія причастія на lo съ формою bimь, которая, являясь по происхожденію формою желательнаго наклоненія, рано стала подчиняться вліянію аориста bychъ, который оказалъ воздѣйствіе на ея спряженіе (ср. старослав. **бнхомъ** при **бнмъ** въ 1-мъ л. мн. ч., **бншѧ** въ 3-мъ л. мн. ч. при **бѫ** и **бнсте** во 2-мъ л. мн. ч.), частью замѣнялъ прямо своими формами формы bimь; ср. въ старослав. яз., съ одной стороны, напр. Зогр. и Мар. Ев., гдѣ формы bychъ въ этомъ значеніи рѣдки, и Супр. р., гдѣ, наоборотъ, единичны примѣры **бнмь**; 6) форма страдательная образовывалась а) путемъ сложенія причастія страд. значенія съ соотвѣтственной формой вспомогательнаго глагола «быть»; ср. старослав. **ковн н съвѣтн ꙁълн на ны плетомн бывахѫ; нꙁгънанн бѫдѫтъ** и т. д.; b) страдательное значеніе получала и форма возвратная, ср. старослав. **аꙁъ трѣбоуѭ отъ тебе крьстнтн сѧ** (= быть крещенымъ); 7) возвратная форма глагола образовалась, повидимому, уже въ балтійскославянскую эпоху, по утратѣ возвратной формы, полученной изъ индоевроп. праязыка и образовывавшейся особыми личными суффиксами (см. ниже) описательно путемъ сложенія соотвѣтственной формы глагола съ возвратнымъ мѣстоименіемъ: въ славянскихъ языкахъ укрѣпилось сочетаніе съ sę, но извѣстна была въ данномъ употребленіи и форма дат. si, на которую указываютъ отдѣльные слав. яз., въ томъ числѣ и русскій, ср. Соболевскій, Лекціи, 4, стр. 255; не только въ общеслав. яз., но частью и понынѣ сохранилось старое положеніе, при которомъ возвратное мѣстоименіе стояло свободно и позади, и передъ глаголомъ; такое положеніе сохранилось напр. въ польскомъ яз., въ діалектахъ малорусскихъ, но вообще въ русск. яз. произошло прикрѣпленіе мѣстоименія къ глаголу.

По поводу возвратной формы замѣчу, что она, какъ особая форма, возникшая путемъ сложенія, предполагаетъ процессъ обобщенія и затѣмъ изолированія по значенію въ извѣстныхъ случаяхъ сочетанія глагола съ возвратнымъ мѣстоименіемъ, т.-е. предполагаетъ развитіе здѣсь особыхъ оттѣнковъ въ значеніи, которые не получаются прямо изъ сложенія значенія глагола съ значеніемъ возвратнаго мѣстоименія; ср. напр. р. ра-

---

*) Глаголы съ совершеннымъ значеніемъ въ значеніи буд. вр. имѣютъ форму наст. вр.; однако, эта послѣдняя форма могла примѣняться и не въ значеніи будущаго, а въ значеніи общей формы изъявительнаго для констатированія факта, имѣющаго мѣсто постоянно, постоянно существующаго; см. стр. 147.

дуется, которое уже не равняется «радуетъ себя». Подробнѣе см. объ этомъ въ моемъ изслѣдованіи «Возвратная форма глаголовъ въ литовскомъ и латышскомъ яз.», стр. 100 сл., гдѣ я принимаю въ качествѣ общаго значенія возвратной формы значеніе непереходности. Разъ создалось это значеніе, появилась форма уже съ опредѣленнымъ залоговымъ значеніемъ.

Въ латинскомъ яз., какъ извѣстно, составныя формы являются постоянною принадлежностью спряженія въ отложительномъ и страдательномъ парадигмѣ въ perf., plusquamp., futurum exactum изъявит. наклон. и perf., plusquamp. conjunct., въ «описательномъ спряженіи» на -ūrus sum и -ndus sum и въ разсмотрѣнныхъ раньше (стр. 124) образованіяхъ неопредѣл. формы (будущее вр. дѣйств. и страд. залога, прош. вр. страд. залога). Замѣтимъ, что въ древней латыни въ составѣ непростыхъ формъ вм. sum, sim, eram, essem, erō (ср. laudātus sum, laudātus sim, laudātus eram, laudātus essem, laudātus erō) являлись fuī, fuerim, fueram, fuissem, fuerō.

Къ составной по происхожденію формѣ восходитъ латинскій имперфектъ на -bam. Что касается элемента -bam, то это внѣ всякаго сомнѣнія старый аористъ глагольнаго корня bhū, bhu, въ индоевроп. образованіи bhu̯ām (1-ое л. ед. ч.); по условіямъ латинской фонетики bh внутри слова дало b (см. стр. 47), а на наличность такого стараго образованія на италійской почвѣ указываетъ форма яз. осковъ fu-fans (3-ое л. мн. ч. «были» и древнелат. сослаг. наклоненіе fuam и т. д., а мы уже знаемъ, что прошедшее время безъ приращенія въ праязыкѣ служило какъ форма косвеннаго наклоненія, такъ называемаго инъюнктива (см. стр. 144). Что же касается той формы, какую имѣетъ спрягаемый глаголъ передъ -bam (ср. dīcēbam, laudābam, monēbam, audiēbam), то ея происхожденіе для насъ не вполнѣ ясно. Отожествленіе ē въ окончаніи самого глагола съ ē, ѣ славянскаго имперфекта nesēachъ является непріемлемымъ въ виду нашего пониманія славянской формы, а кромѣ того остается открытымъ вопросъ, что же за образованіе типа dīcē-, вошедшее въ сложеніе съ -bam. Правда, нѣкоторые ученые принимаютъ для лат. яз. образованія неопредѣл. на ē, которое было бы по происхожденію мѣстн. ед. отъ основъ на i съ индоевроп. окончаніемъ этой формы на ēi̯ съ утратою i̯; ссылаются при этомъ на такія сложенія, какъ cale-faciō «согрѣваю», гдѣ ē въ cale сократилось по закону о ямбическомъ концѣ слова (см. стр. 19) до слiянiя въ одно цѣлое съ faciō. По другой теоріи первая половина латинскаго имперфекта есть старое причастіе (равно какъ и первая половина сложенія типа calefaciō); изъ *laudans bam, *dīcens bam, *audiens bam фонетически получились laudābam, dīcēbam, audiēbam. Имперфектъ ībam «я шелъ» и извѣстные изъ древняго яз. имперфекты на -ībam глаголовъ на -īre были бы съ той точки зрѣнія новообразованіями *).

Что касается буд. вр. на -bō, то эта форма возникла при формѣ имперфекта на -bam по аналогіи соотношенія eram, erō. Въ глаголахъ 3-го и 4-го спряженія, какъ извѣстно, въ классическомъ яз. укрѣпились

*) Гиртъ видитъ въ 1-мъ элементѣ латинскаго имперфекта общій неопредѣленный падежъ имени, представлявшій одну основу, а согласно съ своей теоріей (см. ниже стр. 153) онъ предполагаетъ какъ болѣе древнее такое состояніе индоевроп. праязыка, когда еще не было позднѣйшихъ падежныхъ суффиксовъ, вообще возникшихъ изъ окончаній самихъ основъ.

формы по происхожденію сослагательнаго наклоненія (см. стр. 144), но въ древней латыни мы встрѣчаемъ напр. dīcēbō въ 3-мъ спр. и audībo въ 4-мъ. Будущее на -bō, повидимому, спеціально латинское новообразованіе: встрѣчаемъ мы его еще въ нарѣчіи Фалерій.

Наконецъ, нельзя не отмѣтить, что въ латинскомъ яз. не дошло до выдѣленія сочетанія глагола съ мѣстоименіемъ въ особую категорію ни по формѣ, ни по значенію. Здѣсь для выраженія возвратнаго значенія кромѣ отложительнострадательной формы, какъ извѣстно, примѣнялись сочетанія глагола съ мѣстоименіемъ соотвѣтственнаго типа въ соотвѣтственномъ падежѣ; ср., съ одной стороны, castrīs effunduntur и castrīs sē effundunt «устремляются изъ лагеря», съ другой стороны, ср. glōriam sibi peperit «пріобрѣлъ себѣ славу».

16. Личныя окончанія глагола.

1) *Общія замѣчанія.* Въ индоевроп. праязыкѣ существовало различіе между личными окончаніями 1) по формамъ времени и наклоненія и 2) по формамъ залога. Окончанія, являвшіяся въ настоящемъ вр., а потому и въ будущемъ вр. на sio и частью въ сослагательномъ наклоненіи, называются обыкновенно первичными, а окончанія, являвшіяся въ формахъ прошедшаго времени, въ желательномъ и частью въ сослагательномъ наклоненіи, называются вторичными; въ повелительной формѣ соединились образованія различнаго происхожденія, поэтому эту форму по отношенію къ личнымъ окончаніямъ мы разсмотримъ особо; наконецъ, въ перфектѣ существовали частью (въ дѣйств. залогѣ въ большинствѣ формъ) характерныя личныя окончанія. Что касается различія по формамъ залога, то въ индоевроп. праязыкѣ формы дѣйствительнаго залога отличались по личнымъ окончаніямъ отъ такъ называемой формы средняго залога (въ латинской терминологіи примѣняется терминъ medium), которая имѣла, повидимому, частью общее непереходное значеніе, частью была формою возвратнаго, при чемъ это послѣднее значеніе было, повидимому, основнымъ (ср. въ русск. яз. въ значеніи возвратной формы на -ся чисто возвратное значеніе въ «умываюсь» съ такимъ значеніемъ, какъ въ глаголѣ «сердиться», гдѣ обозначается измѣненіе въ состояніи самого субъекта признака, являющагося дѣйствіемъ, производящимъ этотъ признакъ, въ соотвѣтственной невозвратной формѣ; ср. далѣе глаголы типа «браниться, кусаться», гдѣ дѣйствіе разсматривается въ отвлеченіи отъ субъекта); и для взаимнаго значенія, а также для употребленія въ качествѣ страдательной формы можно указать аналогіи изъ русск. яз. (ср. сражаться; книга читается и т. д.). Въ индоевроп. праязыкѣ въ возвратной формѣ, кромѣ значенія возвратнаго, взаимнаго, частью страдательнаго, было то общее непереходное значеніе, при которомъ на первый планъ выдвигался самъ субъектъ безъ ближайшаго отношенія къ объекту, который первоначально при этой формѣ и не обозначался, значитъ признакъ разсматривался въ его ближайшемъ отношеніи къ субъекту.

Вопросъ о происхожденіи соотношеній между личными окончаніями различныхъ указанныхъ категорій принадлежитъ къ числу такъ называе-

мыхъ глоттогоническихъ проблемъ, т.-е. проблемъ, касающихся происхожденія самого индоевроп. праязыка эпохи его распаденія; еще болѣе отодвигается для насъ вдаль вопросъ о происхожденіи самихъ личныхъ окончаній. Какъ я указываю въ «Введеніи» (4-ое изд., стр. 197), Боппъ видѣлъ въ личныхъ суффиксахъ мѣстоименія, примкнувшія къ глаголу и тѣсно съ нимъ слившіяся. Онъ руководствовался при этомъ какъ соображеніями, подсказанными еврейскими грамматиками, видѣвшими въ личныхъ окончаніяхъ глагола мѣстоименія, какъ и большимъ сходствомъ личныхъ окончаній индоевроп. глагола съ мѣстоименными корнями; такъ звуковой составъ суффикса 1-го л. ед. ч. дѣйств. з. -mi напоминаетъ то m, которое такъ характерно для основы мѣстоим. 1-го л. (см. стр. 117). Однако, какъ ни вѣроятна сама по себѣ мысль о такомъ происхожденіи личныхъ окончаній (ср. многочисленные случаи въ жизни отдѣльныхъ индоевроп. языковъ, когда суффиксы возникали изъ самостоятельныхъ первоначально словъ), мы не можемъ считать этого мнѣнія правомѣрнымъ элементомъ въ общемъ обиходѣ научныхъ гипотезъ, равно какъ и противоположнаго мнѣнія, выводившаго сходство между личными окончаніями и мѣстоименіями изъ позднѣйшаго соотношенія, первоначально же формы глагола (какъ и падежи въ склоненіи) были основами, лишь съ теченіемъ времени дифференцировавшимися въ значеніи и приведенными въ соотношеніе съ возникшимъ въ мѣстоименіяхъ различіемъ по формамъ лица. Были высказаны и нѣкоторыя другія предположенія *), но все это теоріи, которыя не могутъ быть подкрѣплены доказательствами, такъ какъ исторія индоевроп. праязыка намъ вообще не извѣстна. Неизвѣстнымъ остается и происхожденіе соотношенія между личными окончаніями дѣйств. и средн. зал., настоящаго и прошедшаго времени, хотя сами термины первичныя и вторичныя личныя окончанія относятся къ эпохѣ, когда опредѣленно думали, что напр. -mi въ 1-мъ л. ед. ч. дѣйств. зал. наст. вр. и -m въ той же формѣ прош. вр. относятся между собою именно такъ, что -m получилось изъ -mi. Если мы сохраняемъ эти термины, то какъ чисто условныя названія, удобныя по ихъ краткости, но для насъ они ничего не могутъ говорить о самомъ происхожденіи тѣхъ фактовъ, которые ими обозначаются.

Въ общеслав. яз. и латинск. яз. старое различіе между первичными и вторичными суффиксами вообще не сохранилось, но нѣкоторые слѣды старыхъ соотношеній сохранились въ тѣхъ фактахъ, которые будутъ приведены ниже. Съ наибольшею полнотою старое различіе между суффиксами отдѣльныхъ формъ спряженія сохранилъ древнеиндійскій языкъ, отчасти оно сохранилось въ греческомъ яз.

2) *Личные суффиксы дѣйствительнаго залога.* а) 1-ое л. ед. ч. оканчивалось въ индоевроп. праязыкѣ въ формахъ, имѣвшихъ первичные

*) По теоріи Вестфаля сами личныя мѣстоименія выдѣлились изъ глагола, который, будучи первоначально односложнымъ, осложнялся различными звуками въ связи съ спеціализаціей значенія. Гиртъ въ XVII т. журнала Indogermanische Forschungen подробно развилъ теорію, въ частяхъ которой онъ имѣлъ уже предшественниковъ; по его мнѣнію глагольныя формы имѣютъ именное происхожденіе и напр. -m въ личномъ окончаніи глагола то же, что и -m въ суффиксѣ вин. ед. Съ общей точки зрѣнія онъ оправдываетъ свою гипотезу, указывая на языки, не различающіе грамматически глагола и имени.

суффиксы, на -mi при нетематическомъ окончаніи самой основы и на -ōn съ n подвижнымъ некраткимъ въ тематическомъ спряженіи, какъ думаетъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ. Большинство ученыхъ принимаетъ въ послѣднемъ случаѣ одно только -ō, думая, что славянское окончаніе -ǫ восходитъ къ старому окончанію 1-го л. сослагательнаго наклоненія на -ām (слав. berǫ, по ихъ мнѣнію, равняется латинск. feram). Однако, несомнѣнныхъ слѣдовъ стараго сослагательнаго мы на славянской почвѣ вообще не находимъ, а кромѣ того ничего не мѣшаетъ принять, что лат. ferō, греч. férō, φέρω, получились изъ стараго bherō съ отпавшимъ n (ср. окончаніе им. ед. основъ на n, см. стр. 43). Остается вопросъ о томъ, почему -ōn въ 1-мъ л. ед. ч. дало въ общеслав. яз. ǫ. Здѣсь долгота была длительная; на это опредѣленно указываютъ факты балтійскихъ языковъ, слѣдовательно, ō съ длительной долготой, отличавшееся, какъ мы знаемъ, въ общеслв. яз. отъ ō съ прерывистой долготой (послѣднее дало ū, у, см. стр. 44), очевидно, еще до сокращенія долгихъ гласныхъ въ дифтонгическихъ сочетаніяхъ, сблизилось съ ā, съ которымъ оно вообще совпало; вотъ почему при сокращеніи этой гласной получился тотъ же результатъ, что и при сокращеніи ā; въ результатѣ мы найдемъ -ǫ, такъ же какъ и изъ стараго -ām (ср. стр. 35). Старое -mi сохранилось въ общеслав. яз. въ остаткахъ нетематическаго спряженія (ср. jesmь, damь, jѣmь, сюда же примкнуло vѣmь, замѣнившее старое vѣdѣ, и imamь). Въ латинск. яз. sum представляетъ суффиксъ -m съ отпавшимъ въ концѣ i, а само образованіе основы тематическое (см. стр. 127).

Въ образованіяхъ, требовавшихъ историческихъ суффиксовъ, въ индоевроп. праязыкѣ въ 1-мъ л. ед. ч. д. з. являлось -m, примыкавшее къ слоговому звуку въ окончаніи основъ, при неслоговомъ ея окончаніи было сочетаніе -ḁm̥. Ср. общеслав. mogъ, 1-ое л. ед. ч. аориста, гдѣ -ъ изъ -om; лат. -m въ eram «я былъ», dīcam 1-ое л. буд. вр., по происхожд. conj., siem, sim 1-ое л. conj., по происхожденію желат. наклоненіе. Что касается аориста сигматическаго, то слав. яз. утратили здѣсь нетематическое образованіе, и эта форма оканчивается тоже на -ъ, ср. dachъ и т. п.

b) 2-е л. ед. ч. имѣло суффиксомъ въ образованіяхъ, гдѣ являлись первичные суффиксы, -si, въ образованіяхъ съ историческими окончаніями -s, послѣднее должно было отпасть въ общеслав. яз., а потому мы находимъ общеслав. može, 2-ое л. ед. ч. аориста, nesi, 2-ое л. повелит. фр., по происхожд. желат. накл. Ср. лат. siēs, sīs, 2-ое л. conj., по происхожд. желат. накл. То -s, которое является въ лат. яз. какъ въ настоящемъ, такъ и въ прошедшемъ времени и въ conj. (dīcis, dīcēbas, dīcās), вѣроятно, съ одной стороны, продолжаетъ старое -s, а, съ другой стороны, съ нимъ должно было совпасть и -si, первичный суффиксъ, по утратѣ краткой конечной гласной. Что касается общеслав. окончанія 2-го л. наст. вр., то мы въ общеслав. яз. находимъ 1) -šь, на которое указываютъ различные новослав. яз., напр. ср. р. берешь; 2) -ši и 3) въ глаголахъ нетематическаго спряженія -si. Измѣненіе s въ ch и далѣе въ š объясняется фонетически, а въ нетематическомъ спряженіи s въ составѣ суффикса (ср. jesi, dasi, jѣsi, vѣsi) получилось изъ группы ss (въ jesi мы находимъ

старое ss, индоевроп. форма была essi, при которой, однако, существовало, повидимому, и esi. ср. дринд. ási «еси»; въ dasi, jesi, vesi группа ss изъ ts и далѣе ds). Лат. es представляетъ старое essi съ отпавшимъ i и упрощеніемъ ss, ср. стр. 128. Что касается общеслав. -šь, то оно вполнѣ соотвѣтствуетъ старому -si, а что касается общеслав. -ši, на которое указываетъ старослав. яз. (берєши), и -si, то они объясняются обыкновенно изъ суффикса средняго залога -sai̯ (см. ниже). Однако, формы балтійскихъ языковъ (лат. vedì «ведешь», гдѣ i изъ сокращенія ё, литовской сложной гласной ie, а послѣдняя изъ дифтонга -ei̯) и факты яз. греческаго (féreis, φέρεις, гдѣ -eis разлагается на -ei + -s, перенесенное изъ образованій съ вторичнымъ суффиксомъ) уже давно дали поводъ Ф. Ө. Фортунатову выставить гипотезу, по которой въ индоевроп. праязыкѣ въ тематическомъ спряженіи было другое окончаніе, кромѣ -si, именно -ei̯. Изъ смѣшенія индоевроп. -si и -ei̯ въ одномъ суффиксѣ возникло общеслав. -si съ его дальнѣйшимъ измѣненіемъ въ -ši. По мнѣнію Бругмана (Indogerm. Forschungen, XVII, 2) эта индоевроп. форма на -ei̯ та же самая, которая засвидѣтельствована въ греч. яз. въ повелит. ф. на -ei при обычномъ окончаніи -e (agei при age, ἄγει при ἄγε, ср. лат. age).

c) 3-ье л. ед. ч. оканчивалось въ индоевроп. праязыкѣ на -ti (первичный суффиксъ и -t (вторичный суффиксъ). Въ италійскіе яз. перешли оба эти суффикса; въ яз. осковъ и умбровъ изъ перваго получилось -t, изъ второго -d. Древнелат. яз., по свидѣтельству надписей, имѣлъ тоже -d (sied, fhefhaked, feced). Что касается обычнаго латинскаго окончанія -t, то это старое -ti съ утратою i; въ перфектѣ этому -t предшествуетъ i, въ древнелат. примѣрахъ (ср. feced) мы находимъ e, которое и должно было дать въ данномъ фонетическомъ положеніи i, однако, наряду съ этимъ мы въ древнѣйшей латыни находимъ окончаніе -eit (въ надписяхъ), -īt (у Плавта), и это -īt, надо думать, получило ī подъ вліяніемъ 1-го л. ед. ч. перфекта (ср. fēcī). Сокращеніе -īt въ результатѣ должно было дать тоже -it.

Въ общеслав. яз. мы находимъ 1) -tь изъ стараго -ti (jestь) и 2) старое -t, которое должно было фонетически отпасть въ такихъ формахъ, какъ nesi (старое желат.) и može (аористъ). Наряду съ этимъ и въ форму наст. вр. было перенесено окончаніе -t, затѣмъ отпавшее; отсюда объясняются формы отдѣльныхъ славянск. языковъ безъ -t (ср. діалектическія русскія формы, напр. малор. несе, польск. niesie, старослав. бѫдє, ѥ и т. д.), а также старослав. формы на -тъ, обычное въ паннонскихъ текстахъ (въ главной части Остр. Ев. обычно -ть), которыя, по мнѣнію Ф. Ө. Фортунатова, представляютъ формы наст. вр. съ историческимъ окончаніемъ, къ которымъ присоединилось мѣстоименіе tъ, то же самое, которое мы находимъ и въ 3-мъ л. аориста (см. стр. 139). Другія объясненія этого старослав. -тъ представляютъ различныя трудности. Какъ показалъ Ф. Ө. Фортунатовъ въ своей статьѣ (Старославянское -тъ, Извѣстія Отд. р. яз. и слов. XIII), нельзя думать о переходѣ -ь въ -ъ въ этой категоріи случаевъ.

d) 1-ое л. мн. ч. имѣло въ индоевроп. праязыкѣ окончанія 1) -mos, -mes (первичныя) и -mo, -me (вторичныя). Первое находимъ въ лат. -mus изъ стараго -mos; къ нему же восходитъ и слав. -мъ. Что же касается

слав. -mo (засвидѣтельствовано въ русскомъ яз. (ср. современное малор. -мо), въ сербскомъ яз. и словенск. яз., и -me (ср. древнер. есмя съ -мя изъ -ме, чешск. -me, болгарск. діалектич. -ме), то они получились изъ старыхъ -mo, -me. Что касается -my (извѣстно изъ старослав., русскаго, польск. и лужицк. яз), то оно частью получилось при послѣдующемъ энклитическомъ мѣстоименіи jь, частью, конечно, вызвано вліяніемъ мѣстоим. 1-го л. мн. ч. my. Старослав. **-мо** (**пожрѣхомо-н** Син. Пс. и **оуснѣмо-н** Ассем. Ев.) врядъ ли старое **-мо**, а объясняется, надо думать, изъ **-мъ**.

e) 2-ое л. мн. ч. представляетъ различіе между первичнымъ и вторичнымъ окончаніемъ только въ древнеинд. яз. (ср. -tha и -ta), но другіе индоевроп. яз. этого различія не сохранили. Общеслав. -te восходитъ къ старому -te (само по себѣ могло бы получиться и изъ суффикса съ th), на которое указываетъ и лат. яз. своимъ -tis, гдѣ s перенесено изъ 1-го л. мн. ч. По другому объясненію лат. суффиксъ -tis по происхожденію суффиксъ двойств. числа изъ стараго -thes, но это объясненіе предполагаетъ тотъ взглядъ на судьбу глухихъ придыхательныхъ въ лат. яз., по которому онѣ всюду дали глухія взрывныя (см. стр. 49), или приходится принимать, что -tis обобщено изъ такого глагола, какъ estis. Есть и другія (маловѣроятныя) объясненія этого латинскаго окончанія.

f) 3-ье л. мн. ч. оканчивалось на -nti (первичное окончаніе) и -nt (вторичное окончаніе) во всѣхъ случаяхъ, гдѣ въ окончаніи основы былъ слоговой звукъ, при неслоговомъ звукѣ, въ нетематическомъ спряженіи было -énti подъ удареніемъ, -ə̥nti безъ ударенія и -ént, -ə̥nt (какъ вторичные суффиксы). Языки осковъ и умбровъ различаютъ старыя образованія на -nti, являющія съ окончаніемъ -nt, и старыя образованія на -nt, изъ котораго получилось -ns. Въ латинск. яз. не сохранилось несомнѣнныхъ слѣдовъ вторичнаго суффикса, а обычное латинск. -nt объясняется изъ -nti. Въ лат. si-ent сохранилось скорѣе нетематическое -ent *). Въ общеслав. яз. мы находимъ старое -nti въ общеслав. окончаніи тематич. спряженія -ǫtь (nesǫtь), въ общеслав. -ętь изъ -inti въ глаголахъ съ основами на i (chvalętь), наконецъ въ общеслав. -ętь изъ -ə̥nti въ нетематич. спряженіи, напр. dadętь; sǫtь представляетъ форму тематическаго типа. Старое окончаніе -ont сохранилось въ аористѣ (mogǫ), ср. стр. 36, а окончаніе -ę сигматическаго аориста изъ стараго -ə̥nt, ср dašę. Въ остальномъ къ этому окончанію примѣняется то, что было сказано объ окончаніи 3-го л. ед. ч. на -ti, -t, т.-е. и здѣсь мы находимъ перенесеніе отсутствія i въ вторичномъ окончаніи въ наст. вр. и сложеніе съ указательнымъ мѣстоименіемъ.

g) Для двойств. ч. мы имѣемъ скудныя показанія балтійскославянскихъ, индоиранскихъ, готскаго и греческаго яз. Общеслав. окончанія 1-го л. дв. ч. -vě (старослав. **-вѣ**) не имѣетъ себѣ точнаго соотвѣтствія въ другихъ языкахъ (кромѣ звука u̯); предполагаютъ, что это слав. окончаніе испытало вліяніе со стороны мѣстоим. vē (въ древнеинд. яз. въ дв. ч.

---

*) Латинскія формы типа danunt вм. dant представляютъ новообразованіе изъ dant + обычное -unt съ диссимилятивной утратой t. Объ окончаніи 3-го л. мн. ч. латинскаго перфекта см. ниже.

мы находимъ первичный суфф. -vas, вторичный -va; греч. яз. этой формы не сохранилъ). 2-ое л. дв. ч. оканчивалось въ общеслав. на -ta (старослав. -та), которому соотвѣтствуетъ лит. -ta съ a изъ сокращенія -o, соотвѣтствующаго слав. a (въ 1-мъ л. дв. ч. лит. яз. представляетъ -va съ такимъ же a). Въ 3-мъ л. дв. ч было получено -te, откуда старослав. -те, при которомъ въ памятникахъ извѣстно и -та; другіе слав. яз. указываютъ только на старое -ta. Ему соотвѣтствуютъ древнеинд. и греч. окончанія, тоже начинающіяся съ t, а въ остальномъ съ нимъ расходящіяся (дринд. -tām, вторичное, и -tas, первичное; греч. вторичное -tēn, -την, съ ē изъ ā, и первичное -ton, τον, то же, что и во 2-мъ л. дв. ч.). Старослав. -тѣ, въ 2-мъ и 3-мъ л. дв. ч. при подлежащемъ въ женскомъ или среднемъ родѣ есть новообразованіе подъ вліяніемъ тѣ, женѣ, селѣ.

3) *Личные суффиксы средняго (возвратнаго) залога* въ индоевроп. праязыкѣ отличались отъ суффиксовъ дѣйств. залога, и въ извѣстныхъ случаяхъ именно дифтонгомъ ai̯ при i въ соотвѣтственномъ окончаніи дѣйств. зал.; ср. индоевроп. -mi, -si, -ti въ первыхъ трехъ лицахъ ед. ч. дѣйств. зал. и -mai̯, -sai̯, -tai̯ въ тѣхъ же лицахъ средняго залога. Общепринято мнѣніе, что въ общеслав. -ši во 2-мъ л. ед. ч. дѣйств. зал. мы имѣемъ старый суффиксъ средняго залога, но, какъ мы видѣли выше, слав. -ši допускаетъ и иное объясненіе, болѣе правдоподобное по той причинѣ, что на славянской почвѣ мы вообще не находимъ слѣдовъ суффиксовъ средняго залога, за исключеніемъ той формы, которая существовала въ старослав. вѣдѣ, совершенно единичномъ образованіи (см. ниже).

Въ латинскомъ яз. мы находимъ особое спряженіе, такъ называемое отложительнострадательное, характернымъ признакомъ котораго является звукъ r. Это несомнѣнно новообразованіе, аналогичное соотвѣтственнымъ формамъ кельтскихъ языковъ, но общій ходъ возникновенія этой категоріи для насъ пока неясенъ. Достовѣрно только то, что характерный звукъ r индоевропейскаго происхожденія, и являлся онъ здѣсь въ составѣ извѣстныхъ окончаній средняго залога, частью, впрочемъ, и въ дѣйств. залогѣ въ перфектѣ. Непосредственнымъ продолженіемъ стараго индоевроп. суффикса является -re, преобладающее въ древней латыни надъ обычнымъ въ болѣе позднѣе время -ris. Это -re есть старое -so въ 2-мъ л. ед. ч. прош. вр., перенесенное въ латинск. яз. и въ настоящее время; какъ инъюнктивная форма, образованіе на -so, откуда лат. -re, является и въ повелительномъ наклоненіи (agere); можно думать, что окончаніе -ris и возникло для отличія 2-го л. ед. изъявит. отъ той же формы повелит. наклон. Что касается 2-го л. мн. ч. на -minī, то въ качествѣ окончанія 2-го л. мн. ч. неповелит. формы это -minī есть собственно окончаніе причастія съ старымъ суффиксомъ -meno- въ им. мн. ч. и форма agiminī объясняется пропускомъ estis, а это послѣднее обстоятельство возникло подъ вліяніемъ той же формы на -minī въ повелит. наклон.; въ этой послѣдней функціи это форма неопредѣленнаго и, соотвѣтствуя греч. неопред. на -menai (-μεναι), она есть по происхожденію форма дат. ед. отглагольнаго имени съ суффиксомъ -meno-, ср. стр. 71; въ такомъ случаѣ e была бы новая гласная (ср. стр. 15), а мы находимъ въ лат. яз. вообще случаи, гдѣ развилась новая гласная и безъ предшествующей

утраты краткой гласной въ сосѣдствѣ съ i̯, u̯ или сонорнымъ согласнымъ звукомъ. Перенесеніе неопредѣленной формы въ повелит. наклоненіе находитъ себѣ аналогію въ соотвѣтственныхъ явленіяхъ различныхъ языковъ (ср. р. молчать!). По мнѣнію другихъ ученыхъ -minī въ изъявит. наклоненіи та же форма, что и въ повелит. наклоненіи, и перенесена она была въ изъявит. наклоненіе подъ вліяніемъ окончанія -re, о которомъ см. выше, и которое было общимъ для обоихъ наклоненій.

4) *Личные суффиксы перфекта*, характерные для этой формы, отразились въ слѣдующихъ фактахъ латинскаго языка. Окончаніе -ī въ 1-мъ л. ед. ч. латинскаго перфекта (fēcī) есть старое окончаніе соотвѣтственной формы средняго залога и получилось изъ стараго дифтонга, индоевроп. -ai̯. Это же ī (точнѣе дифтонгъ -ei̯ изъ -ai̯ въ концѣ слова) перенесено и въ окончаніе 2-го л. ед. ч., ср. лат. fēcistī, гдѣ -is- признакъ основы аориста (ср. fēcistis), а t изъ стараго th (фонетически послѣ s), входившаго въ составъ суффикса -tha въ окончаніи 2-го л. ед. ч. перфекта (ср. дринд. -tha, греч. -tha, -θα). Что касается 3-го л. мн. ч., то лат. окончаніе -ĕrunt изъ -eront (ср. старое dederont и съ утратою e діалектическое dedront (передано съ отпаденіемъ согласной какъ dedro) есть несомнѣнно старое окончаніе сигматическаго аориста съ замѣною нетематическаго окончанія обычнымъ тематическимъ -ont. Классическое -ērunt есть измѣненіе этого -ĕrunt подъ вліяніемъ -ēre, которое, конечно, не есть сокращеніе -ērunt, какъ объясняютъ нерѣдко въ элементарной грамматикѣ, а старая форма на -re отъ основы на ē (fuē-re), гдѣ -re изъ стараго -ro, которое принимаютъ для индоевроп. праязыка въ качествѣ вторичнаго суффикса средняго залога. Прочія формы по личнымъ окончаніямъ въ латинск. яз. не представляютъ ничего характернаго.

Въ общеслав. яз. перешла форма vѣdѣ, которая была по происхожденію перфектомъ въ 1-мъ л. ед. ч. средняго залога, гдѣ ѣ изъ дифтонга (ср. лат. ī); однако, уже въ праязыкѣ этотъ глаголъ не имѣлъ значенія перфекта.

5) *Повелительная форма* въ праязыкѣ составилась изъ старыхъ образованій повелительныхъ въ соединеніи съ образованіями такъ называемаго инъюнктива. Славянскіе яз. вообще замѣнили повелительную форму желательнымъ наклоненіемъ, а въ латинскомъ яз. мы находимъ слѣдующее. Въ дѣйств. зал. 2-е л. ед. ч. на -e (отпавшее въ dīc, dūc, fac, fer), напр. age продолжаетъ старое индоевроп. образованіе, представлявшее въ тематическомъ спряженіи чистую основу на -e. Что касается окончанія 1-го спряженія на -ā, 2-го на -ē, 4-го на -ī, то мы здѣсь находимъ соединеніе формъ на -ā, -ē, -ī. Объясненіе этихъ формъ находится въ зависимости отъ точки зрѣнія на спряженіе этихъ типовъ; тѣ ученые, которые вѣрятъ въ нетематическое спряженіе такихъ основъ, видятъ здѣсь въ глаголахъ непроизводныхъ старыя формы на -ā, -ē, -ī. Формы типа cape отъ глагола 3-го спряж. на -iō, конечно, новообразованіе. Такія образованія нетематическихъ глаголовъ, какъ es «будь», ī «иди» разсматриваются обыкновенно какъ нетематическія образованія, представлявшія чистую основу (корень) параллельно съ тематическими формами типа age. Что касается nolī «не желай», то это новообразованіе съ основою, извлеченною

изъ conjunct., стараго желательнаго наклоненія. Форма 2-го л. мн. ч. дѣйств. залога на -te (agite), по происхожденію старая форма инъюнктивнаго типа съ старымъ окончаніемъ -te, которое въ прочихъ формахъ, какъ мы видѣли, получило въ лат. яз. еще s. Въ отложительнопассивномъ спряженіи образованія на -re, ср. agere, какъ мы видѣли, продолжаютъ старыя образованія инъюнктивнаго происхожденія (-re изъ -so), а форма 2-го л. мн. ч. на -minī была уже разъяснена въ 3-мъ пунктѣ. Что касается такъ называемаго повелит. будущаго времени, то здѣсь мы находимъ во 2-мъ и 3-мъ л. ед. ч. дѣйств. залога окончаніе -tō изъ стараго -tōd (datod въ надписяхъ); этотъ суффиксъ былъ въ индоевроп. праязыкѣ, по свидѣтельству древнеинд. яз., повидимому, общимъ для 2-го и 3-го л. всѣхъ чиселъ; въ латинск. яз. онъ является общимъ для 2-го и 3-го л. ед. ч. Формы мн. ч. на -tōte (2-ое л.) и -ntō (3-ье л.) несомнѣнно латинскія новообразованія, равно какъ новообразованіями являются и отложительнопассивныя формы на -tor во 2-мъ и 3-мъ л. ед. ч. и -ntor въ 3-мъ л. мн. ч. Въ древней латыни существовали формы 2-го и 3-го л. ед. ч. на -minō въ подражаніе формѣ на -ō въ дѣйств. залогѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Цѣна 2 рубля.

Того же автора:

1. **Введеніе въ языковѣдѣніе.** Пособіе къ лекціямъ. 4-е изд. М. 1916. Ц. 1 р. 60 к.
2. **Дополненія къ 3-му изданію „Введеніе въ языковѣдѣніе“.** М. 1916. Ц. 20 коп.
3. **Элементы языковѣдѣнія и исторіи русскаго языка.** Пособіе для старшихъ классовъ средней школы. М. 1910. Ц. 80 к.
4. **Краткое пособіе къ лекціямъ по исторической грамматикѣ русскаго языка.** Введеніе и фонетика. Изд. 2-ое. М. 1915. Ц. 1 руб.
5. **Очеркъ сравнительной фонетики древнеиндійскаго, греческаго, латинскаго и старославянскаго языковъ.** Пособіе къ лекціямъ. М. 1912. Ц. 1 р. 20 к.

Складъ въ книжномъ магазинѣ
А. М. МИХАИЛОВА.
Москва, уг. Моховой и Тверской, д. Варваринскаго Акц. О-ва.
Телефонъ № 120-95.